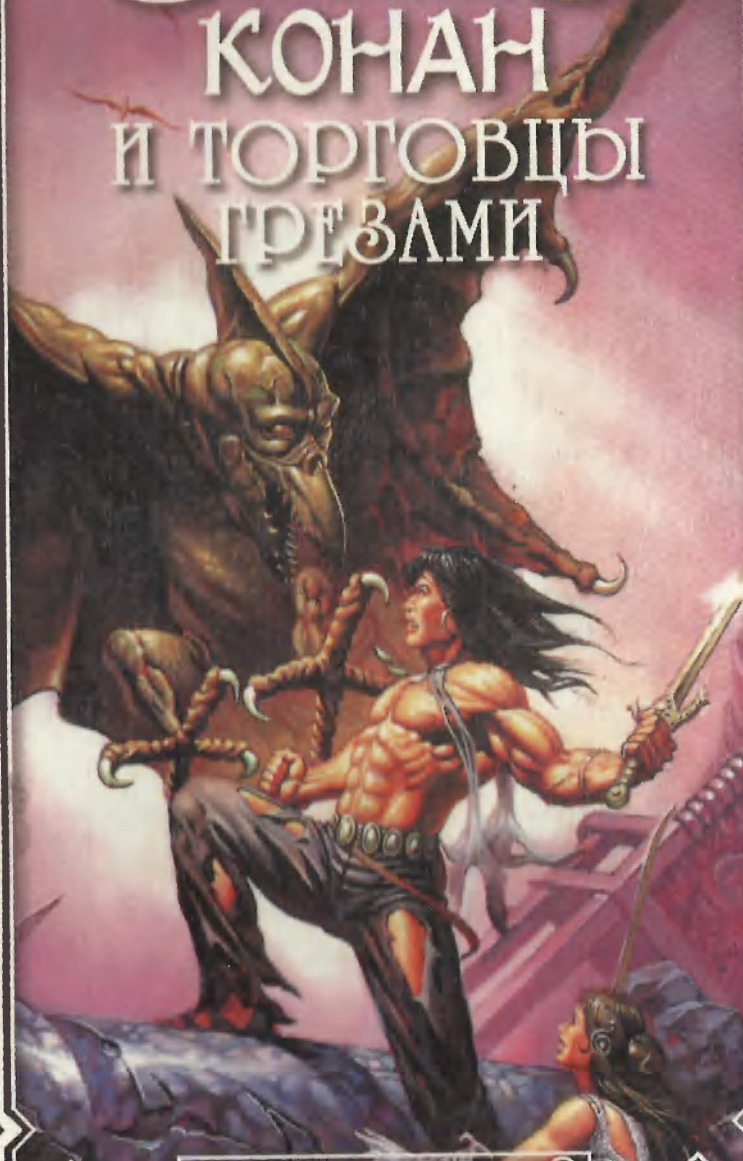
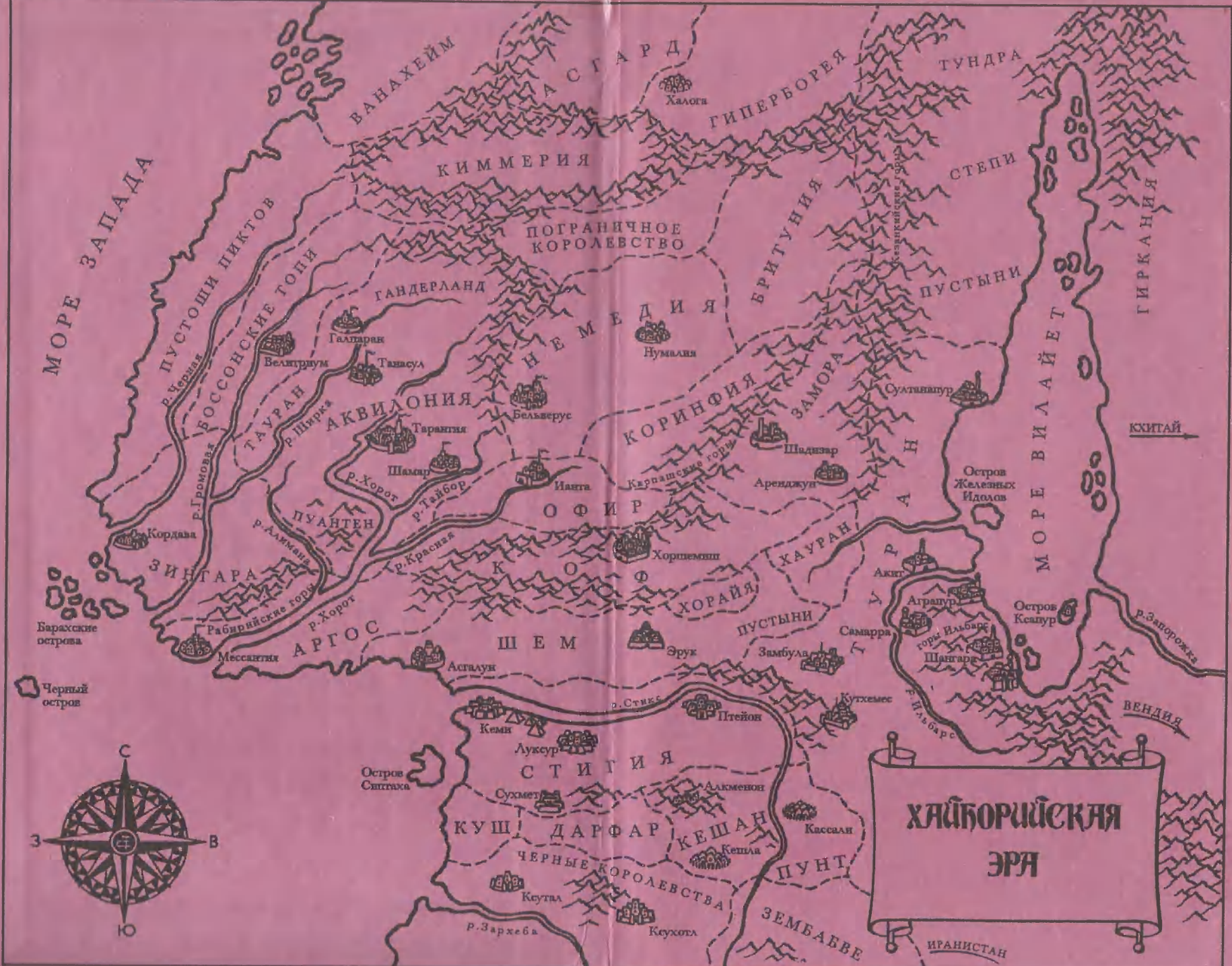

КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ

Северо-Запад®

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К64

К64 **Конан и торговцы грезами: Роман и повести.**—
СПб., «Северо-Запад», 1997.— 496 с.

ISBN 5-7906-0024-7

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

© К. Kelly, обложка, 1988

© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзада

Глава первая

Без сомнения, скрип старых половиц над головой способен вывести из себя даже идола. Особенно если таковой начался с раннего утра и беспрерывно продолжается до самого полудня. Мерзкий звук иногда прерывался глухим неожиданным ударом по стене, и тогда расставленные на полках оловянные кружки начинали жалобно отзываться ему. Били кулаком или, скорее всего, сапогом с железной подковой. Затем скрип возобновлялся — пять тяжелых шагов в одну сторону и пять обратно. И так до бесконечности.

Барракс, хозяин постоялого двора «Медная подкова», поднял голову и мрачно уставился вверх, глядя, как угрожающе проседают доски потолка. Тот, кто попытался бы заверить его, что быть владельцем гостиницы в захолустном заморийском городке — спокойное и безмятежное занятие, достойно мог бы состязаться в сообразительности с обыкновенным длинноухим ослом. В тот злосчастный день (точнее, вечер), когда в дверь ввалились двое увешанных оружием громил, проезжающих к закату, у Барракса, видно, случилось временное помрачение ума, раз он согласился сдать им комнату. С тех пор жизнь его пошла наперекосяк.

Почтенный хозяин, немало повидавший на своем веку, с первого взгляда распознал в своих поздних посетителях наемников. Наемники при деньгах — не самые плохие постояльцы, но даже беглого взгляда было достаточно, чтобы

понять: эти двое хотят как можно быстрее удалиться от Турана. О боги! Где была его голова? И тени такого подозрения хватило бы, чтоб не пускать их дальше порога... Однако постоянный двор почти пустовал, а золото странных путников было самым настоящим. И не в его, Барракса, правилах было узнавать происхождение монет, которые он требовал за свое гостеприимство.

Не долго мучаясь, Барракс здраво рассудил, что темные делишки, которые новые постояльцы наверняка провернули в недавнем прошлом, его не касаются, тем более что внезапные гости поначалу вели себя вполне пристойно. И хозяин «Подковы» распахнул перед ними двери, хоть искренне побаивался суровых наемников, и неизвестно, которого из них больше.

Конечно, более грозным выглядел темноволосый громила, на чьей физиономии так же ясно, как на листе лучшего шадизарского пергамента, читалось: необузданный варвар и разбойник. Его спутник, лысоватый коротышка с прищуренными серьезными глазками и жиденькой бородой, казался рядом со страшным приятелем просто безобидным чудачком, который неведь зачем решил испытать полной опасностей жизни наемника. Разговаривал коротышка исключительно вежливо и очень сдержанно, с трудом умудряясь вставлять словечко-другое в кратких перерывах между оглушительными раскатами голоса своего друга.

У весьма странного коротышки вдобавок имелась совершенно невероятная ручная зверюшка, постоянно сопровождавшая его, — летучая мышь, покрытая густой белой шерсткой. Обычно мышка тихонько сидела в складках плаща хозяина, но при каждом удобном и неудобном случае высовывалась наружу и пронзительно верещала, расправляя прозрачные розовые крылья. Неизменно следующий за ее появлением и воплями испуг окружающих очень нравился зверьку. На жутковатой, покрытой причудливыми наростами мордочке появлялось выражение несомненного удовольствия, а красные глазки-бусинки радостно вспыхивали. Затем мышь пряталась до следующего момента, ког-

да ее крохотную головку снова посещала мысль выскочить наружу.

Из увиденного и услышанного хозяин сделал исключительный неверный вывод: главный в странном союзе — варвар. Только совершенно непонятно, зачем он тащит с собой этого недомерка, более всего похожего на удалившегося от дел писца. Может, подрядился сопровождать до Арэнджуна? Места здесь глухие, и одинокий путник, если не может постоять за себя, рискует поплатиться за беспомощность жизнью.

Следующим же утром Барракс смог увидеть, насколько глубоко заблуждался. Наемники вышли во двор поразмяться, и из трех схваток две выиграл тихоня, а наблюдавший за ними хозяин остался при твердом убеждении: на третий раз коротышка просто поддался, чтобы не обижать явно разозлившегося приятеля... Мышь все это время провисела вниз головой, зацепившись сухонькими лапками за ветвь чахлого лимонного деревца, чудом сохранившегося на вытоптанном дворе, и залиvisto верещала, подбадривая хозяйина, тем самым пугая до полусмерти пробежавших мимо слуганок.

...Происходило это все в крохотном заморийском городке под названием Дэлирам, затерянном у закатных отрогов Кезанкийских гор. Если б рядом не пролежала знаменитая Дорога Королей, связывающая страны Востока и Запада, никто об этом городишке и вовсе не знал бы. Караваны редко задерживались в городке, торопясь в расположенный неподалеку Арэнджун. Жизнь в Дэлираме текла неторопливо и размеренно, слегка оживляясь в базарные дни, да еще когда на окраине появлялся очередной караван.

Не совсем обычные постояльцы почтенного Барракса собирались задержаться в городе на два, от силы три дня, ожидая, пока отдохнут их лошади. Но случилось непредвиденное: на второй же день коротышка встретил старого знакомого. Весь вечер они предавались общим воспоминаниям, и у прислушивавшегося к оживленному разговору хозяина глаза на лоб полезли от удивления: недомерок

оказался ушедшим в отставку сотником личной гвардии государя Илдииза Туранского.

Закончилась вечеринка, вопреки ожиданиям хозяина, отнюдь не дружной попойкой. Помрачневший гость, постоянно оглядываясь и понизив голос, поведал о многочисленных бедствиях, похоже, обрушившихся в последнее время на его голову. Внимательно выслушав, бывший сотник решительно заявил, что немедленно отправится вместе со своим старым другом в Арэнджун и лично во всем разберется. Варвар собрался было с ними, но коротышка отговорил его, заверив, что вполне обойдется собственными силами и вернется денька через три-четыре. На том и порешили, а рано утром отставной гвардеец и его прежний сослуживец ускакали.

Тут-то Барракс сделал кошмарное открытие: во-первых, уехавший коротышка оказался единственным человеком, способным удерживать бешеного дикаря от необдуманных поступков, и, во-вторых, пугающие слухи о пьяных загулах наемников имели под собой веское основание. Постоялый двор уцелел только благодаря чистой случайности или заступничеству какого-нибудь неведомого бога, который сочувствовал бедам простых трактирщиков.

Первое, что сделал варвар по отъезде приятеля, так это немедленно упился в стельку, потом затеял драку с битьем посуды и проламыванием подвернувшихся голов, после чего успешно расколотил в мелкую щепку стол, коим, будто тараном, пытался высадить дверь в гостиницу, и, наконец, пошатываясь, покинул изрядно потрепанное заведение. Ночь, к искренней радости хозяина, он пропадал неведомо где. Утром объявился — с жуткой головной болью и заметно облегченными карманами. Следующий вечер выдался еще хуже: в «Подкову» заглянули мающиеся от скуки и безделья немедийцы.

Немедийский полк, размещенный в старых казармах на окраине города, стоял в Далираме уже третий или четвертый месяц. Считалось, будто полк помогает местному гарнизону охранять границу с Тураном, а также Дорогу Королей. На деле же доблестные воины короля Нимеда

занимались тем, что устраивали стычки с местной солдатней, напропалую пьянствовали, сутками не вылезая из двух имевшихся в городе веселых домов, и лишь изредка, больше от скуки, а не для поддержания порядка, гонялись за окончательно обнаглевшими от безнаказанности контрабандистами.

Командир полка, похоже, махнул рукой на всех и вся, и его подчиненные окончательно распустились. Последней их выходкой, переполнившей чашу терпения правителя Далирама, был налет на караван, направлявшийся через горы в Аграпур. При караване оказалась знающая свое дело охрана, набранная из туранцев, и нападавшим сильно не поздоровилось. После этого немедийцы несколько утихомирились и лишь время от времени устраивали редкие потасовки в городе.

Десяток солдат во главе с капитаном, уже успевшие изрядно поднабраться и забредшие на огонек постоянного двора в поисках какого-нибудь развлечения, быстро нашли общий язык с поселившимся там варваром. К полуночи, после второго бочонка местного кисловатого вина, вся компания уже считала северянина своим лучшим приятелем и вразнобой жаловалась на горькую судьбу солдат короля, заброшенных дурацким приказом в эту мерзкую дыру, по чистому недоразумению именуемую городом.

Барракс всей душой надеялся, что столь неожиданное братание закончится обычной попойкой, а его почтенные посетители, как уже бывало не раз, мирно улягутся спать на полу. Однако напоследок немедийцы решили метнуть предусмотрительно прихваченные кем-то кости. Одного раза азартным игрокам показалось явно недостаточно, и желтоватые резные кубики застучали по грязной столешнице, как крупный град по крышам. Игра продолжалась до середины ночи, ставки росли и падали, кто-то выигрывал, а его партнер, соответственно, проигрывал, и этим проигравшим чаще всего оказывался варвар.

Не везло бедняге по-страшному. Говорят, именно так покровитель игроков Бел наказывает неугодных ему. Когда затянувшаяся игра наконец закончилась, после долгих под-

счетов выяснилось: северянин лишился не только еще не пропитых им денег и лошади, но и остался должен большинству из присутствующих. После недолгих колебаний варвар поднялся наверх, в занимаемую им комнату, и вернулся с небольшим кожаным мешочком. Из мешочка на свет появились пять золотых имперялов султанапурской чеканки и несколько блестящих, хорошо ограненных камешков. После вдумчивого осмотра камешки были признаны драгоценными и приблизительно оценены, но для покрытия долга их все равно не хватило.

Назревала крупная ссора. Половина участников игры еле держалась на ногах, но остальные были настроены весьма воинственно и считали, что хорошая драка — лучшее завершение приятно проведенного вечера. Варвар, похоже, придерживался того же мнения, и Барракс, тяжело вздохнув, приготовился подсчитывать неминуемые убытки, мысленно проклиная себя и тот несчастливый день, когда разрешил этому головорезу поселиться в своей гостинице.

Однако никаких новых разрушений и убытков «Медной подкове» причинено не было. Капитан немедийцев милостиво согласился отсрочить возвращение долга на пару дней, после чего brave гвардейцы, подобрав своих товарищей, которые уже не могли передвигаться самостоятельно, отбыли по месту расположения полка, в казармы.

Северный наемник, нисколько не удрученный свалившейся на него задачей — как можно скорее раздобыть довольно большое количество золота, — завалился спать. Однако, вопреки ожиданиям хозяина, проснулся он не далеко за полдень, а рано утром и, едва встав с постели, принялся безостановочно ходить из угла в угол своей комнаты. Пять шагов туда, поворот, иногда сопровождаемый ударом кулака в стену, пять шагов обратно, и все повторялось сначала.

Барракс же ломал голову над заковыристым вопросом: как бы повежливее сообщить страшному дикарю, что он и его приятель оплатили комнату на три дня вперед, а ныне пошел уже четвертый. Его тягостные размышления прервал нарастающий грохот, раздавшийся на хлипкой лестнице, которая вела на второй этаж гостиницы. Всякий раз,

когда северный дикарь спускался вниз, хозяин с содроганием ждал ужасающего хруста и треска ломающихся ступенек. Постоялый двор не был рассчитан на проживание гигантов, которые каждый раз задевают головой дверную притолоку, любые двери открывают исключительно ногами, а кроме того, представляют собой ходячее стихийное бедствие. Скорее бы вернулся так некстати уехавший коротышка и забрал или хотя бы утихомирил своего неистового приятеля!

Многострадальная лестница выдержала и на этот раз. Мрачный варвар прошел через пустующий общий зал гостиницы, буркнув на ходу что-то невразумительное, очевидно означавшее приветствие. Дверь он, не изменив своим привычкам, открыл пинком, едва не сорвав створку с держащихся лишь милостью Митры погнутых петель.

«Чтоб ты по пьяному безобразию на собственный меч напоролся!» — от души пожелал ему вслед Барракс, не осмелившись высказаться вслух. Вера в это счастливое событие была более чем прозрачной, но мало ли...

* * *

«Гадкое положение все-таки! — Угрюмый постоялец «Медной подковы» в самом отвратительном настроении шагал по улочкам городка, не замечая, что редкие прохожие, завидев его, стремятся как можно скорее перейти на другую сторону улицы и боязливо оглядываются. — И Мораддин, скотина такая, гном недоделанный, так некстати уехал...»

Сравнение отбывшего компаньона с гномом основывалось вовсе не на маленьком росте. Мораддин, сын Гроина, бывший сотник тайной царской гвардии в Аграпуре, действительно происходил от брака подземного жителя с женщиной из рода людей. К числу несомненных достоинств Мораддина относилось умение безупречно владеть любым видом холодного оружия, а также способность спокойно встречать всевозможные повороты и выкрутасы судьбы. Так он воспринял и известие о своей опале и переводе из туранской столицы на унижительную должность старшего

надсмотрщика в позабытых всеми медных рудниках Кезан-кии.

Однажды в копиях появился новый каторжник — выходец из далекой северной страны Киммерии по имени Конан. Неизменно следующие за ним неприятности и вихрь непредсказуемых событий заставили смирившегося было со своим положением Мораддина покинуть давно надоевшие рудники и оказаться в центре событий, связанных с поисками магического кувшина из белого золота, который когда-то сделали гномы.

За несколько дней лихая парочка искателей приключений умудрилась поставить с ног на голову весь Султанапур, причинила множество бедствий и тревог туранским властям, а напоследок оказалась невольной виновницей поджога лучшего в городе дома терпимости.

После всего этого оба приятеля разумно сочли, что чем большее расстояние будет отделять их от побережья моря Вилайет, тем лучше для них самих, для города, да и всей Туранской империи. После перехода через пустыню и расправы с посланной из Султанапура погоней, а также некоторой задержки в Кезанкийских горах, вызванной поисками подходящего перевала и неожиданной находкой заброшенного города, двое путников спустились в тихий, ничем не примечательный поселок у подножия гор.

Конан поначалу вовсе не собирался задерживаться в этом пыльном сонном городишке. В его намерения входило как можно скорее добраться до Шадизара или, на худой конец, до Арэнджуна. И там, и там должны еще остаться знакомые, помнившие его по дням веселой воровской молодости и кварталу Меол, своеобразному городу в городе, обителицу многочисленного «Ночного братства». Но, как говорится, человек предполагает, судьба располагает, а боги смотрят да посмеиваются. Выяснилось, что оба коня — гирканский жеребец варвара и низкорослая кобылка Мораддина — загнаны почти до полусмерти. Конан самоуверенно предложил бросить их и купить новых, благо и у него, и у бывшего сотника туранской гвардии звенели в кошельках полновесные султанапурские империалы. Однако в здеш-

ней дыре не торговали лошадьми, а те, которых можно было достать, совершенно не подходили для уважающих себя наемников.

Оставалось ждать, пока кони отдохнут и окажутся в состоянии продолжить путь. Первый же день пребывания в городке (как выяснил любознательный Мораддин, носившем наименование Дэлирам) ознаменовался встречей гнома-полукровки с бывшим сослуживцем, который оставил гвардию пятью или шестью годами ранее и поселился с семейством в Арэнджуне. Конан с искренним интересом послушал захватывающие истории о службе при дворе владыки Илдиза, еще раз убедившись, что Мораддин некогда пользовался там большим влиянием и авторитетом.

Затем бывший гвардеец, неожиданно загрустив, с тоской во взоре поведал о своем нынешнем бедственном положении, и киммериец потихоньку заскучал. История была для него не нова, арэнджунские нравы ничуть не изменились, и неписанный закон «Кто сильнее — тот и прав» по-прежнему соблюдался неукоснительно. Оставалось в силе и утверждение: «Если вы еще не платите за воздух, которым дышите, то мы исправим это маленькое досадное недоразумение». В Арэнджуне все грабили всех, и выжить мог лишь тот, кто умел сопротивляться.

Знакомец Мораддина оказался как раз из числа немногих, что пытались противостоять этим порядкам, и Конан без труда сообразил, что гном по окончании рассказа немедленно ринется бороться за справедливость. Что ж, если есть охота сразиться с целым городом и гном не дорожит своей головой, то дело его. Северянин для порядка предложил поехать вместе, но отставной сотник наотрез отказался, заявив, что работа пустяковая и займет не более трех-четырех дней, не считая дороги туда и обратно.

Мораддин вместе с приятелем отбыли, провожаемые насмешливо-сочувственными напутствиями варвара, глубоко убежденного в бесславном конце их затеи. Конан остался в городишке, предвкушая полный набор нехитрых удовольствий, которые можно получить за деньги.

К сожалению, уже в первый вечер его постигло полное разочарование. Местное вино отдавало кислотой и плесенью. Девушки в обоих веселых домах — и том, что похуже, расположенном на окраине, и том, что получше, в центре города — оказались таковы, что в Султанапуре их прогнали бы даже из низшей гильдии уличных шлюх, а подруга Конана, Стейна, хозяйка лучшего в Султанапуре публичного дома, на порог вовсе бы не пустила, чтобы богатые гости не перепугались и не утратили свои мужские способности. Подраться было совершенно не с кем. Оставалось только взобраться на отдохнувшего коня и галопом скакать в Арэнджун либо просто-напросто сдохнуть от скуки.

Не зайдя на постоялый двор немедийцы, Конан на рассвете следующего дня уехал бы из городишка, где, казалось, даже у мух отросли длинющие бороды. Отправился бы догонять Мораддина. Появление одуревших от скуки вояк спасло варвара от тоскливого вечера, но зато лишило всех оставшихся денег и лошади.

Киммериец прекрасно знал о власти, что имели над ним простые кусочки желтоватой слоновой кости, обточенные в виде кубиков с нанесенными на их грани черными точками и рисунками. Начав играть, Конан уже не мог остановиться, пока не выигрывал или не проигрывал все. Последнее по каким-то неведомым причинам случалось гораздо чаще, нежели первое. Нынешняя игра не стала исключением. Слабая надежда на удачу и возможность отыграться таяла вместе с гулким стуком разлетающихся по заплыванной столешнице костей.

Он проиграл золото, полученное от шейха оазиса Баргэми в уплату за возвращение похищенной сестры правителя маленькой крепости, затерянной на границе Туранской пустыни и гор. Потом — империялы, заработанные в Султанапуре, затем на кону оказался гнедой гирканский скакун... Больше ставить было нечего, наступала неизбежная пора одуматься и остановиться, однако сделать это ему никогда не удавалось. Конан, нарушив собственное правило, которое честно пытался соблюдать: не играть в долг, предложил бросить кости заново. А затем еще и еще...

Остановил игру, которая грозила киммерийцу окончательным разорением, капитан немедийцев, сохранивший некоторую ясность мысли. После подсчета долгов северянин, мысленно ужаснувшись и оттого немного протрезвев, отправился наверх, заверив своих партнеров, что часть денег хранится у него в комнате. Денег там, разумеется, не нашлось, хотя он на всякий случай перерыл всю нехитрую поклажу, разбросанную по полу. Зато имелись золотые монеты и драгоценные камни, принадлежавшие Мораддину. Ими-то Конан и расплатился, пообещав, что остальное вернет чуть позже. Кажется, ему не слишком поверили, но согласились обождать...

«Ну и что теперь? — Конан, идущий куда глаза глядят, немного замедлил шаг и огляделся. Запесло его на окраину городка, где были в беспорядке раскиданы загородные домики местной знати, окруженные чахлыми, заброшенными садами. — Где достать денег? А самое главное — что я скажу Мораддину, когда он вернется?»

Киммериец попытался представить грядущее объяснение: «Понимаешь, я тут... Ну, так получилось... В общем, я твое золото проиграл. Вместе с камешками. И свое тоже. Да, лошадь тоже проиграл...»

Интересно будет поглядеть на выражение лица гнома-полукровки. Нет, сдержанный Мораддин наверняка не опустится до криков и проклятий в адрес некоторых тупоголовых варваров. Он просто со свойственным ему блеском тут же прикончит незадачливого приятеля, ненароком перепутавшего свой карман с чужим. Остается надеяться, что в память о пережитых вместе испытаниях и из человеколюбия он сделает это быстро.

С другой стороны, Мораддин может устроить Конану такую взбучку, что самому жить не захочется, и вобьет правило: «Не играй на деньги своих друзей без их разрешения!» в голову вместе с зубами. Требуется немедленно что-то придумать и предпринять. Мораддин должен получить свои (или равноценные) камни обратно, все прочие дела могут обождать, а шлюхи и продавцы вина убираться к демонам.

Соображалось плохо. Хотелось есть, а еще больше — пить. Над безлюдными улочками дрожало зыбкое марево, город погружался в ежедневную духоту и полусонную дремоту. Конан бросил взгляд по сторонам, выискивая хоть какой-нибудь клочок тени, и выругал себя за то, что отправился шататься по здешней гиблой дыре в самое неподходящее для прогулок послеполуденное время.

Он свернул с мощенной давно выкрошившимся булыжником улицы в чей-то сад, запущенный и наглухо заросший бурьяном, перешагнув через низкую каменную ограду. Несколько оливковых деревьев, выживших наперекор всему, окружали в центре сада потрескавшуюся и покрытую ярко-зеленым мохнатым мхом чашу старого фонтана из красноватого песчаника. Фонтан, как ни странно, действовал и поныне, через волнистые края стекали тонкие струйки холодной воды, с плеском разбиваясь об лежащие внизу щербатые плиты и разбегаясь по высохшей земле.

Вволю напившись и подержав нещадно гудевшую от жары и вчерашней выпивки голову под водой, киммериец почувствовал себя гораздо лучше. Настолько, что решил узнать, кому принадлежит приютивший его сад.

За пыльными, ломкими от здешнего жгучего солнца зарослями открылись задняя часть небольшого двухэтажного дома, сложенного из розоватого камня, и жмуцщиеся к ней хозяйственные пристройки. Домик в отличие от сада выглядел ухоженным и обитаемым: за распахнутыми настежь окнами колыхались тяжелые шторы, доносились приглушенные голоса беседующих людей. В сарае неожиданно низко и протяжно замычала корова. Похоже, розовый дом был загородной усадьбой процветающего купца или дворянина.

Внезапно вспыхнувшее любопытство было полностью удовлетворено, однако Конан не торопился уходить. Он внимательно и оценивающе осмотрел дом, точно прикидывал, в какую сумму тот может обойтись и не потребует ли в ближайшее время ремонт. Усадьба находилась в стороне от прочих строений, на расположенных на высоте человеческого роста окнах не имелось ни ставень, ни реше-

ток, поблизости не маячили злобные сторожевые псы. Домик напоминал созревшее яблоко на ветке, которое, казалось, только и ждало, кто первым его сорвет.

— Почему бы не я? — едва слышно пробормотал киммериец, невольно хмыкнув.

Ему припомнились давние деньки в Шадизаре, когда все его достояние, так же как сегодня, составляли меч да горстка медных монет, а завтрашний день полностью зависел от удачно совершенной кражи. Маленькая тихая усадьба в предместье городка Далирама была обречена на ночной визит не слишком желанного и совсем не званого гостя.

* * *

Отведенная Ковану с Морадином комната, вопреки заверениям хозяина постоянного двора, отнюдь не была самой лучшей. Днем в ней не составляло труда задохнуться, а ночью — замерзнуть. Рама с тусклыми маленькими стеклами, первоначально вставленная в оконный проем, теперь валялась где-то под стеной. Новые постояльцы совместными усилиями выбили ее, пытаясь хоть немного проветрить помещение.

Еще в комнатухе, больше напоминавшей слегка улучшенную и кое-как благоустроенную клетку для диких животных, находились пара шатающихся колченогих табуретов и две небрежно сколоченные низкие кровати. Конан уже успел сломать одну из них, рухнув на нее всей тяжестью, чем вызвал тихий смешок у Морадина. Теперь варвар спал на полу, надеясь, что половицы, судя по всему, выдержат его немалый вес.

Имелось у комнаты и одно неоспоримое достоинство — ее единственное окно выходило на задний двор «Медной подковы». Когда-то хозяин собирался развести там огород для собственных надобностей, но грядки крайне быстро заросли густой травой и огромными лопухами. Теперь на задворки выкидывали отслужившие свое поломанные вещи, днем там бродили грязные, когда-то белые лупоглазые козы, но дворик сразу же приглянулся варвару: через него можно было попасть на одну из главных улиц городка, не спускаясь по шат-

кой и скрипучей лестнице во внутренние помещения гостиницы. Безусловная выгода для человека, который собирается, никого не ставя в известность, совершить ночную прогулку, а затем так же незаметно вернуться.

«А что бы сказал Морадин, увидев, какие дела творятся в его отсутствие? — Конан не спеша шел по тихим темным улочкам, убеждаясь, что о такой роскоши, как ночная стража, в Далираме не имеют ни малейшего представления. — А, собственно, как он узнает? Ежели удастся выкупить камешки, то у него даже подозрения не возникнет, что его собственность меняла хозяина. А не удастся? Ладно, придумаем что-нибудь еще...»

При всем уважении к бойцовским качествам Морадина киммериец не понимал его болезненной честности и прямоты, считая их досадным наследством папаша-гнома. Ну скажите, как можно прожить в этом паршивом мире, никогда не кривя душой, не присваивая чужого и не нарушая данного слова? Да тебя быстренько собьют с ног, затопчут и разорвут на мелкие кусочки, причем твои же лучшие друзья-приятели. Какой-нибудь святой отшельник может позволить себе изрекать всегда только правду и жить, не имея за душой ничего, но прочие-то люди не отшельники! Им и выпить хочется, и закусить, и...

«В кости перекинуться, — мрачно завершил мысль Конан, вспомнив, по какой причине он воспылал страстью к полуночным прогулкам в предместье. — Никогда, слышишь, никогда больше! Либо играть, либо пить, иначе рано или поздно доиграешься до того, что будешь собственной башкой расплачиваться. А она мне пока очень дорога...»

Сколько раз он давал подобные клятвы, киммериец, хоть убей, ни за что не вспомнил бы и твердо знал лишь одно: они никогда не выполнялись. Варвар не пытался с этим бороться, а только криво усмехался, снова и снова убеждаясь, что не в состоянии противостоять самому себе.

Одинокая усадьба вырисовывалась в безлунной ночи темным причудливым силуэтом. Во дворах соседних домов изредка лениво гавкали выпущенные собаки, но оболюбанный киммерийцем домик хранил полное молча-

ние. Конан подошел к нему так же, как и днем — со стороны запущенного сада. Часть окон беспечные хозяева все-таки закрыли, но два стояли по-прежнему распахнутыми.

«Какие-то идиоты здесь живут, — подумал северянин, подтягиваясь и осторожно перелезая через подоконник. — Окна без решеток, собак нет... Они бы еще на дверях объявление вывесили: «Заходите и берите все, что пожелаете». Хотя постойте, а вдруг у них ночью кобры по дому ползают? Или они еще какое паскудство придумали?»

Мысль была исключительно здравая, но немного запоздалая. Раз уж забрался в дом, то не уходить же с пустыми руками.

Ночь выдалась темной, но не настолько, чтобы абсолютно ничего не разглядеть. Конан, похоже, забрался в нежилую комнату — гостиную или, скорее, в обеденный зал. Посредине виднелся большой круглый стол на изогнутых ножках, вдоль стен — сундуки и пузатые шкафы. На одной из стен располагалось черное квадратное пятно, наверное, ковер с почти неразличимым в полумраке рисунком.

«Где они могут хранить золото? — Рассуждая, киммериец быстро передвигался от одного предмета обстановки к другому и проверял, заперты они или нет, а также не лежит ли там что-нибудь полезное. — Здесь наверняка можно наткнуться на всяческую дребедень вроде колечек и цепочек, но куда можно спрятать монеты? Надо пошарить по соседним комнатам...»

Тихий скребущий звук заставил его настороженно замечать и медленно обвести помещение взглядом. Шорох раздался совсем неподалеку, однако это было не шлепанье ног человека по полу и не звяканье ключа в замке. Скорее, еле слышный шелест напоминал шуршание ворочающегося в соломе зверя. Теперь Конан точно определил, откуда он идет — от черного настенного ковра. Может, за ним спрятана дверь?

Варвар беззвучно пересек комнату и приблизился к подозрительному коврику, умеющему издавать звуки. Оказавшись рядом, северянин внезапно понял: никакой это не ковер, а выдолбленная в стене ниша, забранная толстой и

частой железной решеткой. В нише шевелилось какое-то живое существо, источник тех самых неясных шорохов.

«Ну там у них леопард или медведь? — Конан тщетно пытался разглядеть во мраке клетки ее обитателя. — А если что еще похуже?»

Существо резко рванулось вперед, и зоркие глаза киммерийца разглядели смутно белеющий овал лица. Затем сквозь решетку просунулись длинные тонкие пальцы и крепко обхватили толстые прутья.

«Кром, да там человека заперли! — быстро сообразил изумленный северянин. — Ну и домик!»

Неизвестный за решеткой молчал, слышалось только его прерывистое дыхание. Стиснувшие железо пальцы чуть подрагивали, и ночной гость подумал, что пленник — подросток... Или женщина.

— Эй, — шепотом окликнул Конан. — Ты кто?

Ответили тоже шепотом. Голос у пленника был слабый и надтреснутый, точно человек навсегда сорвал его в отчаянном крике.

— Выпусти меня... Пожалуйста...

Глава вторая

А как я тебя оттуда вытащу-то? — озадаченно пробормотал Конан.

Варвару, конечно, не составило бы особого труда сбить массивный навесной замок, запиравший клетку, однако без грохота тут не обошлось бы, а на шум непременно явятся хозяева дома. Киммерийцу вовсе не хотелось отвечать на вопросы о том, кто он такой и что здесь делает. Может, попробовать разогнуть прутья? Не оставлять же этого несчастного мучиться дальше... Интересно, за что его посадили за решетку?

— Ключ, — отчетливо выговорил человек в клетке, догадавшись о возникших затруднениях. — Слева от тебя. На стене.

Длинный бронзовый ключ с резной ручкой действительно висел на вбитом в стену медном гвозде. Повесили его с расчетом поиздеваться над пленником: он хорошо видел вещь, открывающую путь к свободе, но дотянуться до нее совершенно не мог.

Замок, к счастью, оказался хорошо смазанным. После двух поворотов ключа в скважине что-то щелкнуло, маленькая дверца с едва слышным скрипом отошла в сторону, и человек на четвереньках выбрался наружу. Похоже, внутри клетки было настолько мало места, что ее обитателю приходилось постоянно сидеть, согнувшись в три погибели. Теперь он мучительно пытался выпрямиться, цепляясь за стену и тихонько постанывая.

«Да провалиться мне на месте, это женщина!»

Человек наконец встал во весь рост и замотал головой, пытаясь отбросить назад спутанные пряди длинных волос. Конан не ошибся — это действительно была женщина, маленькая сторбленная женщина с тихим хриплым голосом. Киммериец даже не сразу понял, что она спрашивает.

— Повтори, — попросил Конан.

— Тебе нужно золото? — спросила незнакомка, пошатываясь и не отрывая рук от решетки, за которую крепко держалась. — Я знаю, где оно хранится, только выведи меня отсюда. Вон там, на стене, видишь?

— Ну, тарелка. — В стороне, куда указывала женщина, было укреплено большое серебряное блюдо, покрытое чешуей.

— Сними ее. Там крючок, надо резко потянуть на себя и отпустить.

Продолжая ломать голову над тем, какой подарок преподнесла ему судьба на сей раз, киммериец выполнил указания загадочной обитательницы клетки. В казавшейся цельной каменной стене открылась дверца, за которой скрывался маленький тайник, плотно набитый мешочками из мягкой кожи. Вспомнив про захваченный с собой вместительный мешок и похвалив себя за предусмотрительность, северянин быстро и бесшумно переместил туда содержимое тайника. Несколько мешочков он, впрочем, оставил — хозяевам на бедность.

— Все, пошли. — Конан захлопнул дверцу, повесил блюдо на место и огляделся.

Женщина сумела перебраться к распахнутому окну, перевесилась через край рамы, но тут же отпрянула назад.

— Высоко... — еле слышно сказала она. — Мне не спрыгнуть.

— Ерунда. Держи крепко, — Конан сунул ей тяжелый мешок, одним мягким прыжком выскочил из окна и тихо опустился на потрескавшуюся землю двора. — Теперь кидай и прыгай сама.

Женщина послушно бросила вниз мешок, затем медленно и осторожно уселась на окно, свесив ноги наружу, поко-

лебалась немного и наконец неловко прыгнула. Конан поймал ее на лету.

— Слушай, что они с тобой делали? — озадаченно спросил киммериец, поставив неожиданное дополнение к своей добыче на землю. — Голодом морили?

Она робко кивнула, а северянин пообещал себе, что непременно разузнает, кто владелец дома, подстережет ублюдка где-нибудь на темной улочке и подробно растолкует, как надо обращаться с женщинами, пусть даже и рабынями. А ежели после объяснения хозяин тихого домика случайно отправится на Серые Равнины, то туда ему и дорога. У незнакомки все кости проступали сквозь кожу, будто у ожившей мумии.

Женщина, ни о чем не спрашивая, шла рядом с Конаном. Ее слегка пошатывало, однако она стойко молчала, не прося о помощи. Похоже, ей очень хотелось убраться подальше от зловещего места, где ее, словно дикое животное, держали в клетке.

Сил у незнакомки хватило ненадолго. Примерно на полпути до постоянного двора она резко качнулась в сторону, начала задыхаться и, точно подломившись в коленях, упала на пыльную мостовую.

— Эй, ты что? — Киммериец наклонился над ней, пытаясь определить, жива она или нет. Женщина дышала, но в сознание не приходила. — А пожалуй, так оно и лучше...

Остаток пути варвар проделал бегом с бесчувственно обвисшим телом несчастной на руках. Уже войдя в известный двор позади «Подковы», он сообразил, что не сможет забраться в свое окно, находящееся на втором этаже, одновременно удерживая женщину. Пришлось усадить спасенную возле стены — она тут же завалилась набок — и отправляться искать лестницу.

Столь необходимый в хозяйстве предмет, примеченный на всякий случай еще утром, по-прежнему валялся у покосившегося забора. Приставив лестницу к стене и убедившись, что верхние перекладины как раз достают до окна, Конан снова поднял женщину, больше похожую на мешок

с костями, и вскарабкался по прогибающимся ступенькам вверх.

«Интересно, сколько ей лет — сто или двести? Что ж такого могла натворить бедная старушка? Да и как мне завтра растолковать хозяину, кто она такая и откуда взялась? И что с ней делать? Отдать половину золота и сказать — ступай на все четыре стороны?»

С этими мыслями киммериец уложил незнакомку на бывшую кровать Мораддина. Дышала она вроде спокойно, и, казалось, крепко заснула. «Ладно, проспится — сообразим что к чему».

Конан не стал пересчитывать деньги в мешочках, решив, что это приятное занятие тоже может потерпеть до близкого уже утра. Он расправил мешок, обмотал подвернувшейся под руку тряпкой, пристроил получившийся сверток у себя под головой и решил, что на сегодня с него хватит.

Варвар ошибся. Женщина неожиданно зашевелилась и поднялась на ноги. Конан почти не видел ее в темноте комнаты, однако слышал приглушенное дыхание, затем скрип половиц и догадался, что она бродит по комнате, стараясь не шуметь. Спасенная встала совсем рядом, наклонилась, чутко прислушиваясь — спит Конан или нет. Решив, что спит, решительно подошла к окну, и на миг четкий черный силуэт обозначился на фоне серого предутреннего неба, а затем с трудом вылезла наружу.

«Чего это ей там вдруг понадобилось? — От удивления киммериец сел, озадаченно глядя на темный проем окна. — Не назад же побежала! В конце концов, может человеку приспичить... Только вот что непонятно — то она в обморок падает, а то скачет, ровно козочка...»

Он улегся обратно и уже почти задремал, когда снаружи раздалось осторожное поскрипывание. Потом в окне мелькнули две руки, цепко ухватившиеся за края, между ними появилась взлохмаченная голова, и незнакомка с неожиданной легкостью выпрыгнула в комнату. Постояла, прислушиваясь, на цыпочках прошла по скрипучим доскам и улеглась на место. Вскоре до засыпающего варвара донеслось ровное спокойное посапывание.

Вопреки сложившейся привычке, Конан проснулся довольно поздно. Судя по ярко-золотистому квадрату солнечного света на давно немытом полу комнаты, было уже далеко за полдень.

Драгоценный мешок за ночь никуда не делся. Незнакомка, бегавшая ночью неизвестно куда, — тоже. Грязная тряпка, выполнявшая роль полога при кровати, теперь была задернута, но складки ткани колебались, выдавая присутствие человека.

— Доброе утро, — негромко сказали из-за полога.

За ночь надрывные нотки в интонациях голоса женщины куда-то пропали, и звучавший теперь голосок оказался довольно приятным и мелодичным, явно принадлежавшим не старухе.

— Привет, — отозвался киммериец, садясь. — Ты как?

— Почти хорошо, — сразу отозвалась женщина. Помолчала и неуверенно добавила: — Ты... Ты не мог бы для меня кое-что сделать?

«Вот оно, началось! Добрые дела, как правило, наказуемы! Никогда не любил благотворительность, — хмыкнув, подумал варвар. — Ну и чего именно ей сейчас захочется?»

— Что сделать? — с интересом спросил он.

— Я очень есть хочу, — смущенно призналась женщина за занавеской. — И... И переодеться.

— А больше тебе ничего не надо? — на всякий случай уточнил Конан. Обе просьбы выглядели вполне понятными и выполнимыми.

— Большой бассейн с горячей водой, залезть в него и целый день не вылезать, — донеслось в ответ. После некоторого раздумья незнакомка тяжело вздохнула и с нескрываемым сожалением признала: — Только вряд ли это осуществимо.

— Бассейна не обещаю, все остальное будет.

Похоже, новая знакомая киммерийца принадлежала к числу тех редко встречающихся женщин, что умудряются не падать духом в любых переделках...

Оставалось еще решить, как поступить с набитым золотом мешком. Таскать его с собой? Слишком тяжелый и бросается в глаза. Оставить здесь? А вдруг незнакомке опять придет в голову мысль пойти прогуляться, а заодно прихватить с собой украденное золото? Или ее неожиданно совесть замучает? Но она должна прекрасно понимать, что стоит ей высунуться на улицу, как любой прохожий заподозрит неладное и далеко она не уйдет. К тому же ее бывший хозяин наверняка принял меры, чтобы срочно разыскать свою беглую собственность. Если она сообразительная женщина, то быстро догадается: самое безопасное убежище для нее сейчас здесь, в крохотной комнатухе на захудалом постоялом дворе.

Мешок, тщательно прикрытый тряпками, остался лежать на прежнем месте. Конан лишь прихватил с собой несколько первых подвернувшихся под руку монет. Почему-то все они оказались немедийской чеканки. Впрочем, происхождение денег не имело особого значения — хозяева постоянных дворов в любой стране никогда не возражали против золота или серебра, привезенного от соседей. Лишь бы не фальшивые, а что там на них выбито — аквилонские львы, немедийские орлы или змеи Стигии — не суть важно.

Спускаясь по скрипучей и шатающейся лестнице в нижний зал, киммериец задумался над неожиданно возникшим и вроде очень простым вопросом: а где, собственно, он собирается достать одежду для своей спутницы? Не самому же в лавку идти, да и кто знает, что именно ей нужно?..

— Привет, красавчик!

Веселый голосок долетел сверху, и северянин мгновенно сообразил, кому он принадлежал. Одной из трех служанок в «Подкове», разбитной толстушке, которую иначе как Киской Ви, никто не называл. С того дня, как двое наемников поселились в гостинице, Киска напропалую строила им глазки (чем неизменно вгоняла в краску Морадина), а каждый вечер оказывалась подозрительно близко от их комнаты. При этом на ее обычно жизнерадостной мордашке появлялось холодное выражение целомудренной добродетели, чему никто, впрочем, не верил. Трактирная служан-

ка и неприступность были понятиями столь же несовместимыми, как огонь и вода. Пока все старания Киски пропадали даром, но надежды местная пожирательница мужских сердец явно не теряла.

— Привет, привет, — отозвался Конан, подумав, что обстоятельства, как всегда, складываются в его пользу. — Эй, моя радость, хочешь получить вот такую красивую штучку?

Золотая монетка блеснула едва ли не ярче загоревшихся глазок Киски.

— А как же! — Ви мгновенно сбегала вниз по лестнице («Интересно, почему ступеньки под ней почти не скрипят?» — подумал вдруг варвар) и преданным взглядом уставилась на заманчиво сияющий кругляшок. — Что угодно господину?

— Иди сюда. — Киммериец легонько подтолкнул ее в закуток возле лестницы, и Киска немедленно игриво захихикала. — погоди ты смеяться! У меня в комнате женщина...

— У-у, — разочарованно протянула Ви, но тут же оживилась, ехидно поинтересовавшись: — И что она там делает?

— Не твое дело, моя прелесть. Поднимись наверх, спроси у этой женщины, что ей нужно, и раздобудь все, что она попросит. Держи, это тебе за труды.

Киска Ви крепко зажала полученную монетку в ладони и, не в силах совладать с приступом любопытства, осторожно спросила:

— А она кто?

— Моя сестренка, — отрезал северянин. — Так что будь с ней повежливее.

— Понятно, — вздохнула Ви и резво побежала наверх, так старательно виляя обширным задом, что было удивительно, как она держится на ногах и не падает.

Конан неторопливо позавтракал, прислушиваясь к разговорам немногочисленных постояльцев «Медной подковы» и горожан, заглянувших пропустить с утра кружечку другую. В маленьких городах сплетни появляются едва ли не раньше происшествий, однако никто не проронил ни слова про случившееся нынешней ночью ограбление в предместье. То ли подобное было привычным делом, не стоив-

шим обсуждения, то ли о нем еще не стало известно властям и скупающим обывателям.

Почтенный Барракс, донельзя изумленный приличным поведением варвара, с опаской ожидал, не окажется ли эта внезапная тишина затишьем перед бурей. Однако на хозяина постоянного двора нынче свалились другие заботы, и ему было не до непредсказуемого постояльца. До киммерийца, убедившегося, что о его ночных проделках в разговорах горожан не проскочило и словечка, долетел жалобно-возмущенный голос Барракса, оживленно делившегося описанием своих бедствий с кем-то из приятелей. Оказалось, что ночью некие полностью лишённые соображения и совести недоумки забрались на скотный двор «Подковы» и с неведомой целью прикончили лучшую из обитавших там телок. Перерезав несчастной животине горло, злоумышленники скрылись в неизвестном направлении.

«Действительно, более чем идиотский поступок, — мысленно согласился Конан. — Если бы корову украли — тогда понятно, но резать просто так? Зачем? Может, кому-то захотелось сделать небольшую пакость нашему почтенному хозяину? Глупая выходка...»

Размышления о свалившемся на Барракса несчастье перекинулись на подозрение, что неведомые ночные гости могли заметить его самого, когда он влезал вместе с незнакомкой в окно. Это было бы совершенно ни к чему. И еще эта дурацкая лестница на заднем дворе, так и оставшаяся по недосмотру стоять прислоненной к стене. Задний двор — не слишком посещаемое место, однако будет лучше, если лестница как можно скорее вернется туда, где ее взяли.

«Никогда не оставляйте за собой следов» — вот первое правило, твердо усвоенное начинающими воришками в Шадизаре, и забывать о нем не следует. Особенно если возвращаешься к этому нелегкому ремеслу после долгого перерыва.

Поэтому после завтрака северянин отправился на небольшую прогулку по задворкам гостиницы. Деревянная расшатанная лестница недолго оставалась там, куда ее второпях поставили ночью, и через несколько мгновений уле-

тела в заросли лопухов, гулко стукнувшись о землю. Других причин задерживаться на заросшем сорняками пятачке земли у Конана не было.

Он уже собирался перепрыгнуть через покосившийся заборчик и вернуться в гостиницу, когда заметил небрежно свернутый кусок серо-зеленоватой ткани. Сверток выглядел так, словно его недавно швырнули откуда-то сверху, он шлепнулся поверх пыльных листьев лопуха да так и остался лежать.

«Бросили сверху. Либо с крыши, либо... — Киммериец посмотрел на темное пятно занавешенного окна. — Либо из моей комнаты. Что бы это значило?»

Старая тряпка больше напоминала мешок с дырками, но, приглядевшись, Конан понял: у него в руках не тряпка, а одежда. Мешковатая, грубо сшитая одежда, весьма похожая на принадлежавшую незнакомке. Неудивительно, что женщина хотела при первой возможности избавиться от такого жуткого безобразия.

Киммериец хотел снова скомкать рванье и забросить подальше, но, случайно перевернув, удивленно присвистнул. Всю переднюю часть одежды покрывала россыпь бурых расплывшихся пятен. Опытный взгляд наемника сразу определил в них недавно пролитую, но уже подсохшую кровь.

«Из человека столько выпустить — помрет на месте, — озадаченно подумал Конан, вертя затвердевшую, как доска, одежду. — Значит, не ее собственная... Тогда чья? Выглядит так, будто моя старушка стояла под кровавым дождем. Или она вовсе не старушка? Куда, Сет ее побери, она таскалась ночью? Ну ничего, сейчас она мне все растолкует, а не захочет... Очень пожалеет».

С этой мыслью северянин тщательно спрятал залитую неизвестно чьей кровью одежду, завернув ее в валявшиеся тут же тряпки и сунув в самую гущу лопухов. Он собирался вернуться в «Подкову», задать неожиданно спасенной им женщине несколько вопросов и в зависимости от ответов решить, что с ней делать.

На лестнице навстречу ему попала не на шутку рассерженная и надутая Киска Ви.

— А говорил — сестренка! — обиженно бросила она. — Какая она тебе, варвару-дикарю, сестренка?

— Ну, пошутил, — хмыкнул Конан. — Что, не похожа? Киска презрительно фыркнула и заявила:

— И чего она в тебе такого нашла? Она ж из знати, сразу видно, и таким, как ты, не чета вовсе. Воды-то сколько извела, прямо жуть!

«Из знати? Что-то я ничего не понимаю...»

— Я ей все принесла, что было надо, — продолжала Ви. Оглянувшись и шепотом спросила: — Слушай, а что с ней такое случилось?

— Много будешь знать... — многозначительно начал киммериец, но Киска уже убежала, шлепая стоптанными каблучками по лестнице. Конан задумчиво посмотрел ей вслед, стукнул в дверь и вошел.

* * *

Незнакомка, подобрав ноги, удобно устроилась на кровати. Из двух табуретов она соорудила подобие стола, водрузила на него уставленный тарелками поднос и сейчас с волчьим аппетитом уплетала все подряд, но, услышав скрип двери и шаги, тихо ойкнула, спрыгнула на пол и замерла посреди комнаты.

«Ничего себе старушка», — с легким изумлением признал Конан. Маленькой женщине в чуть великоватом темно-синем платье, неподвижно застывшей с опущенной головой, было не больше двадцати лет. Если не меньше. И обтянутый кожей скелет она больше не напоминала. Просто худенькая.

Разлохмаченная копна волос теперь была заплетена в две толстые косы, лежавшие на узких плечах девушки, и киммериец понял, почему Киска Ви сочла незнакомку знатной женщиной.

Чувствовалось в ней что-то от прирожденной аристократки, даже сейчас, когда она просто стояла, ожидая, как повернется ее судьба. Единственное, что выдавало ее волнение, — крепко стиснутые кулачки с отчетливо выступившими костяшками.

— Ты кто? — почему-то вполголоса поинтересовался Конан.

— Рата, — быстро отозвалась девушка, по-прежнему упорно смотря в пол. — Из Элиды в Аргосе.

«Каким это образом она угодила из Аргоса в Замору, на другой конец света? — недоуменно подумал киммериец. — Рата... Насколько я понимаю, стигийское имя, хотя на стигийку моя красавица вовсе не похожа...»

— Элида — это что? Город?

— Нет, — Рата покачала головой. — Деревушка. На правом берегу Хорота, от Мессантии лиг тридцать вверх по течению. Маленькая такая деревушка...

Девушка наконец-то оторвала взгляд от плохо оструганных досок пола и нерешительно посмотрела на своего спасителя. Смотреть ей пришлось снизу вверх: головой она не доставала северянину даже до плеча. Но если бы она вдобавок к маленькому росту оказалась горбатой, кривоногой и сухорукой, за один ее ласковый взгляд можно было смело ввязываться в любую неприятность. Даже грозящую завершиться на Серых Равнинах. На узеньком и очень бледном личике Раты сияли потрясающие глаза. Чуть раскосые, светло-карие с желтоватым оттенком, напоминающим цвет свежего меда, в обрамлении длинных загнутых ресниц. И женщину с такими глазами сажать в клетку?..

— А скажи-ка мне, как звали твоего хозяина? — медленно проговорил Конан.

— Зачем? — слегка испуганно спросила Рата и попятилась.

— Изловлю и кишки на уши намотаю.

— Не надо, — очень серьезно сказала девушка. — То есть, конечно, надо... Но лучше не стоит. Он, наверное, сам сейчас лезет на стену. В тайнике были почти все его сбережения. — Она подумала и деловито прибавила: — Около полутора тысяч золотом.

— Половина твоя, — не долго думая, брякнул киммериец, и Рата удивленно подняла брови:

— Зачем они мне?

— А на что ты собираешься жить?

— Д-да...— растерянно согласилась она.— Этого я как-то не учла...

Она вернулась к кровати и присела на краешек, держась по-прежнему настороженно, точно ожидая новых нападений. Конан устроился напротив, на полу. Помолчав, Рата неуверенно сказала:

— Та девушка, здешняя служанка, говорила, что ты наемник...

Тут северянин сообразил, что забыл назваться.

— Точно, наемник. Конан из Киммерии.

И ухмыльнулся про себя, ожидая привычного вопроса, который задавали все, кому он представлялся: «Киммерия — это где?»

— А я почему-то подумала, что ты из Ванахейма,— спокойно заявила Рата, и варвар решил, что ослышался. Эта девчонка знала о существовании далеких северных стран! Мало того, совершенно правильно произносила названия! — Впрочем, ванахеймцы все светловолосые... Послушай,— Рата наклонилась вперед, нервно перебирая ткань ветхого покрывала на кровати.— Наверное, нам стоит о многом поговорить. Я... Мне не так часто спасали жизнь, и поэтому я совершенно не представляю, что надо делать в подобных случаях. Если бы не ты, я продержалась бы не больше пары дней, а затем померла. Но...— Она окончательно запуталась в словах и с трудом произнесла: — Мне даже нечем отблагодарить тебя.

— Расскажи, как ты здесь очутилась и за что тебя посадили в клетку,— попросил Конан, подумав: «Будто не знает, чем может отблагодарить! Ладно, нельзя требовать всего и сразу... Пусть в себя придет, а там посмотрим».

— Я поссорилась с хозяином...— послушно начала Рата и перебила сама себя: — Нет, пожалуй, начать надо с другого. Я родилась в Аргосе, но имя у меня стигийское, означает оно — Молчание. Не помню, как меня звали родители. Мне было лет десять, когда я попала стигийским работорговцам, и они научили меня тому, чем я занимаюсь теперь.— Она вздрогнула, точно от холода, и торопливо

пояснила: — Это не самая радостная часть моей жизни, и я не люблю ее лишней раз вспоминать.

— Чему же тебя научили?

— Я сторож,— с тихой гордостью сказала Рата и, заметив непонимающий взгляд киммерийца, разъяснила: — Я могу сделать так, чтобы человек испугался собственной тени. Отвести глаза вору или убийце. Слышу, когда лезут в дом, даже когда сама сплю...

— Ты что, колдунья? — с опаской спросил Конан, но девушка с досадой замотала головой:

— Нет! Я просто умею так делать, а магия или стигийское черное волшебство здесь ни при чем. Родилась такой.

— Тогда почему ты позволила мне обчистить твоего хозяина?

— Потому что хотела жить,— спокойно ответила Рата.— И чтобы проучить этого дурака, решившего, что меня можно безнаказанно запереть в клетку.

— Так за что тебя?

Девушка резко опустила голову, пытаясь скрыть болезненно-красные пятна, вспыхнувшие на лице, затем выпрямилась и отчеканила:

— Я сторож, а не подстилка! И сама решаю, с кем и...

— Понятно,— хмыкнул киммериец.— Я так и подумал. Что ж ты его не припугнула?

— Я пообещала, что превращу его жизнь в кошмар,— вздохнула Рата, постепенно успокаиваясь.— А он заявил, что перестанет меня кормить. Засунул в клетку, держал впроголодь, и я ничего не могла сделать... Только надеяться, что либо наконец умру, либо кто-нибудь решится ограбить дом и я смогу сбежать.

— А как ты жила раньше? Тоже по клеткам?

— Мои прежние хозяева уважали меня,— задумчиво сказала девушка.— У меня всегда была возможность выбирать, к кому пойти служить. Меня покупали, как породистую злую собаку... Нет, неправильно. Скорее, как ручную пантеру. Когда человек не доверяет ни своим родным, ни слугам, он идет к торговцу дикими животными и покупает

зверя. Ему доставляют покупку, но всегда предупреждают о том, что нужно помнить несколько правил.

Первое, — она загнула палец, — то, что вы заплатили за животное, еще не означает, что вы стали его хозяином. Второе — пантера только называется ручной, но всегда остается дикой. Никогда не повышайте на нее голос, не бейте, не морите голодом, а то она пообедаст вами. Третье — выполняйте ее желания. Их не так много и им несложно угодить, а трудностей сразу станет меньше.

Все мои владельцы соблюдали этот договор, и у меня не было причин жаловаться. Я переезжала из страны в страну, ко мне хорошо относились и немного побаивались. Чаще я охраняла дома, спрятанные тайники, кладовые, но иногда меня брали с собой в поездки как телохранителя. Моих хозяев ужасно забавляло, что их охраняет девчонка, на которую никто не обращает внимания. Конечно, все плячется на ту стражу, что сама бросается в глаза — всяких здоровенных мужиков в кольчугах да при мечях, и никому не придет в голову, что по-настоящему надо бояться маленькой соплячки...

Рата остановилась перевести дух, а Конан подумал, что ее история действительно необычна. До чего только не додумаются одержимые стигийские колдуны! Сделать из хрупкой девушки подобие свирепого наемника! Неудивительно, что Рата не хочет вспоминать о том, как это происходило.

Однако у северянина по-прежнему оставалось твердое убеждение, что его подопечная кое-что не договаривает или скрывает. Были определенные мелочи, недомолвки, не позволяющие поверить Рате до конца. Она ведь ни словечком не обмолвилась, куда ходила нынешней ночью и где попала под проливной дождь из крови.

— С последним хозяином мне не повезло, — вновь заговорила Рата. — Предыдущий был старым и внезапно умер, у него оказалось множество долгов, и наследники продали имущество с торгов. Так я попала сюда, и, честно говоря, мне здесь совсем не понравилось. Убогий, забытый всеми городишко...

— Значит, ты побывала во многих странах?

— Аргос, Стигия, потом Шем, — перечислила девушка. — Немедия, Офир. И напоследок — Замора. Теперь как бы отсюда выбраться...

— Раздобыть лошадь, и через два дня будешь в Арэнджуне, — проворчал варвар, припомнив, что сам застрял в этом похожем на стоячее болото городке. — Кстати, ты так и не сказала, откуда знаешь про земли на севере.

— Мне рассказывали, — Рата с грустью вздохнула. — Я тогда жила в одном семействе в Асгалуне. К моему хозяину нанялся телохранителем человек из страны под названием Асгард. Его звали Эйрик, Эйрик Секира, и мы стали большими друзьями.

— Друзьями? — подозрительно переспросил Конан.

— Ну-у... Почти. — Рата слабо улыбнулась. — Он был хорошим человеком, и я очень тосковала, когда он решил вернуться домой и уехал. Бороду в косичку заплетал. Смешно... А что ты делаешь в этом городе?

— Жду, — неохотно ответил киммериец.

— Кого?

— Приятеля. Он уехал в Арэнджун и вернется дней через пять. Если останется в живых.

— А можно узнать, зачем тебе понадобилось лезть в дом? — невинно-ехидным голосом осведомилась Рата.

— За деньгами, конечно, — не менее едко отозвался Конан. — Не за тобой же...

— Кости! — поколебавшись, уверенно предположила девушка. — Много проиграл?

— Все. И золото приятеля тоже. Ежели он узнает — убьет... погоди, а ты откуда знаешь?

Рата скромно опустила глазки и, судя по ее виноватому виду, призналась в самой сокровенной тайне:

— Очень люблю играть, но все время не везет... Наверное, невезучие игроки чем-то схожи, потому и догадалась.

— М-да... — только и сказал киммериец.

Рата невольно начинала ему нравиться. Пусть она даже наполовину не была так красива, как недавно встретившаяся на пути двух наемников дочка старого зуагирского

шейха из крепости Баргэми. Зато, оказавшись в таком же безвыходном положении, как прекрасная зуагирка, Рата точно не стала бы рыдать и безропотно ждать спасения со стороны. Сумела же она, не колеблясь, ухватиться за подвернувшуюся возможность покинуть дом, где с ней так отвратительно обращались, и при этом еще изрядно насолить хозяину.

— А ты мне потом расскажешь, как вас с приятелем сюда занесло? — искренне поинтересовалась Рата. — Только не сейчас, ты извини, я опять спать хочу... Извини, пожалуйста.

Она свернулась клубочком на кровати, натянула на себя вылинявшее покрывало, закрывшись с головой, и уже через несколько мгновений тихонько засопела.

«Что же ты не спросил, где она гуляла? Язык не повернулся? — ядовито напомнил сам себе Конан и пообещал: — Ладно, спрошу. Потом. А пока...»

Пока требовалось немедля придумать, как надежно укрыть Рату. У киммерийца уже имелась пара хороших идей, навеянных древним как мир советом: «Если хочешь что-то спрятать — положи у всех на виду», но для их осуществления требовалось раздобыть кое-какие вещи.

Убедившись, что девушка действительно крепко спит (а если притворяется, то довольно искусно) и не собирается просыпаться, по крайней мере, до вечера, Конан вышел из комнаты и стал спускаться вниз по скрипучей лестнице, жизнерадостно мурлыкая:

А он — вот ведь скотина! — прикончил Мораддина:
Стрела из арбалета вонзилась гному в это...

Старая песенка наемников, несколько переделанная киммерийцем в соответствии с нынешними обстоятельствами, неизменно приводила бывшего сотника тайной гвардии в состояние еле сдерживаемого бешенства. Причем не столько содержание, полное весьма подробных описаний различных историй из жизни вольных искателей приключений, сколько манера исполнения.

Глава третья

В большом полутемном зале, занимавшем почти весь первый этаж постоялого двора, творилось что-то неладное. Обычно в это время, когда день завершался, плавно переходя в вечер, зал, к неопишуемому расстройству хозяина «Подковы», пустовал. Добропорядочные горожане неторопливо разбредались по домам, а любители шумных ночных кутежей только продирали глаза, начиная с трудом соображать, где они находятся, и вспоминая, чем занимались вчера.

Нынче, похоже, обитатели Далирама задались целью нарушить все установленные традиции. Вокруг одного из столов расположилось не меньше десятка человек, а их оживленная беседа вряд ли заслуживала наименования тихой и мирной. Она куда больше напоминала суетливый переполох в курятнике, вызванный появлением охотящейся лисы или вечно голодного хорька. В общем шуме порой выделялся пронзительный щебет Киски Ви, горячо отстаивающей свое мнение.

Заинтересованный причиной столь необычного сборища, Конан подошел поближе и немедленно попался на глаза Ви, сердито крикнувшей:

— Мне не верите, так спросите хоть у него!

— А в чем, собственно, дело? — небрежно осведомился киммериец, без лишних церемоний отодвигая в сторону какого-то замешкавшегося старого крикуна и усаживаясь на его место. — Что, Замора с нынешнего дня окончательно стала туранской провинцией?

Вопрос о том, кому в действительности принадлежат провинции у закатных подножий Кезанкийских гор, был наиболее волнующим для их жителей. Однако сейчас никто не бросился с пеной у рта отстаивать самостоятельность своей страны. Барракс лишь досадливо скривился и неуверенно начал:

— Почтенный господин наемник, как мне кажется, побывал во многих странах...

— Ну и?.. — подбодрил запнувшегося владельца постоялого двора северянин.

— Скажи, а гули бывают? — Ви нетерпеливо перебила хозяина, собиравшегося продолжить свою мысль.

— Гули? — удивленно переспросил Конан. — У вас что, гули завелись?

Тут на него обрушился такой шквал воплей, предположений и совершенно непонятных постороннему сплетен, что киммерийцу пришлось треснуть кулаком по столу и заорать:

— А ну, тихо все! Пусть говорит кто-нибудь один!

После этого в «Медной подкове» наступила мертвая тишина, и в ней прозвучал слегка дрожащий голос Барракса:

— Ви показалось, будто у нас в городе появился гуль.

После долгих расспросов и не совсем вразумительных ответов выяснилось следующее. Каждый месяц через Дэлирам проходило два-три каравана: из Султанапура по Дороге Королей, из Аграпура, Акита или из Шадизара и Аренджуна. Караваны порой задерживались в городке, и неудивительно, что содержатель постоялого двора (да и не только он один) хорошо знал всех проводников, хотя бы раз в месяц появлявшихся в его заведении.

Благодаря обширным знакомствам почтенный Барракс мог с уверенностью предсказать, когда ожидается тот или иной караван или когда проводники просто проедут мимо, направляясь к месту встречи с очередным работодателем. Последний караван прошел к Султанапуру дней двадцать назад, и хозяин «Подковы» со дня на день ожидал возвращения своего давнего приятеля, туранца Мариды, бывшего старшиной караванщиков.

Марид с тремя сопровождавшими его помощниками и родичами действительно вчера вечером благополучно до-

брался до Дэлирама. Туранцы остановились в недавно выстроенном неподалеку от Дороги Королей караван-сарая, а Марид, как были уверены его спутники, отправился прямоком в гости к Барраксу.

Прошла ночь, настало утро, затем день, караванщики собрались трогаться в путь, а их старшина словно в воду канул или исчез где-то в просторах выжженной солнцем степи, начинавшейся за городом. Встревоженные туранцы учинили тщательнейший розыск в окрестностях караван-сарая, посетили все питейные заведения да постоялые дворы, где мог по каким-то причинам застрять Марид, и наконец обнаружили его. В предместье, возле давно заброшенного пустующего дома.

К сожалению, старшина караванщиков отправился в свой последний переход, из которого не возвращаются. Отбыл он туда, что было самым жутким и пугающим, разъятым на части. Один из туранцев, нашедших труп, до сих пор не мог прийти в себя, а его товарищи начали всерьез опасаться, что бедняга повредился рассудком.

— Ну хорошо, а при чем здесь гули? — задал вполне резонный вопрос Конан, с трудом дослушав до конца печальную историю, постоянно прерываемую попытками установить, кто первый узнал о случившемся, и воспоминаниями о давних временах.

— Как при чем? — возмутилась Киска Ви, округляя глаза и всем видом показывая, как она ужасно напугана и настоятельно нуждается в немедленной защите сильных и храбрых мужчин. Не было ни малейшего сомнения, что Ви найдет себе таковую еще до наступления ночи. — Мариды-то на кушочки разорвали! Кто так мог сделать? Только гули!

— Гули, моя дорогая, если они еще не перемерли, живут на другом конце света, — отрезал киммериец. — Рассказней про них много, но живьем их почти никто не видел. Как знать, может, их не было никогда, а все байки — просто пьяный бред.

— Вот и я говорю, неоткуда здесь гулю взяться, — подержал варвара Барракс. — Марид, наверное, наткнулся на бродячих псов, они его и прикончили. А ты выдумываешь невесть что, людей пугаешь... Марш на кухню!

Ви состроила обиженную гримаску и ушла только после того, как Барракс дважды прикрикнул на нее. Хозяин долго и многословно извинялся, упирая на то, что Киска — девушка впечатлительная, глуповатая, а потому верит во всякую ерунду. Конечно, жаль столь нелепо и неожиданно погибшего туранского караванщика, но обвинять в его смерти гулей — невообразимая чушь!

Большинство присутствовавших, в том числе и Конан, полностью согласились с мнением многоопытного владельца постоялого двора. Спор сам собой затих, сойдя на нет, и зал начал потихоньку пустеть.

Северянин же ненадолго задержался, узнавая у Барракса расположение близлежащих лавок, где продавались вещицы, необходимые для осуществления его плана.

Уже шагая по улицам притихшего вечернего городка, Конан поймал себя на том, что думает о словах Киски, и вполголоса выругался. Ви молола сущую чепуху, не стоящую истертой медной монеты, что было очевидно для любого здравомыслящего человека. И вообще, какое лично ему дело до всех туранских караванщиков, вместе взятых? Правильно, никакого. А заподозрить, что в занюханном городишке обитает гуль, могла лишь дурочка, подобная Киске и от рождения начисто лишенная мозгов.

Гули Рабирийских гор были страшным преданием Южного побережья. Невысокие, поросшие густым непролазным лесом горы тянулись вдоль правого берега Хорота, разделяя Аргос и Зингару. Возможно, гули — существа, внешне похожие на людей, но предпочитавшие человеческую кровь всему остальному, — некогда на самом деле обитали там. Однако вот уже почти сотню лет никто не мог с уверенностью сказать, что видел живого представителя ночного племени.

Да, порой в Рабирийских горах бесследно исчезали большие караваны и посланные на их поиски вооруженные отряды, но с равным успехом это могло быть делом рук самых обыкновенных разбойников. Хищников, кстати, в этих местах тоже хватало. Да, в Мессантии, стоявшей на правом берегу великой реки, неподалеку от зловещих гор, по-прежнему обивали двери и окна тонкими полосками серебра, веря, что

оно помешает гулю проникнуть в дом. Да, рискнувшие сунуться в леса одиночки (чаще всего наемники, пробирающиеся из одной страны в другую, или бродячие торговцы) с ужасом повествовали о чарующих голосах, манящих за собой, и о странных тенях, мелькающих среди деревьев. Однако рассказы оставались не более чем рассказами.

Половина из страшных баек, по мнению киммерийца, не заслуживала ни капли доверия, а вторая половина была перерванными бабушкиными сказочками. Гули-кровопийцы отжили отпущенный им век и тихо передохли. Если где-то и уцелело два-три, то у них давно выпали все оставшиеся зубы и они не способны загрызть даже самого хилого зайца.

Правда, в Аргосе до сих пор никто не селится на правом берегу Хорота. Только на океанском побережье и вблизи Мессантии.

«Постой, а что говорила Рата? — напомнил сам себе Конан и от неожиданности остановился, вспомнив слова девушки. — Элида, маленькая деревушка... На правом берегу! Может, в Аргосе уже настолько осмелели, что перестали бояться гор? Или Рата что-то напутала? В конце концов, она давно покинула дом, а за десять лет позабудешь все что угодно... Даже то, на каком именно берегу реки ты жил? Совершенно не верится».

Часть нужных лавок уже закрылась, но некоторые работали, и в гостиницу киммериец вернулся, неся с собой небольшой мешочек, в котором что-то тихо позвякивало. Он ожидал, что девушка будет спать, но Рата сидела на расстеленном на полу коврике и чем-то увлеченно занималась, и лишь скрип открывающейся двери отвлек ее.

* * *

За время отсутствия варвара Рата умудрилась придать запущенной маленькой комнатке совершенно жилой вид, ликвидировав изрядный разгром, устроенный наемниками, и раздобыла толстую длинную свечу, установленную теперь в медной плошке на одном из табуретов.

В неярком оранжевом свете Конан разглядел, чем развлекалась девушка. Она держала в руках обычный

деревянный стаканчик для метания костей, а только что брошенные кубики раскатились по коврику.

— Выиграла! — обрадованно сообщила Рата, вместо того чтобы задать ожидаемый киммерийцем вопрос: «А где ты был?»

— Что там у тебя? — Северянин стянул через голову перевязь с мечом и присел напротив Раты, положив клинок в пределах досягаемости. — Пять, четыре и конь... Где ж ты выиграла? Дай сюда!

Девушка собрала кости и протянула треснувший с одного боку стаканчик варвару. Желтоватые кубики снова разлетелись по полу, и оба наклонились, смотря, какое сочетание выпало. В Заморе для игры использовали три кости — две с привычными точками, одну с изображениями животных и предметов, имевших различное достоинство. «Конь» — крохотный силуэт скачущей лошади — приравнивался к шестерке.

— Два, пять, полумесяц... И здесь не везет! — с досадой сказал Конан. — Ладно, раз выиграла — держи.

Он перебрал принесенный с собой мешок на колени к наклонившей голову девушке, удивленно глядевшей на него.

— Что там? — Рата развязала тесемку и осторожно заглянула внутрь, точно ожидая, что сейчас появится ядовитая змея или неожиданно выпрыгнет лягушка. Поколебавшись, запустила руку в мешок и вытащила тускло блестящий узкий браслет. — Это мне? Зачем?

— Затем, что мы совершенно неправильно поступаем, — охотно пояснил киммериец. — Ты должна не прятаться, а быть на виду. Твой бывший хозяин где тебя покупал?

— В Шадизаре, — отозвалась Рата, бережно перебирая лежавшие в кожаном мешочке украшения. — И тайком привез сюда.

— Значит, здесь тебя никто не видел и не знает, так?

— Так, — подтвердила девушка. — Меня никому не показывали.

— А тогда каким способом он докажет, что купленная им девочка и путешествующая по своим делам аристок-

ратка из Аргоса — одно и то же лицо? — торжествующе закончил варвар.

Рата озадаченно замолчала, а затем неуверенно уточнила:

— И этой аристократкой буду я?

— Ну не я же! — хмыкнул Конан. — Я вполне сойду за твоего телохранителя. Здешняя служанка, Киска Ви, сразу решила, будто ты из благородных, а раз так подумала она, подумают и другие. Сочиним душещипательную историю, чтобы объяснить, как ты объявилась в «Подкове», дождемся Мораддина и свалим отсюда. В Аренджуне я знаю людей, которые выправят бумаги, свидетельствующие, что ты королева немедийская, а самое интересное, их будет не отличить от настоящих. Потом можешь делать что угодно — оставаться в Заморе или ехать в свой Аргос.

— Почему ты так поступаешь? — тихо спросила Рата. Ее странные глаза в неверном свете огонька свечи казались золотистыми. — Я случайно оказалась на твоём пути, ты обо мне ничего не знаешь...

— Перестань, — отмахнулся киммериец. — Ты же помогла мне обокрасть твоего хозяина. И вообще, мы, дикари, народ непредсказуемый и опасный, понятно? Что хотим, то и творим.

Девушка согласно кивнула, чуть слышно хихикнула и поинтересовалась:

— А почему бы не уехать, скажем, завтра? Или ты обязательно хочешь дожидаться своего друга? Дорога здесь одна, ты можешь его встретить по пути.

— Не на чем ехать, — пояснил Конан. — В здешней дыре не продают лошадей, а свою я проиграл. Если у нас будет хоть одна лошадь, я смогу пойти пешком, а ты поедешь.

Рата задумалась, что-то подсчитывая на пальцах, а затем заявила:

— Через два дня в городе базар. Туда иногда приходят кочевники и туранцы, продают коней.

— Тем лучше для нас. Глядишь, раздобудем чего-нибудь... — проворчал киммериец и, вспомнив сегодняшний шумный спор, спросил: — Ты слышала, что стряслось?

— Да, — утвердительно кивнула Рата. — Убили какого-то человека, туранца-караванщика. Ви прибежала и рассказывала. По-моему, она очень напугалась.

— Киска вбила себе в голову, что в Дэлираме прячется гуль, — как бы невзначай уронил северянин.

— Что, что? — изумленно переспросила девушка. — Гуль? Какая чепуха!

— Вот и я так думаю, — согласился варвар. — Но ты росла в Аргосе, тебе лучше знать, живут там вампиры или нет. Кстати, напомни, как назывался твой городишко?

— Нет! — убежденно сказала Рата. — Гули давным-давно перемерли или ушли из Рабиров. У нас их никто никогда не видел. А моя деревня называется Элида. Она лежит на левом берегу Хорота.

— Ты говорила — на правом, — напомнил Конан.

— Я забыла, — виновато и вроде бы искренне призналась девушка. — Я очень давно убежала оттуда. Почему-то мне показалось, что Элида стояла на правом берегу. Конечно, на левом. На правом никто не селится. Традиция.

«Убежала? — недоуменно повторил киммериец. — А заливала, что ее похитили злобные стигийцы... Что-то ты врешь, моя красавица. Не знаю, почему и ради чего, но врешь, причем неумело».

Он не сомневался в том, что Рата действительно из Аргоса — хоть она довольно бойко говорила на заморийском, акцент все равно сохранялся. Такие протяжные «з» и «л» произносят только выходцы из Мессантии, и просто так от привычки не избавишься.

Задумавшись, северянин не сразу обратил внимание, что девушка обращается к нему:

— Расскажи, как вы с приятелем здесь очутились. Помнишь, ты обещал.

— Долгая история, — неохотно отозвался Конан. — Ну ладно, раз обещал... Значит, нанял меня месяца два назад один купчишка из Султанапура, чтобы я прогулялся через Кезанкию и нашел путь покороче, чем Дорога Королей. С этого все и началось, а потом ни дня спокойного не было...

Рассказ о султанапурских приключениях действительно получился длинным, тем более что его то и дело прерывал хохот катавшейся по полу Раты. Под конец у девушки не осталось сил смеяться, и она тихонько всхлипывала, подвывая от восторга и спрашивая сквозь слезы: «А дальше? Дальше что было?»

— А потом мы перевалили через горы и увидели внизу какой-то поселок. И тут стало ясно, что либо мы топаем на своих двоих, либо останавливаемся и ждем, пока лошади снова согласятся везти нас, — завершил киммериец свое повествование о пребывании двух авантюристов поневоле в славном городе Султанапуре. — Мораддин на второй день уехал, я остался и хотел было малость повеселиться, но сама видишь, что получилось...

Рата зарылась лицом в скомканное покрывало и снова неудержимо расхохоталась. Отсмеявшись, она серьезно сказала:

— Завидую. Честное слово. Черной завистью. Оказывается, ты и твой приятель еще более страшные типы, чем мне показалось. Ох, сто лет так не смеялась...

— Было б чему завидовать, — хмыкнул слегка польщенный Конан. — Так, немного встряхнулись.

— Если это «немного», то что же произойдет, когда будет «много»? — Рата с преувеличенной тревогой схватила за голову. — Представляю... По меньшей мере, разрушением пары городов дело не обойдется. Не забудьте предупредить, когда начнете, надо будет успеть вовремя спрятаться.

Она насмешливо фыркнула, отодвинулась вглубь кровати, прислонившись к стене, и уже спокойно сказала:

— Поздно как... Ты спать будешь?

— Наверное, — отозвался киммериец, устраиваясь на своей подстилке.

— Свечку погасить?

— Мне не мешает.

Толстая желтоватая свеча сгорела почти до половины, украсившись причудливыми наплывами. Рата, похоже, выпалась за день, и теперь сидела, над чем-то задумавшись и медленными движениями расплетая косы. Конан почти

задремал, когда рядом с ним осторожно шевельнулось что-то живое.

— Это как понимать? — ехидно осведомился северянин, мгновенно просыпаясь.

— Ну-у, — задумчиво протянула Рата, устраиваясь поудобнее. — Меня всегда интересовало, почему все мои хозяйки, даже пребывавшие в столь преклонном возрасте, когда пора всерьез прикидывать, какой именно цвет савана больше пойдет к лицу, предпочитали проводить ночи не с законными мужьями, а с телохранителями. А теперь представился замечательный случай самой это выяснить... Кроме того, я все-таки в долгу перед тобой.

— И что, ты всегда отдаешь долги таким способом? — не удержался от язвительного выпада Конан.

— Конечно, нет, — невозмутимо ответила Рата. — Но если ты против...

— Я этого не говорил!

— Тогда о чем, собственно, речь?

* * *

...Все было бы просто замечательно, однако кое-что происходило совсем не так, как всегда.

Неожиданно возникшее смутное подозрение медленно, но верно перерастало в уверенность. Ну скажите на милость, где вы встречали женщину, которая ведет себя так, словно несколько лет провела в камере-одиночке подземной тюрьмы или в тайном храме Митры, дав строжайший обет молчания, а вырвавшись на свободу, продолжает соблюдать накрепко вколотенные правила?

Женщину, которая не издает почти никаких звуков, только порой урчит, как довольная пантера? Которая целуется, не размыкая губ, и то всячески увертывается от вас, и вдруг начинает вытворять такое, что искушенные красотки из веселых домов в Султанапуре изрядно бы призадумались? Короче, такую одержимую и во многом неповторимую сумасбродку, как Рата?

Правильный ответ — нигде. Значит, вам просто не повезло.

Впервые за пять дней пребывания в Далираме киммериец чувствовал себя полностью довольным жизнью. Все-таки сто раз правы те, кто утверждает: «Все, что ни происходит в мире, — к лучшему». Если бы не проигрыш, он никогда бы не встретил маленькую девушку, похожую на кошку с золотыми глазами, что по каким-то известным только ей причинам надумала прикинуться женщиной.

Рата сидела поджав ноги и тщетно пыталась расчесать волосы, превратившиеся в сплошной, хорошо свалявшийся колтун. Костяной гребень намертво застревал в перепутавшихся прядях, однако девушка с невиданным упрямством продолжала свое дело, не обращая внимания на иронические смешки Конана и его советы типа: «Обстригись, могу даже нож одолжить».

— Нечего хихикать! — наконец не выдержала она, лишившись особо густого локона. — Ну посмотри, что ты натворил!

— Брось. — Киммериец попытался отобрать у нее гребень. — Иди сюда.

— Пусти! — дурачась, заверещала Рата. — Ай! Ну отпусти же!

Она тщетно попыталась вырваться и засмеялась.

Лучше бы она этого не делала.

Конан никогда не думал, что такая простая вещь, как улыбка, может превратить милое и ничем в общем не примечательное лицо в подобие жуткой маски, смахивающей на изображение лика Деркэто. Безумной Деркэто — стигийской богини страсти, сводящей с ума и заставляющей людей становиться животными.

За узкими губами девушки по имени Молчание скрывались мелкие, заостренные зубки, больше подходившие хищному животному. Четыре острейших клыка влажно поблескивали, отчего улыбка походила на оскал.

«Померещилось... — Северянин крепко зажмурился и потряс головой, надеясь, что кошмарное видение сгинет само собой. — Вроде ж не пил сегодня... Ну как, пропало?»

Рата неподвижно сидела в прежней позе, словно оцепенела, так и не завершив движения, и в ее расширившихся

глазах застыл ужас. Медленным движением она поднесла ко рту узкую ладонь и, судорожно шарахнувшись назад, вскочила на ноги.

«Не померещилось,— пробормотал киммериец, совершенно не представляя, что делать в подобной ситуации, но по впитавшейся в кровь привычке протягивая руку к лежащему неподалеку мечу.— Так вот оно что...»

Девушка метнулась в угол комнаты, едва не свалив по дороге табурет и стоявшую на нем свечку, и замерла, сгорбившись и пытаясь сжаться в комочек. В спертom воздухе комнатухи повисло напряженное молчание.

— Если хочешь меня убить,— деревянным, каким-то посторонним голосом произнесла Рата или создание, что носило это имя,— я даже не буду сопротивляться. Тебе сделать это проще простого, а мне теперь все равно...

Может, именно в этом и состоял единственно возможный и верный выход, но взять и прикончить девушку, со спокойствием отдававшую собственную жизнь... Пусть такими делами занимается кто-нибудь другой. Да, куда потом прикажете девать ее труп?

«Ну-ка спокойно! — прикрикнул сам на себя Конан.— Можешь ты хоть раз в жизни подумать, прежде чем натворить дел? В конце концов, она ничем не отличается от обычной женщины. Почти не отличается...»

— Ты гуль,— с удивившим его самого хладнокровием произнес киммериец.

— Да! — едва ли не в полный голос закричала Рата.— Да, да, да! Вампир, кровопийца, тварь, заслуживающая осинового кола в живот! Нечисть, нежить, что еще?

— Не ори, здесь стенки тонкие,— напомнил северянин, и девушка внезапно умолкла на полуслове.— Ну что мне теперь с тобой делать, а? Убивать, честно говоря, жалко. Выгнать? Снова угодишь в клетку, если не что похуже.

Он ожидал, что Рата сейчас заплачет или сотворит нечто невероятное, но девушка по-прежнему молчала, бросая исподлобья короткие взгляды. Потом она осторожно опустилась на пол, точно пытаясь слиться с деревом обшарпанных стен.

— Так что решим? — спросил то ли у нее, то ли у себя Конан.— Чистосердечное признание и так далее... Того беднягу туранца не ты, случаем, отправила прогуляться по дороге без конца?

— Нет,— тихо, но очень твердо сказала Рата.

— А как насчет деревеньки Элиды то ли на правом, то ли на левом берегу?

— Она на правом, но я никогда там не жила. Послушай! — Девушка собралась с духом и заговорила чуть громче.— Можешь мне не верить, но я говорила правду. Я сбежала из дома, из Рабиров... Если уж быть точной, меня выгнали, и не прошло и месяца, как я попалась стигийцам. Они обучили меня быть сторожем и продали в Аргосе.

— За что тебя выгнали? — перебил киммериец.— Куда ты уходила ночью, когда я приволок тебя сюда? Быстро!

— Я... — начала Рата и сбилась. Коротко махнула рукой, решив, что другого выхода все равно нет, и точно бросилась в ледяную воду: — Я пошла искать еду. Мой хозяин боялся, что я выполню свою угрозу и устрою ему веселую жизнь, если он не перестанет приставать ко мне, и потому не давал мне пищи, без которой я не могу жить. Я убила корову и... наелась. Иначе бы ты нашел утром вместо Раты ее скелет. Я больше не могла терпеть, я умирала.

— Значит, корову Барракса зарезала ты,— задумчиво повторил варвар.— А почему не меня или другого первого попавшегося человека?

— Я не могу убивать людей,— с трудом выговорила Рата и опустила голову, так что спутанные пряди закрыли ее лицо.— Поэтому меня прогнали. Я слабая, и, вдобавок, мне противно это делать.

«Поверить? Очень похоже на правду, если только здесь можно отличить, где правда, а где ложь... Вот тебе и жуткие гули.— Киммериец посмотрел на сжавшуюся в углу девушку.— И почему я не полез в другой дом?.. Если бы мне так везло в кости, как на дурацкие переделки, то Конан-киммериец давно уже прекратил бы мотаться туда-сюда по свету».

— И как же ты... Кхм... Ну... Живешь? Я считал, что гули обязательно должны каждую ночь приканчивать двух-трех человек...

— Тогда людей на земле просто бы не осталось,— грустно сказала Рата.— Это мы сами придумали и распростили слухи, чтобы нас боялись. Мне достаточно раз в три-четыре дня крови маленького животного. Кролика или курицы. В остальное время я ем то же самое, что и обычные люди.

— Барракс держит куриц, зачем тебе понадобилась его любимая телка?

— Я была очень голодная,— призналась девушка и нерешительно подняла голову.— И очень торопилась. Лучше одна корова, чем десять куриц. Наверное, надо ему заплачивать...

— А что ты ему скажешь? Что у тебя было плохое настроение и, чтобы развеяться, ты пошла и перерезала глотку его корове? — съязвил Конан.— Кстати, чем ты это сделала? Зубами? Между прочим, ты вся перемазалась и выкинула потом одежду из окна, так?

— Да. У меня не получилось сделать все быстро и без шума. Корова стала метаться, и я промахнулась. Я взяла нож на кухне, потом вымыла и положила обратно,— торопливо ответила Рата. Потом вздохнула и с горечью проговорила: — Ты не веришь. Ни единому моему слову. Так, наверное, и должно быть, я зря надеялась, что сумею выдать себя за человека. Мы — нежить из ночных лесов, рыщущая в поисках добычи, и большинство из нас действительно хищники с обликом человека. С какой стати я должна от них отличаться? Может, мне лучше уйти? На худой конец, я могу вернуться обратно...

— В клетку? — жестко уточнил киммериец, и девушка вздрогнула.— Тебе так нравится вонючая солома и общество крыс? И еще мне кажется, что твой хозяин предпочел бы вернуть украденное золото, а не тебя. Что ты ему наплетешь?

— Я не знаю, где деньги,— дрожащим и очень правдивым голосом отозвалась Рата.— Человек, что выпустил меня, забрал все и унес с собой. Я не знаю, кто был этот человек,

и не разглядела его лица. Он ушел, а я осталась. Днем пряталась, вечером попыталась украсть еды...

— Не пойдет,— отрезал северянин.— Никто не поверит. Твой хозяин либо душу из тебя вынет, допытываясь, где золото, либо сдаст здешним властям, а они спокойно повесят тебя за убийство туранского караванщика.

— Но я не убивала его! — возмутилась девушка и даже привстала.

— Это ты так говоришь,— невозмутимо пожал плечами Конан.— Неужели ты всерьез полагаешь, будто тебе поверят? Особенно если твой хозяин решит, что сторож ему больше не нужен, и откроет, кто ты такая? Да тебя и слушать не станут. Будет большой удачей, если тебя прикончат сразу.

— Тогда что же делать? — Рата обмякла, превратившись в бесформенную тень в углу.

— Ничего.— После недолгого, но напряженного раздумья киммериец пришел к выводу, что лучше оставить все как есть.— Если мы попытаемся что-то наскоро поменять, то запутаемся и непременно себя выдадим. Будем действовать, как задумали, а при первой возможности удерем из города. В Туране спрятать тебя было бы не в пример проще, там женщины лица закрывают... Неужели никто раньше ничего не замечал? Кстати, у тебя... М-м... Других особенных отличий нет?

— Хозяева знали, а при посторонних людях я всегда молчала. Кто обращает внимание на заморыша, что держится потихоньку где-то в уголке? — несколько обиженно сказала Рата.— А другое... Есть.

Она вытянула руку ладонью вперед. Конан еще днем обратил внимание, что у девушки вдоль подушечки каждого пальца идет тонкая линия, точь-в-точь давно заживший шрам. На его вопрос, как она умудрилась так изрезать пальцы, Рата равнодушно пожала плечами и ответила, что родилась со столь странным украшением. Теперь она резко согнула кисть в подобие цепкой птичьей лапы, обзаведясь внезапно появившимися крючками пяти длинных изогнутых когтей. Расслабила руку — когти мгновенно исчезли, втянувшись в пальцы.

«С такими коготками никакие кинжалы не потребуются,— оценил необычное оружие киммериец.— Но все равно, в жизни не поверю, что маленькая девчонка сумела расправиться со здоровым мужиком. Караванщик из Турана — значит, должен был уметь защищаться. Туранцы рождаются с саблей в руке. А если она сперва его напугала до полусмерти, а потом спокойно зарезала или загрызла? Но все в один голос твердят: этого типа просто разорвали на кусочки... У нее просто не хватило бы времени так быстро обернуться. Ну как, поверим или нет? Впрочем, все равно я уже вляпался в это дело... Будем надеяться, что неприятности на этом закончатся».

— Что ты собираешься делать? — настороженно спросила Рата, так и не покинув свое спасительное убежище.

— Спать,— невозмутимо ответил Конан.— Хватит с меня на сегодня.

— А я? — робко поинтересовалась девушка.

— Можешь пойти прогуляться, авось напугаешь кого-нибудь,— буркнул киммериец.— А можешь всю оставшуюся ночь торчать в углу, если тебе так нравится. Только отвяжись от меня хотя бы до утра.

— Я...— Рата чуть не задохнулась от возмущения.— Я не навязывалась!

— Да ну? Значит, мне померещилось? — С этими словами варвар улегся на своей подстилке, посмеиваясь про себя над обозлившейся девушкой. На какое-то время в комнате воцарилась тишина, затем еле слышно скрипнули доски под ногами осторожно крадущегося человека.

«Попробует выскочить в окно, пусть катится куда хочет и выкручивается сама!»

Шаги замерли на месте, затем раздался скорбный вздох и жалобное:

— Может, подвинешься?

Рата улеглась рядом, по-кошачьи свернувшись в клубочек и быстрым шепотом произнесла:

— Вообще-то мое настоящее имя — Ринга.

Глава четвертая

Вот так начинаешь привыкать к спокойной жизни...— В единственное окно гостиничной комнаты падали отвесные лучи полуденного солнца.— Никуда не надо спешить, никто не собирается начинать день с охоты за твоей головой... А это еще что такое?..»

Женщина, стоявшая у окна, обернулась, и все встало на свои места. Робкая надежда, что, мягко говоря, неприятное вчерашнее открытие было всего лишь кошмарным сном, мгновенно исчезла.

— Только не улыбайся,— быстро проговорил Конан.— Ты очень милая девушка, но увидеть твою улыбку два раза подряд — чересчур даже для меня. Теперь понимаю, как можно поседеть за одну ночь.

Рата — вернее, Ринга — отвернулась, тихо хихикнула, а затем очень серьезно пообещала:

— Я постараюсь все время сдерживаться. Вон твой завтрак... А еще у меня есть две новости.

— Какие? — Киммериец уселся, подвинув к себе поднос, уставленный тарелками, и подумал, что кормят у Барракса довольно мерзко: постоянно что-то переварено или недожарено.

— Одна плохая,— медленно ответила Ринга.— Вторая... Не знаю, наверно, тоже не слишком хорошая.

— Начиная с той, что получше,— решил варвар.

— Пришел какой-то тип, военный, судя по одежде — офицер. Не местный. С ним трое солдат. Они очень хотят

тебя видеть, и, полагаю, вовсе не для того, чтобы пожелать доброго утра.

— Ох! — Конан хлопнул себя по лбу. — Немедийцы! Долг! Ладно, с ними я разберусь. А вторая новость?

Ринга замолчала, прошлась по комнате и неохотно выдавила:

— Сегодня ночью убили человека.

От неожиданности киммериец подавился и закашлялся.

— Сетовы змееныши, опять? Кому не повезло на этот раз? Откуда ты узнала?

— Гвардейцы, что сидят внизу, нашли труп утром около своей казармы, — стараясь казаться спокойной, ответила девушка. — Как я поняла, это местный дворянин и не последнее лицо в городе. Его... Короче, он тоже разделан на кусочки. — Она помолчала и невесело добавила: — По крайней мере, теперь нет сомнений, что я здесь ни при чем. Ночью я никуда не уходила. Подтвердишь, если попадемся?

— Обязательно, — задумчиво протянул северянин. О том, что ему наверняка не поверят, он распространяться не стал. Ринге не пришла в голову простая мысль, что, с точки зрения общества, человек, подруга которого — женщина-гуль, меньше всего заслуживает доверия. Еще убийство. Значит, неприятности, как это ни прискорбно, продолжают... Вот тебе и сонный городок, где ничего не происходит! — Слушай, я сейчас спущусь вниз и потолкую с этими вояками. А потом пойдем прогуляемся и послушаем, что носится в здешнем воздухе. Мне все это не нравится.

— Мне тоже, — кивнула Ринга. — И я не понимаю, в чем тут дело.

Когда по многострадальной лестнице прогрехотали шаги спускающегося варвара, немедийские гвардейцы уже успели прикончить один бочонок с вином и приступили ко второму. Вид у них был совершенно не геройский, как подобало бы славным воинам столь великой державы, а, скорее, задерганный до предела. Особенно у капитана Даммароса, глубоко убежденного, что ему суждено закончить свои дни в заморийской глуши, бесславно почив от скуки.

Безжалостные жернова политики погубили начинавшуюся карьеру воспитанника Военной Академии, зашвырнув его в далекий Дэлирам. Немедия всегда была не прочь немного расширить свои владения и, фактически покорив Коринфию, начинала приглядываться к позабытой всеми Заморе. Жаль только, что та же мысль одновременно посетила и ум правителя Турана, и теперь величайшие страны Запада и Востока оспаривали друг у друга возможность растерзать маленький пограничный край на части.

Какому-то высокопоставленному идиоту в Бельверусе показалось очень умным разместить в крохотном городишке на Дороге Королей немедийский гарнизон. Якобы для оказания помощи в охране границы и Дороги. Командовать пятью десятками необученных тупиц поручили только вышедшему за порог Академии и страшно гордившемуся этим Даммаросу. И что в итоге? Жуткая скука, омерзительный городишко и полное отсутствие денег. А теперь еще и обглоданные мертвецы под дверями казармы.

«Если эта северная скотина не захочет немедленно отдавать долг, — мстительно пообещал себе Даммарос, — я из него отбивную сделаю. Да! Именно отбивную, а потом посажу на пару дней за решетку. Правда, он наверняка сбежит, но это уже не моя забота».

Но незамысловатой, хоть и достаточно кровожадной, мечте не было суждено сбыться. Проигравшийся наемник начал с того, что швырнул на стол пару увесистых мешочков, буркнув:

— Подавитесь, жмоты, — а затем, ухмыляясь, заметил: — Что-то вы сегодня разговорчивы, как покойники.

Упоминания о покойниках капитан Даммарос не выдержал. Кроме того, он даже себе не признался бы в том, что жутко завидует этому варвару, не обязанному торчать на одном месте и выслушивать указания от самовлюбленных придурков, считающих себя мудрецами. Немедийскому офицеру срочно требовалось сорвать на ком-то свое плохое настроение, и он нашел достойный повод.

Ругался он долго, красочно и почти не повторяясь. За это время Конан успел раздобыть себе кружку, выпить с

гвардейцами за успокоение разума их разошедшегося капитана и опрометчиво решить, что не узнает ничего достойного внимания. Высказавшись, Даммарос, которому слегка полегчало, стал чуть более разговорчив и даже ответил на несколько осторожных вопросов киммерийца, касавшихся утреннего происшествия.

Знал гвардейский капитан немногое. Неудачника, нынешней ночью преждевременно отправившегося к Нергалу, звали Райнаком, и он действительно принадлежал к дворянскому сословию. Немедийцы искренне полагали смерть Райнака не слишком достойной сожаления. Как выразился капитан: «Многие в этом городишке обрадуются, узнав, что он наконец-то перестал шлаться по земле».

— Почему? — поинтересовался Конан. — Кем он вообще был? Здешной шишкой?

— Сам по себе — пустым местом, — последовал ответ. — Нахальным пройдохой. Но у него был хорошо подвешен язык и водились деньжата. Возле него вечно околачивались десятка два головорезов, готовых учинить любую пакость.

Дело для Заморы опять-таки понятное и весьма привычное. Бездельник с набитым кошельком и ошивающаяся под его началом небольшая шайка. Поборы с купцов вдобавок к налогам, уходящим в казну государства, мелкие грабежи, но в основном — пускание пыли в глаза окружающим.

— Может, он встал поперек дороги серьезным людям? — предположил киммериец. — Бвязался в ссору с человеком, оказавшимся ему не по зубам? Или его парням надоело ходить под его началом, и они выбрали себе другого вожака?

— Все может быть, — уныло отозвался Даммарос. — Только это не наша забота. Есть градоправитель, есть командир туранской полусотни и даже начальник здешной городской стражи. Пусть они и разбираются, а мое задание — охранять эту треклятую Дорогу. Вот и буду ее охранять... Покуда не свихнусь. Слушай, варвар, сколько там с тебя причиталось?

— Посчитай сам, — отмахнулся Конан. — Сотня или полторы.

Немедиец вытряхнул содержимое мешочков на стол и погрузился в долгие подсчеты, перекладывая монеты с места на место. Его подчиненные с увлечением следили за перемещением желтых кружочков по плохо обструганным доскам, на время позабыв о присутствии северянина. Можно было с чистой совестью уйти, но Конан вспомнил о проигранных камнях.

— Здесь больше, — заявил Даммарос, закончив складывать монеты в одинаковые кучки. — Три сотни и еще четыре десятка.

— Вот и хорошо. Я хочу получить назад камни, если ты их еще не пропил.

— Зачем? — подозрительно осведомился гвардеец.

Правдоподобного ответа, как всегда, в нужный момент на ум не шло, и варвар брякнул первое, что подвернулось:

— Они мне... М-м... Дороги как память.

Такого Даммарос не ожидал, несколько растерялся и кивнул:

— Ну-у... Ладно. Вот они. Держи.

Самоцветы оказались у немедийца с собой, ибо капитан гарнизона явно не верил в честность своих солдат и не рискнул оставлять драгоценности в казармах. Кажется, число камней не уменьшилось, что, впрочем, не имело особенного значения: пропажу двух-трех безделушек Мораддин вполне мог пережить. Особенно если удастся придумать подходящую историю их исчезновения.

— Почему у тебя все золото — немедийское? — ни с того ни с сего поинтересовался гвардеец, ссылая монеты обратно в мешочки. — Оно здесь не часто появляется, в ходу больше туранские империалы.

— Не все ли тебе равно, какие деньги получать? — рассеянно отозвался Конан. — Бери, что дают, а то и этого не будет.

— Любопытно, капитан, — подал голос один из солдат. — У этого громилы два дня назад медной монеты за душой не было...

— Ты что, в мой кошелёк заглядывал? — огрызнулся киммериец.

— А теперь он швыряется золотыми, — гнул свое войка. — Где он их успел раздобыть за два дня-то? Может, они фальшивые?

— В самом деле. — Даммарос сделал солдату знак замолчать и пристально взглянул на северянина. — У нас небогатый городок и так быстро достать столь крупную сумму... Не спорю, Райнак был порядочной сволочью... Скажи честно, твоя работа?..

— Слушай, ты... — Варвар начинал злиться. — Получил свои деньги? Ну и проваливай, а до ваших мертвецов мне дела нет!

— Погоди, погоди...

Гвардейцы начали отодвигаться от стола, образуя круг, и Конан с сожалением понял, что сегодняшнее утро неминуемо будет отмечено доброй дракой. Немедийскому офицеру требуется подозреваемый, и сойдет любой, лишь бы немного встряхнуть городок и заодно напомнить о себе. Как бы не всплыли подробности визита некоего наемника в предместья Далирама. Правда, его там никто не заметил, но можно ли за это поручиться? Ну что за проклятое место!

— Что здесь происходит? — Лёда в раздавшемся голосе хватило бы на то, чтобы заморозить все реки Востока и Запада, и еще немного оставалось для небольшого снегопада в Стигии. Гвардейцы и прикидывавший, кого свалить первым, варвар невольно оглянулись.

Не замеченная никем Ринга тихо спустилась по лестнице и подошла к столу. Она нашла выход из положения, позволявший ей говорить, не заставляя людей шарахаться в стороны. Нижнюю часть ее лица закрывала плотная синяя вуаль, наподобие носимых жителями Турана. Правда, на восточную красавицу Ринга все равно не походила. Как и на любую другую женщину, неважно, с Востока или Запада.

— Я спрашиваю — что здесь происходит? — тем же ледяным тоном разгневанной, но сдерживающейся в присутствии простолюдинов аристократки повторила Ринга.

— Ровным счетом ничего, — первым отозвался Конан, мысленно похвалив рабирийку за своевременное вмешательство.

— Э-э... Это кто? — растерянно выдавил окончательно сбитый с толку Даммарос, и Ринга немедленно обернулась к нему:

— Судя по всему, вы здесь командуете? Кстати, почему бы вам не оторвать свой зад от скамьи... офицер? Перед вами стоит дама!

Презрение в ее голосе было совершенно искренним. Растерявшийся немедиец, поняв, что имеет дело с благородной, поднялся на ноги, а его солдаты попятились подальше от маленькой снежной бури в человеческом образе.

— Сколько раз мне придется повторять свой вопрос: что здесь творится?

— Им очень хочется знать, откуда у меня деньги, — решил прояснить ситуацию киммериец. — Почему-то они убеждены, что я их обязательно украл.

— Этот человек служит у меня. Телохранителем, — холодно процедила Ринга. — Я заплатила ему. Еще вопросы есть? Нет? Тогда позвольте вас оставить. Идем.

Терпения варвара хватило даже на то, чтобы открыть перед девушкой дверь, отойти подальше от постоялого двора и завернуть на первую попавшуюся безлюдную улицу. Только тогда он безудержно расхохотался, не обращая внимания на жалобные просьбы Ринги остановиться или хотя бы вести себя потише. Кончилось тем, что девушка тоже засмеялась, уткнувшись лицом в теплую каменную стену дома.

* * *

— Я бы отлично разобрался и без тебя, — ворчал Конан. — Нет, спасибо, конечно, но зачем ты вылезла?

— Догадываюсь, чем закончились бы твои разборки, — язвительно отозвалась Ринга. — Выносом этих бедняг вперед ногами и разгромленной гостиницей. А зачем нам лишнее внимание? Я их немножко попугала, и мы мирно разошлись... Ты узнал у них что-нибудь полезное?

Двое неторопливо шли по пустынной улице, застроенной невзрачными одноэтажными домиками с плоскими

крышами, направляясь к центру городка. Редкие прохожие порой бросали вслед странноватой паре изумленные взгляды, но большого интереса чужеземцы не вызывали. Мало ли кто в последнее время проезжает по Дороге Королей? Идут себе люди и идут, никому не мешают, говорят о чем-то своем...

— Почти ничего,— отозвался киммериец.— Покойника звали Райнак, и его не очень жаловали. Он содержал шайку. Может, его прикончили свои же люди. Или он отхватил кусок, оказавшийся не по зубам. В городе многие поражаются его смерти. Больше эти вояки ничего не знают.

— Мало,— задумчиво подвела итог Ринга.— Интересно, был ли знаком этот человек с туранцем, как его... Маридом?

— Может, был.— Северянин пожал плечами.— А может, и нет. Зачем тебе это понадобилось?

— Если их что-то связывало, стало бы немного понятнее, почему их убили,— разумно ответила девушка.— Тебе так не кажется?

— Будь здесь не стоячее болото, а нормальный город,— пробурчал Конан,— нам в первом попавшемся трактире подробно рассказали бы все про всех. Кто на кого работает, кто с кем поцапался и чья жена к кому ушла. А так даже спросить не у кого. Гвардейцы безвылазно сидят либо в казарме, либо в веселых домах, больше я никого здесь не знаю, и ты тоже. И вовсе не наше это дело, нам бы проторчать тут незамеченными еще пару дней и смыться.

Ринга пропустила вовсе не лишние здравые смыслы слова мимо ушей и озабоченно спросила:

— Ты не заметил, полнолуние уже было или нет?

— Полнолуние? — удивился киммериец.— Кажется, наступит завтра или через день. А это здесь при чем?

— Наверное, ни при чем.— Ринга опустила голову, обдумывая что-то, затем осторожно произнесла: — Как ты считаешь, не может в Дэлираме оказаться еще один гуль? Из моего племени?

— Ты спятила,— убежденно ответил Конан.— Мало мне тебя? Или все вампиры скопом решили переселиться именно сюда?

— Подожди.— Ринге пришла в голову интересная мысль, и девушка не собиралась отступаться от нее.— Кто-то же убивает людей...

— А нам-то что?

— Да не перебивай ты! Иногда в полнолуние некоторые из нас сходят с ума и убивают, пока луна не пойдет на убыль. Вдруг здесь похожая история?

— Охотиться на гулей я не пойду,— отрезал киммериец.— И не надейся. Тем более на бешеного гуля. Можешь заняться этим сама, а я посмотрю, что получится.

— Хорошо,— кротко сказала девушка.— Я все поняла. Но выслушать ты меня можешь?

— А я чем занимаюсь?

— Невероятно, чтобы в маленьком, забытом всеми городке одновременно оказались два гуля,— медленно проговорила Ринга.— Но вдруг все получилось именно так? Я хочу убедиться, что ошибаюсь.

— Каким образом? — хмыкнул северянин.

— Посмотрев на труп Райнака,— просто объяснила девушка.— Его убили ночью, нашли утром, значит, сейчас тело должно находиться в его доме.

— И его обхаживает похоронная братия, а вокруг толкуются неутешные родственники. И не забудь людей из его шайки,— подхватил варвар.— Нет, ты точно свихнулась! Лезть в дом, чтобы полюбоваться на покойника!

Ринга забежала вперед и загородила киммерийцу дорогу.

— Я вадорная и капризная девица,— заявила она, и в ее голосе зазвучали визгливые нотки.— У меня уйма невыполнимых желаний, вдобавок я хочу луну с неба. Устраивает? — и уже серьезнее добавила: — И еще у меня нехорошее предчувствие. Пожалуйста, давай попробуем, это же не преступление, мы не собираемся ничего красть и никого убивать! Только посмотрим и уйдем!

— В Заморе порой одно то, что ты еще жив,— преступление,— проворчал Конан, добавив про себя: «А в последнее время я начинаю верить в предчувствия, особенно в плохие». — Ну хорошо, хорошо! Так и знал, что от тебя не

дождешься ничего, кроме неприятностей! Ты ведь даже не знаешь, куда надо идти!

— Спросим у кого-нибудь, — легкомысленно отозвалась Ринга, донельзя довольная тем, что добилась своего, и огляделась по сторонам в поисках подходящего прохожего. — Вон у него хотя бы.

Северянин поглядел, куда указывает девица, и удрученно вздохнул: она безошибочно определила наиболее подходящую на роль осведомителя личность.

Старый нищий — неизменная принадлежность любого города как на Западе, так и на Востоке — расположился на углу вливающейся в пустынную площадь улицы. Рядом с ним лежала тощая собака с наполовину вылезшей клочковатой шерстью. Пес поднял голову, посмотрел на приближавшихся людей, лениво зевнул и снова задремал. Его хозяин вообще не подавал признаков жизни, даже когда в глиняной чашке для подаваний звякнула медная монетка.

— Мы ищем человека по имени Райнак, — мрачно сказал Конан, выругав себя за то, что уступил просьбам рабирийки. — Где он живет?

Нищий приоткрыл узкие глазки, став похожим на любопытную черепаху (если только черепахи бывают любопытными), внимательно осмотрел с ног до головы спрашивающих и ехидным скрипучим голосом ответил:

— Сходи к Нергалу, ему лучше знать, чем мне.

— Ах ты, воночая дрянь... — Киммериец нацелился было как следует пнуть старикашку, но вмешалась Ринга.

— Нам нужен дом, где жил этот человек, — очень пронырливым голосом сказала она. — Куда нам идти?

— А ты поумнее, чем твой дружок, — хихикнул попрошайка. — Второй перекресток, а там сами увидите.

— Благодарю, — серьезно кивнула Ринга и добавила, обращаясь к северянину: — Вот мы и знаем. Я тебя очень прошу, не надо его бить. Он точно ответил на твой вопрос. Пошли поищем дом.

Старая беззубая шавка подняла голову и лениво гавкнула вслед удаляющейся паре.

Нужный дом они отыскивали без труда: он выделялся среди остальных, словно павлин в стае уток. В обширном дворе, обнесенном высоким каменным забором, слонялись пять или шесть громил, безуспешно пытавшихся придать туповатым от природы физиономиям выражение подобающей моменту скорби.

— Без шума нам сюда не войти, — справедливо заметил Конан.

— Обойдем сзади, — отозвалась девушка. — Кстати, как думаешь, в каком помещении могут держать покойника до начала всех церемоний?

— Где-нибудь в холодном месте, а то по такой жаре он у них мгновенно развалится на части.

— В погребе? — предположила Ринга.

— Скорее, на леднике. Кстати, им надо поторапливаться с похоронами.

Сзади к дому примыкал обширный сад, который выглядел не таким запущенным, как принадлежавший бывшему владельцу Ринги. Сад отделяла от улицы бронзовая решетка высотой в рост человека, перелезть через которую не составило особого труда.

Прячась за отцветающими розовыми кустами, двое незваных гостей пробежали по усыпанным мелким песком дорожкам мимо погруженного в свое занятие садовника. Тропинки, прихотливо петлявшие в зелени сада, заканчивались у беспорядочно разбросанных пристроек, обступивших заднюю часть здания.

Ринга, встав на цыпочки, заглянула в первое подвернувшееся окно и разочарованно развела руками:

— Кухня. И никого нету.

— Пошли дальше, — отозвался киммериец. — Думала, все тебе так сразу? Может, они тело в доме держат. Тогда нам не повезло.

За несколькими следующими окнами тоже ничего интересного увидеть не удалось. Это оказались комната прислуги, забитая мешками кладовка и небольшая библиотека. Расстроенная безрезультатными поисками девушка, похоже, уже была согласна пойти на попятный, однако за

очередным окном открылось кое-что непонятное и любопытное.

Из довольно просторной комнаты вынесли все вещи, оставив только массивный стол посредине. На столе, накрытый большим отрезом белой шелковой ткани, покоился длинный сверток, в котором угадывались очертания человеческого тела.

— Вот твой покойничек,— прошипел северянин.— Ну что, не передумала?

Ринга замотала головой, пристально вглядываясь в закрытый тканью труп, и попыталась забраться в комнату, но тут же спрыгнула обратно и присела под окном.

— Кто-то пришел,— шепотом сообщила она.— Подождем, пока уйдет.

* * *

Судя по доносившимся разговорам, в комнату, где находился покойник, вошел не один человек, а несколько. Время от времени раздавалось плаксивое хныканье женщины и утешающе-покровительственный голос мужчины. Иногда в разговор вмешивалась еще одна женщина, в тоне которой звучало нечто заискивающее.

«Жена или подруга Райнака, служанка и старый приятель, который собирается подгрести под себя все, что останется без присмотра,— предположил варвар.— Ну ладно, сейчас они смоются, залезем мы, а что толку? Не надо было соглашаться идти сюда...»

Хлопнула дверь. Ринга немедленно высунулась, бросила один короткий взгляд внутрь дома и снова спряталась.

— Что там? — поинтересовался северянин.— Свалили?

— Остались две женщины,— шепотом доложила девушка, присаживаясь рядом.— Стоят возле стола, одна вроде плачет.

Из чистого любопытства Конан тоже осторожно заглянул в окно. Удивленно поднял бровь и толкнул устроившуюся на заросших травой камнях Рингу:

— Погляди-ка сюда, только тихо.

Женщины в комнате отнюдь не оплакивали усопшего. Они тихо, но отчетливо смеялись, предусмотрительно отой-

дя подальше от двери. Старшая, низенькая полная заморийка со следами седины в темных волосах и черными, юркими глазками, и младшая, уроженка явно не этих мест — высокая, рыжеватая блондинка, похожая на проворную лисицу. Траур, в который были одеты обе, несколько не мешал им веселиться. Даже очень внимательный наблюдатель не смог бы заметить на их лицах ни малейшего признака печали.

— А рыженькая ничего,— нахально заметил киммериец и с удовольствием услышал рядом тихое разъяренное шипение.— Когти убери. Так, на всякий случай.

— Варвар,— сердито проворчала Ринга, и в самом деле выпустившая коготки.— Задущу. Когда-нибудь. При случае.

— Силенок не хватит, да и пропадешь без меня... Тихо! Служанка подошла к двери и выглянула:

— Никого, госпожа Линдисса. Но они скоро вернутся.

— Пусть возвращаются,— равнодушно пожала плечами рыжая красотка по имени Линдисса.— Я к тому времени буду безутешно рыдать.— Но не выдержала и снова рассмеялась: — Иштар Великая, наконец-то он подошел! Кто бы это ни сделал, я ему бесконечно благодарна... Сыта по горло! Кончились мои муки, постоянные подозрения и вечные сопровождающие!..

— Вот они, женщины,— вполголоса проговорил Конан, ухмыляясь.— Не успел один помереть, как она уже мчится к другому! — добавил он, снова прислушавшись к происходившему в комнате.

— Чари, ты сегодня же сходишь... Знаешь куда,— распоряжалась тем временем госпожа Линдисса.— Скажешь, что я буду ждать вечером... Если удастся удрать от них. Коли не приду вовремя, пусть подождет. Я ж не гвардеец, чтобы в точности исполнять приказ. Так, а теперь...

Ветреная красавица порылась в складках одежды и вытащила крохотный флакончик. Недовольно скривилась, откупорила, вытряхнула на ладонь несколько капель содержимого и тщательно втерла в глаза. Спустя мгновение она уже захлебывалась безостановочно текущими слезами.

— Редкостная мерзость...— с трудом проговорила она.— Чари, пошли отсюда, сил моих нет...

Поддерживаемая верной служанкой рыдающая Линдиса покинула комнату. Двое за окном переглянулись и по очереди бесшумно перемахнули через подоконник.

Киммериец на всякий случай выглянул за дверь, убедившись, что овдовевшая подружка (или законная супруга) убралась достаточно далеко, а больше отдавать долг памяти усопшему никто пока не собирается. Ринга подошла поближе к столу и принялась:

— А покойник-то воняет.

Похоже, в комнате разлили целую бочку с благовониями, но они все равно не смогли перебить стойкий приторный запах.

— Ну что, не раздумала? — осведомился северянин, обходя стол и осматривая тщательно закрытый труп.

— Нет,— вздохнула Ринга.— Идти, так до конца.

— Тогда стой у двери и слушай.

Белый шелк, как выяснилось, был подвернут под края стола и приколот мелкими гвоздиками. Пришлось их вытаскивать по одному с помощью кинжала. Затем Конан аккуратно откинул в сторону освобожденный край покрывала, открыв тщательно обмотанное широкими белыми лентами тело.

«Интересно, сколько лет каторги в Заморе полагается за... Так, осквернителями и грабителями могил нас не назовешь. Он еще не похоронен.— Киммериец осторожно приподнял и надрезал ленту, закрывавшую лицо.— Труп мы не воровали, ничего от него не откромсали... А все равно, поймают — мало не покажется. Значит, не должны поймать... Нет, кому же назначила свидание эта рыженькая?»

— Ринга, иди сюда.

Рабирийка послушно оставила свой пост у двери и приблизилась к столу. Остро отточенный кинжал с едва различимым треском разрезал последний слой шелка. Девушка издала еле слышный сдавленный звук, а привыкший ко всему наемник неожиданно почувствовал сильнейшее желание оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

— М-м-м,— выдавила Ринга. Ее и без того белая кожа приобрела слегка зеленоватый оттенок.

— В окно. И без шума,— приказал варвар, подозревая, что сейчас может произойти. Но Ринга справилась, вцепившись в доски стола и с усилием несколько раз сглотнув.

— К-какая гадость,— наконец выговорила она.— Что с ним сделали?

— Зашили, я так полагаю,— буркнул Конан.— Чтобы совсем не развалился. Налюбовалась?

— Дай кинжал,— попросила девушка. Получив оружие, наклонилась, и, стиснув клинок обеими руками, чтобы не дрожал, осторожно повернула голову покойника. Сначала на левый бок, затем на правый, внимательно осматривая уцелевшие участки кожи на шее. Она явно искала признаки чего-то, и, не найдя, перевела дух.

— Закрывай.

Вот эту просьбу киммериец выполнил с величайшим удовольствием. Ринга отошла подальше в сторону, в задумчивости сплетая и расплетая пальцы и ожидая, пока на столе все будет приведено в относительный порядок.

— Так что ты узнала? — поинтересовался северянин, пытаясь восстановить все в первоначальном виде.

Девушка помолчала, а затем неожиданно спросила:

— Скажи, когда люди клянутся именами своих богов, они соблюдают потом эти клятвы?

— Хм...— Вопрос стоил того, чтобы немного подумать.— Порой нарушают. Хотя случается и так, что лучше выполнить обещанное, а то потом хлопот не оберешься. А что?..

— Я не человек,— продолжала Ринга.— Значит, на меня людские законы не распространяются, так? Но мне очень нужно дать клятву.

— Я тебе и так поверю,— хмыкнул Конан, прилаживая на место оборванный шелк.

— Это нужно мне! — упрямо повторила девушка.— Мне самой! Мне необходимо убедиться: я на самом деле вижу то, что вижу. Я должна сказать это вслух.

Она выглядела очень взволнованной и несколько испуганной. Не лицемерие покойного Райнака так действовало на нее, а что-то другое, гораздо более страшное.

— Ну поклянись, может, полегчает, — согласился ким-мериец. — А то выглядишь так, словно призрак увидела. И давай побыстрее.

Похоже, представления людей и гулей о том, что такое клятвы, в корне отличались. Гули Рабирийских гор, несмотря на все свои отталкивающие привычки, относились к торжественным словесам намного серьезнее. Или Ринга, прожившая большую часть жизни среди людей, стала исключением из правил, полагая, что в мире имеется что-то нерушимое. Проще было дать ей выговориться и выслушать, чем уверять в том, что она глубоко заблуждается.

Девушка помедлила, собираясь с духом, и неторопливо, тщательно выговаривая каждое слово, произнесла:

— Ночью, хранившей меня, и двурогой луной, что освещает мой путь, я подтверждаю свои слова здесь, завтра и в следующих кругах моей жизни. Никто из моего народа не делал этого. — Она глубоко вздохнула и радостно добавила: — Ну вот, все. В самом деле полегчало.

— Кажется, и так было ясно, что гули здесь ни при чем, — проворчал северянин.

— Нет, не ясно, — упрямо перебила Ринга. — Ты ведь тоже не верил, что в городе есть гуль, пока не наткнулся на меня. Теперь веришь.

— Верю тому, что вижу.

— Я боялась, что это совершил одержимый луной, — задумчиво сказала девушка. — Но здесь совершенно другое.

— Какая нам теперь разница — что? — не понял варвар. — Незвестный убийца отправил местного задаваку на тот свет, твои сородичи здесь ни при чем. Какого Нергала тебе еще надо?

— Когда убили этих двоих людей, что сразу подумали в городе? — поинтересовалась Ринга и сама ответила: — Что это сделали гули. Почему? От здешних краев до Раби-ров не просто далеко, а очень далеко, однако все в один голос твердят: виноваты гули. В представлении людей мы

обязательно рвем добычу на куски, а это совсем не так... Скажи, вот ты всю жизнь сражаешься... Что у вас считается более правильным: убить человека с одного удара или с нескольких?

— Тебе бы с Мораддином об этом потолковать, у него тоже все мысли об искусстве убийства, — попробовал отшутиться Конан, но девушка терпеливо ждала ответа. — Конечно, с одного, потом добивать не надо!

— У нас то же самое. Ни один уважающий себя гуль не станет убивать человека таким способом, — серьезно сказала Ринга. — Существуют правила, которые никто и никогда не нарушает... Ты не обижаешься, что я говорю о людях как о добыче?

— Вроде нет... Ну ты продолжай, продолжай. Дальше что?

— Да то, что кто-то из людей пытается изобразить действия гуля! Так, как нас представляют по страшным сказкам! — завершила свою мысль рабирийка. — Я никогда не встречала подобного! Я сейчас пыталась найти отметины от зубов, таких как у меня, и в том месте, где им полагается быть. Их нет! Но рвали человека на куски когтями. Когтями гуля! Вот такими, а то и покрупнее. — Ринга, вытянув руку, снова продемонстрировала свое страшное оружие. — Я ничего не понимаю, а ты?

Глава пятая

А мне, честно говоря, наплевать,— после краткого раздумья ответил Конан.— Нас это не касается. В тихих городках вечно что-нибудь происходит, но на поверку все это оказывается мышьиной возней. И я вовсе не жажду влезать в местное болото и выяснять что к чему. К тому же мне никто за это не заплатит... Если кто-то хочет, чтобы его считали гулем, его дело.

— Да, конечно,— печально сказала Ринга.— Все верно. Плохо только одно: единственный гуль здесь я. И отвечать в случае чего придется мне. За убийства, которых я не совершала.

— Брось. Для начала пусть попробуют тебя поймать, и я сильно сомневаюсь, что у них это получится,— беспечно отмахнулся киммериец.— Пошли отсюда.

— Как думаешь, никто не заметит, что мы тут похозяйничали?

Девушка придирчиво осмотрела укрытое белым шелком тело, расправила получившиеся кое-где складки и вроде осталась довольна. Хотя часть заново вбитых гвоздей держалась на одном честном слове: рукоять кинжала менее всего подходила для подобных работ.

— Пусть даже заметят, разве придет в их тупые головы мысль, что кто-то заявлялся поглазеть на покойника? — спросил вместо ответа варвар.— Конечно нет!

— Вы оба так в этом уверены? — язвительно спросил чей-то голос, заставив северянина по привычке потянуться

за мечом, а Рингу — метнуться к спасительному окну. Варвар клял себя последними словами за непростительную беспечность. Отчего он вдруг решил, что в комнате всего одна дверь?

Дверей и в самом деле оказалось две. Вторая, замаскированная под декоративную колонну на стене, оставалась незамеченной до тех пор, пока ее не открыли.

— Я так и знал, что ты непременно объявишься, моя красавица! — насмешливо заявил стоявший в дверном проеме человек, обращаясь к замершей на месте Ринге.— Ну разве хорошо так поступать, а, Рата? Вот и я думаю, что нехорошо...

Девушка не двинулась с места и ничего не ответила, но киммериец уже сообразил, что тут происходит. Незнакомец называл рабрийку Ратой, значит...

— Ринга, это твой хозяин? — вполголоса окликнул девушку Конан.

Та испуганно вздрогнула и кивнула.

— Мой бывший хозяин.— Она особенно подчеркнула «бывший».— Почтенный месьор Эридат.

— Вот значит как? Бывший? — нарочито обиженно возмутился замориец.— Ох уж эти женщины! И когда только успела...

— Попридержи язык,— посоветовал северянин кипевшему праведным негодованием Эридату.— А лучше вообще заткнись.

Замориец — человек средних лет, невысокий и довольно грузный для своего возраста, с ироничным взглядом выпуклых черных глаз — сделал вид, что только сейчас заметил присутствие варвара.

— Надо понимать, именно к этому господину уплыло мое золото,— понимающе протянул он.— Ах, Рата, Рата... Ну хорошо, признаю, что немного перегнул палку... Но обчистить меня до нитки? Молодой человек,— Эридат обернулся к северянину,— ты хоть представляешь, с кем связался?

— Отлично представляю,— невозмутимо отозвался Конан, прикидывая, сможет ли он скрутить говорливого заморийца без особого шума.

— Значит, представляешь...— повторил Эридат.— Тем лучше. Я полагаю, ты собираешься свернуть мне шею и незаметно смыться отсюда?

— Вот именно,— подтвердил киммериец, оглянувшись на Рингу. Девушка по-прежнему молчала, косясь на окно.— Да еще и ее прихватить с собой.

— Не выйдет,— с сожалением покачал головой почтенный месьор.— Понимаете, я подозревал, что моя красавица пожалует сюда, и приготовил вполне достойную встречу. Признаться, я не рассчитывал, что с ней прибудет такое подкрепление, но...

— Значит, в этом доме появится несколько трупов вместо одного,— безмятежно заявил северянин.— А мы все равно уйдем.

— Возможно...— задумчиво протянул Эридат.— И даже очень возможно...— Он пожевал губами, что-то прикидывая в уме, поколебался и принял решение: — Скоро сюда заявится толпа опечаленных родственников, а мне хотелось бы немного потолковать без лишних свидетелей. Идите за мной.

Он повернулся и исчез в двери, ни капли не сомневаясь, что незваные гости послушно последуют за ним. Конан и Ринга переглянулись.

— Влипли,— тоскливо вздохнула рабирийка.— По уши и выше. Может, удерем?

— Если он на самом деле поджидал тебя, то вряд ли нас отсюда выпустят,— мрачно ответил варвар.— Конечно, я могу устроить им взбучку, которую никто не забудет до конца жизни, но что толку?... Слушай, что он за человек? Ему можно верить хоть в чем-нибудь?

— Не знаю,— подумав, отозвалась девушка.— Во всяком случае, я не поверю ни одному его слову, пусть он даже призовет в свидетели всех людских богов.

— Обрадовала, называется...— проворчал киммериец, ныряя в низенькую потайную дверь. Ринга держалась на шаг позади, настороженно оглядываясь по сторонам.

За створками маленькой двери тянулся длинный извилистый коридор. Знакомый с подобными строительными ухищрениями еще по Шадизару, северянин предположил,

что ход проложен внутри толстых стен дома. Через каждые несколько шагов встречались отверстия, большие и поменьше, через которые падал свет и можно было слышать и видеть все происходящее в комнатах.

Миновав несколько плотно закрытых дверей, варвар и его спутница попали в крохотную комнатку, забитую старой, сваленной как попало мебелью. Почтенный месьор Эридат восседал в одном из наиболее хорошо сохранившихся кресел, два других, похуже, стояли чуть поодаль.

— А я уж начал думать, вы сбежали,— хмыкнул замориец, когда в комнату осторожно зашли его гости поневоле.— Ну что же, пока у нас есть немного времени до начала церемонии похорон, давайте побеседуем. Судя по всему, твой друг, Рата, не собирается возвращать украденное? А я так долго и так много трудился, чтобы собрать эти деньги, между прочим... Кстати, откуда он взялся? И где ты успела с ним познакомиться?

— Из Турана я взялся,— буркнул северянин, решив, что чем меньше будет о нем известно, тем лучше. Кроме того, он в самом деле прибыл в Дэлирам напрямиком из Султанапура, а никто не станет спорить, что Султанапур — один из крупнейших городов Туранской империи.— Меня зовут Конан. Я наемник.

— Я так и подумал,— кивнул Эридат.— Похоже, это твое основное ремесло? Кроме воровства, конечно? И расставаться с милейшей Ратой ты в ближайшее время не собираешься? Что ж, понимаю. У нее много других достоинств, помимо...

— Ты, кажется, собирался о чем-то поговорить,— перебил нахально издевавшегося над ними заморийца варвар, краем уха услышав тихое шипение: Ринга явно справилась с душевным потрясением, вызванным неожиданной встречей со своим прежним владельцем, и начинала злиться.

— Ах, да,— спохватился месьор Эридат.— Так бишь о чем я? О ловушке, в которую угодили две птички вместо одной. Я слышал ваш разговор и должен признать, что вы оба совершенно правы. Большинство обитателей нашего городка убеждены в причастности к обоим недавним смер-

тям некоего опасного существа не совсем человеческого происхождения. Назовем его для простоты гулем. Гуль в нашем распоряжении только один — тихая и скромная девушка Рата. Будет очень жаль, если именно ей и придется расплачиваться за все происшедшее.

Замориец сделал паузу и оглядел своих собеседников. Решив, что они внимательно следят за ходом его мыслей, продолжил:

— Похоже, тебе, мой молодой друг, это совсем не по душе?

— Нет, я просто счастлив, — огрызнулся Конан. — Ну и дальше?..

— Я предлагаю небольшую, зато устраивающую всех сделку, — торжественно провозгласил Эридат. — Мое слово достаточно много значит в этом городе, и я могу избавить вас от постоянного преследования. Вы собирались задержаться на какое-то время в Дэлираме?

— Да, — отозвался киммериец, — я хотел уехать через пару дней.

— Просто замечательно! — Достойный месьор стукнул ладонью по ручке кресла, подняв небольшое облачко пыли. — Как раз то, что надо. Вот в чем суть моего предложения. Кое-кому стало известно о моем весьма необычном приобретении и о его бегстве. Как я уже говорил, подозрение в первую очередь падает на нее... Хотя очевидно, насколько оно нелепо. Однако градоначальник и некоторые военные чины обязаны принять меры по розыску преступников, и, не сомневайтесь, они их примут. Я могу направить их поиски по ложному следу, а то и вовсе убедить, что на последние события следует смотреть сквозь пальцы, но за это...

Он замолчал, в задумчивости побарабанил пальцами по ладони другой руки и наконец решительно изложил свое условие:

— Услуга за услугу. Господин наемник отправит кое-кого к Нергалу. Так, кажется, у вас принято говорить?

— Нет! — громко крикнула молчавшая до того Ринга. — Не соглашайся!

— погоди, — остановил ее киммериец. — Кого и когда?

— Его имя тебе знать не обязательно. Он мне мешает, и этого достаточно, — ласково улыбнулся Эридат, но в его голосе зазвучали металлические нотки. — Я покажу этого человека и укажу места, где можно его встретить. Будет лучше, если это произойдет как можно скорее. Скажем, сегодня вечером или ночью. Каким способом ты это делаешь — неважно. Сообщать об исходе дела тоже не стоит, я узнаю сам. Его смерть означает вашу свободу, и вы сможете жить спокойно, однако постарайтесь не показываться лишний раз на улицах и по возможности побыстрее покиньте город. У вас есть лошади? Нет? Я так и подумал. Подвернется случай — попытаюсь раздобыть для вас парочку, хотя это будет довольно трудно. У нас в городе, к сожалению, их почти не держат. Кстати, я даже не возражаю, чтобы вы оставили себе золото. Идет?

«С нынешнего дня никогда не возьму в руки кости! — клятвенно пообещал северянин. — Кром! Вот уж не думал, что придется стать наемным убийцей! Морадин узнает — помрет со смеху... Согласиться? Или не стоит? Не соглашусь — у этого выкорыша Сета наверняка припрятан неподалеку десяток-другой головорезов. Я-то прорвусь, но Ринга? Придется как-то тащить ее за собой, а кто поручится, что ее не прикончат? Так, по чистой случайности?»

— А если я сейчас прихвачу тебя с собой вместо щита и пойду прочь? — негромко и почти равнодушно поинтересовался Конан. — Что тогда?

— Вас выпустят из дома, — спокойно отозвался месьор Эридат. — Но далеко вы все равно не уйдете. Женщина проживет немного дольше, пока не сообщит, где спрятаны деньги. Что с ней будет потом — не знаю. Но могу с определенной уверенностью предполагать, что ничего хорошего ее не ждет.

— Ублюдок, — очень искренне высказал свое мнение северянин, прибавив пару слов на языке, которого никто из присутствующих не понял. — Ладно, я согласен. Но ответь сперва на пару вопросов: кто убил эту парочку, Райнака и туранца? Почему ты поджидал здесь Рату?

— На первый вопрос могу ответить совершенно искренне: понятия не имею,— с готовностью проговорил замориец.— С караванщиком... как его?.. Маридом?.. я в жизни не сталкивался. Покойный господин Райнак был моим... скажем так, деловым партнером, но я не представляю, кому понадобилась его смерть. Я бы предпочел видеть его живым. У месьора Райнака был весьма изобретательный и острый ум, и наше дело многое потеряет с его гибелью. Видимо, кто-то решил свести с ним счеты: Райнак умудрился насолить слишком многим, в том числе и господам из Шадизара. Слышали об этом городе? Тогда и объяснять не надо. Что до очаровательной Раты...— Эридат посмотрел на сжавшуюся в слишком большом для нее кресле девушку.— Я предполагал, что, как только возникнет слух о гулях, она немедля примчится проверить его истинность. Разумеется, никаких гулей, кроме нее, в Далираме нет и никогда в жизни не было.

— А кто его распустил, этот слух? — прорычал киммериец.— Не ты ли сам?

— Может, и я,— хмыкнул почтенный месьор.— Значит, мы договорились? Пойдем, взглянешь на будущую жертву.

Замориец тяжело поднялся с кресла и вперевалочку заковылял по петляющему узкому коридору, время от времени заглядывая в проделанные в стене отверстия.

— Вот он.— Месьор Эридат остановился и поманил поближе следовавших за ним варвара и девушку.— Пока Райнак был жив, они готовы были загрызть друг друга, но на похороны он все же пришел.

Нетерпеливо расхаживавший по комнате человек, по мнению киммерийца, ничем не отличался от сотен других жителей Далирама. Разве что держался несколько надменно и ростом был повыше, чем обычный замориец.

Такой вот простой, совершенно незамысловатый выбор — жизнь незнакомца в обмен на жизнь женщины-гуля. Проще некуда.

— Скоро начнутся похороны,— понизив голос, сообщил Эридат.— Потом состоится поминальная трапеза для родственников и друзей. Он на нее вряд ли останется. А даже

если рискнет задержаться, засидится ненадолго, друзей у него здесь мало. Ищи его ближе к вечеру возле заведения Мамаши Циль. Он там порой ошивается ночи напролет.

Несмотря на всю серьезность происходящего, северянин фыркнул, расслышав в тоне почтеннейшего месьора старательно скрываемую зависть, и мысленно одобрил выбор незнакомца. Дом утех Мамаши Циль, находящийся почти в центре городка, был лучшим из двух имеющихся, хотя и не шел ни в какое сравнение с заведениями подобного рода в Султанапуре.

— Запомнил? — поинтересовался замориец. Дождавшись ответного кивка, двинулся дальше по коридору, бросив через плечо: — Пошли, выведу вас из дома, а то еще попадетесь на глаза кому не надо.

* * *

Еле державшаяся на петлях дверь постоянного двора гулко ухнула, захлопнувшись за посетителями. Барракс, протививший и без того чистые кружки, поднял голову и скорбно вздохнул. Его надежда в очередной раз не сбылась: невыносимый постоялец, северный наемник, вернулся. Да вдобавок не один, а с маленькой черноволосой женщиной. То ли успел где-то обзавестись подружкой, то ли встретил знакомую. Хотя какие могут быть у этого варвара знакомые?..

Северянин и женщина выглядели донельзя чем-то удрученными. Они не поднялись наверх, как втайне надеялся хозяин «Подковы», а уселись за одним из пустовавших столов. Поколебавшись, Барракс решил, что все ж таки не стоит забывать о собственной выгоде, и, выбравшись из-за загроможденного мытой посудой стола, подошел к странно притихшей парочке. Наемник насвистывал что-то мрачно-вызывающее, девушка сидела опустив голову и углубившись в разглядывание сучков и разноцветных разводов от пролитого вина на досках стола.

— Почтеннейшим господам что-нибудь угодно? — стараясь быть вежливым и с трудом скрывая дрожь в голосе, осведомился хозяин.

— Выпить,— буркнул наемник, прекратив свистеть.— И побольше.

— Мне тоже,— угрюмо попросила девушка.— «Змейку», если есть.

Барракс мысленно покрутил пальцем у виска, услышав требование девушки, но по здравому размышлению решил: раз ей охота употреблять эдакую гадость, то дело ее. Расставив на столе кувшины, хозяин, шаркая ногами по полу, ушел на кухню, подальше от возможных неприятностей. Он уже слышал об утренней стычке своего неугомонного постояльца с немедийскими гвардейцами. Кто знает, может, вот сейчас в тихую гостиницу ворвется кто-нибудь жаждущий немедленно выяснять с варваром отношения. Где он раздобыл эту девицу со столь странными вкусами? Явно ведь не местная... Может, у Мамаши Циль выпросил на время? Хотя она своих красоток за порог не отпускает, да и не похожа молчаливая незнакомка с закрытым на туранский манер лицом на размалеванных Мамашиных вертихвосток...

Конан не без основания считал себя знатоком вин и теперь с некоторым удивлением наблюдал за Рингой, с мрачным упорством осушавшей свою кружку. По мнению варвара, черная и приторно-кислая «Змейка» по вкусу мало отличалась от пойла для свиней, для виду подкрашенного виноградным соком, и служила единственной цели — опьянять как можно быстрее. Похоже, рабирийка добивалась именно этого. Она влила в себя уже половину объемистой кружки, когда северянин не выдержал и отобрал у нее сосуд:

— Перестань травиться, не поможет.

Девушка не произнесла ни единого слова с тех пор, как они покинули дом покойного Райнака и вернулись на постоянный двор, если не считать обращения к хозяину. И сейчас она покорно отдала кружку, уперлась локтями в стол, положила голову на ладони и отсутствующим взглядом уставилась в маленькое узкое окно.

— Так и будем молчать? — поинтересовался киммериец, к которому мало-помалу возвращалось привычное, чуть легкомысленное и ироничное отношение к миру.

— Это я во всем виновата,— глухо сказала Ринга.— Почему ты не позволил мне вернуться?

— Куда, в объятия к месьору Эридату? — хмыкнул Конан.— Слушай, если мы начнем искать виноватого, то провозимся до конца света. Ты подбила меня пойти посмотреть на покойника, но еще раньше я проигрался и залез в дом твоего хозяина... Ну и что, в конце концов?

— Это плохо кончится,— стояла на своем девушка.— Не ходи никуда. Ничего он нам не сделает.

— Твой владелец сказал, что у тебя много достоинств, но насчет дара пророчицы ничего не упомянул,— язвительно заметил киммериец.

Ринга не обратила внимания на его колкость, а лишь настойчиво повторила:

— Не ходи.

— Я могу и не пойти,— негромко, как бы рассуждая вслух, проговорил северянин.— Почтенный месьор наутро узнает, что мешающий ему человек все еще жив. Допустим, он пришлет своих людей или явится сам узнать, почему я не выполнил обещание. Я сумею чего-нибудь наврать. Допустим, что тот человек был не один или просто не подвернулось удачного момента...

— Как он узнает, где мы живем? — перебила девушка.

Варвар изумленно поднял бровь:

— Ты полагаешь, ему это до сих пор неизвестно? Это же маленький городок, чтоб ему провалиться, и здесь все знают всех. Так вот, если Эридат поверит моим рассказам и согласится потерпеть еще немного, мы дождемся базарного дня, попробуем купить лошадей да сбежать. Это при наилучшем стечении обстоятельств.

— А при наихудшем? — тоскливо спросила Ринга.

Выпитая «Змейка» начинала действовать, но опьянение не принесло веселья. Наоборот, окружающая действительность в глазах девушки погрузилась в непроглядный мрак.

— При наихудшем здесь соберется вся стража города, сколько ее ни есть,— отозвался киммериец.— Сама понимаешь, чем это может закончиться. Грудой трупов. Вполне вероятно, что среди них окажемся и мы с тобой. Либо ты одна.

Он откупорил новую бутылку и принялся наполнять свою кружку. Рабирийка съезжилась на скамье, точно ей было холодно, хотя в зале, как обычно, стояла жара и было даже душно.

— Кроме того, нам может не повезти в другом, — после некоторого молчания продолжил Конан. — На рынке не окажется лошадей или случится другая неприятность... И есть еще одно — я дал обещание. По душе мне это или нет, но придется его выполнить. Не в моих привычках нарушать данное слово, и я никогда... — Он подумал и поправился: — Ну, может, и случалось пару раз... Смотря по обстоятельствам.

— Лучше бы ты меня не слушал и мы никуда не ходили, — горько уронила Ринга.

— Перестань твердить одно и то же! — рыкнул киммериец. — Что сделано — то сделано. Тебе жить надоело? Или хочешь всю оставшуюся жизнь просидеть в клетке? Раз уж я вытащил тебя оттуда, придется тянуть и дальше. Не думаешь ли ты, что я тебя брошу? Все обойдется, мы скоро отсюда уедем.

Девушка упрямо помотала головой:

— Ничего не обойдется.

— Ты еще разрыдайся, — насмешливо предложил варвар. — Авось Эридат растрогается, отдаст все свое золото и вместо клетки посадит тебя на цепочку. И даже будет иногда выпускать погулять, представляешь?

— Никто и никогда не заставит меня плакать! — неожиданно громким и срывающимся голосом крикнула Ринга. — Никто!

Она оттолкнула скамью и вскочила, нетвердо держась на ногах. Пошатываясь, добрела до лестницы и, цепляясь за перила изо всех сил, принялась упорно преодолевать ведущие вверх ступеньки. Несколько раз ее маленькая ножка с грохотом срывалась, но девушка упрямо двигалась к цели и в конце концов достигла ее. Конан недоуменно посмотрел ей вслед и снова засвистел, подумав, что на гулей, наверное, человеческие вина действуют как-то по-другому. Уж больно быстро захмелела рабирийка.

Подошел Барракс — убрать опустевшую, а потому больше ненужную посуду. Хозяина гостиницы безжалостно грызло неутоленное любопытство. Ему до смерти хотелось узнать, кто такая эта женщина и что связывает ее с варваром-наемником, но задать вопрос он не решался. Северянин, посмеявшись про себя, решил, что настало самое время вдохнуть жизнь в придуманную им для Ринги историю, и небрежно заметил вслух:

— Одна морока с этими благородными...

— Оно конечно, — с готовностью подхватил хозяин. Почтенный Барракс давно уже напрягал слух в надежде уловить, о чем разговаривают наемник и его странная подружка, но ему определенно не везло: беседа велась слишком тихо. — Так она, — содержатель гостиницы ткнул пальцем наверх, — из знати?

— Дочка аргосского нобилия, — подтвердил киммериец, и Барракс, поколебавшись, осторожно осведомился:

— Как же она сюда попала?

— Сбежала от папаша, который все пытался спихнуть ее замуж, — понизив голос, сообщил варвар. — Хотела добратся до Бельверуса, но жизни-то не знает... Ее отловила шайка каких-то проходимцев, вот бедняжка и угодила вместо Немедии в Замору. Потом умудрилась сбежать и по дороге случайно наткнулась на меня.

Барракс сочувственно поцокал языком. То, что рассказывала Киска Ви, прислуживавшая таинственной женщине, один к одному сходилось с рассказом наемника.

— Стало быть, она теперь при тебе?

— Да. Только вот не знаю, как с ней быть, — огорченно признался северянин. — Возвращаться домой ни в какую не желает, таскать ее за собой — хлопотно, бросить — жалко, пропадет ведь. Да и неохота ее бросать, честно говоря...

Хозяин «Подковы», ухмыльнувшись, понимающе закивал и поинтересовался:

— А пристроить ее в какое-нибудь семейство — никак?

— Не хочет, — пожал плечами варвар. — Привязалась, говорит: лучше буду с тобой пропадать, чем одна. Ладно, придумаем что-нибудь.

...Наверху, в комнате, было тихо и сумрачно: за окном уже сгустился вечер. Конан сначала даже подумал, что девушка обиделась и ушла, и мысленно выругал ее за эту глупость, прикидывая, далеко ли она смогла убежать и куда могла направиться.

— Я здесь, — тихий голосок донесся откуда-то снизу. Оказывается, Ринга свернулась клубочком на расстеленном на полу плаще варвара и задремала. — Я ждала, ждала и уснула. — Она опустила голову и виновато призналась: — Прости, кажется, я наговорила всякой чуши. Вот каждый раз, как выпью — начинаю молоть языком без остановки.

— Да ладно, — отмахнулся киммериец. — С кем не бывает.

«Если идти, то пора выходить. Может, поймаю моего бедолагу по дороге в веселый дом, а то как засядет с девочками на всю ночь...»

Рабирийке, кажется, пришла в голову та же мысль.

— Ты уходишь. — Она скорее утверждала, чем спрашивала.

— Что поделать, — хмыкнул Конан, — нанялся, так надо отрабатывать.

— Я пойду с тобой, — неожиданно заявила девушка, вскакивая на ноги.

— Еще чего не хватало! Ополумела совсем? — возмутился северянин. — Никуда ты не пойдешь, а будешь смирно сидеть и ждать! И чтобы отсюда — ни ногой! Не хватало мне еще потом тебя разыскивать по всему городу. Ты поняла?

— Да, — упавшим голосом проговорила Ринга и, помолчав, добавила: — Хорошо, я подожду. Но только до восхода луны. А потом пойду за тобой.

Спорить с ней было бесполезно, да и времени не оставалось.

— Ладно, до луны, — согласился киммериец. — Но до того — сидишь как мышка, и ни звука.

— Угу, — закивала девушка. — Удачи.

«И никаких тебе «возвращайся поскорее» или «будь осторожнее», — с удовольствием отметил варвар, выпрыги-

вая из окна и пересекая запущенный огород. — Нет, эта малышка прекрасно соображает, что к чему. Жаль только, что она не совсем человек... А впрочем, какая разница? Надо будет попросить ее улыбнуться, а то порой я уже забываю, что нынче у меня в подружках гуль».

* * *

Городок медленно погружался в сон. Кое-где в окнах мерцали робкие огоньки, порой лениво перелазивали собаки, а припозднившиеся прохожие торопились добраться домой. Стража на улицах, как всегда, отсутствовала, за исключением ночных сторожей у ворот богатых домов. Большинство из них относилось к своему долгу в высшей степени наплевательски, предпочитая дремать на посту, а не пялиться в сгущающиеся сумерки, охраняя хозяйское добро от тех, кто задумает покуситься на него.

Заведение Мамалпи Циль — киммериец так и не удосужился узнать, как оно называется, — наоборот, просыпалось. Кривоногий прислужник вынес на улицу и повесил на кованом крюке большой зажженный фонарь с красными слюдяными пластинками, возле гостеприимно распахнутых дверей заняли свои посты две призывно улыбавшиеся красотки. То есть сейчас они еще не улыбались, а безудержно зевали и вовсю болтали, оглядывая пустынную улицу в ожидании гостей.

«Кажется, я пришел вовремя. — Конан устроился в стеной нише шагах в двадцати от входа в заведение, стоявшее в конце неприметной улицы. Любопытный посетитель, если он только не пользовался каким-нибудь скрытым боковым входом, должен был сперва пройти мимо спрятавшегося варвара. — У них еще только-только глаза продрали. Ну что ж, подождем и посмотрим, окажется болтливый старикашка как-там-бишь-его прав или нет. Если этот тип не придет, то и разговора больше никакого не будет... А все-таки надо было уехать с Морадином».

Девушки-завывалы не слишком долго прохладжались без дела: вскоре мимо них, старательно пряча лицо, проскользнул человек, за ним другой. Почтенные горожане спеш-

ли отдохнуть от тяжких дневных трудов и изрядно поднадоевших семейств. Затем по улице прошествовала целая компания гостей, уже успевших налиться вином под самую завязку, а оттого с трудом ворочавших языками, но упорно движущихся по направлению к распахнутым дверям заведения. Как северянин ни вглядывался, но своей цели среди них не рассмотрел.

После прибытия развеселой компании наступило долгое затишье. Киммерийцу надоело изображать из себя статую, он вылез из своего укрытия и прогулялся до входа в заведение, стараясь не попасться на глаза девицам. У Мамаши Циль веселились вовсю, и Конан с невероятным трудом заставил себя не послать все к Нергалу и не присоединиться к кутежу, а вернуться на место.

«Она мне за это заплатит,— мрачно пообещал варвар, бесшумно крадась вдоль улицы.— Ох как заплатит!»

Маленькая белая луна не спеша поднималась над плоскими крышами дремлющего городка. В начале улицы появилась одинокая фигура человека, уверенно направлявшегося к веселому дому. Человек шел не торопясь и не оглядывался пугливо по сторонам, шарахаясь от каждой тени.

«А вот и он,— с некоторым разочарованием отметил киммериец.— Приперся, надо же...»

Обитатели домов, расположенных поблизости от заведения, наверняка привыкли к тому, что каждый вечер на их улице происходят всякие безобразия. Либо посетители дома под красным фонарем выясняют отношения, либо несостоятельного клиента выталкивают за двери... Так что они не особенно удивятся, обнаружив поутру под своими окнами очередного покойника.

Незнакомец поравнялся с замершим в тени домов варваром и чуть замедлил шаги, подозрительно покосившись по сторонам. Конан тихо свистнул, и человек крутанулся на месте, определяя, откуда идет звук.

Можно было без особых затей уложить его на месте, метнув кинжал, пока он таранился в темноту, но... Видно, Моррадиновы нравоучения и рассуждения о «не продаю-

щемся искусстве убийства» не прошли бесследно. И в самом деле, было как-то неприятно тайком убивать человека, лично тебе ничего плохого не сделавшего и виновного лишь в том, что его жизнь какой-то мерзавец предложил в качестве оплаты за другую.

Увидев вырастающий перед ним грозный силуэт, незнакомец попятился, но не рванул со всех ног к спасительным дверям заведения. Вместо этого он потянул из ножен длинный узкий клинок, право на ношение которого имели в Заморе лишь представители благородного сословия и чуть дрогнувшим, но все же сохранившим надменные нотки голосом осведомился:

— В чем дело? Ты кто?

— А я тут мимо проходил,— осклабился киммериец.— По твою душу.

Видно, незнакомец был готов к чему-то подобному, или это покушение было уже отнюдь не первым в его жизни. Прорывав сквозь зубы невнятное ругательство, заморийский нобиль первым бросился в бой, то ли рассчитывая на неожиданность нападения, то ли намереваясь взять неведомого противника на испуг.

И сильно просчитался. Может, в Дэлираме он и был одним из лучших фехтовальщиков, но сейчас ему определенно не везло. Большинство его ударов киммериец легко отбивал, а то и вовсе клинок заморийца лихо рассекал воздух.

«Ладно, пора заканчивать веселье.— Северянин бросил быстрый взгляд на светящийся проем входа в заведение Мамаши Циль. Девицы куда-то отлучились, что было как нельзя кстати.— Как бы там не услышали звона и не подняли тревоги. Счастливого пути, месьор, передай от меня горячий привет Нергалу! Интересно, много вас там уже собралось? Должно быть порядочно, за столько-то лет!..»

— Убивают! — сдвоенный женский визг прорезал неспешно плывущую над городком тихую ночь.— А-а-а! Кто-нибудь! Там драка!

— Вот только вас еще не хватало,— зло прошипел варвар.

Красоткам приспичило не вовремя вернуться, и теперь они вовсю голосили, тыкая руками в начало улицы.

Их вопли оказали плохую услугу противнику киммерийца: он вздрогнул и отвлекся, а в следующий миг уже мешком свалился на пыльную старую мостовую, споткнувшись о выщербленный камень и получив сильный удар острием клинка в правый бок.

Привлеченные пронзительными криками женщин, из заведения выскочили несколько посетителей. Один из них догадался прихватить с собой факел и размахивал им, пытаясь разглядеть, что творится на темной улице.

«Не труднее, чем свернуть голову цыпленку... — Конан, вскакивая, бросил меч в ножны и метнулся в ближайший переулок. — Вряд ли они рискнут устроить погоню, но все-таки... Что ж, я свое обещание выполнил. Посмотрим, сдержит ли свое месьор Эридат».

— А не сдержит, так присоединится к этому, — пообещал вслух северянин, оглядываясь и прикидывая, в какой стороне находится постоянный двор. — Угроздило же вляпаться...

Глава шестая

Завтракать Конану пришлось в одиночестве: все попытки разбудить Рингу окончились неудачей. Девушка упорно не желала вставать, вяло отругивалась сквозь сон словечками, о существовании которых порядочная девица и знать-то не должна, не то что произносить без ошибок. Потом она пробормотала длинную и явно не слишком пристойную фразу на причудливом наречии, состоящем из одних шипящих звуков (киммериец предположил, что это родной язык гулей, если таковой у них имеется), и завершила жалобным:

— Оставь бедную беззащитную женщину в покое... Я спать хочу.

После этого она свернулась в клубок, с головой завернувшись в плащ, и перестала обращать внимание на что-либо вокруг.

...Вчера ночью возвращавшийся после честно выполненного дела варвар успел перехватить Рингу неподалеку от постоянного двора. В ответ на все обвинения в крайней бестолковости, неосмотрительности и просто-напросто глупости рабирийка молча показала на небо. Успевшая вырасти до изрядных размеров луна поднялась высоко над крышами, а значит, девушка несколько не нарушила недавний уговор: отправляться на поиски только после восхода луны. Настроена Ринга была весьма воинственно (видно, хмель еще полностью не выветрился) и явно собиралась в случае необходимости превратить неясные слухи о гулях

во вполне реальные события, подтвержденные надежными свидетелями...

Барракс в это утро отчего-то был угрюм и покрикивал на слуганок чаще обычного. Впрочем, его окрики и ценные указания на качество подаваемой стряпни не влияли: она как была, так и оставалась весьма относительно съедобной.

Никаких сплетен о происшествиях минувшей ночи пока не появилось.

«Ну вот, с нашими неприятностями наконец покончено. Интересно, кто же все-таки был этот тип, который так сильно спешил в гости к Мамаше Циль и ее курочкам? — Во дворе «Медной подковы» что-то рухнуло и с грохотом покатилося, точно отброшенный пинком с дороги тяжелый предмет. — Чего у них там стряслось?»

В дверь нетерпеливо и с силой постучали. Хозяин гостиницы, как нарочно, куда-то отлучился, а варвар справедливо полагал, что совершенно не обязан вскакивать и открывать двери кому бы то ни было. Надо будет — сами откроют и войдут. Что и случилось через мгновение: дверь распахнулась настежь, и в гостиницу ввалилось пять или шесть вооруженных до зубов гвардейцев местной городской охраны. Еще с десятка человек, как успел разглядеть Конан, околачивались во дворе.

«Ого, никак здешние власти и в самом деле решили принимать меры! — язвительно подумал киммериец. — И начали с прочесывания постоянных дворов в поисках подозрительных личностей. Надо же, а я в кои веки оказался ни в чем не замешан! Даже обидно...»

Доблестные гвардейцы выглядели слегка растерянными и недоумевающими. Похоже, их не часто отправляли разыскивать кого-либо, и они смутно представляли, как именно это делается.

— Эй, кого ловим? — ехидно осведомился северянин. — Злостных заговорщиков или просто возмутителей спокойствия?

— Да нет, — удрученно отозвался старший в патруле. — Наемника какого-то, чтоб ему пусто было... Недавно при-

был из Турана, остановился вроде здесь, а звать... Как там, говорили, его имя?

— Конан, — напомнил один из стражников, мявшихся за спиной начальника патруля.

Стражникам хотелось побыстрее разделаться со столь нелепым поручением, как отыскать в городе нашкодившего заезжего наемника, и вернуться к приятному ничегонеделанию, которое всегда было их основным и любимым занятием.

— Это я, — озадаченно сказал киммериец, со стуком опуская на стол пустую кружку и начиная понимать, что старая пословица была, как всегда, права. Та самая пословица, что гласит: «Если видишь мост и змея тебе говорит: через него идти нельзя, а замориец — можно, лучше поверь змее».

На лицах гвардейцев появилось выражение тоскливого недоумения и покорности судьбе. Человек, сидевший за столом, судя по его виду, был способен без особых усилий разделить на мельчайшие кусочки десяток таких патрулей. Однако вся стража города сегодня утром получила строжайшее предписание доставить этого человека живым или мертвым, а приказ необходимо выполнять любой ценой.

— А на кой я вам понадобился? — поинтересовался несколько обалдевший варвар.

Начальник патруля предусмотрительно отступил на пару шагов назад и не слишком твердым голосом заявил:

— Ты того... Арестован. За грабеж и убийство.

«Ничего себе начинается денек! Сетовы змееныпи, меч!...»

Клинок остался спокойно лежать себе наверху, в комнате. Не таскать же его все время с собой. К тому же киммериец полагал, что в ближайшие дни, пока он не покинет этот гнусный городишко, меч вряд ли ему понадобится.

— Какой грабеж, какое убийство? — очень искренне возмущился Конан. — Если кто-то натворил дел, то при чем здесь я?

— Там разберутся. — Замориец безуспешно попытался произнести эти слова с подобающей внушительностью.

— А ты уверен, что доберешься до этого самого «там»? — невозмутимо поинтересовался варвар.

Миг спустя тихая, пустовавшая общая зала постоялого двора превратилась в нечто весьма напоминающее поле кровавой битвы.

Северянин очень хорошо представлял, что ему необходимо сделать в первую очередь: пробраться к дверям и закрыть их. На какое-то время это задержит оставшихся во дворе. Вполне достаточное, чтобы успеть выбить дух из неудачников, застрявших в гостинице, и смыться.

Начальнику патруля и стоявшему у него за спиной гвардейцу не повезло больше всех: на них обрушился внезапно оживший и взлетевший в воздух тяжелый стол. Пока опешившие стражи порядка соображали, что происходит, киммериец, мгновенно вскочив на ноги, успел в два прыжка добраться до дверей и заложить их первым попавшимся табуретом, который выглядел достаточно прочным.

— Что встал, лови! — Второй табурет полетел прямоком в голову ближайшему из стражников, который пытался выдернуть из ножен безнадежно застрявшую саблю. — Не поймал...

Двое уцелевших заморийцев предпочли отступить и заняли относительно безопасную позицию на лестнице. Их начальник после краткой борьбы с перевернутым столом сумел выбраться на свободу и теперь последними словами клял судьбу, решившую в этот заведомо неудачный день свести его с бешеным наемником. Однако долг есть долг, и пошатывающийся вояка потянулся к ножнам.

«Как там Мораддин показывал? Сначала слева, потом...»

Движение получилось, может, не столь изящным и незаметным, как у гнома, зато на редкость действенным: замориец пролетел через весь зал, сворачивая попадавшие на пути столы, мешком плюхнулся в угол и больше не шевелился.

— Мы, может, в тайной гвардии Илдиза и не служили, — проворчал довольный собой Конан. — Но и у нас кое-что получается ничуть не хуже...

Он оглянулся посмотреть, как там обстоят дела у двух пока живых гвардейцев, и изумленно присвистнул. Впрочем, открывшееся зрелище того стоило: двое вояк, тихо

подвывая от ужаса, пятились вниз по ступенькам от наступившей на них маленькой женщины. Если только это разлохмаченное, грозно шипящее существо с оскаленными клыками действительно было женщиной, а не воплотившимся кошмаром.

«Ночью в лесу такое встретишь — и без всякой магии концы отдашь со страху, — мелькнуло в голове у киммерийца. — Вот тебе и тихая, милая девочка!...»

Поскуливавшие и явно ничего не соображавшие стражники достигли нижних ступенек, и все, что оставалось сделать варвару — подойти, сгрести их за шиворот и слегка стукнуть головами друг об друга. После этого им уже оказались не страшны любые гули.

Ринга, остановившись посередине лестницы, несколько раз с силой провела по лицу ладонями, точно стирая нанесенный грим или пытаясь отделаться от плотно приставшей маски. Когда она опустила руки, то выглядела как и подobaет обычной женщине.

— Держи! — Девушка обернулась, с усилием подняла со ступенек что-то длинное и бросила стоявшему внизу варвару. — Еле дотащила, такой тяжелый... А что здесь творится? Я слышала грохот и прибежала...

— Потом расскажу, — Конан на лету подхватил ножны с мечом, принесенные рабирькой. — А пока чем быстрее мы исчезнем отсюда, тем лучше. Эта сволочь — я имею в виду твоего бывшего хозяина — продала нас с потрохами. Во дворе околачивается еще с десятков идиотов в форме, и мне почему-то не хочется встречаться с ними.

— Угу, — кивнула понятливая Ринга, пытаясь наскоро привести в порядок растрепанные волосы, и озабоченно поинтересовалась: — Куда теперь?

— Ой, мамочки... — еле слышно пискнули откуда-то из под лестницы.

Ринга от неожиданности вздрогнула и торопливо сбежала вниз по ступенькам. В темном закутке под лестницей что-то зашевелилось, и оттуда высунулась перепуганная мордашка Киски Ви с круглыми от страха глазами.

— Ой, — жалобно повторила она. — Ой...

— Ты что здесь делаешь? — рявкнул северянин. — Брысь! Впрочем, погоди. Где тут у вас черный ход?

— Здесь... — постукивая зубами и заикаясь, ответила Ви, тыкая куда-то себе за спину. — Красавчик, ты что натворил? Это же городская гвардия...

— А мне-то какая разница, — равнодушно пожал плечами киммериец и вдруг рявкнул: — Быстренько вылезай оттуда!

Киска выбралась из своего укрытия, с опаской оглядела разгромленный общий зал постоянного двора и захныкала еще громче.

— К двери не подходи и не вздумай никого впускать, — предупредил Конан, не обращая никакого внимания на всхлипывания насмерть перепуганной служанки. — Ринга, пошли!

— Не плачь. — Рабирийка все же задержалась на мгновение, пытаясь утешить Киску. — Все хорошо, ничего страшного не случилось...

После этих слов Ви немедленно зарыдала в три ручья, но в зале, кроме нее и неподвижных стражников, больше никого не осталось, и слушать Кискины причитания было некому.

Под лестницей на самом деле оказался потайной вход в узенький коридор с очень низким потолком, выводящий на соседнюю с постоянным двором улицу. Конан и Ринга на всякий случай обошли гостиницу и осторожно заглянули во двор: гвардейцы столпились у двери и, похоже, пытались ее выломать.

— Идиоты, — кратко оценил их жалкие потуги варвар.

* * *

— А что мы будем делать теперь?

Ринга изо всех сил старалась держать язык за зубами, пока гостиница не осталась довольно далеко, но молчать дальше у нее не хватило терпения. В ответ последовало длинное, красочное и не совсем понятное ругательство, смысл которого сводился к тому, что некоему киммерийцу и одной рабирийке вовсе не помешало бы поменьше уши развешивать.

— Прятаться. — Высказавшись и отведав душу, Конан стал более разговорчив. — Хороши же мы с тобой — повесили старому мешку с дерьмом!

Девушка открыла рот, чтобы напомнить: она ведь предупредила, что с Эридатом нельзя ни о чем договариваться, но, подумав, промолчала. Что теперь толку выяснять, кто оказался прав, а кто нет. Она могла сто раз повторить, что ее бывшему хозяину не следует доверять, но варвар к ее словам все равно бы не прислушался.

— Если нас ловит местная гвардия, — продолжал на ходу киммериец, сворачивая в какой-то узкий проулок и таща за собой слегка испуганную девушку, — то справиться с патрулями — пара пустяков...

«А если нет, то придется побегать. Проклятый городишко! — зло добавил про себя северянин и в очередной раз задал вопрос, на который никогда не было да и не могло быть ответа: — Спрашивается, чего ради я все глубже вляпываюсь в это болото?»

Зажатый между покосившимися домишками грязный проулок вильнул, сливаясь с улицей пошире, ведущей к центру городка. Варвар и девушка не успели пройти по ней и двух десятков шагов, когда позади непривычно громко застучали по разбитой мостовой копыта по меньшей мере трех лошадей. Конан оглянулся через плечо, тихо выругался и бросил вмиг посерьезневшей девушке:

— Иди спокойно.

— Кто там? — Ринга не решилась посмотреть назад, но встревожилась, понимая, что верховые преследователи без хлопот загонят не знающих города беглецов в какой-нибудь тупик.

— Туранцы, — мрачно уронил киммериец.

У него совершенно вылетела из головы обмолвка Эридата о стоящей в Далираме туранской полусотне. Есть, конечно, слабая надежда, что трое появившихся на улице всадников в форме туранской гвардии спешат куда-то по своим делам, но уж больно внимательно они осматривали улицу и вглядывались в редких прохожих.

«Голову сверну мерзавцу, — пообещал варвар. — Только удрали из Турана, и нате вам — опять все с начала!»

Необходимо было как можно скорее убраться с улицы, но, как назло, на глаза не попадалось ни одного переулка, а дробный перестук копыт неумолимо приближался. Ринга покосилась назад, издала тихий сдавленный стон, но с шага не сбилась.

— Эй вы, двое! — резко окликнул стражник идущую не спеша по улице пару. — А ну стойте!

В этот же миг Конан заметил полуоткрытые ворота, которые вели во двор двухэтажного дома, выглядевшего довольно зажиточным, и не долго думая стремительно свернул туда. Девушка шустро юркнула за ним.

Туранцы приостановили коней, но после краткой перебранки не решились последовать за подозрительной парой: уж больно уверенно те вошли в ворота. Кто их знает, может, в самом деле здесь живут...

— Поехали! — рявкнул наконец старший патруля. — Все равно никуда не денутся! Из-под земли достанем!

Перестук копыт, постепенно удаляясь, загрохотал вниз по улице. Киммериец осторожно выглянул в щель между створками: гвардейцы действительно уехали.

— Из-под земли достанем, — с презрением передразнил варвар. — Нет, ты слышала? Эти ослы, не видящие дальше собственного носа, собираются нас достать из-под земли!

Ринга кивнула и озадаченно спросила:

— А им-то мы зачем понадобились?

— Сойдем за виноватых, — огрызнулся Конан.

Он явно собирался продолжить свою мысль, но тут его внимание привлекло то, что происходило во дворе. Никто не заметил вбежавших с улицы наемника и девушку, которые сразу метнулись за стоявшую возле ворот груженую повозку, настолько все были увлечены своими делами. Посреди пыльного, мощенного сероватым камнем двора носились несколько человек, которые безуспешно пытались поймать за поводья выскочившую из конюшни лошадь. Вороной конь, словно сознательно желая устроить надоедливый двуногим веселую жизнь, зло скалил зубы, визжал

и норовил лягнуть любого, кто по глупости окажется достаточно близко от его копыт. Богато украшенное седло съехало набок, ударяя животное при каждом очередном скачке по ногам и доставляя ему множество неприятностей.

— Да держите же его! — зывал предусмотрительно стоявший в отдалении человек, который даже не пытался усмирить разошедшегося скакуна. — Сейчас хозяин придет!

— Вот сам и держи! — последовал высказанный нестройным, но на редкость единодушным хором ответ. — Он же кусается, зараза!

Конь подтвердил полную справедливость нелестного о себе мнения, цапнув за руку человека, по глупости на миг расслабившегося. Пострадавший истошно завопил, утверждая, что его загрызли насмерть. Все немедленно шарахнулись как можно дальше от сердито фыркающей лошади, наконец-то оставив животное в покое. Теперь никто не мешал коню вволю побегать по опустевшему двору. Больше желающих ловить бешеного хозяйского скакуна не нашлось.

— А кляча нам бы пригодилась... — задумчиво процедил Конан. — Даже одна на двоих.

— Зачем? — удивилась Ринга. — Тебе не кажется, что сейчас нам не до того?

— Устроим скачки с препятствиями, — хмыкнул ее непредсказуемый спутник. — Ворота открыть сумеешь? Вот и молодец. Тогда я пошел.

Позже никто из толпившихся во дворе зевак не смог с уверенностью припомнить и пояснить, откуда взялся высокий темноволосый чужеземец. Громила уверенно подошел к подозрительно косившемуся коню, поправил сбившееся седло и мимоходом треснул жеребца, который намеревался укусить нахала, по морде. После полученного тычка конь притих и впал в глубокую задумчивость, позволив незнакомцу беспрепятственно забраться в седло и подобрать поводья.

— Не умеете вы с лошадьми обращаться, — заключил неизвестный, разворачивая коня мордой к воротам. — Вот и будете всю жизнь ходить пешком.

Вороной послушно тронулся с места, даже не пытаясь проделать ни одной из своего обширного запаса пакости — например, взбрыкнуть или тяпнуть всадника за колено, — приблизился к воротам, которые почему-то оказались распахнутыми, и на мгновение задержался. Из-за старой телеги выскользнула маленькая женщина, чужеземец протянул ей руку, помогая взобраться на спину лошади, после чего пнул коня и преспокойно выехал на улицу.

— Грабят, — глубокомысленно прошептал наблюдавший за этими нехитрыми действиями управляющий домом, тот, что настойчиво требовал усмирить разыгравшееся животное, и нерешительно добавил погромче: — Помогите!..

«Вот и лошадей обзавелись. — Конан оглянулся назад — убедиться, что преследовать похитителя никто не осмелился. — А что теперь? Кому и что успел растрепать мерзавец Эридат? В гостиницу пока возвращаться нельзя: даже здешние чурбаны могут сообразить оставить там десяток-другой человек на случай нашего появления. Кажется, в охоте принимают участие и туранцы... Вот это уже совсем плохо. Попробовать удрать из города? Ну и далеко мы укачем без еды, без воды и с более чем вероятной погоней на хвосте? Кстати, почему эта компания тупиц разыскивала именно меня, а Рингу даже словом не помянула?»

— Мы едем куда-то или просто вперед? — напомнила о себе девушка, ерзая на крупе коня и изо всех сил пытаясь удержаться.

— Пока вперед, — отозвался киммериец, пытаясь сообщить, в какую часть городка их занесло. — Попробуем отыскать тихий уголок, где можно спрятать нашу скотинку...

— Конокрадство, между прочим, строго карается, — сообщила Ринга и фыркнула. — Знаешь, они все так и остались стоять во дворе с разинутыми ртами... Первый раз в жизни вижу столь нахальную кражу.

— Ты вообще много чего видишь впервые, — ехидно заметил варвар. — Привыкай. То ли еще будет...

— Я так и поняла, — вздохнула рабирийка и жалобно спросила: — Отчего у этой лошади спина такая костлявая?

Ответить Конан не успел: навстречу из ближайшего переулка выехал патруль туранцев. Может, тот же самый, что незадолго до того пытался остановить подозрительную парочку, а может, другой. Дело было совсем не в этом.

Стражники даже не успели преградить дорогу неизвестным всадникам, что удивили их странной привычкой разъезжать вдвоем на одной лошади. Вороной, получивший изрядной силы пинок пяткой в брюхо, скакнул вперед, дал выход собственному злобному характеру, цапнув за шею подвернувшуюся лошадь, и рысью понесся вниз по улице. Сзади раздались ставшие уже привычными и почти родными вопли: «Стой!» и «Держите его!»

— Начинается, — с досадой рыкнул Конан. — Держись крепче, а то шлепнешься.

— Да держусь, — послушно ответила Ринга. — Кстати, патрульных там пятеро, и они очень хотят нас поймать.

— Пусть сперва как следует побегают, а там посмотрим.

Беглецы свернули в какой-то узкий, заваленный хламом проулок, куда еле-еле протиснулась лошадь, выскочили на соседнюю улицу, и, распугивая шарахавшихся к стенам домов горожан, резво поскакали навстречу неизвестности.

Лучше знавшие городок туранцы не рванулись следом за убегавшей парочкой, а предпочли направиться в обход и неожиданно выскочили в пугающей близости от преследуемых.

— Догоняют, — жалобно сообщила девушка, в очередной раз оглянувшись.

— Сам знаю, — огрызнулся Конан.

Подстегнутый вороной сердито фыркнул и пошел тяжеловатым галопом, несколько увеличив расстояние между беглецами и погоней. Народу на улицах, по которым проносился конь, становилось почему-то все больше и больше. Киммериец мельком отметил это странное обстоятельство, но не придал ему особенного значения.

Как выяснилось спустя пару мгновений, поступил он совершенно неправильно. Вороной, царапая шипастыми подковами выглаженные временем камни мостовой, повер-

нул за угол и резко остановился, не дожидаясь рывка по-
водьев. Ринга тихо, но отчаянно взвыла и коротко выруга-
лась.

— Базар,— слегка оторопев, произнес варвар и повто-
рил, точно не веря собственным глазам: — У них сегодня
базар, что б их всех...

— Вот именно,— не менее растерянно подтвердила де-
вушка.

— А впрочем...— задумчиво протянул Конан.— Не все
ли равно? Нам требуется суматоха — сейчас мы ее устроим.
Вспомню славные шадизарские деньки...

— Может, не надо? — робко заикнулась Ринга, но было
поздно: киммериец решительно направил коня в пеструю
круговерть тряпочных навесов, сваленных повсюду мешков
с товарами и мельтешащих людей.

* * *

Из всех базарных дней в Дэлираме этот, вне всякого
сомнения, выдался наихудшим. Сначала на шумную, посте-
пенно заполняемую народом площадь галопом ворвался
огромный вороной конь, нещадно погоняемый весьма не-
обычно выглядевшим иноземным всадником. Животное
неслось напрямик, не обращая ни на кого и ни на что
внимания и сметая все на своем пути. За лошадью оста-
валась широкая полоса поваленных прилавков и опрокину-
тых корзин, а также толпы разъяренных торговцев. Волна
воплей и проклятий, катившаяся вслед ненормальным, ре-
шившим так не вовремя прокатиться верхом, неуклонно
ширилась, захватывая все новые и новые торговые ряды.

А навстречу ей спешила, набирая скорость, встречная
волна, которая сопровождала вылетевший на площадь от-
ряд туранцев. Гвардейцы заметили удаляющихся беглецов
и самоуверенно решили, что успеют настигнуть злоумыш-
ленников прежде, чем те пересекут заполненное кричащи-
ми людьми и рассыпанными товарами пространство.

Где-то посредине безжалостно развороченного рынка две
волны встретились. Так же, как и в любом море, на месте
их столкновения немедля образовался бушующий и клоко-

чущий водоворот, затягивавший в себя все, что оказалось
поблизости.

Вороной конь, изрядно напуганный громкими криками
и пестрым мельтешением, все же сумел проскочить образо-
вавшуюся свалку. Туранским гвардейцам повезло мень-
ше: они с размаху влетели в шумное людское скопление и
намертво увязли, точно в непроходимой трясине, не имея
возможности ни продвигаться вперед, ни подать назад и
попробовать обогнуть площадь.

— Вот интересно, дураков в армию Илдиза специально
где-то подбирают или берут первых попавшихся? — ядови-
то полюбопытствовал Конан, глядя на орущих во всю глот-
ку и пытающихся пробиться сквозь плотную толпу воjak.—
Ну кто же так ловит злодеев? Нас то есть?

— А как нужно ловить?

Ринга оглядывалась вокруг, испытывая легкое потрясе-
ние: мирный рынок сейчас больше напоминал разоренный
улей или муравейник. Как, оказывается, немного надо, что-
бы превратить спокойный городок в подобие поля военных
действий... Всего лишь в базарный день на всем скаку
пронестись через торговую площадь.

— Обложить рынок со всех сторон, перекрыть все вы-
ходы и ждать, постепенно выгоняя торговцев,— объяснил
киммериец, направляя коня на особенно ярко раскрашен-
ный навес.

Тонкие деревянные шесты немедленно сломались, когда
тяжелая лошадь мимоходом случайно зацепила их. Ткань
полога, издав громкий хлопок, накрыла замешкавшегося и
не успевшего выскочить владельца лавки. Из-под складок
донеслись приглушенные призывы о помощи, а также обе-
щания страшных кар негодяю, осмелившемуся учинить
такое безобразие.

— Ну-ну,— хмыкнул варвар и уже из чистого озорства
толкнул ногой чудом уцелевшую в общем разгроме высо-
кую пирамиду плетеных клеток с курами.

Пирамида качнулась, рассыпалась, вихрем взлетели бе-
лые перышки, перепуганные куры истерично заклохтали,
добавив шуму к царящему на площади переполоху. Кури-

ные вопли стали для вороного жеребца последней каплей, переполнившей неглубокую чашу звериного терпения. Испуганный воплями, раздавшимися совсем рядом, конь метнулся в сторону, свалил соседний навес и гигантскими скачками помчался вперед, ничего не видя перед собой.

Он не обратил внимания даже на рывком натянувшуюся узду, только досадливо мотнул головой. Противная железная палка, врезавшаяся в углы рта, неожиданно куда-то соскользнула. Конь не понял, что случилось, но почувствовал изрядное облегчение. Зато смысл происходящего очень хорошо поняли люди, которые сидели на спине несущегося животного. Лопнул повод, тоненький нарядный повод из красной тисненой кожи. Треснул, как гнилая нитка. Всадников швырнуло назад, и, если бы Конан не успел вовремя ухватиться за жесткую густую гриву коня, неизвестно, как бы все обернулось.

Неудачливые торговцы и покупатели спешили сами поскорее убраться с пути взбесившейся лошади, храпевшей и безумно косившейся по сторонам. Окажись на пути взбесившегося жеребца каменная стена, он бы, наверно, не заметил ее и попытался мчаться дальше. По счастливой случайности, конь несся именно туда, куда требовалось — в стремительно приближавшийся просвет между окружающими площадь домами.

Наконец вороной вырвался с разгромленного и потрясаемого многоголосыми воплями базара на почти пустую улицу и пошел по ней галопом.

«И как, скажите, теперь остановить эту скотину? — успел подумать киммериец. — Надо же, и на этот раз обошлось...»

— Вперед! — пронзительно взвизгнула Ринга, и варвар понял: ничего еще не обошлось.

Из переулка на улицу неторопливо вышел задумчивого вида ушастый ослик, с важным видом целеустремленно таща за собой перекосившуюся на один бок повозку. Над бортами повозки возвышалась огромная ярко-желтая гора каких-то плодов, а за тележкой брел ее владелец, погруженный, видимо, в тяжкие размышления о жизни.

— Прыгай! — рывкнул Конан, мгновенно сообразив, что спятивший вороной не заметит тележку, даже когда она окажется у него прямо под носом. — Кому говорю!

Девушка коротко охнула, послушно оттолкнулась от лошадиной спины и кувырком полетела вниз, на потертые неровные камни мостовой. Киммериец очень надеялся, что Ринга не свернула себе шею, но оглядываться и проверять было некогда.

Повозка замерла прямо посреди улицы. Ослик и его владелец одинаково тупыми взглядами уставились на неумолимо приближающийся четвероногий смерч. Варвар собирался последовать за Рингой, однако промедлил одно лишнее мгновение, выискивая, куда спрыгнуть, за что немедленно поплатился.

Вороной конь на всем скаку врезался в тележку, сбив с ног истошно заверещающего ослика, с хрустом переломал оглобли, запутался в оборвавшихся поводьях и грузно повалился набок.

«Ненавижу лошадей!»

В следующий миг Конан отчетливо понял, что если проклятая скотина не поднимется с первой попытки, то один варвар с севера рискует остаться с парой-тройкой переломанных ребер или тщательно раздробленными ногами. А если кляча вдобавок начнет биться, то недолгую жизнь киммерийского наемника, хоть она ему еще совсем и не надоела, можно считать законченной. С ума сойти, умудриться грохнуться вместе со спятившим конем, которому давно пора на живодерню!

Лошадь задержалась, ища опоры под ногами, изогнула шею, с огромным трудом все-таки перекатилась на живот и встала.

Владелец тележки не двинулся с места, совершенно безумным взором уставившись на внезапно пожелтевшую улицу: при ударе повозка просто развалилась на части, а ее содержимое фейерверком разлетелось во все стороны. Ослик лежал на боку и делал вид, будто скорострельно скончался.

Взмывленный жеребец растерянно и совершенно почеловечески огляделся, а затем, заметно пошатываясь, по-

брел в сторону и скрылся в проулке между домами, волоча за собой запутавшийся в оборванных поводьях обломок оглобли.

Киммериец потряс головой, приходя в себя, и понял, что его настойчиво дергают за плечо.

— Вставай! — И без того большие глаза Ринги казались просто огромными и до ужаса перепуганными. — Я подумала, тебя лошадь раздавила...

— Еще не родилась та кляча... — проворчал в ответ варвар, пытаясь подняться и тут же падая обратно на мостовую. — Сет и все демоны, только этого еще не хватало!

С левой ногой что-то явно было не в порядке. К счастью, обошлось без перелома, но вот вывиха избежать не удалось.

— Что случилось? — тревожно спросила девушка. Она-то приземлилась удачно, отделавшись рваным подолом, и теперь бросала озабоченные взгляды в конец улицы, откуда долетал шум растревоженного рынка, похожий на гудение злобного роя пчел. — Ты можешь идти? Гвардейцы наверняка скоро примчатся сюда...

Хозяин разбитой тележки наконец обрел дар речи и заголосил, призывая на помощь. Конан с удовольствием уложил бы этого крикуна на месте, но беглецы не могли надолго задерживаться и ждать неизбежного появления стражников.

— Пошли. — Киммериец, ругаясь про себя, заковылял по улице к переулку, куда убежал конь. Конечно, они сделали большую глупость, упустив лошадь, но теперь напуганная скотина наверняка ускакала и ее не догнать.

Ринга задержалась. Она обошла причитавшего торговца, заглянула ему в лицо и что-то негромко произнесла. Замориец дернулся и остался стоять с разинутым ртом и выпученными глазами, не в силах выдавить из себя хоть слово. Девушка деловито подобрала несколько валявшихся на мостовой маленьких дынь, выкатившихся из повозки, и побежала догонять ушедшего варвара.

Глава седьмая

Растревоженный базар все еще не мог успокоиться, но сюда, на окраину Далирама, людской гомон и крики почти не долетали. Местные гвардейцы, равно как и туранская полусотня, носились по окрестным улицам, старательно разыскивая злоумышленников, один из которых (если не оба) обвинялся по меньшей мере в десятке преступлений. Никто, правда, не знал толком, что конкретно натворила подозрительная парочка иноземцев, устроившая нешуточный переполох на торговой площади, и по взволнованному городку стремительно расползались самые невероятные слухи.

Единственной стоящей находкой рыскавших повсюду стражников был загнанный до полусмерти вороной жеребец, волочивший за собой оборванный повод. Вконец измученный конь на подламывающихся ногах добрал до городского водохранилища, уткнулся мордой в валявшееся неподалеку корыто с грязноватой водой, да так и остался стоять. Замученное животное быстро опознали — оно принадлежало одному из известных в Далираме купцов — и отвели к хозяину.

Выполнявшие это поручение стражники вернулись с известием, что коня незадолго до происшествия на рынке украл какой-то чужестранец. Украл в высшей степени нахально, даже не пытаясь скрываться. Запросто зашел во двор, взял лошадь да ускакал. А еще с ним была женщина с закрытым лицом, похожая на туранку...

Гвардейцы, участвовавшие в погоне, столкнулись еще с одним подозрительным типом — торговцем фруктами, который причитал над своим рассыпанным товаром. Однако разоренный торговец так и не смог вразумительно объяснить, какой негодяй опрокинул его повозку и куда потом скрылся, каждый раз начиная в ответ нести бессвязную чушь о налетевшем урагане на четырех ногах и об играх злобных духов.

Разъяренные стражники по-отечески двинули заикавшегося торговцу пару раз по шее и велели немедленно убираться с глаз долой. Раскатившиеся по всей улице фрукты быстренько растащили уличные мальчишки и проходившие мимо добропорядочные горожане. Не пропадать же, в самом деле, добру, тем более если за него не надо платить! Ослик, убедившись, что опасность миновала, поднялся на ноги и с меланхоличным видом приступил к уничтожению уцелевшего товара, не обращая внимания на истошные вопли хозяина.

А два злоумышленника и нарушителя спокойствия в это время сидели на низкой каменной оградке возле маленького пригородного домика, ели украденные дыни и размышляли, как им быть и что делать дальше. Корки от дынь они довольно непочтительно швыряли в стоявшую неподалеку статую, изрядно попорченную временем, то ли изображавшую какого-то местного божка, то ли призванную служить украшением невзрачной улицы. Божок держал в руках предмет, имевший отдаленное сходство с корзиной, и парочка старалась забросить обеды именно туда.

— Давай убежим, — нарушила молчание девушка, запустив в уродливого идола очередной коркой. — Неужели мы не сможем пройти какие-то паршивые десять лиг?

— Значит, убежим, — задумчиво, точно прикидывая слова на вес, повторил ее спутник. — Вчера днем я бы еще согласился. Но теперь, когда любая собака в здешней дыре сможет описать нашу внешность...

— Ну и что? — недоуменно спросила Ринга, отцепляя изрядно надоевший ей синий шарф и обматывая его вокруг пояса.

— Да то, что на сотню болванов в военной форме может отыскаться один умный человек! — рыкнул Конан. — И он додумается перекрыть любые дороги из города, обшарит постоянные дворы и обяжет всех торговцев сообщить, если у них в лавке объявятся подозрительные личности наподобие нас с тобой. Да и как мы сможем выйти из города? По Дороге Королей на восход и закат караул поставят в первую очередь, местная дорога на Арэнджун или в горы — на нее тоже можно послать стражников. Как еще?

— Через степь, — подумав, робко предположила девушка.

Киммериец посмотрел на нее свысока, будто на не слишком умного ребенка или блаженную дурочку.

— Значит, через степь? — насмешливо переспросил он. — Где человека заметно за все двадцать лиг? И как, интересно, ты пойдешь через степь без капли воды? Учти, что придется не по ровной дороге топтать. Там ведь спотыкаешься на каждом шагу. Ты не пройдешь и полулиги, как свалишься, а мне придется тащить тебя всю оставшуюся дорогу. Да и не забудь про погоню.

— Мы можем выйти с наступлением темноты, — настаивала на своем Ринга. — Нас не заметят. За ночь мы сумеем уйти далеко. — Она помолчала и едко добавила: — Между прочим, это ты первый свалишься. У меня-то ноги в порядке.

— Да я на одной ноге ускорю дальше, чем ты на двух, — огрызнулся варвар.

В словах девушки, как это ни прискорбно, была изрядная доля правды. Наскоро вправленный вывих давал о себе знать, и, конечно, в самое неподходящее время. Конан был уверен, что сможет идти, хотя и не с той скоростью, как обычно, и сумеет даже пробежаться на короткое расстояние, но с дальним переходом лучше обождать денек-другой. Вот ведь не повезло!

— Что же тогда делать? — жалобно спросила рабирийка. — Прятаться и ждать, пока все затихнет? Или когда вернется твой приятель? Лошадь мы упустили, из города нам не выбраться...

— Денег у нас опять нет,— внезапно сообразил Конан.

Все сбережения наемника и его подопечной остались на постоялом дворе. Ринга осознала эту печальную истину мгновением позже и тихо охнула. Над прокаленной солнцем улочкой повисло тягостное молчание.

— И знаешь еще что,— медленно проговорил киммериец.— Смотри, как все складывается: после того как мы на шумели на базаре, нашу комнату в... как ее... «Подкове» наверняка обыщут и без особого труда обнаружат золото. Раз Эридат принимает во всем этом участие, он с величайшей охотой подтвердит, что деньги принадлежат ему, и готово! Оправдаться мы не сможем, остается только надеяться на удачу и бежать.

— Но почему? — тоскливо сказала девушка.— Неужели нет способа доказать, что мы ни в чем не виноваты?

— Потому что это — Замора,— отрезал варвар.— И, как ни крути, золото мы действительно украли у этого типа... Как-там-его я убил. Остаются еще два покойника, к смерти которых мы совершенно не причастны, но придется отвечать и за них. Если только...

Он внезапно замолчал, пристально уставившись на пыльную мостовую, точно увидел там что-то такое, что могло подсказать выход из сложившейся затруднительной ситуации. Ринга нетерпеливо заерзала на месте и осторожно осведомилась:

— Если только что?

— Даже в растреклятом Туране мы могли бы доказать свою невиновность, сумей мы отыскать и предъявить ублюдка, на самом деле прикончившего тех двоих,— отозвался Конан.— И попадись нам такая редкость, как честный судья. В Заморе подобного просто не встретишь, как не бывает снега в пустыне... Однако мы могли бы подкупить или запугать человека, способного поручиться за нас...

— Я ничего не понимаю,— испуганно призналась рабийка.— Не сердись, но я еще плохо разбираюсь в людских делах. Объясни, что ты имеешь в виду?

— Я и сам ничего не понимаю,— после некоторого размышления сознался варвар.— Но зато я твердо убежден в

одном: Эридат затеял какую-то свою игру. Мы по чистой случайности подвернулись ему под руку, и он немедленно воспользовался случаем. А теперь я собираюсь узнать, какого демона он это сделал и неужели он ни капли не дорожит собственной шкурой? Она ведь у него только одна.

— Ты... Ты хочешь пойти к Эридату? — не поверила своим ушам Ринга.— После всего, что случилось? Зачем?

— Я честно старался держаться в стороне и ни во что не вмешиваться,— проворчал Конан.— Но я не собираюсь сидеть и глазеть, как из меня, да и из тебя тоже, делают мишень для стрел всех желающих. Из этого мерзавца, твоего хозяина, я вытрясу остатки его поганенькой душонки заодно с вразумительным рассказом о том, что творится в этом паршивом городишке. Если он сразу не откажется от идеи еще поохотиться на нас, то даже не успеет об этом пожалеть.

— Понятно,— немного растерянно сказала девушка и решительно добавила: — Тогда я пойду с тобой... И не думай опять запретить!.. погоди, а если он не согласится взять свое обвинение обратно или окажется, что он не виноват?

— Как это не виноват? — возмутился киммериец.— Сама подумай!

— А все-таки? — упрямо повторила Ринга.— Вдруг произошло какое-то невероятное совпадение?

— Тогда...— уверенно начал Конан и остановился на полуслове, а затем мрачно признал: — Тогда и в самом деле придется ловить ту сволочь, что режет людей на кусочки... Только что конкретно мы с ней будем делать, ежели поймать? Стоило бы разузнать, кто здесь под кем ходит. Полностью довериться мы, конечно, никому не сможем, но всегда отыщется человек, недовольный своим положением...

— Вы, люди, ужасные путаники,— сердито заявила рабийка.— Черное у вас — это белое, серое и еще десяток других цветов! Как вы только умудряетесь жить на свете?

— Привычка,— хмыкнул варвар.— Учись, пригодится.

— А когда мы пойдем? — спросила девушка, старательно не обращая внимания на насмешки.— Сейчас?

— Когда на улицах полно патрулей? — напомнил киммериец. — Конечно, нет! Сегодня ночью. А пока поищем, где бы переждать день.

Каменная полуразвалившаяся ограда, облюбованная разрушителями спокойствия, обегала традиционный для предместья любого заморийского городка садик с чахлыми деревьями и пожухлой от солнца травой. Этот не был исключением. Посреди пыльных разросшихся сорняков одиноко торчали несколько апельсиновых деревьев со скрученными и почерневшими от жары листьями. Ринга подобрала валявшийся возле ограды оранжевый плод, очистила, надкусила и недовольно отбросила подальше, разочарованно протянув:

— Кислятина...

На город надвигалась привычная дневная жара, загонявшая обитателей Далирама в относительную прохладу домов. В Заморе все жизненно важные дела осуществлялись ночью, а потому не имело никакого смысла торчать на улице. Вдобавок сюда вполне могло занести не в меру ретивого стражника или какого-нибудь любопытного и законопослушного обывателя.

— Пошли.

Запущенность сада наводила на мысль, что он давно уже никому не принадлежит или хозяева не часто посещают его. Конан решил, что они с рабирийкой смогут отыскать здесь неприметное местечко, чтобы дожидаться наступления ночи. Девушка спрыгнула со стены и попыталась пойти рядом, но ей пришлось задерживаться на каждом шагу, отцепляя подол от колючек репейника.

Им повезло гораздо больше, чем рассчитывал киммериец. Кто-то из владельцев построил на краю сада крохотный домик — нечто среднее между сторожкой и сараем. Рассохшаяся дверь была полуоткрыта, любопытная Ринга немедленно заглянула внутрь, принялась и звонко чихнула.

— Никого нету, только сено валяется, — сообщила она. — Останемся здесь?

— Давай.

Они осторожно вошли внутрь, вспугнув завопившихся где-то под полуразвалившейся крышей птиц. Обычный сарай, набитый изрядно проржавевшими садовыми принадлежностями. Похоже, дом с садом на самом деле давно остались без присмотра.

Оглядевшись, рабирийка без долгих размышлений прыгнула в кучу слегка подгнившего сена, занимавшую почти все свободное пространство, и взвизгнула.

— Эй, осторожнее, — предупредил варвар. — Смотри на змею не сядь.

Ринга не ответила, лихорадочно перебирая складки своей одежды, словно что-то разыскивая.

— Ты чего?

Вместо ответа девушка запустила руку куда-то под подол, нетерпеливо что-то дернула и вытащила на свет плотно набитую кожаную сумку. Несколько мгновений Ринга растерянно пялилась на нее, точно не в состоянии сообразить, как эта вещь попала к ней, затем швырнула звякнувший кошелек на пол и звонко расхохоталась, запрокидывая голову и совершенно не думая о своих оскалившихся клыках.

— Ринга, — угрожающе произнес киммериец. — Ты ведь не хочешь сказать, будто все время таскала это, — он подтолкнул валявшуюся на полу сумку, — с собой?

— Я забыла. — Девушка с трудом заставила себя прекратить смеяться. — Честное слово, со всей этой беготней у меня все вылетело из головы! Я еще утром, на постоялом дворе, когда слышала грохот, подумала, а вдруг получится так, что мы больше не сможем сюда вернуться? И захватила с собой, сколько смогла. Там камни и монеты... Ты ведь не сердись? Я действительно забыла!

— А ты уверена, что, кроме этого, больше у тебя ничего из головы не вылетело? — язвительно осведомился Конан.

— Я же не нарочно! — жалобно сказала Ринга. — Все время что-то случалось, надо было куда-то бежать и...

Она попыталась изобразить на лице полнейшее отчаяние от собственной вины, но не удержалась и снова захохотала.

В сумерках наемник и девушка перебрались через ограду брошенного сада и, вполголоса посоветовавшись, направились вниз по улице. Они шли, скрываясь в тени домов и прячась при виде запоздавших прохожих. Полнолуние действительно почти наступило, над крышами притихших домов плыла белая луна, заставляя все предметы отбрасывать четкие синеватые тени.

Почти сразу подозрительного вида парочка убедилась, что не одинока в своей привязанности к ночным прогулкам. Из узкого и темного переулочка, оглядываясь по сторонам, выскользнули несколько человек и торопливо, чуть ли не бегом, припустили по пустынной улице.

— Спорим на золотой — я знаю, кто идет в середине, — шепотом предложил Конан, всмотревшись в пятерку спешащих впереди людей.

— Не буду я с тобой спорить, — недовольно ответила Ринга. — Я и сама знаю — госпожа Линдисса. Интересно, куда это она собралась на ночь глядя?

Впереди действительно шествовала недавно овдовевшая рыжая красotka, с ног до головы закутанная в темный плащ и сопровождаемая верной Чари да тремя вооруженными до зубов слугами, один из которых нес тускло мерцающий фонарь.

— Вот и мне интересно, — согласился киммериец. — Кому так повезло?

Девушка ничего не ответила, только презрительно фыркнула, выразив свое отношение к ветреной подружке покойного Райнака.

Линдисса и ее маленькая свита, не задерживаясь, уверенно шли вперед, и вскоре варвар заподозрил, что рыжая красotka направляется туда же, куда собрался он сам вместе с Рингой. Неужели она решила нанести визит компаньону своего усопшего приятеля? Честно говоря, странное и не совсем подходящее время для хождения в гости...

На очередном перекрестке госпожа Линдисса остановилась, послав вперед Чари в сопровождении двух охранников. Те довольно быстро вернулись, а принесенные ими

вести, похоже, обрадовали нетерпеливо ожидавшую вдову. Группка из пяти человек, больше напоминавших заговорщиков, нежели идущих по своим делам мирных обывателей, поспешно миновала еще пару улиц и вбежала в приоткрывшиеся на мгновение двери дома. Впустивший их человек выглянул, подозрительно осмотрел улицу и скрылся, никого не заметив.

— Это же дом моего хозяина, — с изумлением проговорила Ринга. — Зачем она пришла сюда?

— Побеседовать о тяготах одинокой жизни, — хмыкнул Конан. — А вот нас с тобой в отличие от Линдиссы не выпустят с парадного входа.

«Нет, в самом деле, что ей здесь понадобилось? Неужели она назначала встречу Эридату? В жизни не поверю!»

В саду было так же тихо, как и в первый приход киммерийца к скромному домику из розового камня, но, не пройдя и десятка шагов, Ринга остановилась, завертела головой по сторонам, ткнула рукой вперед, в темную массу кустов, и еле слышно сообщила:

— Человек.

— Вижу, — отозвался варвар.

Неподвижный, а потому отчетливо различимый среди шелестевшей под ветром листвы силуэт мог не заметить только слепой. Неужели Эридат настолько предусмотрителен, что выставил вокруг своего дома часовых? Впрочем, это его все равно не спасет...

— А можно я? — с плохо скрываемым азартом попросила рабрийка.

Не дожидаясь ответа, девушка выбралась на дорожку и пошла по направлению к часовому, который услышал непонятные шорохи и потому встревожился. Она шла, даже не думая скрываться и покачиваясь, как опытная аграпурская танцовщица.

— Эй, ты откуда взялась? — Охранник наконец заметил приближавшуюся к нему женщину и ошибочно счел ее совершенно безопасной. — Ты что здесь делаешь?

Ринга не ответила, а замерла на месте и, чуть склонив голову набок, пристально взглянула на внезапно онемевшего

часового. Ей пришлось тут же прыгнуть вперед и подхватить его: потерявший сознание страж начал валиться набок.

— Вот и все, — с гордостью сказала девушка, когда тело недостаточно бдительного охранника было уложено под кусты и тщательно присыпано опавшей листвой. — До утра он не очнется. Когда же придет в себя, не сможет ничего рассказать.

— Как ты это делаешь? — поинтересовался Конан.

Стражник не выглядел ни оглушенным, ни одурманенным — просто глубоко заснувшим.

— Не знаю, — пожала плечами Ринга. — Я велела ему немедленно уснуть, он и свалился. Как считаешь, здесь есть еще охрана?

— Вряд ли его поставили сторожить дом в одиночку, — ответил киммериец. — Впрочем, если все дэлирамцы такие ротозей, то...

Он не договорил. Где-то в глубине сада зашуршала взлетевшая в воздух листва, а затем донесся мягкий топот ног стремительно бегущего существа. Слишком частый и легкий для человека, но вполне подходящий для крупной собаки, да, похоже, не одной.

«Вот отчего охранник почти не смотрел по сторонам, — запоздало сообразил варвар. — Мерзавец Эридат напустил полный сад собак! Ну ладно, справимся как-нибудь...»

Псы с треском проломились сквозь высохшие от жары заросли и выстроились полукругом, предусмотрительно лишая людей возможности отступить к улице. Все они были местной сторожевой породы — короткошерстные, с обрубленными хвостами и ушами, с более чем недружелюбными взглядами больших темно-карих глаз. Вел их приземистый, мрачный пес, черный с желтыми пятнами, который носил на шее широкий кожаный ошейник с острыми железными шипами наружу.

Собаки не нападали, но, непрерывно перемещаясь с места на место и угрожающе рыча, заставляли незваных гостей медленно пятиться по направлению к дому.

— Нож! — странным голосом, в котором прорывалось шипение, неожиданно потребовала Ринга. — Дай нож!

— Спятила? — осведомился Конан. — Хочешь, чтобы тебя разодрали на кусочки?

— Дай нож! — продолжала настаивать девушка. — Я покажу этим шавкам, чего они стоят!

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — проворчал варвар, вытаскивая из ножен короткий узкий клинок и протягивая его Ринге.

Свора пока не собиралась бросаться в атаку, но когда в не слишком умные собачьи головы придет эта мысль, забравшимся в чужое владение злоумышленникам придется туго. Драться с собаками — занятие неблагоприятное и почти безнадежное, а главное, сопровождаемое изрядным шумом. Может, рабирийке в самом деле известен способ отпугнуть псов? Полезно иметь среди знакомых человека, обладающего необычными свойствами...

Девушка пригнулась, выставив кинжал перед собой, и тихо зарычала, в точности подражая ворчанию крупной рассерженной кошки — леопарда или пантеры.

Большинство женщин неумело хватают попавший им в руки клинок так, что лезвие направлено вниз и подходит только для колющего удара сверху. Кроме того, они крепко вцепляются в рукоятку, словно принимая нож за живое существо, способное в любую минуту вырваться. Ринга не сделала этих ошибок. Она уверенно держала кинжал лезвием вверх и чуть вперед, слегка пошевеливая им в сторону псов, которые пытались рвануться ей навстречу.

Собаки попятились, однако их вожак шагнул вперед и тоже глухо заворчал, отвечая на брошенный вызов. Видно, ему уже приходилось иметь дело с дикими зверями. Хотя сейчас перед ним стоял человек, пес не колебался: Ринга для него была лесным хищником, хитростью проникшим на земли его хозяина. Значит, ее нужно немедленно прикончить.

Старый вожак оскалился, припал на лапы, прижавшись к земле, и внезапно бросился вперед. Его и девушку разделяло не больше пары шагов. Черный пес пролетел их по воздуху, намереваясь сбить противника с ног и задушить, но выпло совершенно по-другому. Рабирийка, вместо того чтобы

шарахнуться назад, метнулась навстречу стремительно летящей на нее собаке и коротко ударила кинжалом снизу вверх.

Пес успел лишь один раз невнятно взвизгнуть и тут же затих. Ринга не дала ему упасть, подхватив за передние лапы, и слегка присела, удерживая на весу тяжелое мертвое животное, едва ли не с нее саму ростом. Стая жалобно заскулила и начала отступать назад. Некоторые, наиболее боязливые или предусмотрительные, уже скрылись в темных кустах, остальные, переглядываясь и порываясь, разомкнули круг, но не решались уйти.

Девушка зарылась лицом в короткую и жесткую собачью шерсть, резко мотнула головой, словно вырвала и отбросила в сторону небольшой кусок плоти, а затем в тишине раздались отчетливые хлюпающие звуки. Свиристая свора взвыла и бросилась наутек, мгновенно рассыпавшись по саду.

«Она гуль.— Киммериец повторил эти простые слова раза три, но все равно не смог отделаться от нахлынувшего чувства отвращения. В какой-то миг он чуть не сделал шаг вперед и не снес Ринге голову.— Она гуль, Нергал ее победи, и это — ее жизни! В конце концов, ей попалась всего лишь собака!»

Девушка осторожно опустила свою жертву на слой палой листвы и оглянулась. Узкие губы кривились в жуткой усмешке и казались почти черными, желтые глаза блестели слабым отраженным светом, как у охотящейся кошки. Рабирийка выдернула глубоко засевший в теле пса кинжал, тщательно вытерла и рукояткой вперед протянула владельцу.

— Вот так,— тихо и твердо сказала она.— Пошли?

* * *

Похоже, Эридат полностью полагался на собак, ибо никаких сторожей больше в саду не встретилось. Никто также не вышел узнать, отчего лаяла и скулила свора. Киммериец и примолкшая девушка беспрепятственно забрались в первое приглянувшееся окно и замерли, пытаясь сообра-

зить, в какую часть дома их занесло. Где-то совсем рядом раздавались приглушенные голоса, и Конан решил для начала выяснить, кто ведет беседы в столь поздний час. Впрочем, в Заморе для деловых переговоров это было самое подходящее время.

Ринга, поколебавшись, направилась сначала в сторону, прямо противоположную той, откуда долетали голоса, свернула в неприметный коридор и остановилась. Дорогу здесь преграждали тяжелые бархатные занавеси, а из-под них пробивались тонкие лучики красноватого света.

Очень осторожно варвар отодвинул одно из шелестящих полотнищ и заглянул в образовавшуюся щель. Ему не повезло: возле дверного проема вдобавок стояла большая развернутая кхитайская ширма из красного шелка. По туго натянутой и покрытой росписью ткани перемещались отсветы стоявших в комнате свечей и расплывчатыми темными пятнами колебались людские тени.

Рабирийка, не раздумывая, опустилась на четвереньки, беззвучно проскользнула к ширме и прильнула к щелке между бамбуковыми рамами. Не оборачиваясь, показала на пальцах — «четыре человека».

К счастью для непрощенных гостей, люди в комнате были слишком увлечены разговором и не обратили внимания на подозрительные шорохи и возню за отгораживающей частью помещения ширмой.

Двоих из расположившейся за овальным столом компании Конан признал сразу. Рыжая вдовушка сосредоточенно изучала записи на длинном пергаментном листе, иногда хватая лежавшее перед ней перо и делая какие-то пометки. Достойный хозяин дома вполголоса беседовал с молодым человеком, который смахивал на туранского купца или караванщика. В разговоре постоянно упоминались покойный Райнак и сделанные несчастным многочисленные долги, а также настоятельная необходимость хоть частичной оплаты таковых. Четвертый из присутствовавших в разговор не вступал и вообще старался держаться в тени, вместе со своим креслом отодвинувшись подальше от стола и расставленных на нем шандалов со свечами.

Верная спутница госпожи Линдиссы Чари смиренно сидела на скамье возле стены вместе с громилами туповатого вида.

«Какая милая и приятная компания,— усмехаясь, подумал варвар.— Будет очень жаль испортить им спокойный вечерок...»

Линдисса закончила изучать разложенные на столе бумаги и принялась аккуратно складывать их в толстую стопку. Эридат, туранец и даже молчаливый неизвестный повернулись к ней.

— Все в порядке,— заверила их рыжая красotka.— По крайней мере, с этой стороны полнейшее благополучие.— Она подравняла плотные пергаментные листы и озабоченно поинтересовалась: — Райнак точно ничего не успел передать? Ни в Шадизар, ни в Арэнджун?

— Конечно, госпожа,— успокоил ее туранец.— Ни одно слово не вышло и не выйдет за пределы города. Я сам прослежу за этим.

— У нас достаточно хлопот и в его пределах,— язвительно заметил четвертый, не принимавший до того участия в разговоре.— Месьор Эридат, что за идиотская выходка с наемником?

— Ничего особенного,— пожал плечами хозяин дома.— У гвардии теперь будет занятие, которое надолго ее отвлечет, а Леддар все равно должен был умереть.

— Ну, а если нашей доблестной городской страже повезет и они каким-то чудом поймают этого иноземца? — не отставал его собеседник.— Не забудьте, с ним эта ваща...— Он пощелкал пальцами.— Кто знает, как много ей известно?

Обиженный Эридат надулся и сердито ответил:

— Девчонка ровным счетом ничего не знает! А здешняя гвардия, тебе это известно не хуже меня,— сборище ослов и тупиц!

С этим Конан был полностью согласен, но решил пока не высказывать своего мнения вслух.

— Я слышал, как они сегодня ловили этого наемника на базаре,— продолжал Эридат.— Он преспокойно удрал от

них и где-то спрятался. Думаю, он постарается как можно скорее покинуть город. На всех дорогах стоят туранские патрули, а им я доверяю больше, чем нашей гвардии. Они еще могут всерьез попытаться его задержать. Если им повезет, тогда посмотрим, что с ним делать... А не повезет — значит, такова судьба. Главное — не выпустить из города женщину. Насколько я знаю, они пока вместе и не собираются расставаться.

«Хм, почему им важнее задержать здесь Рингу, а не меня? — озадаченно подумал киммериец.— И что вообще они затевают?»

— А немедийцы? — поинтересовался туранский купец.— Разве мы не можем привлечь к поискам военных?

— Зачем? Нам совершенно не нужны лишние расспросы,— разумно возразила Линдисса и с заметным любопытством осведомилась: — Эридат, а что за наемник и где ты его раздобыл?

— Госпожа Линдисса, не отвлекайся,— торопливо проговорил замориец, прежде чем овдовевшая день назад и уже успевшая заскучать без достойного общества красotka успела вытянуть у него хоть что-то.— Это всего-навсего какой-то полудиккий северный варвар. Если он попадется, ты лично сможешь у него узнать все, что тебя интересует.

Линдисса притворно вздохнула, изобразив искреннее разочарование, а притаившаяся за ширмой Ринга фыркнула.

— Хорошо,— подвел итог неразговорчивый четвертый собеседник (вожаком в этом обществе явно был именно он, а не Эридат, как поначалу решил Конан) и стукнул по столу ладонью: — Предположим, наемник нам не помешает, а в случае чего месьор Эридат займется им. Мы же продолжаем действовать, как и было задумано. У кого есть вопросы?

— У меня,— одновременно заявили туранец и Линдисса.

«И у меня,— мысленно добавил варвар.— Значит, собираетесь без хлопот изловить подвернувшегося чужеземного наемника, а потом решить, на что он может пригодиться? И не такие грозились, да так и ловят до сих пор... Те, кто еще жив, конечно».

— Госпожа Линдисса, мы слушаем,— вежливо кивнул так и оставшийся безымянным вожак, сделав остальным знак замолчать.

— Арнак! — возмущенно бросила красавица, вскакивая со своего места.— Если до него случайно дойдет хоть слово, нам придется тяжело, несмотря на наше положение в обществе. Он не желает ссориться ни с Шадизаром, ни с Немедией, ни с Тураном! Он опасен!

— Столько крику из-за того, что тебе не удалось его соблазнить,— еле слышно пробормотал Эридат.

«Ага, значит, в городе имеется по крайней мере один относительно честный человек,— отметил киммериец.— Причем обладающий властью, иначе бы они так не боялись. Учтем и запомним».

— Мы займемся им,— заверил рассерженную женщину вожак.— В свой черед. Пока он ничем нам не угрожает. У него нет ни доказательств, ни даже подозрений о нашей предполагаемой затее.

— А если он пошлет гонца в Аграпур? — стояла на своем Линдисса.— Или, что еще хуже, в Шадизар? С вестями о внезапно участвовавших непонятных убийствах?

— Ну и пусть посылает на здоровье,— небрежно отмахнулся вожак.— Пока гонец доскачет туда, пока власти удосужатся прочитать послание, пока сообразят, что необходимо предпринять и стоит ли вообще обращать внимание на дурацкие события в каком-то захолустном городке, мы уже все закончим... Тамир, что ты хотел сказать?

— Куда отвести людей? Они не должны болтаться в городе и лишний раз попадаться на глаза. Кроме того, они постоянно кого-то задевают,— пожаловался молодой туранец.— Особенно городскую стражу. Накличут они на свою и на мою голову бед раньше времени!

— Отправь их за город,— после краткого размышления велел предводитель.— Знаешь куда? — Туранец коротко кивнул.— Пусть сидят там и даже не думают показываться в Далираме! Скажешь: когда понадобится, их предупредят, а кого заметят здесь, может сразу прощаться и с кошельком, и с жизнью. Все, господа? Тогда расходимся и

помните, что времени у нас мало, а сделать предстоит исключительно много.

Позади внимательно прислушивавшегося Конана раздалась какая-то шумная возня, прерванная истошным воплем человека. Занавеси неожиданно распахнулись, и киммериец еле успел отскочить в сторону, пропуская мимо сначала безостановочно вопящего и согнувшегося громилу, который плотно прижимал ладони к лицу, а затем клубок из двух или трех яростно дерущихся людей, среди которых была Ринга. Они врезались в ширму, повалили ее и очутились прямо в середине комнаты.

Чари пронзительно завизжала, благородное общество заговорщиков вскочило на ноги, так же как и сидевшие возле стены телохранители. Драка на полу мгновенно прекратилась. Один из ее участников остался лежать неподвижно, странно вывернув голову набок, зато двое других проворно отскочили подальше друг от друга и замерли...

Глава восьмая

Было нетрудно сообразить, что произошло. Очевидно, Ринга услышала подозрительный шум в коридоре за занавесями и, решив проверить, чем он вызван, натолкнулась на обходивших дом слуг или охранников. Первого же человека, самонадеянно попытавшегося ее схватить, рабрийка полоснула по глазам своими когтями, а потом бросилась на остальных. Пострадавший от когтей девушки-гуля охранник, шатаясь и тихо подвывая, пересек комнату, сослепу врезался в стол и свалился, не удержавшись на ногах. От внезапного толчка тщательно сложенные госпожой Линдиссой бумаги разлетелись, а свечи опасно закачались.

— Что, пожри меня Нергал, происходит?! — недоуменно воскликнул вожак дэлирамских заговорщиков, еле успев подхватить падающий шандал и тем самым предотвратив угрозу пожара.

— Варвар, — растерянно пробормотал Эридат и начал медленно пятиться подальше от стола, увидев неизвестно откуда объявившегося северного наемника. — Тот самый...

Вдовушка отвесила оплеуху все еще визжавшей служанке, заставив ту мгновенно смолкнуть, смерила киммерийца оценивающим взглядом и возмущенно заявила:

— Эридат, я против! Никуда вы его не посадите! Почему мне никто не сказал...

— Линдисса! — почти в один голос завопили оскорбленные хозяин дома и схватившийся за саблю туранец, без труда перекричав женщину. — Что ты несешь!

— Я и сам в состоянии о себе позаботиться, — проворчал Конан. — Но все равно спасибо.

Рыжая красotka ослепительно улыбнулась, мгновенно забыв, по какому поводу собралось в тихом домике на окраине столь своеобразное общество. Улыбаясь, она одновременно торопливо сгребала в беспорядке разбросанные по столу листы пергамента и запихивала их в большую кожаную сумку.

— Как он сюда попал? — ни кому не обращаясь, ядовито поинтересовался вожак. — Кто-то мне клятвенно обещал, будто поставит надежную охрану вокруг дома...

— Я и поставил, — попытался оправдаться Эридат и мелкими шажками начал продвигаться к двери. — Гебер, я не знаю, как он сумел сюда пропикнуть...

— Далеко собрался? — неизвестно откуда перед достойным заморийцем возникло преградившее дорогу лезвие исключительно длинного и выглядевшего чрезвычайно острым меча. — Ну-ка назад!

— Но... — запнулся владелец дома, оглядываясь в поисках поддержки на своих слегка растерявшихся компаньонов.

Никто из них не произнес ни слова и не тронулся с места. За исключением молодого туранца, который безуспешно попытался доказать, что всящая у него на боку легкая изогнутая сабля в нарядных ножнах служит не только украшением. Один-единственный выпад туранца угодил в пустоту, а второго он попросту сделать не сумел, лишившись оружия, мгновенно выбитого из рук. Сабля улетела куда-то в угол.

— Сиди тихо, — посоветовал ему варвар. — К остальным это тоже относится.

Вожак бросил на угрюмо примолкшего Эридата взгляд, которым можно было без труда испепелить на месте, и с нарочитой невозмутимостью обратился к киммерийцу:

— Полагаю, у тебя есть неизвестные нам условия и вопросы? Или тебе непременно нужна голова кого-то из нас?

При упоминании о головах трое сообщников быстро переглянулись, а затем напряженно уставились на своего

предводителя, пытаюсь по его бесстрастному лицу понять, шутит он или говорит серьезно.

— Что ж, с умным человеком и поговорить приятно, — невольно подражая чуть насмешливому тону своего, по всей вероятности, вполне разумного собеседника, ответил Конан. — Условий у меня полно, и первое из них касается вот ее...

Киммериец оглянулся назад, собираясь подозвать девушку к столу, и озадаченно выругался. С Рингой творилось что-то неладное. Рабирийка сидела на корточках, подобравшись, как зверь перед прыжком, и настороженно обводила сборище взглядом сузившихся и ставших совершенно кошачьими золотистых глаз. Длинные выпущенные когти оставляли на дорогах светло-коричневых досках пола глубокие царапины. Девушка глухо ворчала сквозь оскаленные клыки, ведя себя в точности как попавшее в незнакомую, а потому опасную обстановку дикое животное.

Конану приходилось в свое время сталкиваться с оборотнями, и сейчас он с замершим сердцем ярко представил, как Ринга на глазах у изумленной публики обратится в неведомого зверя. Варвар бы не удивился, начини рабирийка молниеносно покрываться черной густой шерстью и появиться у нее длинный и чуть подрагивающий гибкий хвост. К счастью собравшейся компании, ничего подобного пока не происходило, а то не миновать бы криков и визга на весь городок.

— Ринга!

Окликать девушку пришлось дважды. На второй раз она соизволила слегка повернуть голову и что-то неразборчиво проворчать. Кажется, рабирийка по непонятной причине всерьез вообразила себя зверем, мгновенно разучившись говорить и передвигаться полагающимися человеку способами. Не пришла бы ей в голову мысль, полностью войдя в образ, устроить небольшую охоту, благо дичи тут для нее было в избытке...

Впрочем, отвлекаться на странности поведения подопечной киммерийцу было некогда. Испуганные неожиданным вторжением заговорщики могли в любой миг поднять крик, всполошив наверняка имевшуюся в доме или возле него

дополнительную стражу, а посему следовало с наибольшей выгодой использовать общее замешательство.

«Ладно, с ней мы разберемся попозже, — быстро решил Конан. — Сейчас необходимо выяснить, зачем здесь собралась эта приятная компания... И желательно как можно скорее».

— По-моему, твоя подружка несколько не в настроении, — ехидно заметил вожак дэлирамцев, носивший, как припомнил варвар, имя Гебер.

Остальное общество, похоже, совершенно не разделяло веселого настроения своего предводителя. Эридат так и вовсе слегка пожелтел да ухватился за стену, чтобы не упасть. Видно, представил себе возможные последствия задушевной беседы один на один с вообразившей себя хищником Рингой.

— Зато я в настроении, — рявкнул киммериец. — И первое, что я хотел бы узнать...

— Зачем мы втянули тебя в наши дела? — завершил фразу Гебер. — Уверяю тебя, это произошло совершенно случайно. И всем нам будет лучше, если на этом наше знакомство завершится.

Компания мошенников (а в том, что перед ним именно мошенники, Конан не сомневался: слишком часто он сталкивался с этой разновидностью рода людского, да и сам не раз побывал в их шкуре) яростно, хотя и вразнобой, закивала, соглашаясь с мнением вожака.

— Допустим, — согласился киммериец. — Но один из вас уже пообещал мне все богатства мира и дармовую выпивку в придачу за совершенно пустяковую, как он утверждал, работу... — Эридат сделал слабую и безуспешную попытку притвориться, что его здесь нет и что он совершенно не представляет, о каком деле идет речь. — ...А теперь я вынужден сломя голову носиться по вашему паршивому городишке, спасая свою шкуру. Мне это не нравится.

— Приношу свои искренние извинения за необдуманные действия моего компаньона, — церемонно проговорил Гебер. — Месьор Эридат переоценил свою значимость и недооценил твои возможности. Кроме того, он не потрудил-

ся поставить нас в известность о предпринятых им действиях. В противном случае мы, конечно, не согласились бы с его предложениями или позаботились о том, чтобы они были выполнены.

Эридат всем своим видом выразил полнейшее согласие с полученным от вожака выговором и готовность в дальнейшем безоговорочно подчиняться любым его распоряжениям. Линдисса бросила на притихшего хозяина дома короткий презрительный взгляд, затем выразительно посмотрела на Конана, состроила чопорную гримаску и тихонечко хихикнула. Молчаливо наблюдавшая за людьми Ринга неожиданно издала пронзительный шипящий звук, от которого все одновременно вздрогнули, а туранец схватился за пустые ножны, забыв, что находившаяся в них сабля давно валяется в углу.

— Ну и? — хмуро потребовал продолжения варвар.

Извинения, конечно, вещь хорошая, но никакой особой пользы из них обычно не извлечешь. Разве что на душе становится несколько приятнее. Впрочем, северянин ни капли не верил ни в честность предводителя заговорщиков, ни в искренность его слов. Им требовалось только его молчание — любой ценой. Вот пусть и платят...

— Сколько? — невозмутимо осведомился замориец, не обращая внимания на мрачное выражение лица невольного гостя и вытянувшиеся физиономии своих приятелей. — Сколько ты хочешь за причиненное тебе беспокойство и за то, чтобы ты как можно скорее позабыл о нашей встрече?

«Ага, после чего к обширному списку якобы моих преступлений в Дэлираме добавится безжалостное ограбление мирных обывателей прямо в их собственном доме, — мелькнуло в голове у Конана. — Впрочем, поглядим еще, кто кого перехитрит!»

— Десять тысяч, — не раздумывая, заявил киммериец, краем уха расслышав слабый протестующий вопль.

Ничего, не обеднеют. Тот же Эридат наверняка заполучил обратно часть украденных у него денег из тех, что остались лежать в комнате на постоялом дворе «Медная подкова», если только Барракс не прибрал их к рукам.

Хотя дважды грабить одного и того же человека — в этом есть что-то ужасно забавное...

— Камнями или золотом? — все так же спокойно поинтересовался Гебер. — Если золотом, то какой чеканки — туранской или немедийской?

Жадность у Эридата, каким-то седьмым чувством понявшего, что расплачиваться придется именно ему, взяла верх над осторожностью, и почтенный месюр не выдержал.

— Да за что ж ему платить! — с неподдельной скорбью в голосе взвыл он. — Не забудьте, этот ублюдок преспокойно обокрал меня и спутал все наши планы! А мы должны теперь откупаться, чтобы он оставил нас в покое! Гебер, ну нельзя же так!

— Помолчи, — раздраженно бросил вожак. — Не забывай, что, если бы не ты и твои необдуманные действия, господин наемник никогда бы не узнал о нашем существовании.

Эридат вяло махнул рукой — поступайте, мол, как знаете — и оскорбленно замолчал, стараясь не обращать внимания на откровенно насмешливые взгляды госпожи Линдиссы.

— Монеты немедийской чеканки меня вполне устроят, — безмятежно сказал Конан. — И еще мне требуется пара лошадей.

«Туранские импералы явно не желают задерживаться у меня в карманах. Может, с немедийскими золотыми дело пойдет лучше? Они что, в самом деле собираются мне заплатить за молчание? Конечно, деньги никогда не бывают лишними, но нутром чую: что-то здесь не так. Эх, не вовремя Мораддин уехал! Он бы быстро сообразил, что к чему. Ладно, сам разберусь. Не в первый раз, в конце концов. Нет, каков городишко! Сначала проигрался вдребезги, потом угодил в наемные убийцы, а теперь, глядишь, верну назад все проигранное да еще с процентами... Расскажи кому — не поверят».

— Значит, десять тысяч немедийскими золотыми и лошади, — подвел итог Гебер. — Получив все это, ты вместе со своей зубастой подружкой немедленно покинешь город?

— Да,— согласно кивнул варвар.— Уеду. Может быть... Когда я получу золото?

— Хоть сейчас, если позволишь кому-нибудь из нас выйти и сходить за деньгами,— отозвался Гебер.

На встревоженных лицах его компаньонов отразилась слабая надежда на возможность благополучно выбраться из возникшей заварушки.

«Как же, держи карман шире! Не золото я тогда получу, а десяток головорезов!»

— Никто из вас не двинется с места.— Конан оглядел комнату.— А пойдет вот она.

Кончик его меча поднялся и указал на застывшую с выпученными глазами и полуоткрытым ртом Чари. Служанка в панике заверещала, но быстро смолкла, заметив грозный взгляд своей госпожи.

— Она все сделает,— завершила общество Линдисса.— Чари, надеюсь, ты все слышала и поняла? Бегом, одна нога здесь, другая там!

— И без глупостей,— негромко добавил киммериец.— Иначе никто здесь не доживет до утра.

Чари бочком подошла к дверям, боязливо покосилась вокруг, протиснулась в узкую щель между створками, не решившись широко их открыть, и исчезла. Собрание облегченно перевело дух, и даже свалившийся под стол и не подававший в течение всего разговора признаков жизни человек рискнул пошевелиться. Похоже, рабирийка не выцарапала ему глаза, как поначалу показалось Конану, а лишь украсила физиономию нападавшего глубокими следами когтей, которые выглядели весьма живописно.

— Тетушке Чари понадобится время и чья-то помощь,— заметил Гебер.— Десять тысяч в золотых монетах весят немало.

— Ничего, мы не торопимся,— хмыкнул варвар.— Может, я еще задержусь на денек в вашем треклятом городке.

— Ты обещал уехать,— напомнил вожак заговорщиков, и в его голосе первый раз прозвучала скрытая тревога.

— Мне тоже много чего обещали,— отрезал Конан и обернулся — узнать, что там с Рингой.

Девушка по-прежнему неподвижно сидела в неестественной для человека позе, и, казалось, не испытывала никаких неудобств. Она пристально следила прищуренными золотистыми глазами за находившимися в комнате людьми, и киммериец вдруг вспомнил, что рабирийка называла своих сородичей хищниками в облике человека. Тогда он принял ее слова за преувеличение и обиду изгнанной из племени, но теперь понял: Ринга сказала чистую правду. Гули действительно были разумными животными, в силу непостижимой игры природы или утонченно-жестоким шутки богов получившими внешность, как две капли воды схожую с людской.

Интересно, как рабирийка умудряется сдерживать живущего внутри нее зверя? Или он просыпается только после ее... кхм, обеда? До того как Ринга столь жутким способом прикончила сторожевого пса, она выглядела и поступала как обычный человек, но потом на нее точно безумие нашло...

Дело близилось к рассвету, когда за дверью раздались шаркающие шаги пожилого человека, несущего тяжелый груз. Чари осторожно вошла в комнату, крепко сжимая в руках знакомый варвару или очень похожий на знакомый кожаный мешок. Служанка подошла к встрепенувшейся Линдиссе, что-то прошептала ей на ухо, а затем, явно получив указания, водрузила доставленную сумку на стол, отодвинув разбросанные листы пергамента.

— Треть,— сообщила рыжая красавица.— Остальное сейчас принесут. Лошадь, к сожалению, есть только одна и не слишком хорошая. Она стоит во дворе.

Чари, пригнувшись и втянув голову в плечи, засемила обратно и скрылась в темноте за дверью.

«Не так уж плохо для начала.— Конан с удовольствием поглядел на плотно набитый мешок.— Хотя что такое, в сущности, десять тысяч? Так, мелочь...»

Гебер, успевший вновь занять свое кресло, развязал ремень, стягивающий мешок, и демонстративно высыпал из него несколько монет, со звоном раскатившихся по столу.

Чари пришлось еще дважды совершить поход в неведомые кладовые. В последний раз ее сопровождал один из слуг, предусмотрительно решивший дожидаться развязки событий в коридоре и даже не рискнувший сунуться в комнату. Вместе с деньгами Чари прихватила вместительную холщовую сумку и под полным неподдельной боли взглядом Эридата сложила в нее все принесенные мешочки, а затем боязливо передвинула заметно разбухшую сумку поближе к варвару.

— Пересчитывать будешь? — деловито осведомился Гебер. — Кстати, если попадутся фальшивые монеты, это целиком на совести месьора Эридата.

— С удовольствием заплачу пару тысяч любому, кто обнаружит у него хоть каплю этой самой совести, — вполголоса, однако очень отчетливо пробормотала Линдисса.

Хозяина дома передернуло, и он, не выдержав, невнятно прошипел ей в ответ что-то злобное. Рыжая вдовушка невозмутимо пропустила его слова мимо ушей.

— Надеюсь, это последний раз, когда мы все видим друг друга, — процедил вожак дэлирамцев. — Госпожа Линдисса, не могла бы ты хоть ненадолго придержать свой не в меру острый язычок?

Красотка фыркнула, нарочито зевнула и прикрыла рот ладонью. Гебер похлопал по глухо звякнувшему мешку:

— Забирай и уматывай отсюда.

— С удовольствием, — отозвался Конан.

Перетрусившее общество неопытных жуликов начало ему слегка надоедать (особенно высокомерный Гебер), и киммериец решил на прощание немного припугнуть теплую компанию, которая, по его мнению, слишком рано успокоилась и решила, что самое страшное уже позади.

— Скрыги вы! — возмущенно воскликнул он, забирая приятно тяжелый мешок. — Столько шума подняли из-за жалких десяти тысяч. Арнак за сведения о ваших проделках предлагал в три раза больше и не трясся над каждой монеткой.

Надо признать, шутка удалась, хотя о существовании человека по имени Арнак варвар узнал только сегодня. Присутствующие мгновенно замолчали, оборвав на полуслове начавшиеся было разговоры. Гебер вздрогнул, выпрямился в кресле и подозрительно вкрадчивым голосом осведомился:

— И что же стало известно почтеннейшему Арнаку в обмен на эти деньги?

— А все, — не долго думая, брякнул киммериец, все еще нисколько не сомневавшийся, что компания заговорщиков не примет его слова всерьез.

— Бел, спаси и защити, — заикаясь, выговорила мгновенно осунувшаяся и подурневшая Линдисса. — Гебер, мы пропали...

Вожак взвился над креслом, точно укушенный разъяренной болотной гадюкой за седалище, запустил в варвара припрятанным в широком рукаве кинжалом и чрезвычайно пронзительно для человека его возраста заорал:

— Стража!

От летящего ножа Конан успел вовремя увернуться, ибо ни на миг не позволил себе расслабиться и ожидал, что рано или поздно события могут принять подобный оборот. Под шумок Линдисса и Чари стремительно выскочили из комнаты, прихватив с собой Эридата, который вконец обезумел и перестал что-либо понимать в происходящем, а туранец Тамир бросился за своей саблей. Рыжая красотка на пороге успела обернуться, кинув короткий изумленный взгляд на возникшее в комнате столпотворение, и исчезла. Ринга хищно заурчала, готовая прикончить любого, кто неосмотрительно окажется в пределах ее досягаемости. В следующую минуту в маленькую комнату набилась слишком большая толпа людей, размахивающих разнообразным колющим или режущим оружием. Рабрийка издала протяжное мяуканье, свирено оскалилась и бросилась под ноги первому нападавшему, тут же исчезнув в куче свалившихся на нее тел. В коридоре за спиной киммерийца кто-то затопал, задержавшись на мгновение, чтобы выпутаться из тяжелых складок занавесей. Это его и сгубило: варвар наугад

ткнул в шевелившуюся за тканью фигуру кинжалом, неизвестный коротко вскрикнул и тяжело повалился на пол, оборвав с притолки материю.

Какое-то время в комнате бушевал настоящий водоворот из дерущихся людей, причем многие не имели представления, кого именно нужно бить, и набрасывались на первого попавшегося. Указания, которые Гебер пытался выкрикнуть сквозь царивший гвалт, делу ничуть не помогали.

В планы Конана вовсе не входила драка с двумя десятками головорезов. Заехав первому смельчаку по челюсти и проткнув кинжалом какого-то настырного упряма, совершенно не дорожившего своей единственной жизнью, киммериец за шиворот выволок из образовавшейся на полу свалки девушку-гуля. Ринга шиела, точно кошка, которой прищемили хвост, и рвалась обратно, чтобы продолжить развлечение. Разговаривать с ней было совершенно бесполезно, а потому варвар как следует встряхнул ее и подтолкнул в сторону выхода. Получив столь недвусмысленное приказание, рабирийка разочарованно рыкнула, но все же послушалась и бросилась бежать.

После краткой борьбы с занавесями, явно живущими своей собственной жизнью и стремящимися изловить и опутать любого, кто пытался быстро проскочить между ними, Конан и девушка оказались в темном коридоре. Вопли и шум драки позади не утихали, и киммериец очень надеялся, что их исчезновение с поля боя осталось незамеченным. Напавшие на них люди были не специально обученной стражей, а сборищем громил, привыкших без особых хлопот выкидывать из веселых домов и кабаков шумных посетителей, которые не могли оказать никакого серьезного сопротивления. Киммериец даже не стал вытаскивать меч из ножен, так как здешняя публика того не заслуживала.

По дороге им никто не встретился, если не считать вынырнувшего откуда-то недоумка, который неумело размахивал слишком длинным для него клинком, безрассудно решив, что сумеет задержать двоих людей, мчавшихся прямо на него. Варвар, не останавливаясь, небрежно от-

швырнул его в сторону, а Ринга прошипела прямо в поблевшую физиономию что-то угрожающее.

Беглецы уже выбирались из распахнутого настежь окна в сад, когда беспорядочная толпа вопящих и избивающих друг друга идиотов наконец обратила внимание, что тех, кого, собственно, требовалось изловить, давно нет в комнате.

«Надо было его прикончить,— мимоходом подумал Конан, услышав вопли призывавшего на помощь человека, который столь опрометчиво пытался их задержать.— Ладно, некогда».

Незванные гости бесшумно прыгнули вниз, на нагретую за день землю, отбежали от дома и притаились среди еле различимых в темноте искривленных стволов. Луна уже зашла, и запущенный сад казался переплетением шуршащих теней.

Собаки на глаза не показывались: попрятались или, до полусмерти напуганные Рингой, вовсе сбежали от хозяина. Из дома доносились неразборчивые выкрики, в окнах беспорядочно металась отблески фонарей и свечей, кто-то безуспешно пытался организовать поиски, только увеличивая сумятицу.

— Они наверняка убежали в сад! — По исполненному негодованию голосу Конан безошибочно признал достойнейшего месьора Эридата.— Возьмите факелы и прочешите все! Окружите сад, не давайте им выскочить на улицу! Спустите на них собак!

«Очень умное, только несколько запоздалое распоряжение...— фыркнул киммериец.— Если бы они не дали нам выбраться из дома, тогда другой разговор. А ловить нас посреди ночи да еще с таким сбродом, что у них подобрался... Не смешите меня!»

Он решил немного выждать и посмотреть, будут ли Гебер и его подручные устраивать погоню или ограничатся не слишком тщательным осмотром сада. Впрочем, Конан был уверен, что даже при внимательном поиске с факелами и собаками их не обнаружат, разве что кто-нибудь особо везучий умудрится наступить прямо на скрывающихся злоумышленников.

Ринга послушно сидела рядом, глядя на дом и прислушиваясь к шорохам среди деревьев. Кто-то, держа в руке раскачивающийся фонарь, вылез через окно и пронзительно засвистел, созывая разбежавшуюся и попрятавшуюся свору. Два или три пса после долгих колебаний выбрались из зарослей и подошли к человеку. Остальные, не успевшие позабыть общение с рабрийкой и судьбу вожака своры, предпочли не рисковать и не показываться.

В глубине сада неожиданно мелькнул еле различимый огонек. Исчез, появился снова, не трогаясь с места. Заинтересованный непонятным явлением варвар тронул за плечо девушку и показал на слабое пятнышко света посреди темных деревьев. Ринга уставилась на далекий огонь, пригнулась, затем подняла два пальца и отрицательно мотнула головой.

Из дома высыпала группа людей, шумно переговариваясь и размахивая факелами. Тусклый огонек в саду мигнул еще раз и погас.

«Интересно, кому это светили? Им? А может, нам? Сходить, что ли, посмотреть?»

Плянув на предостережение рабрийки, Конан решительно направился туда, где, как ему показалось, он в последний раз видел загадочный огонек. Девушка, поколебавшись, последовала за ним.

Звериная натура постепенно отступала на второй план, Ринга чувствовала себя разбитой и уставшей, как случалось всегда после накатывающего безумия. В отличие от истинных гулей она боялась этих приступов, но еще больше опасалась того, что в одну препаршивую ночь не сможет справиться с собой. Тогда она рискует тем, что навсегда может остаться в шкуре существа, среднего между животным и человеком, одинаково чуждого как тем, так и другим.

Девушка смутно помнила, что она делала, когда ее вторая, звериная половина вырывалась на свободу. Сейчас перед ней вставали отдельные сцены какой-то потасовки, в которой она принимала более чем активное участие. Ринга потрясла головой, стараясь поскорее прийти в себя, и огля-

нулась на очертания удаляющегося темного дома. Знание пугало ее, так же как и носившиеся по саду люди.

Огонек снова загорелся. Теперь киммериец видел, что это масляная лампа с заслонкой, позволяющей направлять свет в одну определенную сторону. Узнал он и женщину, державшую фонарь и вздрагивавшую при каждом шорохе или треске.

Рядом с трясущейся, как лист на ветру, Чари стояла госпожа Линдисса, пристально вглядываясь в крошечную тьму. Услышав приближающиеся шаги, рыжая красавица обернулась, пытаясь определить, откуда они доносятся. На ее лице не отразилось ни малейшего следа тревоги или волнения.

— Я так и знала, что ты выберешься, — невозмутимо заявила женщина, когда варвар вошел в круг света, отбрасываемый лампой. — А где твоя подружка, эта дикая кошка?

— Здесь, — кратко отозвался Конан, ломая голову над тем, что понадобилось Линдиссе ночью в саду. Неужели она решила устроить варвару ловушку? Или рыжая вдовушка настолько убеждена в своей неотразимости и полнейшей безнаказанности, что считает себя вправе творить все, что вздумается?

Ринга беззвучно вышла из-за деревьев и замерла, устало привалившись к стволу. Желтые глаза равнодушно смотрели мимо троих разговаривающих людей. Казалось, рабрийка не понимает, что происходит вокруг нее.

— Они вытопчут все, что еще уцелело в этом саду, но ровным счетом ничего не отыщут, — беспечно заявила Линдисса. — У нас еще уйма времени. Я хотела поговорить с тобой, поэтому и пришла сюда. — Женщина замолчала, прислушиваясь к разносящимся в ночном воздухе голосам. — Они поверили в то, что ты человек Арнака, — наконец уверенно проговорила она. — Замечательная шутка. Даже я, — эти слова она выделила, — даже я поначалу поверила.

— А почему ты теперь так не думаешь? — озадаченно поинтересовался киммериец.

Он был уверен, что Линдисса перепугалась больше всех, а уж в том, что она первая поверила в его не самый удачный розыгрыш, не сомневался.

— Я умная.— Рыжая красotka высокомерно усмехнулась.— Если бы Арнак нанял тебя следить за нами, я бы узнала об этом первой. Нет, нет, ты сам по себе. Сегодня тебе удалось удрать, но учти: Гебер все равно тебя отыщет. Он поверил, и его теперь никто не разубедит, а успокоится он только когда получит твою голову.

— Что, он не поверит даже тебе?

Барвар не слишком хорошо представлял, какую игру ведет новоиспеченная вдова, но решил, что стоит ей слегка подыграть. Может, брякнет ненароком что-нибудь полезное. Женщина, называющая себя умной, редко бывает такой на самом деле. Чаще всего она просто хитрее прочих.

— А я и не собираюсь спорить с ним и доказывать, что ты бедная невинная овечка,— твердо сказала Линдисса.— Наоборот, я буду всячески убеждать его в том, что все беды мира — от тебя... Кстати, как тебя зовут? — неожиданно осведомилась она, точно эта мысль только сейчас пришла ей в голову.— Впрочем, нет, помолчи. Попозже ты расскажешь мне обо всем. Я живу на улице Прыгающей Ящерицы, пятый дом. Приходи как-нибудь, поболтаем... Только сначала привяжи покрепче свою подружку, а то она еще попытается мне глаза выцарапать. Чари, идем!

Она повернулась, собираясь уйти. Конан честно признался себе, что не извлек из болтовни Линдиссы никаких полезных сведений, даже намек, за исключением того, где ее можно найти. Может, она и в самом деле умнее, чем кажется? Похоже, женщина знает обо всем, что происходит в Далираме, но отнюдь не собирается выбалтывать это первому встречному.

— Эй, погоди! — Линдисса, явно не торопившаяся покинуть крохотную полянку, с готовностью обернулась, жестом остановив служанку.— С чего это ты взяла, будто я приду к тебе?

— Ты хочешь кое-что узнать, я могу кое-что рассказать,— лукаво отозвалась странная вдова.— Но сейчас тебе

лучше поскорее исчезнуть. Я скажу этим олухам, чтобы перестали как безумные носиться по саду и что вы побежали во-он туда.— Она махнула рукой куда-то в темноту.— До встречи... варвар.

Линдисса подобрала длинную юбку и решительно направилась через высокую высохшую траву к видневшемуся смутной черной тенью дому. Служанка, сжимая лампу в трясущихся руках, поспешно последовала за ней. Вскоре рассып неярких огоньков, которые беспорядочно метались по окутанному тьмой саду, собралась вокруг раскачивающегося фонаря, а затем цепочкой устремилась в обход дома, все больше удаляясь от беглецов.

— Где мы? — Усталый, безжизненный голос, вне всякого сомнения, принадлежал Ринге, окончательно пришедшей в себя. Линдисса унесла с собой единственный источник света, и теперь киммериец почти не различал силуэта девушки.— Что это за место? Как мы сюда попали?

— Сад возле дома твоего хозяина,— негромко ответил Конан, догадавшись, что рабрийка почему-то забыла о недавних событиях.

— Мне здесь не нравится,— убежденно сказала Ринга.— Давай уйдем.— Она помолчала, сделала несколько неуверенных шагов — под ее ногами захрустела опавшая сухая листва — и робко спросила: — Мы подрались? Я никого не убила?

— Насколько я видел — нет. Кое-кого слегка покалечила, но и только. Можешь идти?

— Да.— Девушка облегченно вздохнула, подошла поближе и шепотом проговорила: — Здесь неподалеку какие-то люди, они нас ищут.

— Вот именно,— подтвердил киммериец.— Так что нам самое время смыться отсюда.

Они прошли притихшим садом, не встретив по пути ни людей, ни сторожевых псов, перелезли через низкую ограду и оказались на пустынной улице. Невдалеке перекликались охранники, все еще пытавшиеся разыскать так неожиданно исчезнувших беглецов.

Глава девятая

Ну вот, мы снова при деньгах! — Несмотря на возникшую неразбериху, Конан успел прихватить с собой золото, полученное от дэлирамских заговорщиков, и теперь тяжелые монеты, которые заметно оттягивали привешенную к поясу сумку, тихо звякали в такт шагам. — Но Нергал меня задери, если я понимаю, что же происходит в этом проклятом городишке!»

Варвар и девушка благополучно выбрались из сада, окруженного слугами и охранниками Эридата, и теперь шагали по пустынной улице, направляясь к приютившему их сараю возле брошенного дома. Луна давно зашла, и городок окутала бархатно-черная ночь, что было как нельзя лучше: простому обывателю сейчас вряд ли придет в голову отправиться на прогулку, а ночной стражи в Дэлираме испокон веку не бывало.

«Гебер и его дружки затеяли какую-то грязную игру, это ясно как день. И ужасно боятся, как бы посторонние не пронюхали об их темных делишках. Они приняли мои слова за чистую монету, и, похоже, настоящая охота на меня теперь только начинается. — Киммериец прислушался к еле слышным голосам, которые долетали от оставшегося далеко позади дома Эридата. — Если у них достанет ума и опыта, то я и затертого медяка не дам за наши шкуры. У них и туранская полусотня, и местная гвардия, и какой-то еще свой отряд... Того и гляди, на самом деле придется уносить ноги из этой проклятой дыры. А если

они только этого и ждут? Провалиться мне на этом месте, от их затей за лигу пахнет деньгами, причем большими деньгами... А там, где хватает золота на четверых, всегда найдется доля и еще для одного, то есть для меня. Они что, всерьез полагали, что я послушно уберусь подальше, получив эти жалкие десять тысяч? Сотни демонов вам в глотки, и не надейтесь!»

— Ринга, — окликнул примолкшую девушку варвар. — Как думаешь, эта компания недоумков попытается нас поймать?

— Скорее всего, — устало отозвалась рабирийка. — Ты сказал нашим приятелям что-то такое, отчего они до полусмерти испугались и разозлились.

«Многое я отдал бы сейчас, лишь бы исполнить очень простенькое желание: потолковать с кем-нибудь, кто точно знает, где сидит главный паук и за какие ниточки он дергает. Может, тогда хоть что-нибудь прояснится, — с сожалением подумал Конан. — Даже с Линдиссой, если на то пошло. Правда, она слишком себя любит и считает неотразимой, а по мне так баба как баба. Видали и получше... Кажется, все-таки Ринга была права: мы умудрились вляпаться в местное болото по уши и выше. Единственное наше спасение — опережать Гебера с его сворой. Знать бы только, с чего начать... Интересно, связаны ли разодранные на куски покойники с Геберовыми проделками? И кто такой Арнак? Что бы дэлирамские мошенники ни затевали, не будут же они вечно держать свои замыслы в глубокой тайне! Значит, довольно скоро все выльется наружу. Через день, от силы через два. Им очень мешал человек, которого я убил... Как его, Ледбер?.. И они опасались, что ныне покойный Райнак успел о чем-то сообщить в Шадизар. Значит, дело нешуточное. Может, они все разом посходили с ума, если решили обставить шадизарцев?»

— Тебе не показалось, что Гебер с приятелями больше всего боятся, что кто-то раскроет их тайны? — неожиданно спросила Ринга.

Видно, девушка размышляла над теми же вопросами, что и киммериец, и пришла к похожему выводу.

— Показалось,— согласно кивнул варвар.— И еще я думаю, что наши друзья обломают себе зубы, пытаясь откусить от чужого куска.

— Но пока все зубы у них на месте,— заметила девушка, постепенно оживляясь.— И Гебер с друзьями могут опробовать их на нас.

— Если боишься, так и скажи,— недовольно буркнул Конан.

— Я не боюсь,— спокойно ответила рабирийка.— Я пытаюсь понять, что происходит. Смотри: убиты туранец-караванщик, затем человек, содержавший шайку и, судя по всему, входивший в круг тех, с кем мы сегодня повстречались, а потом — дворянин, который был отнюдь не последним лицом в городе.

— Леддар,— вспомнил точное имя киммериец.— И Эридат сболтнул, будто он все равно должен был умереть. От моей руки или еще от чьей-то. Ну и?..

— Знаешь, я думаю,— задумчиво проговорила Ринга,— что, даже не подвернись месьору Эридату ты, этого человека утром все равно нашли бы мертвым. Готова спорить на что угодно, он выглядел бы как очередная жертва неизвестного существа с когтями и зубами гуля!

— Уж не думаешь ли ты, что Гебер прячет в городе твоего сородича? — хмыкнул северянин.

Такая мысль уже приходила Конану в голову, но после некоторого размышления варвар признал ее слишком невероятной. Раздобыть гуля — это вам не сходить на ближайший рынок и купить сторожевую собаку. А что до Ринги, то она просто исключение... И все-таки рабирийка во многом, безусловно, права. Заговорщикам позарез было необходимо избавиться от Леддара и тех двоих, что погибли чуть раньше. Но что могло связывать таких разных людей с друзьями Гебера? Допустим, Райнак имел с ними общие дела, и Леддар, наверное, тоже, но туранец?

— Не знаю,— честно призналась Ринга.— Говорю, что мне кажется. Ты напугал Гебера и его приятелей так сильно, что теперь они захотят любой ценой избавиться от ненужных свидетелей. Даже если ты будешь твердить, что

просто хотел посмеяться, никто тебе не поверит. Кроме того, Эридат наверняка захочет вернуть назад свое золото.

— Еще есть Линдисса,— напомнил киммериец, ожидая, что при упоминании имени рыжей вдовушки рабирийка вновь запищит, как рассерженная кошка. Однако девушка промолчала, терпеливо ожидая продолжения.— Похоже, она знает многое о том, что происходит в этом городишке... Или думает, что знает.

— Да, но захочет ли Линдисса поделиться своими знаниями с кем-нибудь еще, а особенно с тобой, неотесанный варвар? — ядовито поинтересовалась Ринга.

— Почему бы ей не захотеть? — ухмыльнулся Конан.— Говорят, я умею находить подход к женщинам...

— Поступай как знаешь,— сердито отрезала девушка.— Я тебе указывать не буду. Только имей в виду, что я этой красотке не доверяю. С нее станется припрятать поблизости с десяток головорезов или поступить гораздо проще: с милой улыбочкой угостить тебя какой-нибудь гадостью. Смертельно ядовитой...

— Зачем ей это делать? — возразил киммериец.

— А зачем ей вообще понадобилось говорить с тобой? — спросила Ринга.— Мошенники Гебера сами признали, будто ты смешал им все планы... Может, Линдисса хочет как-то воспользоваться этим?

— Тогда тем более стоит сходить к ней в гости. Ловить рыбку в мутной воде — мое любимое занятие. И мы не можем больше бродить вслепую. В конце концов, пора узнать, кто здесь чего стоит.

— В гости к этой рыжей вертихвостке отправляйся без меня! — тоном, не терпящим возражений, отчеканила рабирийка и неожиданно завертела головой по сторонам, прислушиваясь.— Мне мерещится, или кто-то едет?

Тишину спящего городка нарушило отчетливое цоканье лошадиных копыт, да не одной лошади, а по меньшей мере трех. Варвар и девушка озадаченно переглянулись.

— Кого это понесла нелегкая кататься посреди ночи? — спросил Конан, вовсе не рассчитывая на ответ.— Впрочем, нам с ними все одно не по пути...

Он свернул в первый попавшийся на глаза переулок. Ринга, поколебавшись, нырнула следом за ним в непроглядную, пахнущую отбросами и кошками темноту. Грязная немощеная улица вывела парочку неудачливых нарушителей спокойствия на задворки чьего-то богатого дома.

— Послушай, а ты хоть знаешь, где мы? — поинтересовалась девушка, перелезая через низкую ограду и оглядываясь.

— Не все ли равно? Чем дальше от Гебера с его чокнутыми друзьями, тем лучше.

Они пересекли сад, нечаянно сломав по пути несколько тоненьких, недавно высаженных деревьев, и выбрались на широкую пустынную площадь.

— По-моему, это рынок, — неуверенно сказала Ринга, заметив несколько не убранных на ночь лавок и навесов.

Единственное живое существо на площади — привязанный возле одного из прилавков и погруженный в глубокие размышления верблюд — поднял голову и проводил неизвестно откуда взявшихся людей отсутствующим взглядом.

— Рынок, — согласился киммериец. — Значит, нам вон туда.

До заброшенного дома оставалось пройти два или три квартала, когда позади снова загромыхали копыта. Спрятаться на плотно застроенной улице было совершенно негде, оставалось только прижаться к стене и надеяться, что тень окажется достаточно густой, а незнакомцы, которые любят кататься верхом по ночам — слишком увлеченными своими делами, чтобы обращать внимание на кого-либо еще.

Лошадей оказалось не три, как подумал сначала варвар, а четыре. Они шли ровной рысью посреди улицы, раскачивающийся фонарь в руке одного из всадников бросал отсветы на форму, которую киммериец узнал с первого взгляда, и плоские острия зловеще покачивающихся длинных пик.

— Ой... — еле слышно пискнула Ринга, безуспешно пытаясь слиться с каменной стеной.

— Вот тебе и «ой», — огрызнулся Конан. — Добегались! Туранский патруль во всей красе! Чего им в казармах не сиделось...

— Может, они вовсе не нас ищут, — робко заикнулась девушка, не отрывая взгляда от неумолимо приближавшихся всадников.

— Ага, а ты немедийская королева... Ну-ка, иди сюда!..

Коня поравнялись с притаившимися в темноте людьми. Один из гирканских скакунов фыркнул и шарахнулся в сторону, а заподозривший неладное патрульный поднял фонарь повыше. Неяркое пятно света выхватило из темноты очертания обнявшейся парочки, явно позабывшей обо всем на свете и не обращающей ни малейшего внимания ни на кого вокруг.

Туранец фыркнул, подумав, что для столь увлекательно-го занятия можно было бы подыскать место и время по-лучше, чем застроенная улица в глухую полночь. Впрочем, кто может проезжать в такой час по улице? Если бы не расползавшиеся по Далираму неясные слухи об одном или нескольких злоумышленниках, заставившие начальника туранской полусотни принять хоть какие-то меры по наведению порядка, то улицы были бы по-прежнему пустыны — делай что хочешь.

— Кто там был? — недовольно осведомился начальник патруля.

— Парочка идиотов, которым некуда податься, — донеслось в ответ вместе с коротким смешком. — Какой-то громила с девчонкой-недомерком, то ли с подружкой, то ли с уличной красоткой...

Старший натянул поводья, останавливая лошадь, и подозрительно оглянулся.

— Громила, говоришь? А ну, вы двое, вернитесь и проверьте!

Стражник недоуменно пожал плечами: мол, какую опасность может представлять занятая исключительно собой парочка? — однако послушно развернул коня и направился обратно. Его напарник последовал за ним, на скаку наклоняя пикку вниз.

— Они возвращаются, — шепотом сообщила Ринга.

— Они все что, ополоумели от безделья? — недовольно проворчал киммериец. — Видят же — люди заняты...

Нетерпеливо пританцовывающие на месте лошади остановились шагах в трех, почти уткнувшись мордами в замёрзших у глухой каменной стены людей.

— Эй, вы! — раздраженно крикнул подъехавший первым туранец, который держал фонарь. — Подойдите и назовитесь!

— А почему бы тебе не отвалить куда подальше... По своим делам? — огрызнулся Конан, слабо надеясь, что туранцам не захочется связываться с влюбленной парочкой, не делающей ничего противозаконного, даже если у вояк и возникли какие-то подозрения.

Подъехавший поближе второй стражник, хранивший до того молчание, неожиданно и весьма некстати обрел дар речи.

— Это они, — коротко бросил он.

Надо отдать должное воинам армии владыки Илдиза, заброшенным волей судьбы и аграпурского начальства в тихий городок, где почти никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего, а оттого несколько расслабившимся: они растерялись всего на короткий миг.

Однако и этого крохотного мгновения оказалось достаточно, чтобы направленная на злоумышленников пика уменьшилась ровно вдвое, разрубленная одним точным и сильным ударом, а маленькая девчонка умудрилась проскочить под брюхом ближайшего коня и кинуться к стоявшим неподалеку начальнику патруля и его подчиненному.

Схватка вышла быстрой и несколько суматошной. Ни одна лошадь в мире, даже та, которую в течение нескольких месяцев терпеливо обучали вопреки ее природе не шараться от странно звучащих и движущихся предметов, не в состоянии спокойно вынести, когда ее хватают за уздечку и шипят прямо в ухо. А именно так и поступила Ринга.

Истеричное ржание и раздавшийся почти одновременно с ним глухой удар приземлившегося прямо на очень твердую мостовую тела означали полный успех проделки рабрийки. К тому времени один из противников Конана уже

не интересовался ничем происходящим в мире, получив кинжальный удар в горло, а второй тщетно пытался удержаться на спине лошади, захлебываясь собственной кровью.

— Один удрал, — невозмутимо сообщила девушка, перепрыгивая через оказавшийся у нее на дороге труп наконец свалившегося с коня стражника и стараясь случайно не наступить в быстро растекающиеся темные лужи. — Я не успела его поймать.

Удаляющийся дробный стук копыт, а затем пронзительный долгий свист подтвердили ее слова. Ринга наклонилась, подобрала упавший фонарь и с сожалением опустила обратно на мостовую: слюдяные пластинки разбились, а плошка с маслом укатилась неведомо куда.

— Из всех стран мира я больше всего не люблю Туран, — задумчиво проговорил киммериец, озирая тихую улицу, больше смахивающую теперь на бойню.

— Почему именно Туран? — полюбопытствовала Ринга.

— Слишком уж там наловчились сначала хватать, а потом разбираться, кого поймали да что с ним теперь делать, — отозвался варвар. — В любой другой стране я бы сумел заговорить им зубы так, что стражники потом в жизни не вспомнили, видели они нас вообще или нет. А теперь к списку наших проступков добавится сопротивление патрулю... Что, как ни странно, будет совершеннейшей правдой. Тот день, когда Замора отойдет к Турану, а Илдиз примется наводить здесь какой-никакой порядок и устанавливать имперские законы, станет самым отвратительным днем в моей жизни. Испоганить такую замечательную страну!

— Ничего себе замечательная страна... — вполголоса пробурчала рабрийка. — Может, пойдём отсюда?

Словно в ответ на ее слова, издалека долетел тревожный хриплый звук боевого рожка, подхваченный в разных концах города.

— Начинается, — мрачно сказал Конан. — Что за идиотская ночка! Мало нам Гебера с Линдиссой, так еще и облава...

Они припустили вперед, тщетно выискивая переулочек или какую-нибудь лазейку, где можно было бы скрыться от неуклонно приближавшихся пронзительных свистков и все отчетливее различимых выкриков. По обе стороны улицы тянулись плотно прижавшиеся друг к другу двух-трехэтажные дома, лишенные каких-либо выступов или украшений, опираясь на которые можно было бы взобраться на крышу. То есть залезть, конечно, если постараться, удалось бы и так, однако на это ушло бы время, а его-то как раз оставалось совсем немного. Маленькие окна, накрепко закрытые ставнями, пришлось бы брать штурмом, и нечего было даже думать проникнуть в них бесшумно, а главное, быстро. Дома изредка перемежались высокими глинобитными заборами, и возле одного из них, выглядевшего чуть пониже соседних, киммериец неожиданно остановился.

— От того, что мы носимся туда-сюда, толку никакого. Надо исчезнуть с улицы.

— Как? Забраться туда? — Ринга с тоской посмотрела на возвышавшийся над ее головой забор. — А вдруг получится еще хуже...

— Хуже, чем есть, уже не будет! Лезы! — рявкнул варвар. Переключка патрулей раздавалась уже совсем неподалеку, они вот-вот должны наткнуться на останки своих невезучих приятелей, а тогда можно смело прощаться с этим порой жестоким, но все-таки прекрасным миром. — Да цепляйся же!

Он посадил девушку, и та послушно попыталась ухватиться за нарочно скругленный верх забора. Когти рабрийки отчетливо проскрежетали по гладкой поверхности камней, и Ринга, потеряв равновесие и не удержавшись, свалилась вниз.

— Чтоб тебя... — только и сказал Конан. — Неужели так жизнь надоела?

Девушка ничего не ответила, поднялась на ноги и упрямо повторила попытку. На этот раз ей удалось подтянуться, она с трудом перевалилась через стену и спрыгнула вниз. Через мгновение оттуда донесся протяжный отчаянный

воплъ, слышный на все окрестные улицы и уж наверняка долетевший до туранских патрулей.

«Сет и все демоны, ну что опять стряслось? И почему только я не оставил ее подышать у милейшего Эридата? Насколько моя жизнь была бы спокойнее!»

Едва киммериец успел перебраться на другую сторону забора, как на улице появился отряд стражи, насчитывающий не менее десятка человек. До варвара долетел голос бывшего начальника погибшего патруля, который требовал немедленно найти и доставить ему двух сбежавших преступников, причем не обязательно живыми.

Покрутившись возле забора, туранцы сочли, что негодяи убежали дальше по улице и, возможно, попытаются выбраться на окраину города. После недолгой перебранки часть стражников отправилась проверять расположенные вокруг города посты, а остальные рассыпались по близлежащим улицам.

— Ринга! — негромко окликнул Конан. — Где ты, кошечка бешеная?

— Здесь, где же еще! — Недовольный голос раздался из темной массы колышущихся листьев. — Знаешь, розы больше не относятся к числу моих любимых цветов...

Девушка на четвереньках выползла из зарослей и усеялась прямо на земле, на ощупь вытаскивая из волос и одежды запутавшиеся листья и веточки.

— Никогда не представляла, что упасть в розовый куст так больно, — пожаловалась она. — У здешних роз, наверное, вместо шипов железные колючки.

— Скажи спасибо, что вообще жива осталась, — хмыкнул киммериец, присаживаясь рядом и пытаясь в темноте, которая, к счастью, постепенно становилась не такой густой, понять, куда их занесло на этот раз. Кажется, вон то темное пятно — небольшой дом... — Ну ты и визжать...

— Посмотрела бы я на тебя! Прыгаешь неизвестно куда и попадаешь прямоком в какую-то редкостную дрянь с иголками, — огрызнулась Ринга, но не со злостью, а скорее по привычке. — Думала, сейчас без глаз останусь. Что бы ты сделал на моем месте? Завопил бы как миленький!

Она вытрясла из окончательно превратившейся в бесформенную копну прически последние листья, вздохнула и тихонько проворчала:

— Сначала обокрала хозяина, потом прокатилась на бешеной лошади, затем подралась неизвестно с кем и непонятно по какому поводу, а для полного счастья точно в осиное гнездо шлепнулась... И все за каких-то два дня!

— Можно подумать, один я в этом виноват,— попытался восстановить справедливость Конан, однако девушка, не обращая на него внимания, продолжала: — Что меня еще ждет, интересно знать? Говорили же мне, не связывайся с людьми, пропадешь, как есть пропадешь!

— Ну так возвращайся к мамаше с папашей,— предложил киммериец.

Ринга уставилась на него так, будто он ляпнул что-то уж совсем жуткое и непотребное.

— Демой? Да стоит мне появиться хотя бы в лиге от Рабиров, как меня тут же изловят и с большим старанием разделают на мелкие кусочки! Не хуже, чем здешних бедола! Не-ет, лучше я у людей как-нибудь перебиваться буду... И вообще, не отвлекай меня, дай хоть разок пожаловаться на свою невеселую жизнь! Вот выскочит сейчас владелец этого тихого и уютного домика, да еще небось не один, а с целой сворой громил, захочет узнать, кто это посреди ночи резвится у него в саду, и опять будем уносить ноги!..

— Не ной,— скривился варвар.

Вообще-то хозяин дома, если только он от рождения не страдает непроходимой тугоухостью, уже давно должен обшаривать сад в поисках редкостно нахального крикуна, нарушающего ночной покой мирных горожан. Однако никто не выбегал из дома, размахивая факелами и заржавевшими клинками, впопыхах вытасканными из дедушкиного сундука, и не заходил в истошные вопли, требуя немедленно позвать стражу. Дом был странно тих. Может, наученные горьким опытом дэлирамцы предпочитают не высываться даже в тех случаях, когда в их драгоценных личных владениях творится что-то неладное?

— Когда я действительно начну ныть, я тебе непременно скажу,— пообещала рабирийка.— А это я так, слегка расстроилась. От чрезмерно большого числа впечатлений.— Она перестала дурачиться и недоуменно посмотрела вокруг: — Послушай, может, в этом доме и не живет никто? Я же так старательно визжала, вся округа должна была в ужасе проснуться и встать на уши...

— Пустой дом в самом центре города? Сказки. Такого быть не может,— отмахнулся Конан.— Наверно, ты так всех перепугала, что хозяева попрятались и нос высунуть боятся. Нам, правда, от этого ничуть не легче. На улицу до утра соваться не стоит, а то опять наткнемся на кого-нибудь...

— ...Или кто-нибудь — на нас,— подхватила девушка.— Тогда что же ты предлагаешь? Сидеть здесь до восхода?

— Почему бы и нет? Тут ничем не хуже, чем...

Киммериец не договорил. Между темными расплывчатыми пятнами, в которые превратились растущие в маленьком садике цветочные кусты и плодовые деревца, появился качающийся огонек.

— Смотри, тебя наконец услышали. Вон кого-то несет.

— Опять удирать? — горестно спросила Ринга.— Я, между прочим, устала как собака. Мне как-то доселе не доводилось весь день и всю ночь напролет скакать по всяческому закоулкам да при этом драться почти с каждым встречным-поперечным...

— Теперь научишься,— безжалостно отрезал варвар, следя за приближающейся белой искоркой.

Похоже, человек предполагал, где следует искать источник непонятных звуков, и уверенно шел прямо к даже не пытавшимся спрятаться незваным посетителям. Хруст мелкого песка, которым были обильно посыпаны дорожки, неизбежно приближался, и вот круг света коснулся сидевших возле стены людей.

«Интересно, он сразу завопит и со всех ног помчится звать на помощь, или можно успеть навешать ему подходящей лапши на уши? Он там один или их несколько?»

— Бел и его священные отмычки! — изумленно, но не испуганно воскликнул неизвестный, поднимая фонарь по-

выше. — А ты откуда взялся? Ты же утонул! Несколько лет назад, в Западном Океане! — Он помолчал, явно наслаждаясь разлившимся в тихом предутреннем воздухе изумлением и задумчиво добавил: — Впрочем, я всегда говорил: чтобы сжить тебя со света, понадобится нечто большее, чем банальный ураган. Я подозревал, что рано или поздно ты снова объявишься в наших краях, и вот ты здесь. Не сказать, что я особо рад, но выгонять тебя бесполезно, так что заходи, будешь моим гостем, что ли...

* * *

— Об этом трепались во всех кабаках от Кордавы до Асгалуна. Примерно с опозданием на год тамошние новости добрались в наше захолустье, успев к тому времени обрасти такой бородой из сплетен и небылиц, что сразу и не разберешься, что может оказаться правдой, что — не совсем, а что — чистой воды выдумкой. Но главное мы сразу поняли: ты натворил кучу дел, умудрился влипнуть во все возможные и невозможные неприятности и героически пал. Знаешь, Карела страшно огорчилась, когда признала, что, скорее всего, ты на самом деле отправился на вечный постой к Нергалу. Головой не поручусь, но слишком многим показалось, что она даже плакала о тебе.

— Карела? — недоверчиво переспросил Конан. — Если она о чем и плакала, так только о том, что лишилась возможности лично оторвать мне голову...

Киммериец всегда считал, что у Карелы по прозвищу Рыжий Ястреб какие-то серьезные неполадки с мозгами. Иначе с какой бы стати очаровательная девчонка занималась бы не подобающими каждой нормальной разумной женщине делами, а носилась по горам между Немедией, Офиром и Заморой, командуя лихой шайкой наполовину разбойников, наполовину контрабандистов? Кроме того, Карела была готова в любой час дня и ночи прикончить любого, кто усомнился бы в ее праве приказывать или не признал бы ее лучшим бойцом по ту и по эту сторону Карпашских гор. Конан дрался с ней по меньшей мере трижды, не считая множества мелких стычек между делом,

и потом признавался (правда, только себе), что всякий раз победа доставалась ему совсем не так легко, как обычно. Короче, Рыжий Ястреб была штучка еще та. Конечно, с ней никогда не приходилось скучать, но любому, кто долго находился в ее обществе, грозило окончательное и бесповоротное умопомешательство.

Последний раз судьба свела варвара и лихую разбойницу три или четыре года назад. Вроде бы и не столь давно, а казалось, несколько столетий назад. С того времени успела произойти тьма всяческих событий, заслонивших неугомную Карелу, друзей-приятелей из Карпашских гор, а также невозмутимого посредника — скупщика и поставщика сведений из Шадизара, носившего, как после некоторого усилия припомнил Конан, имя Эзаэдро.

А сейчас этот самый Эзаэдро, почти не изменившийся и все так же с ироничной полуулыбкой взиравший на мир и творящиеся в нем несуразности, сидел за столом напротив незваного и не совсем приятного гостя, безмятежно рассказывая о событиях, случившихся после того, как киммериец покинул отряд Карелы и отправился в поисках приключений на побережье Западного Океана. За окнами медленно разгорался рассвет, на широком диване, наполовину задвинутом в неглубокую стенную нишу, спала, завернувшись в плащ, Ринга, наотрез отказавшаяся устроиться в любой предложенной хозяином комнате.

Эзаэдро, увидев маленькую спутницу варвара, понимающе хмыкнул, но пока не задал ни одного вопроса. Впрочем, он вообще ни о чем не спрашивал, даже о причинах, что привели киммерийца посреди ночи в его сад. Рабирийка же на глазах превратилась из хладнокровной убийцы в насмерть перепуганную девочку, которая боится сказать хоть слово и на любой вопрос начинает трясти головой, показывая, что ничего не понимает. Зато Ринга без хлопот добила своего: присутствовала при интересующем ее разговоре, не принимая в нем участия. Конан подозревал, что она не пропустит мимо ушей ни единого сказанного слова, вот только зачем ей это понадобилось? Она ведь никогда не слышала о Кареле и ее лихой банде и не имела представ-

ления о тайных караванных тропах, соединявших Офир, Коринфию и Замору, или о том, что порой творилось на этих тропах... Ладно, пускай подслушивает, раз такая любопытная, все равно половины не поймет.

— Да... Ты ушел, и с тех пор Карелу начали преследовать неудача за неудачей. Она с отрядом вернулась на границу с Немедией, чуть не угодила в засаду, и ее здорово потрепали, потом часть ее людей подалась на Вилайет, почему-то решив, будто там спокойнее. А потом что ни месяц, так на ее шайку обрушивалась новая напасть: то коринфская стража Дороги Королей откроет на Карелу охоту, то немедийцы опять пронохают, где прячутся контрабандисты, то ее собственные люди взбунтуются. Последний раз я видел Рыжего Ястреба... — Эзаэдро задумался, крутя в руках пустую чашу. — Да, почти полгода назад. До меня доходили слухи, что она околачивается в окрестностях городка, нападает в Кезанкийских горах на туранцев, едущих по Дороге Королей, но я к тому времени... Проще говоря, я порвал с ней и оставил ее дела, переехал из Шадизара в Дәлирам. Выгода выгодой, но собственная жизнь как-то дороже, в конце концов, она дается нам всего один раз. Постепенно начинаешь понимать, что второй не купишь ни за какие сокровища... Так вот, однажды Карела заявила ко мне посреди ночи. Сказала, будто набрала новый отряд и уходит в Офир, но вид у нее был совсем не радостный, как обычно, когда она затевала что-нибудь новенькое. Отлетался наш Ястреб. Попадется она когда-нибудь, или свои же прикончат. Конечно, она немного бешеная, но мир без нее станет намного скучнее. Впрочем, Карелу никто не заставлял выбирать такую жизнь, и винить в собственных неприятностях ей следует одну себя.

«Хвала богам за их маленькие милости, — подумал киммериец. — Для полного счастья мне сейчас не доставало только столкнуться с Карелой! Надо же, а я был уверен, что ее давно поймали или она наконец немного поуменела и бросила свои разбойничьи замашки. Как же!.. Но с какой стати Эзаэдро переселился из Шадизара сюда, в захолустную дыру? Конечно, причина может оказаться самой дурац-

кой, но в последнее время я все чаще не верю в совпадения и начинаю везде что-то подозревать... Еще немного, и начну оглядываться на улицах, а там и бросаться на всех встречных. Не-ет, надо убираться отсюда, да поскорее!»

— Полагаю, бесполезно спрашивать, откуда и зачем тебя занесло в наше спокойное болотце? — почти равнодушно поинтересовался Эзаэдро. — По крайней мере, можешь сказать, где ты раздобыл эту пугливую красотку? Да, и не мчится ли случайно за тобой половина туранской или немедийской армии?

Похоже, Эзаэдро искренне веселило это происшествие. Вопрос только в том, будет ли он по-прежнему веселиться, узнав, что на старом приятеле висит почти справедливое обвинение в грабеже и по крайней мере одном убийстве, а также о подлинной личности и природных склонностях его спутницы, вроде бы такой тихой девочки? Карела, помнится, доверяла бывшему посреднику и поставщику вестей и сплетен, но не уставала повторять, что ее доверие ко всем людям кончается там, где начинаются денежные расчеты. Да, но Эзаэдро сейчас единственный человек, который наверняка может толком объяснить, кто чего стоит в этом паршивом городке. Значит... Значит, придется рассказать ему хотя бы о части событий, происшедших с варваром и рабирийкой за два последних дня.

— У меня неприятности, — осторожно начал Конан.

— Скажи мне что-нибудь, чего я бы не знал, — хмыкнул хозяин дома. — Сколько помню, у тебя всегда неприятности. Однако раньше ты с ними умудрялся справляться... Ладно, не хочешь, можешь ничего не рассказывать, в конце концов, меньше знаешь — спокойнее спишь. Но, может, я могу что-то сделать? Так сказать, по старой дружбе?

— Можешь, — после недолгого молчания кивнул киммериец. — Спрячь на пару дней девчонку. И скажи, что ты знаешь о таких людях, как Эридат, Гебер, Тамир... госпожа Линдисса. И еще меня интересуют двое покойников: Райнак и Леддар.

— Местный воровской круг, — пренебрежительно отмахнулся Эзаэдро. — Что ты с ними не поделил? Эта компания

считает, будто правит городом... В сущности так оно и есть, да только какое удовольствие править забытой всеми деревушкой? А теперь они решили поиграть в скорпионов в яме и вцепились друг другу в глотки. Пожалуй, из всей этой шушеры многого стоит только Гебер... Ну и наша первая красавица, хотя она порой себя переоценивает. Не удивлюсь, если выяснится, что она помогла своему муженьку прогуляться на Серые Равнины.

— А кто такой Арнак?

Эзаэдро помолчал, хмурясь и пытаясь сообразить, о ком его спрашивают. Наконец с легким удивлением ответил:

— Арнак вовсе не имя... Разве ты ничего про это не слышал? Нет? Странно. Это прозвище и одновременно должность. Человек из Шадизара, тайком присматривающий за типами вроде Гебера и его приятелей, чтобы не забывались. А кто он такой, никому не известно.

Глава десятая

Проснись! Вставай, проклятый варвар, да пожрет твою душу Сет! Кто-то ожесточенно тряс Конана за плечо, настойчиво выкрикивая в самое ухо более чем резкие слова, общий смысл которых сводился к требованию немедленно подняться на ноги и что-то выслушать. Судя по голосу, киммериец понял, что это женщина, вот только какая именно женщина? И вообще, что происходит? А самое главное — где?

С трудом разлепив глаза и кое-как осмотревшись, Конан решил, что это не постоянный двор: очень уж тихо вокруг, а смутно маячивший над головой потолок находится слишком высоко. Ага, он лежит на полу, но точно не в комнатухе «Медной подковы». Если бы женщина замолчала хоть на мгновение, может, он сумел бы сообразить, что к чему, однако назойливый голосок не затихал.

«Попробуем сосредоточиться. Что я делал вчера? Сначала навел страху на какую-то шайку, потом носился по улицам, а дальше? Дальше мы перелезли через забор и свалились в сад. Мы — кто? Я и Ринга. Значит, голосит именно она. Ну вот, все встало на свои места. Сад принадлежит Эзаэдро, мы с ним вчера всю ночь напролет вспоминали былые веселые денечки и, кажется, самую малость перебрали... Неплохое вино, только крепкое, зараза. Остается выяснить, с какой стати Ринга визжит как резаная».

— Хэдишш! Да проснись же! — Кажется, рабирийка окончательно потеряла терпение, равно как и надежду добиться желаемого. — Просыпайся, скотина, чтоб тебя!

Она оставила заведомо безуспешные попытки растолкать варвара и куда-то убежала. Впрочем, девушка быстро вернулась, шлепая босыми ногами по доскам пола, а спустя мгновение на многострадальную голову северянина обрушился целый водопад холодной воды.

— Ненормальная, прекрати сейчас же! — взвыл окончательно и бесповоротно разбуженный Конан и даже попытался подняться с пола. — Что на тебя нашло? Чего ты орешь?

— Хэдишш! — яростно прошипела Ринга. — Ах, ты соизволил-таки пробудиться, и тебя даже начало интересовать, почему я ору?

Она сжимала в трясущихся руках большой медный кувшин, умудряясь выглядеть одновременно перепуганной до смерти и злой, как сотня голодных демонов. Девушка снова попыталась заговорить, но вместо слов у нее получилось неразборчивое шипение вперемежку с ворчанием.

— А по-человечески? — Холодная вода, надо признать, прекрасно подействовала, и сейчас киммериец отчетливо вспомнил все события предыдущих дней и особенно прошлого вечера и ночи.

— Мы пропали. — Ринга сумела взять себя в руки и заговорила спокойно, даже чуточку равнодушно. — На этот раз окончательно. Ты знаешь, что произошло этой ночью в городе? Нет? Так я тебе скажу! Резня!

— Какая резня? — ошарашенно переспросил Конан. Ничего себе начинается денек...

— Самая обыкновенная, если, конечно, резня бывает обыкновенной. — Ринга всплеснула руками и выпустила кувшин, с грохотом покотившийся по полу. — Убиты и разорваны на мельчайшие кусочки пять человек. Двоих из них мы знаем — Тамир и Гебер. Еще начальник туранской полусотни, здешний градоправитель и... — она запнулась, вспоминая, — да, помощник градоправителя.

— Гебер убит? — не поверил своим ушам варвар. — И Тамир, этот недоумок, выскочка из Турана? Но как...

— Погоди, я еще не все сказала, самое интересное впереди, — остановила начавшийся поток вопросов рабирийка. — Город в одну ночь лишился всех представителей законной власти, и ты в жизни не догадаешься, кто этим воспользовался. Наш общий знакомый — капитан немедийского гарнизона, господин Даммарос! Теперь он здесь царь и бог в одном лице и пытается навести хоть какой-то порядок. А его первый указ в должности военного правителя Дэлирама, между прочим, гласит, что подозреваемый в многочисленных убийствах и грабежах наемник по имени Конан должен быть немедленно схвачен, доставлен в городскую тюрьму и предан военному суду. Равно и сопровождающая его женщина. Приметы таковых указаны, вознаграждение, и довольно солидное, обещано. Да теперь желающих нас поймать и без вознаграждения будет предостаточно, лишь бы не допустить повторения минувшей ночи! Сейчас на улицах стоит ткнуть пальцем в первого попавшегося и крикнуть, будто он виноват, и его без всякого суда прикончат на месте! Ты понимаешь, во что мы вляпались?

Конан ничего не ответил, изо всех сил пытаясь разобраться в обрушившейся на него лавине невероятных сведений. Ринга, не выдержав повисшей тишины, во весь голос прокричала:

— Это же конец! Придумай что-нибудь, не молчи!

— Как я могу думать, если ты постоянно вопишь? — огрызнулся киммериец. — Скажи лучше, когда и от кого ты успела узнать про случившееся?

— Указ зачитывают на всех углах, достаточно незаметно выйти и прислушаться, — устало сказала девушка, наконец-то сообразив, что от ее криков ничего не изменится. — Подробности разлетелись по городу и к полудню станут известны всем и каждому. Кроме тебя, разумеется... Ты-то обо всем узнаешь в последнюю очередь!

Прекираться со взбесившейся девчонкой у варвара не было ни малейшего желания. Куда больше хотелось понять, как могло такое случиться, что Гебер и кто-то из его компании оказались в числе пострадавших. Неужто вожак заговорщиков, который производил впечатление человека

хладнокровного, расчетливого и проницательного, оказался таким идиотом, что позволил себя убить? Кстати, в числе погибших не упомянуты Эридат и Линдисса. Успели удрасть? Или прекрасно знали о том, что должно было произойти, если, конечно, не сами затеяли это кровопускание? Должно же найтись какое-то разумное и понятное объяснение всему, что здесь творится! Да, а из городка теперь уже точно не выберешься...

— В городе сейчас происходит что-то ужасное, — продолжала Ринга, бегая по комнате из угла в угол. — Люди шарахаются от собственных теней и...

— Похоже, вы уже все знаете! — Единственная дверь в комнате беззвучно открылась, и на пороге появился хозяин дома. — Я подозревал, что от тебя невозможно ожидать ничего, кроме серьезных неприятностей, но чтоб такое... Конан, на сей раз ты превзошел самого себя. Кто-нибудь хочет выпить?

Эзаэдро принес с собой большую фигурную бутылку мутно-зеленого стекла и демонстративно помахал ею в воздухе.

— Я хочу, — мрачно отозвался Конан.

— И я.

Рабирийка подошла к столу, все еще хранившему следы вчерашнего вечера, посвященного дружеским воспоминаниям, и отыскивала три относительно чистые кружки.

— Вот теперь я очень внимательно слушаю все, что вы скажете, — непререкаемым тоном заявил Эзаэдро, когда бутылка наполовину опустела. — Желательно не слишком отклоняться от истины. Не часто в нашем тишайшем захолустье сводят счеты столь необычным способом... И если это не сведение счетов, то я первый олух в здешнем обширном собрании таковых.

— А не кажется ли тебе, что ты лезешь не в свое дело? — буркнул в ответ варвар.

— Мне кажется, что ты ненароком разворошил наше маленькое местное осиное гнездо, — холодно отозвался бывший перекупщик и осведомитель разбойничьей шайки, а ныне добропорядочный горожанин. — У нас за год не умирает столько людей, сколько за последние три дня! Я еще могу

поверить, будто тебе заморочили голову и воспользовались тем, что ты совершенно не знаешь здешних порядков, но никто в целом мире не разубедит меня, что Конан из Киммерии не имеет к случившемуся ни малейшего отношения, особенно если это что-то из ряда вон выходящее. Итак?

— Но я действительно здесь ни при чем! — рявкнул киммериец и, поразмыслив, поправил сам себя: — Почти.

— Вчера ты интересовался несколькими людьми, — напомнил Эзаэдро. — Сегодня почти все из них мертвы. Как это прикажешь понимать? По-моему, тут напрашивается единственный вывод: они чем-то тебе не угодили, а твой способ расправляться с теми, кто тебе не по душе, я прекрасно изучил еще во времена общения с дражайшей Карелой. Только зачем было раздирать бедолаг на куски? Ты явно погорячился.

— Да весь вчерашний вечер и ночь я провел здесь, у тебя! — не выдержал варвар.

— Ты был здесь почти всю ночь, — дотошно уточнил Эзаэдро. — Я знаю только то, что видел сам: ты явился с этой женщиной посреди ночи. Или даже ближе к утру. Где ты был и что делал ранее, мне неизвестно.

— Уж не считаешь ли ты, что я действительно убил всех этих людей? — В голосе Конана появились угрожающие нотки.

— С тебя станется. — Эзаэдро не обратил на возможную угрозу никакого внимания. — Правда, есть одна маленькая подробность, узнав о которой, я слегка засомневался. Последнего из убитых — хорошо известного тебе Гебера — прикончили возле его собственного дома почти под утро. Я точно знаю, что в это время ты находился здесь и пребывал в таком... м-м-м... состоянии, что вряд ли сумел бы передвигаться на собственных ногах. Насчет остального ничего сказать не могу. Ну, так я дождусь вразумительного рассказа о ваших похождениях или как? Кстати, у меня сложилось впечатление, что молодой Даммарос, наш нынешний временный военный градоправитель, настроен весьма решительно и намерен любым способом изловить и примерно покарать мерзкого убийцу. Может, ты предпочтешь побеседовать с ним?

То, что раздалось в ответ, вряд ли можно было назвать вразумительным рассказом, на который надеялся хозяин дома. Однако другого выхода не оставалось. Конечно, Эзаэдро никогда не выполнил бы угрозу сдать бывшего компаньона немедийцам, но мог основательно подпортить ему жизнь, прежде чем влипший по уши друг-приятель уберется прочь из городка. Кроме того, Эзаэдро в силу давней привычки больше всего в жизни ценил сведения, все равно какие: рано или поздно любые из них оказывались полезными. «Деньги приходят и уходят, сплетни остаются навсегда» — эту поговорку Конан слышал от него не раз и не два, а теперь доподлинно выяснил, что у его давнего знакомого слова не расходятся с делами.

Повествование вышло долгим... И не совсем правдивым. Особенно в части, касающейся происхождения Ринги, а также обстоятельств, которые предшествовали знакомству с месьором Эридатом и компанией заговорщиков. Не нашлось там также места и упоминанию о встрече с незнакомцем у заведения Мамаши Циль, после которой своим ходом ушел только один из собеседников. Слегка приглаженные при изложении события (Конан всегда придерживался разумного правила, гласившего, что откровенно врать нехорошо, да и поймать могут, а вот внести по ходу рассказа некоторые полезные исправления никогда не повредит) складывались в цепь загадочных происшествий, виновниками которых, вне всякого сомнения, выступали Гебер и его подручные. Имелись в рассказе и невинно пострадавшие... Ну, почти невинно. Не было там лишь одного — ответа на вопрос, как теперь быть.

— Врешь, — уверенно заявил Эзаэдро, терпеливо выслушав невеселую и весьма запутанную историю до конца. — Может, не через слово, но врешь. Ладно, сделаем вид, что я поверил во всю чушь, которую ты мне преподнес. Все равно это ничего не меняет. Ты обвиняешься по крайней мере в четырех, если не пяти убийствах, об этой женщине я вообще молчу, а о том, что произойдет, если тебя заметят в моем доме, даже подумать страшно. Ты, разумеется, сбежишь, а мне еще жить в этом городе! И держать ответ перед новыми властями.

— Это все надо понимать как «немедленно убирайся и выкручивайся, как знаешь»? — уточнил Конан.

Ничего другого и ожидать не стоило: каждого больше заботит сохранность собственной шкуры и головы, нежели судьба приятеля, по собственной глупости угодившего в изрядный переплет.

Эзаэдро помолчал, явно что-то взвешивая и решая про себя, и наконец, поморщившись, проговорил:

— С величайшим удовольствием ответил бы «да», но как-то неуютно потом жить, зная, что над твоей головой на очень тонкой веревке раскачивается глыба, готовая вот-вот сорваться. Я, к сожалению или к счастью, слишком хорошо в свое время уяснил, какова твоя месть. Кроме того, я не забываю о неоплаченных долгах и о тех, кому обязан своим нынешним положением... Но не жди, что я немедленно побегу доказывать твою невиновность! — неожиданно рассерженно бросил Эзаэдро. — Честно говоря, я в такую почти не верю. Могу обещать только одно: если меня спросят, я согласен подтвердить, что после полуночи ты находился в моем доме и ни на миг отсюда не отлучался. А уж чем ты был занят до того...

— Достаточно и этого, — кивнул киммериец, на большее и не рассчитывавший. — Можешь сделать еще кое-что?

— Что именно? — уныло спросил Эзаэдро. — Дать в долг? Могу, только в разумных пределах.

— Нет, золото у меня пока есть. Присмотри за моей подружкой. — Ринга, поняв, что он куда-то отправляется и не хочет брать ее с собой, вадрогнула и подняла голову. — И дай мне знать, если в городе начнет происходить что-то необычное.

— Хорошо, пусть остается, но только на пару дней, а не навсегда! А то я тебя знаю: отделался от забот и поминай как звали! И, между прочим, что еще более необычное тебе надобно? Ты что, полагаешь, будто у нас каждый день устраивают такую вот бойню?

— Я... — возмущенно начала было девушка, но вдруг перебила сама себя: — Пусть так, я побуду здесь, но скажи, что ты опять задумал? Я ведь вижу, что у тебя родилась очередная бредовая идея!

— Я отправляюсь в гости, — хмыкнул варвар. — Мне до смерти надоела эта игра в загадки, и я собираюсь получить как можно более точные ответы на множество вопросов. И даже знаю, кто мне будет отвечать.

— Линдисса, — не задумываясь, выпалила рабирийка и состроила недовольную физиономию.

— Эта рыжая? — скривился Эзаэдро. — Соврет — недорого возьмет... Кстати, не знаешь, почему она еще жива? Кого-кого, а нашу городскую красотку следовало бы прикончить в первую очередь: ее очаровательная головка просто напигована чужими секретами и далеко идущими коварными замыслами. Если бы у Линдиссы еще хватало ума не болтать об этом на каждом углу...

— Это тоже один из интересующих меня вопросов, — вполголоса проворчал Конан и осведомился: — Где в вашей дыре улица Прыгающей Ящерицы?

— Через пару кварталов от меня, ближе к центру города, — с готовностью отозвался Эзаэдро. — Надо же, лиса вернулась в старую нору. Она жила там до того, как ухитрилась заморочить голову бедняге Райнаку и женила его на себе. До сих пор не понимаю, зачем ей это понадобилось, но наверняка не просто так. Милейшая Линдисса никогда ничего не делает без выгоды.

— Наверное, — кивнул варвар и, точно вспомнив что-то, повернулся к Ринге: — Да, кстати, что такое «хэдишш»? Такого мне еще слышать не доводилось.

Рабирийка почему-то ужасно смутилась, уставилась в пол и еле слышно ответила:

— Так... Недоброе словечко.

* * *

Обычно тихий и сонный Дэлирам сейчас походил на разворошенный муравейник или отару овец после нападения голодной волчьей стаи. Горожане кучками толпились на углах и возле ворот домов, разбегаясь при первых признаках приближавшихся патрулей. А такого непомерного количества вооруженной до зубов солдатни, готовой схватить любого мало-мальски подозрительно выглядевшего,

Конан не видел со времен недавних событий в Султанапуре. Впрочем, особого единодушия между стражами порядка, которые служили двум великим державам, не наблюдалось, особенно после того как заморийский городишко, фактически принадлежащий Турану, удивительнейшим образом оказался владением Немедийской короны. Никто не рисковал даже в мыслях прикинуть, долго ли сможет продержаться подобное положение дел и не выльется ли оно в нечто еще более кошмарное, чем насильственная гибель всей правящей верхушки города, как законной, так и предпочитавшей до поры до времени оставаться в тени.

Проезд, носивший странное название улицы Прыгающей Ящерицы, оказался застроенным роскошными домами местной знати, а дом госпожи Линдиссы, как это ни странно, был небольшим одноэтажным строением, которое окружало множество пристроек, галерей и веранд, увитых несколько пожелтевшими от жары виноградными лозами. Никакой стражи возле дома не обнаружилось, и на мгновение киммериец засомневался, стоит ли вообще туда лезть. Может, умненькая вдовушка давным-давно удрали из города? Но почему-то в это слабо верилось.

Он не ошибся. На одной из многочисленных веранд в просвете между резными листьями мелькнула рыжая прядь, а когда варвар подошел поближе, то увидел хозяйку дома собственной персоной.

Вид у нее был несколько помятый и отнюдь не столь очаровательный, как обычно. Линдисса в полном одиночестве — куда-то исчезла даже неизменно сопровождавшая ее повсюду Чари — сидела за одноногим столиком, отрешенно уставившись на пару серебряных кувшинов, что гордо вышались в центре стола. Вдова даже не удивилась, когда перед ней неожиданно появился варвар.

— А-а, это ты... — Язык у нее слегка заплетался, а взгляд никак не мог задержаться на одном предмете, плавно перемещаясь то туда, то сюда. — Они все сбежали... — Женщина сделала размашистый жест рукой, включавший в себя, по крайней мере, весь Дэлирам с Туранской Империей и половиной Кофа в придачу. — Попрята-

лись и дрожат... Труссы... Шакалы бесхвостые... Бросили меня тут одну...

Она совершенно незяцно икнула и потянулась к ближайшему из кувшинов. К ее глубочайшему разочарованию, он, как и его двойник, оказался совершенно пустым. Линдисса изумленно уставилась на сосуды, так жестоко обманувшие ее надежды, а затем перевела рассеянный взгляд на своего гостя.

— Слушай, раз уж ты пришел, посмотри во-он там.— Она ткнула пальцем в сторону распахнутых дверей на веранду.— Слева... В шкафу должно оставаться еще что-то... Эй, а мне? — возмутилась вдова, когда содержимое появившегося на свет и немедленно открытого кувшина переместилось отнюдь не в ее пустую чашу.

— А тебе хватит,— безжалостно отрезал Конан.

— Вот так всегда,— обиженно вздохнула рыжая красотка.— Сначала Линдисса то, Линдисса се, а потом собственного вина не допросишься! Дай!

— Обойдешься.

Линдисса капризно надула губки, но, довольно быстро поняв, что все равно ничего не добьется, не слишком вежливо для гостеприимной хозяйки осведомилась:

— Так чего тебе надо?

— Узнать, кто из вас устроил ночной погром и какому ублюдку пришла в голову не слишком умная мысль свалить все это на меня.

— Понятия не имею,— пожала плечами вдовушка-заговорщица, хватаясь за край стола, чтобы не упасть.— Ты вчера сбежал, Гебер с Эридатом и его сворой еще немного порыскали по саду, а потом все мирно разошлись по домам. А сегодня утром...— Она всхлипнула, совершенно неискренне.

— А где Эридат? — поинтересовался киммериец.— Он же вроде остался жив?

— Откуда мне знать? Забился в какую-нибудь щель и ждет, пока все утихнет.— Женщина помолчала, затем тоскливо спросила у выплывшего светло-синего неба: — Почему я все должна делать одна? Я же не могу одновременно находиться в десяти местах, да еще...— Она не договорила,

резко выпрямилась в кресле и мгновенно протрезвела.— Вот оно! Слушай, варвар, помоги мне! Ну пожалуйста, сам видишь: они все либо поразбежались, либо позволили уклоняться себя! А такая потрясающая возможность дается единственный раз в жизни, ее нельзя упускать!

— Ага, а потом ты натравишь на меня немедийцев или еще что-нибудь придумаешь. Хватит с меня вашей развеселой компании,— пробурчал в ответ киммериец, однако слова о некоей единственной возможности заставили его немедленно насторожиться.

— Да нет же! — Линдисса вскочила и забегала по веранде, два шага туда, два шага обратно.— Тебя обманул Эридат! Этот помет Нергала родную мать продаст, купит и снова продаст, но уже дороже! А я никогда не нарушаю своих обещаний! — Она подумала и нерешительно добавила: — Я заплачу, а если получится то, что мы... Я задумала... Треть от общего дохода будет твоя.

— А почему не половина? — хмыкнул Конан.

— Потому что я должна расплатиться еще кое с кем,— уклончиво ответила Линдисса.— Ты согласен?

«Выходит, резня в городе не входила в их планы? Тогда что же они затевали? И кто же тогда и зачем, скажите на милость, устроил ночную заварушку? Большая часть шайки нынче отправилась к Нергалу, Эридат, похоже, выбыл из игры, но Линдисса все равно хочет добиться своего. Она сказала «мы», затем поправилась — «я» и намерена то ли перетянуть на свою сторону еще кого-то, то ли откупиться от мешающих ее планам людей. Обещает треть от неизвестно чего... С тем же успехом она может пообещать и половину, и сколько угодно. Согласиться? Уж больно запутанно все это выглядит... Ага, вот что мы сделаем!»

— У меня есть условие. Даже два.

— Какие? — настороженно спросила женщина.

— Как считаешь, немедийский вояка поверит тебе, когда ты заявишь, что нынешнюю ночь я провел у тебя? — с легкой улыбкой осведомился варвар.

Опешившая Линдисса на мгновение потеряла дар речи, а затем жалобно протянула:

— Поверит, но моя репутация будет окончательно загублена... Дикий северный варвар в моей постели? Это чересчур.

— Надо было раньше заботиться о своей репутации, — справедливо заметил киммериец. — И потом, если твоя задумка принесет тебе кучу золота, тебе вовсе не обязательно до конца жизни торчать в здешнем болоте.

— А второе условие? — Похоже, Линдисса приготовилась к тому, что сейчас от нее потребуют чего-нибудь уж совсем невероятного...

— Ты кратко и понятно излагаешь, что у вас тут творится.

— Нет, — без колебаний ответила рыжая красавица. — Точнее, я все тебе расскажу, но не сейчас. Ты можешь подождать всего пару дней? Понимаешь, я сама многого еще не знаю и не хочу неосторожно все испортить. Я поговорю с господином Даммаросом, и сделаю это прямо сегодня, но насчет рассказа... Пока нет.

— Будем надеяться, что я проживу эти два дня... — вполголоса проворчал Конан. — Ладно, договорились.

— Тогда слушай, что тебе нужно будет сделать.

Линдисса выскочила с веранды, но через мгновение вернулась, разложив на столе несколько листов пергамента, перо с чернильницей и незажженную свечу. Разговаривая, она одновременно деловито набросала на пергаменте пару строчек, тщательно сложила лист, зажгла свечу и, накапав темным воском на получившийся сверток, приложила к еще теплой блестящей лужице собственное колечко с плоской печатью.

— Выбираешься из города — осторожно, на окраине патруль на патруле! — и по Дороге Королей двигаешься к горам, на восход. Примерно через лигу от Дороги налево отходит еще одна — проселочная, тебе по ней, там пройти еще с пол-лиги или побольше. Дорога никуда не сворачивает и заканчивается возле загородного дома. Узнать его проще простого: дом там один, за ним находится небольшая рощица и начинаются горы, а на воротах висит кипарисовая ветка. Это поместье «Кипарисы»...

— И что дальше? — поинтересовался варвар.

Пока все выглядело простым и лишенным какого-либо намека на противозаконные действия. А в том, что его отправляют не на загородную прогулку, он не сомневался.

— Дальше ты туда заходишь. В поместье маются дурью два или три десятка бездельников, старшего над ними зовут Уркаш, он туранец. Отдашь ему вот это. — Линдисса подтолкнула к киммерийцу запечатанное послание. — И примешь над ними командование. Делай с ними все, что угодно, только не убивай, потому что других наемников мне достать неоткуда. Вы смиренно сидите в поместье до завтрашнего утра, а потом либо приеду я сама, либо пришлю гонца с указаниями... Кстати, где твоя подружка?

— В надежном месте, — туманно ответил Конан.

— Пусть не высовывается на улицу и постарается никому не попадаться на глаза. Насчет нее я ничего обещать не могу. Вот и все. — Линдисса облегченно перевела дух. — Я бы раздобыла для тебя лошадь, но ее совершенно неоткуда взять, а та, что есть у меня, понадобится мне самой... Так я могу на тебя рассчитывать?

— До той поры, пока тебе не взбрет в голову немного сплутовать, — многозначительно предупредил киммериец. — Прежде чем это сделать, хорошенько подумай. У тебя ведь всего одна жизнь.

— Уже подумала, — твердо сказала Линдисса. — Я не собираюсь обманывать тебя и надеюсь, что все закончится благополучно. А теперь уходи. Не нужно, чтобы кто-то знал, что ты был здесь.

Уже выбравшись из дома хитроумной вдовушки, Конан вспомнил, что в их встрече была одна странность, которой он поначалу не придавал значения. Если Линдисса на самом деле осушила те два кувшина, что стояли у нее на столе, то вряд ли смогла бы связно выговорить даже собственное имя. А она вполне здраво рассуждала, ходила, не спотыкаясь на каждом шагу, и уверенно держала перо. Что из этого следует? Да то, что либо она совершенно не пила (тогда на кой ляд она разыграла это представление?), либо с ней был кто-то еще, быстро спрятавшийся при появлении не совсем званого гостя. И, во имя всех богов, зачем ей

вдруг позарез понадобился человек, способный командовать отрядом? Что она задумала?

«Она точно сидела и поджидала, когда я приду! И даже не сомневалась, что дождется! Проклятие, они все время опережают меня не меньше чем на шаг! Ладно, загляну к Эзаэдро, может, он скажет что полезное, а под вечер надо будет отправляться в это самое поместье «Кипарисы»... Посмотрим, каких таких «бездельников» там прячет госпожа Линдисса...»

* * *

На улицах городка ничего не изменилось, разве что горожане немного осмелели, начали потихоньку покидать дома и даже открывать лавки. Собственно, никаких причин задерживаться в городке не было, и, шагая к дому Эзаэдро, киммериец куда больше был озабочен вопросом, как бы объяснить Ринге, что ему придется некоторое время побыть вне города без нее, а также размышлениями над тем, кому могли встать поперек дороги покойный Гебер и его дружки. Что бы дэлирамские мошенники ни затевали, они еще не успели это осуществить, а выяснять отношения и устранять лишних участников, как правило, начинают после успешного (или неудачного) завершения задуманного предприятия, но никак не во время или даже до начала его. Значит, кто-то, несмотря на тщательно соблюдаемые предосторожности, проникнул об их затее. Или у этого неизвестного не хватило терпения сперва дожждаться развязки, а уж затем убирать неудобных компаньонов.

Короче, все здесь происходило не так, как принято у людей, занимающихся столь древним и почтенным ремеслом, как облапошивание ближних своих. Новички, что с них взять... А если они в самом деле собираются каким-то образом обставить шадизарских или аренджунских дельцов — безумные новички. Подобное еще никому не удавалось, даже ему самому. Если только не принимать в расчет парочку сомнительно закончившихся дел, когда никто так и не разобрался, кому, собственно, выпал выигрыш. Участ-

ники тех былых авантур считали огромной удачей, коли им повезло просто остаться в живых.

На полпути киммерийцу пришлось скользнуть под арку и пропустить мимо торопившийся куда-то немедийский патруль. А еще через десяток-другой шагов варвар остановился: где-то неподалеку ссорились по меньшей мере два десятка человек, причем никто из них не старался соблюдать тишину.

«Мне нет до этого никакого дела, у меня полно своих забот... А все-таки интересно, что там творится? Кому это пришло в голову выяснять отношения?»

На маленькой площади, зажатой между покосившимися домишками, которые принадлежали уж точно не местному высшему обществу, столкнулись два отряда — немедийский и туранский. Пока дело ограничивалось лишь словами: совместными оскорблениями, красочным и весьма подробным описанием внешности, а также упоминаниями о низком происхождении противников. Однако не могло возникнуть ни малейшего сомнения, что рано или поздно от слов вояки перейдут к делу. За развитием событий с боязливым любопытством наблюдала кучка горожан, предусмотрительно столпившихся в некотором отдалении.

Смысл сыпавшихся с обеих сторон обвинений сводился к выяснению, кто главный в городе, а также кто конкретно должен отвечать за ночное происшествие. Цветистая перебранка пока не дала никаких ощутимых результатов, если не считать того, что обстановка накалилась до предела. Но расстановка сил внезапно изменилась: к немедийцам прибыло подкрепление. Из переулка выехал новый гвардейский отряд, может, не слишком большой, но зато его возглавлял неожиданно вознесенный к сияющим вершинам власти временный правитель города.

По лицу Даммароса нельзя было сказать, что он доволен своей участью. Теперь он уже начинал сомневаться, что поступил верно, взяв управление Дэлирамом в свои руки. Впрочем, за сегодняшнее утро он сделал все, что мог: успокоил горожан, приказал отыскать околавивавшегося в городе подозрительного наемника (на всякий слу-

чай, под рукой всегда неплохо иметь хоть одного виноватого), расставил посты вокруг города в слабой надежде, что настоящий злоумышленник попытается удрать и попадетсся, а также отослал гонца в Аренджун, в тамошний более крупный гарнизон, с докладом обо всем творящемся и своих действиях.

Впрочем, на помощь из Аренджуна рассчитывать не приходилось: пока гонец доскачет, пока кто-нибудь из вышестоящего начальства потрудится разобраться в полученном донесении и решит, что стоит принять меры, в городке либо все закончится само собой, либо просто не останется ни одного живого человека.

А теперь еще туранцы! Даммарос здраво полагал, что стоявшая в городе полусотня, лишившись командира, без особого сопротивления согласится перейти под его командование, но не тут-то было. Если туранская гвардия пока не взбунтовалась, то лишь потому, что не могла решить, с чего лучше начать: с немедийцев или с известных им личностей, заправлявших всеми темными делами в городке. Похоже, немедийцам просто не повезло, так как они были гораздо ближе, и небольшой мятеж грозил вот-вот начаться.

А этого нельзя было допустить ни в коем случае. Ну почему, почему он решил, что настало самое подходящее время для того, чтобы встряхнуть сонный городишко? Сидел бы себе тихо в казармах, и пусть эти свихнувшиеся дэлирамцы режут друг друга сколько душе угодно!

Конан довольно равнодушно послушал, как немедийский капитан пытается усмирить разгоряченных туранцев, и, решив, что все дело закончится небольшой потасовкой, после чего битые подданные Илдиза отправятся переживать свое поражение по казармам, поискал взглядом какой-нибудь тихий и неприметный переулок. Раз он тут главный подозреваемый, то совершенно незачем попадаться на глаза представителям военных властей.

От толпы зевак отделился человек, явно потерявший интерес к происходящему, и, стараясь держаться ближе к домам, неторопливо направился в обход площади. Немедиец, наконец сумевший убедить воинов Илдиза в том, что

сейчас совершенно ни к чему затевать выяснение отношений между представителями двух великих держав, а необходимо как можно скорее изловить преступника или преступников, развернул лошадь, собираясь покинуть место несостоявшейся драки. Разочарованные зрители побрели в разные стороны, продолжая на ходу обсуждать увиденное, а туранцы, выстроившись по двое, скрылись в глубине одной из выводящих с площади улиц.

Неизвестный, первым сообразивший, что ничего интересного не произойдет, и, судя по всему, торопившийся по своим делам, почему-то задержался у выхода с площади и прислонился к стене, как будто ожидая, когда немедийцы проедут мимо. Конана, который стоял неподалеку и с оттенком удивления наблюдал за его странными действиями, он не заметил, ибо пристально следил за передвижением маленького отряда новоиспеченного градоправителя.

Лошади немедийцев загрохотали копытами по плохо мощенной улице. Даммарос, горячо обсуждавший что-то со своим помощником, ехал вторым. Колонна, непозволительно растянувшись и тем самым нарушая все воинские правила и уставы, направлялась к центру города. Подозрительный дэлирамец подался вперед, из складок его одежды незаметно появился короткий прямой кинжал, как нельзя лучше подходивший для метания.

«Это еще что такое? Веселье продолжается? — с изумлением подумал киммериец. Одновременно он сам, сделав пару шагов, оказался за спиной у незнакомца. — Он что, из уцелевших людей Гебера? Или это горячий привет от Линдиссы? Даммарос сейчас — единственная власть в городке, если убьют и его, начнется полная неразбериха... Конечно, он меня обыграл в кости, но это вовсе не повод, чтобы позволить какому-то проходимцу так просто его прикончить».

Человек поудобнее взялся за рукоять кинжала, примериваясь к цели. Сомнений не оставалось: он охотился на проезжавшего мимо капитана немедийской гвардии.

Глава одиннадцатая

Поместье «Кипарисы», как выяснилось, находилось не в полутора, а в двух полных лигах от Дэлерама. Путь, ведущий к усадьбе, госпожа Линдисса — надо отдать ей должное — описала верно, и заблудиться действительно было просто невозможно. Вымощенная белым камнем широкая лента Дороги Королей чуть поблескивала под светом поднимавшейся луны, и за человеком, который быстро двигался по направлению к невысоким Кезанкийским горам, бежала длинная синеватая тень. Дорога здесь пролегалa через выжженную солнцем и плоскую, как доска, степь, никуда не сворачивая и устремляясь к перевалам, за которыми находились владения Империи Туран.

Великая Дорога Королей, ради строительства которой в кри-то веки объединились по меньшей мере восемь государств на закате и восходе, начиналась у моря, на берегах Западного океана, в шумной и многоязычной Мессантии, и завершалась тоже у моря, в Аграпуре Туранском, упиралась в теплые волны моря Вилайет. Дорога проходила через горы и бурные реки, через пустыни и людные города, нигде не прерываясь и везде сохраняя один и тот же однообразный облик: десяти шагов человека среднего роста шириной, мощенная плотно пригнанными друг к другу плоскими плитами белого зернистого камня с голубоватыми прожилками.

За почти двести лет своего существования Дорога местами пришла в упадок, однако отрезок, соединявший Ко-

ринфию и Замору, поддерживался в более-менее приличном состоянии.

В последнее время поговаривали, что якобы Дорога Королей получила своеобразное продолжение и нынче тянется на восход до не известных никому пределов. Все эти пересуды основывались на том, что предприимчивые туранские купцы сумели наладить прочные связи с небольшим, однако весьма богатым и процветающим государством на противоположном берегу Вилайета — Хаббатеей.

В столице маленькой страны, носившей имя Хабба, завершался главный караванный путь стран Востока — Путь Шелка и Нефрита, пролежавший через такие далекие и почти сказочные страны, как Вендия, Кхитай и Иранистан. Торговые галеры пересекали обычно спокойный Вилайет с восхода на закат и обратно, прочно связав Хаббу с Аграпуром и приморскими городами Империи Туран — Хоарезмом и Султанапуром.

Единственное, чего приходилось опасаться на морских просторах Вилайета, — пиратских галер, которые скрывались между многочисленными островами, и обитателей заросшего тростниками устья реки Запорожки, что называли себя козаками или вольными людьми, а на деле представляли собой самых заурядных разбойников. Государь Илдиэ уже не один год обещал расправиться с ними, а заодно и с пиратами, обосновавшимися чуть ли не рядом со столицей империи, но пока не достиг особых успехов в борьбе ни с козаками, ни с вилайетскими корсарами.

...Из города Конан выбрался без особых трудов, однако заглянуть к Эзаэдро и Ринге, чтобы предупредить о своем исчезновении на пару дней, не успел. Зато принял живейшее участие в событиях на маленькой площади неподалеку от центра городка.

К сожалению, киммериец не сумел до конца помешать человеку, который собирался прикончить капитана Даммароса. Несостоявшаяся жертва, впрочем, все равно должна до конца жизни благодарить судьбу, всех богов, каких вспомнит, и отдельно — заезжего наемника, что суровая немедийская душа в тот день не рассталась с телом. Летевший

кинжал изменил направление лишь благодаря тому, что Конан успел толкнуть под руку неизвестного любителя метать ножи в представителей власти. Широкое лезвие просвистело в густом и душном воздухе, но вместо сердца вонзилось Даммаросу в голень, чуть пониже колена.

Дальше, как водится, началось небольшое, но исключительно суматошное столпотворение, главными участниками коего стали побелевший и медленно сползавший с испуганной лошади капитан гвардейцев, неизвестный дэлирамец, что немедленно рванулся со всех ног с места несостоявшегося преступления, и, разумеется, Конан. Большинство немедийцев без всякого на то основания сочли виновником досадного происшествия именно его, а пока варвар разубеждал их в этом — не столько словами, сколько с помощью меча, — истинный преступник успел благополучно исчезнуть. Шипевший от боли Даммарос сумел остановить своих людей, которые задумали для очистки совести прикончить хоть кого-нибудь, и послал погоню. Она, разумеется, вернулась ни с чем, но за короткое время, пока стражи порядка носились по окрестным улицам, пытаясь выяснить у перепуганных до икоты горожан, не видели ли они убегающего человека, состоялся один довольно примечательный разговор.

Даммарос был не то чтобы чрезмерно удивлен, а скорее откровенно недоумевал, отчего находящийся под подозрением в убийствах наемник до сих пор околачивается в городе. По мысли гвардейского капитана, варвару давно уже следовало удрать и со всех ног нестись в Арэнджун. Быстро сообразив, что Даммарос не считает его виновным, а просто был вынужден назвать в качестве искомого злодея хоть кого-то и предусмотрительно выбрал на эту ответственную роль человека, способного постоять за себя (а в случае чего — быстро исчезнуть), Конан быстро поинтересовался, что именно собирается предпринять капитан для поимки настоящего убийцы. В ответ последовало слегка приглушенное, но ничуть не потерявшее от этого своей живописности предложение убираться с подобными идиотскими вопросами на все четыре стороны света. Неужели

непонятно, что у него, Даммароса, и без того забот, как блох на бродячей шавке?

— А если я приволоку тебе этого мерзавца? Скрученным, как баран на рынке?

— Врешь? — с надеждой спросил Даммарос. — Ну ведь врешь же? Где ты его раздобудешь?

— Не твое дело, — криво усмехнулся киммериец. — Так что ты с ним сделаешь?

— Повешу, — кровожадно облизнулся гвардейский капитан. — Или отдам народу на растерзание. Или поджарю без масла. Ну какая тебе разница? Главное — поймай его!

— Я попробую, но пусть твои болваны перестанут бегать за мной по пятам, — потребовал варвар.

— А они разве бегали? — возмущенно воскликнул Даммарос, но тут же скривился и тихонько зашипел: рана была хоть и неопасной, но болезненной. — Слушай, ты действительно можешь поймать ублюдка, устроившего в городе эту заварушку?

— Пока не знаю, — честно признался Конан. — Но думаю, в ближайшие два-три дня точно встречу либо самого убийцу, либо человека, видевшего его или хотя бы подозревающего, кто он такой. Слушай, а ты знаешь, что в твоём дерьмовом городишке затевается какая-то большая игра со сплошными обманами?

— Догадываюсь, — после короткого молчания сказал немедиец. — Но не знаком с участниками.

— Если перечислишь всех умерших в последние два дня — не ошибешься. Я умудрился вляпаться в самую середину этой вонючей лужи, но сам пока толком не разобрался, что к чему. Но уверен, что все недавние покойники — их рук дело. И еще: кое-кто остался жив и продолжает начатое. Они считают, будто по дешевке купили меня для своих делишек... Но даже не подозревают, насколько глубоко ошибаются. А теперь я пошел. Будут новости — постараюсь передать. Жди через один-два дня... Сам не знаю что, но что-то наверняка произойдет.

— Погоди! — Даммарос хотел крикнуть, но вместо этого захрипел. — Ответь только на один вопрос и можешь катиться хоть к Нергалу в глотку. Есть в городе гуль?

— Нет, — стараясь, чтоб его слова звучали предельно искренно, ответил киммериец, и в который уж раз порадовался, что давно научился врать, не вызывая почти никаких подозрений. — Нет никакого гуля и никогда не было.

— Ты прикончил Леддара? — не отставал капитан гвардии.

— М-м-м... Ну я...

«Ладно, нельзя же все время только врать».

— Я так и предполагал, — вздохнул Даммарос. — Ограбление в предместье, дом господина Эридата?

— Тоже я.

— И за что только нам послал Митра такое наказание... Райнак?

— Отвали! Нечего вешать на меня чужих мертвецов, — рявкнул Конан. — Сказал же: я в эти игры не играю!

— Где женщина? — слабым голосом задал очередной вопрос Даммарос.

— Она здесь ни при чем. Все равно ты ее найдешь.

— Ладно, проваливай, — вяло махнул рукой гвардеец. — Только, ради Митры и еще не знаю кого, думай, прежде чем натворить дел. Мне и так обеспечена головная боль на всю оставшуюся жизнь, а если ночка вроде вчерашней повторится еще раз, лучше тогда сразу удавиться на перевязи собственного меча... Ты только излови мне этого мерзавца и можешь отправляться куда твоей душе угодно. Я даже согласен обшарить городскую казну и выдать тебе какое-нибудь вознаграждение ради такого случая!

— Звучит заманчиво, — хмыкнул варвар. — Кстати, где лучше всего выбраться из города?

— Через заставу возле Старой Башни — она в паре кварталов отсюда. Там стоит туранский патруль, но их значительно больше занимают обитательницы шумного заведения, что расположено по соседству...

К тому времени, когда киммериец отыскал указанную Старую Башню и выяснил, что понятие «пара кварталов» в

Дэлираме может означать как соседнюю улицу, так и другой конец города, начало смеркаться. Если он хотел добраться до загадочного загородного дома хотя бы к началу ночи, то следовало поторапливаться.

«Ну должны же они сообразить, что у меня могли появиться неотложные дела. Уж Ринга-то наверняка догадается. — Поняв, что совсем никак не успевает заглянуть к приятелю, варвар быстро изобрел это незамысловатое оправдание и с чистой совестью зашагал по Дороге Королей. — А заручиться поддержкой городской власти никогда не помешает. Только вот зачем я брякнул, что изловлю для Даммароса этого полоумного потрошителя? Можно подумать, будто я действительно знаю, кто он и где прячется... Впрочем, кое-что я подозреваю. Убийца местный и за что-то взъелся на покойного Гебера и его шавок. Ну и что? Да ничего, если честно... Линдисса уже должна была навестить нашего градоправителя... Вот ему еще головной боли добавится: кто из нас двоих врет и зачем? Жаль, что немедийские олухи не поймали типа, который где-то научился ловко метать кинжалы! Может, хоть что-нибудь прояснилось бы...»

Углубившись в свои размышления, варвар даже не заметил, когда свернул с Дороги Королей на пыльный узкий проселок, вскоре закончившийся у ворот маленького поместья.

На воротах действительно красовалась кипарисовая ветка, правда, не настоящая, а отлитая из бронзы. Но это не имело большого значения: дом был именно тот, который описала ему Линдисса.

Конан несколько раз бухнул кулаком по вздрогнувшим от ударов створкам и решил ждать, что произойдет дальше. Почему-то киммерийцу казалось, будто он упустил что-то важное, но что именно, никак не мог вспомнить.

За воротами залилась истошным лаем собака, потом на нее прикрикнул человек, и скрипучий голос недовольно осведомился:

— Кого еще там демоны принесли? Проваливай, нечего тебе тут делать! Сейчас собаку спущу...

...В тихом, погруженном в спокойную темноту доме женщина, задремавшая прямо за столом, неожиданно вскинула голову, обвела слегка затуманенным взглядом комнату и попыталась понять, что ее разбудило. Причину неясного беспокойства, которое нарушило полудрему, она осознала довольно быстро: где-то неподалеку раздавался тихий повторяющийся скрип, напоминавший шаги медленно крадущегося тяжелого животного. Женщина отбросила с лица спутанные волосы, настороженно приподнялась, правой рукой пошарила по столу и наконец крепко зажала в ладони рукоять длинного, слегка изогнутого кинжала. Левая рука странно изогнулась в запястье, и пять желтоватых когтей, похожих на когти большой хищной кошки, царапнули по ровной полированной поверхности стола. Женщина беззвучно поднялась на ноги, подошла к двустворчатой двери и провела рукой по засову, чтобы убедиться, что он, как и полагается, задвинут в пазы и выглядит достаточно крепким.

Далекий смутный скрип стал более отчетливым. Сейчас бы его расслышал и обычный человек, если б дал себе труд прислушаться повнимательнее: еле различимое побряхтывание половиц старого дома, вызванное чем угодно... Однако женщине он казался грохотом подкованных сапог по булыжной мостовой. Кто-то проник в дом. Кто-то, кому не полагалось здесь находиться, и этот неизвестный с каждым мгновением приближался к комнате, где она стояла с кинжалом в руке, прислушиваясь к неприятным звукам. Верхняя губа женщины мелко задрожала и приподнялась вверх, открывая острые звериные клыки. Сейчас она напоминала животное, совсем близко почувствовавшее врага, но еще не уверенное, с какой именно стороны ожидать нападения.

Она трезво оценивала свои возможности в более чем вероятной драке, подозревая, что существо, которое тайком передвигалось по дому, — вовсе не простой смертный. И с быстро нараставшей тревогой признала: не исключено, что она может не справиться с неумолимо приближающейся

опасностью. А о том, что произойдет в этом печальном случае, лучше даже не позволять себе задумываться.

«Первый раз в жизни мне позарез может потребоваться помощь, — она криво усмехнулась, — а получить ее неоткуда. Как это, оказывается, просто — привыкнуть к тому, что всегда рядом спутник, на которого можно положиться... Ну и где сейчас твоя надежда и опора? Шляется где-нибудь или встретил очередного старого приятеля и налакался до поросычьего визга... Даже не подозревая, что до смерти необходим мне. Впрочем, сами виноваты: могли бы догадаться, что резня еще не закончилась. Луна моей судьбы, ну сделай так, чтобы варвар понял: я влипла... Ох как влипла!...»

Неожиданно женщина в темном доме вздрогнула и нахмурилась. Мысль, пришедшая в голову, была отнюдь не из радостных. Она подумала о другой женщине. О красивой женщине с рыжими волосами, блестящими, как лисья шкурка, о Линдиссе. И о том, что может не дожидаться того, на чье появление ей так хотелось надеяться. Ни сегодня, ни завтра, никогда больше. Впрочем, тогда ей нечего огорчаться: если она проиграет схватку, то просто не доживет до этого прекрасного завтра. И нечего забивать себе голову всякой ерундой. Она и раньше в одиночку справлялась со всеми гадостями, которые ей подбрасывала жизнь, справится и теперь. С чьей-либо помощью или без нее. Она всегда рассчитывала только на себя, и у нее сейчас нет времени ударяться в истерику. Лучше немедленно выбросить из головы все лишнее и подумать, что можно успеть предпринять, чтобы на ее стороне было хоть крохотное преимущество.

Женщина внимательно огляделась по сторонам. Не годится торчать прямо у дверей, тогда и без того мизерная надежда на победу исчезнет вовсе. Пусть крадущееся по тихому дому существо беспрепятственно заберется в комнату, считая, что обмануло всех и его никто не заметил. Если только ему вообще удастся проделать это, да еще и тихо... Не собирается же неизвестная тварь взламывать двери? Странно, как это порождение ночи вообще пробралось сюда? У входа должна была стоять охрана. Впрочем, что ему

охрана... Но почему оно явилось в дом самого обычного купца средней руки? Оно разыскивает кого-то, идет по следу? Или его навели, как-то подсказали? Какова его цель, его будущая жертва, без которой оно не уйдет? Хозяин дома? Или... Или они, его невольные гости?

«Вернись, где бы ты ни был! Вернись! Или завтра найдешь мой изуродованный труп!» — мысленно взмолилась она, отступая назад и прячась за широкими складками занавесей, закрывавших окно. Теперь в комнате оставались только пустой стол с тремя расставленными вокруг креслами, низкие сундуки вдоль стен да две двери — одна побольше, другая поменьше, наполовину скрытая углом висевшего рядом с ней ковра. За той, что была побольше, раздались отчетливые скребущие звуки, словно какое-то крупное животное настойчиво пыталось проделать в досках дыру и войти. Затем дубовый засов задергался в скобах, точно обретя собственную жизнь и пытаясь выбраться из удерживающих его железных креплений. Женщина наклонила голову набок и чуть расширенными от изумления глазами следила за его короткими рывками, пока толстый брус не отодвинулся настолько, что больше не мешал неизвестному проникнуть в комнату.

Дверь бесшумно и медленно приоткрылась, за высоким порогом зашевелилось что-то живое, настороженное и опасное. Женщина затаила дыхание, прогоняя неожиданно возникшую безумную мысль о том, что неведомое существо может ее увидеть или учуять. Она слышала, как оно пыхтит и переступает с ноги на ногу там, в коридоре, точно наяву представляя, как тварь внимательно прислушивается и принюхивается. Наконец существо сочло себя в полной безопасности и неуклюже шагнуло из полнейшей темноты в комнату, которую слабо освещал едва пробивавшийся с улицы лунный свет. Пол под его ногами жалобно скрипнул, а спрятавшаяся женщина изо всех сил вцепилась в бархатные складки, чтобы не упасть, и едва не выронила нож.

Это было настоящее чудовище, и надежда победить его была столь же призрачной, как туманная дымка на рассвете.

Самым разумным сейчас было замереть, прекратить дышать и вообще не издавать ни единого звука, взывая в душе ко всем известным богам, чтобы оно не заметило еще одного живого существа. Пусть делает что хочет, убивает и рвет на куски кого хочет, но, пожалуйста, пусть не заметит ее!

В следующее мгновение она приказала той части себя, что заходила в вопле животного ужаса, заткнуться и слегка присела, перехватывая кинжал поудобнее. Она — страж, и этим все сказано.

Чудовище, что сейчас кружило по комнате, выглядело огромным, невероятно сильным, но не слишком проворным. Может, если женщина будет действовать достаточно быстро, у нее что-нибудь и получится. Скажем, она сумеет так его напугать, что чудовище струсит и само уберется отсюда. Или ей настолько повезет, что она серьезно ранит его...

Проклятие, почему под рукой нет ни одного серебряного предмета! Почему она настолько отупела, что не догадалась попросить северного дикаря оставить его кинжал, ведь чувствовала, что в нем есть какая-то сила!

Существо заметило вторую дверь и издало тихое утробное урчание. Притаившейся возле окна женщине послышались в нем нотки радости. Зверь замер на месте... Вряд ли еще раз выпадет такая замечательная возможность — напасть первой в тот единственно подходящий миг, когда жуткий противник совершенно не ожидает ничего подобного.

Женщина сжалась в тугой комок, точно кошка перед прыжком, тихонько отодвинула тяжелые занавеси, стараясь, чтобы они не зашуршали, и бросилась вперед.

Ей не повезло: существо услышало ее шаги и обернулось. Она все же достала его на излете последнего прыжка своим ножом, и чудовище яростно взвыло от боли, а в следующий миг ей показалось, что она по дурости и самоуверенности сцепилась с бешеным львом и жить ей осталось от силы два вдоха. Кинжал вылетел из ее руки, и, зашипев, она вцепилась в неприятеля всем, что было ей дано от рождения: когтями и зубами.

«По крайней мере, так просто он от меня не отделается!» — еще успела мельком подумать она, прежде чем бешеный зверь, обитающий в темной половине ее души, окончательно проснулся и с радостным воем кинулся в схватку. В отличие от человеческой половины его никогда не беспокоили такие мелочи, как личность и боевые качества противника. Его вообще ничто не беспокоило, кроме стремления побыстрее добраться до горла врага, перегрызть его и плотно пообедать. Хотя, судя по времени, сейчас пора было ужинать. Поздний ли ужин, ранний ли завтрак — голодного хищника это не интересовало. Он почуял запах крови...

* * *

Уркаш, о котором говорила госпожа Линдисса, оказался вовсе не туранцем. Вернее, он был в большей степени туранцем, нежели многие из обитателей Империи: он происходил из рода гирканских кочевников, чьи предки в незапамятные времена обогнули Вилайет и, покорив племена закатного берега, основали будущий Туран. Невысокий и кривоногий старикан неопределенного возраста с простовато-хитрым взглядом прищуренных глазок напомнил Конану постаревшего, но все еще опасного степного волка. Таких вот хищников, лишившихся половины зубов, с изрядно полысевшей шкурой и вроде бы совершенно безопасных, молодые звери стараются обходить стороной и уж ни в коем случае не беспокоят по пустякам.

Пес, лаявший из-за ворот, крупная лохматая зверюга, подозрительно косился на позднего гостя и околачивался поблизости все время, пока Уркаш рассматривал печать на послании Линдиссы, вскрывал его и неторопливо читал при свете единственного горевшего в обширном дворе факела. Луна уже начинала уползать за горизонт, и в наступающей темноте смутно выделялись очертания приземистого дома с причудливыми украшениями по углам крыши и силуэты каких-то пристроек рядом. Кроме старика и собаки, никакой стражи на глаза не попадалось, что было неудивительно: кому придет в голову нападать на отдаленную пустующую усадьбу?

— Иди, — наконец бросил Уркаш, перечитав короткое письмо по меньшей мере в третий раз. Пес гавкнул и послушно затрусил к воротам, уяснив, что пришелец не враг и, похоже, останется здесь. — Значит, госпожа хочет, чтобы ты командовал ее людьми? С чего бы это?

— Ей виднее, — кратко ответил киммериец.

Вообще-то Конану самому очень хотелось узнать, ради чего Линдисса втянула его в эту передрагу, но не признаваться же, что отработываешь спасение собственной шкуры?

— Конечно, виднее, — скрипуче захихикал старик и, переведя дух, спросил: — Твое имя Конан, верно? Некоторые еще называют тебя варваром и Конаном-киммерийцем... Я слышал о тебе... Лет пять или шесть назад в Замбуле. Да и в Шадизаре тоже ходили слухи...

— Плохие или хорошие? — хмыкнул Конан.

Если дела пойдут так и дальше, то вскоре нельзя будет сунуться ни в один приличный город: начнут узнавать на улицах и выпрашивать монетку на память! Придется перебираться на закат. Там он, кажется, еще не слишком успел наследить...

— Всекие. Смотря кто рассказывал, — невозмутимо отозвался Уркаш. — Поровну и того, и другого... Госпожа сказала тебе, что нужно сделать?

— Нет, — помотал головой варвар. — Я знаю, что здесь у нее какой-то отряд...

— Отряд! — презрительно фыркнул старый гирканец. — Свора пустозвонов и дармоедов! Двое-трое из них, пожалуй, чего-то стоят, а остальные — куча навоза!.. Они разбегутся, как только хоть один из них заработает царапину на заднице!

«Ничего себе принял командование...» — озадаченно подумал Конан и поинтересовался:

— Сколько их?

— Два десятка и еще трое, — недовольно пробурчал Уркаш. — Дрыхнут вон там. — Он махнул в сторону хозяйственных пристроек. — Хочешь — можно разбудить. Только вопли поднимутся на всю округу.

— Тогда не стоит. Утром посмотрю, что за подарочки мне достались, — решил киммериец.

Больше всего ему сейчас хотелось есть и спать. Третья ночь напролет на ногах — это вам не шутки шутить...

— Есть будешь? — неожиданно спросил старик, точно угадав мысли своего собеседника. — Пошли, все равно тут стеречь нечего. Госпожа не говорила, когда мы наконец ей понадобится? Эти недоумки скоро землю начнут грызть от скуки.

— Завтра утром или днем она придет сама или пришлет гонца, — вспомнил киммериец. — Тогда и узнаем. Мне кажется, что скоро.

— Скоро, скоро... — повторил Уркаш, раздраженно толкая незапертую дверь, ведущую в большой дом. — Женщина не должна заниматься мужскими делами! Госпожа Линдисса — самая хитрая из юбок, но и она порой думает не тем... Эй, бездельник! Проснись, пришел командир! — Слова сопровождалась пинком.

— К-какой командир? — Устроившийся прямо на полу человек от толчка проснулся, оторопело уставился на вошедших и растерянно спросил: — Уркаш, ты чего? Спятил? Вроде ж ты у нас старший... — Человек поскреб в затылке. — Или не ты? Что вчера решили? Я не дослушал...

— Раз не дослушал, значит, не для тебя говорено, — заключил старик. — Иди, сообрази пожрать, да шевелись, а то уши отрежу и скормлю собаке!

— Ты можешь... — Продолжая ворчать, человек нехотя поднялся, заковылял по полутемному длинному помещению и скрылся в двери в его дальнем конце, откуда немедленно раздалось бречание посуды и запахло едой, похоже недавно сгоревшей до угольков.

— И что, они все такие? — полюбопытствовал Конан.

За последний десяток лет ему приходилось командовать разными людьми, включая и такой сброд, которому в жизни осталась одна дорога, и та на виселицу, но то, что он увидел здесь, было что-то новенькое.

— Некоторые даже сумеют отличить саблю от меча, — презрительно фыркнул Уркаш. — Я предлагал госпоже набрать приличный отряд в Арэнджуне, Шадизаре или, на

худой конец, в Аките, но она и слушать не захотела. Мол, дорого, некогда, золото возьмут, а сами сбегут...

— А этих она где раздобыла?

Ответа не последовало. Что ж, все ясно: новоиспеченного предводителя отряда ни в коей мере не касается, откуда взялись люди, которыми ему предстоит командовать. Остается надеяться, что Линдисса сохранила хоть частицу здравого смысла и не собирается послать свою банду захватить Шадизар... А сейчас стоит сменить тему разговора, пока старикан еще желает поболтать. И наверняка посмеивается про себя: вот, отыскиали дурака заправлять шайкой болванов.

Впрочем, ну его, пусть думает что хочет, а он, Конан, не собирается здесь надолго задерживаться. И тем более выслушивать приказы хитроумной вдовушки. Покончить со всем этим, разузнать, если получится, кто устроил бойню прошлой ночью, изловить мерзавца — и распрощаться с маленьким городком у подножия Кезанкийских гор. По возможности — навсегда.

— Ты давно ей служишь? — небрежно спросил киммериец.

Линдисса была кем угодно, но только не местной уроженкой. Даже если предположить, что ее прадедушка проезжал через эти края и оставил по себе долгую память. Интересно, откуда она родом, почему перебралась в забытый богами и людьми Дэлирам и где выкопала этого старого ядовитого сморчка?

— Госпоже? — Старик помолчал, видимо подсчитывая прошедшие годы. — Скоро исполнится два лета. С того самого дня, как она здесь поселилась.

— Значит, она чужестранка? А откуда она приехала, не знаешь? — не отставал варвар, хотя понимал, что из искренне преданных слуг вроде этого старикана даже полслова о его хозяевах не вытянуть. Разве что пригрозить раскаленными клещами. И то, наверное, не получится.

— Из Шадизара, — неохотно бросил Уркаш и дребезжащим, но все еще пронзительным голосом заорал: — Джикис, шакалий выкормыш, ты там заснул?

— Да иду, иду,— донеслось в ответ.— Подождать не можете?

Поданная стряпня оказалась совершенно безвкусной, но зато обильной. Джикис, сочтя, что на этом его тяжкие обязанности полностью выполнены, снова улегся на охапку соломы под столом. Со двора пришел пес, покрутился возле людей, умильно помахивая хвостом, выклянчил кость и пристроился возле дверей обглаживать добычу.

— В доме никого нет,— между делом сообщил старик.— Все недоумки дрыхнут в сарае. Можешь поискать себе комнату... Куйо, за мной!

Уркаш и мгновенно вскочивший на ноги пес ушли. В распахнутую настежь дверь Конан увидел, как они не спеша пересекают двор и скрываются в крохотной клетушке, жмущейся возле забора. Все, можно до утра никуда не спешить, устроиться со всеми возможными в здешнем захолустье удобствами, а завтра... Завтра будет завтра. Глядишь, объявится сама загадочная хозяйка поместья, и наконец выяснится, что происходит вокруг. Интересно, зачем Линдиссе понадобился этот отряд, явно собранный с миру по нитке из тупоумных вышибал? Разве что припугнуть кого-нибудь, на большее они все равно не способны... А как там Ринга?

И тут киммериец понял, что не давало ему покоя на протяжении всей дороги в усадьбу «Кипарисы». Плывущая над черными зубринами горных вершин полная серебряная луна. Полнолуние, время колдовства и нечисти, вылезающей из темных укрытий. Полнолуние в самом его расцвете. Так вот, наверно, почему разгулялся дэлирамский убийца! Гуль он там или не гуль, а просто свихнувшийся человек, бледная луна позвала его за собой, и он отправился рвать на кусочки ближних своих. По каким-то известным только ему причинам он порешил всех, кто имел отношение к Геберу и задуманному им делу. Видимо, две первые смерти — туранца-караванщика Марида и Райнака — тоже имеют самое прямое отношение к этим мошенникам. А как насчет Леддара, которого прикончил сам Конан? Наверняка был замешан и он...

Спрашивается, кто же еще у нас болтался вокруг да около упомянутых достопочтенных господ (если не считать милейшую Линдиссу и уважаемого месьора Эридата)? Кто постоянно портил спокойную жизнь городским властям и во всеуслышание объявлен подозреваемым? Известно кто. Варвар-наемник и его подружка. Где варвар? А Сет его знает, удрал куда-то. Хорошо, где тогда женщина?

«Ее никто не найдет. Ни одна живая душа в городе не знает, что мы побывали у Эзаэдро. Там сидит охрана, и, в конце концов, Ринга не беззащитная маленькая девочка! Да, но и тварь, разгуливающая ночами по улицам Дэлирама, не обычная бешеная шавка, которую можно без труда прикончить... Да какая охрана, что ты несешь! Мы свалились в сад, подняли шум на полгорода, и никто, кроме самого Эзаэдро, не обратил на это внимания! А если эта дрянь — сбежавший от какого-нибудь недоученного колдуна демон или что похуже? Почему мы решили, будто она остановится, разобравшись с друзьями Гебера? Она ведь может уничтожать без разбора всех, кто, по ее мнению, хоть каким-то боком причастен к непонятным делам городка. Надо было забрать девчонку с собой...»

Поганое ощущение, что Ринга попала в какую-то беду, не проходило. В конце концов, что такое две лиги? Почти ничего. Легкая прогулка. К утру он придет обратно, а за остаток ночи здесь вряд ли произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее. Уркаш отлично справится и без нового командира.

Конан выскочил в пустынный двор и вполголоса окликнул:

— Уркаш!

— Чего тебе? — недовольно прохрипел старик, высываясь из двери крохотного домика.

— Я ухожу в город. Вернусь утром.

И, не дожидаясь ответа, киммериец легко перемахнул через невысокий забор поместья и исчез в ночной тьме. Луна зашла, и теперь вокруг «Кипарисов» и над пустынной степью сгущалась непроглядная темнота.

Куйо для порядка пару раз гавкнул вслед ушедшему человеку и посмотрел на хозяина, ожидая приказа: догнать или нет?

— Сиди,— буркнул старый Уркаш.— Сам разберется, чего делать.

Старик, шаркая, вернулся обратно в комнатушку, где помещались только колченогий стол да сваленный в углу ворох облысевших шкур. Распечатанное послание Линдисы валялось на столе, Уркаш поднял его и сунул в пламя горевшей на столе свечки. Пергамент затрещал, быстро занявшись по краям черно-искристой каймой. Написанные ровным, округлым почерком строчки превращались в пепел, в том числе и последняя, больше всего не понравившаяся старому гирканцу, который многое повидал на своем веку:

«Когда все закончится, убей его».

Глава двенадцатая

В доме Эзаэдро творилось нечто непонятное, и это Конан увидел еще издалека. Иначе с какой бы стати понадобилось посреди ночи зажигать огонь почти во всех в комнатах и даже в саду? Мало того, возле ворот дома, выходявших на улицу, околачивались пять или шесть человек, вооруженных до зубов и усиленно пытающихся показать, что им не страшно ничто в мире.

«Так я и знал — наши неприятности успешно продолжаются! А если кто-то хоть пальцем тронул Рингу, убью на месте», — мысленно пообещал киммериец, подходя к воротам. Перелезть через забор не было ни времени, ни желания, и, в конце концов, может он хотя бы в дом своего старого приятеля войти так, как подобает приличному человеку?

Однако не тут-то было. Перетрусившие при виде внезапно появившегося из темноты варвара стражники, подталкивая друг друга и слегка заикаясь, заявили, будто никого в дом до утра впускать не велено. Даже друзей хозяина и людей нового градоправителя Даммароса, если тем неожиданно захочется нанести визит Эзаэдро. И лучше господину наемнику пойти и обождать где-нибудь до рассвета, в дом его все равно не пустят. А шуметь вовсе незачем, они люди подневольные, им приказали, они и выполняют. Послать кого-нибудь к хозяину нельзя, потому как господин ни с кем говорить все равно не желают...

«Да что у них здесь стряслось? — ломал голову Конан, продолжая переругиваться с охраной и пытаясь убедить это сборище недоумков сообщить Эзаэдро о возвращении его давнего знакомого. — Неужели и старый лис отправился в дорогу без конца?»

— Что там происходит? — В шум у ворот вплеся новый, очень знакомый киммерийцу голос.

— Пришел какой-то человек, госпожа! — нестройным хором отозвались караульные, явно обрадованные тем, что отыскался человек, который возьмет на себя тяжкий труд решить за них, как поступить дальше. — Говорит, что он друг хозяина! Сердиться изволит...

— Впустите его, — распорядился голос.

Стражники для порядка недовольно поворчали, но приоткрыли створки ворот. На расстояние, как раз достаточное, чтобы протиснуться, и не более того. Стоило варвару зайти во двор, как позади мгновенно залязгали и заскрипели многочисленные замки и засовы. Похоже, тут и в самом деле стряслось нечто жуткое, раз все обитатели дома так сильно перепугались... Но Ринга осталась жива, а это главное.

Девушка стояла в освещенном проеме распахнутой двери, прислонившись к косяку, и слегка отступила в сторону, пропуская полуночного гостя.

— Я смотрю, ты здесь уже вовсю распоряжаешься, — ядовито заметил Конан.

— За неимением лучшего пока я, — устало отозвалась рабирийка. — Я уже и не надеялась, что ты вернешься...

— Погоди, погоди, что значит — за неимением лучшего? — недоуменно переспросил варвар. — Где Эзаэдро? Убит? Что у вас произошло?

— Ничего особенного, — быстро ответила Ринга и попыталась усмехнуться, но вместо этого издала какой-то неопределенный жалобный звук. — С твоим другом все в порядке, если не считать того, что его самую малость... Э... Помяли. Пошли, Эзаэдро наверняка захочет поговорить с тобой.

Она повернулась и даже успела сделать несколько шагов по коридору, прежде чем Конан поймал ее за плечо

и повернул лицом к себе. Рабирийка слабо попыталась вырваться, но не преуспела в этом и замерла на месте, спрятав руки за спину. Впрочем, она не стала сопротивляться, когда киммериец осторожно взял ее ладони в свои и понял, отчего она их прятала. От запястья до локтя обе руки девушки были обмотаны плотными широкими лентами, на которых кое-где проступали темные пятна подсохшей крови.

— Та-ак... Значит, ничего особенного не произошло? Излагай!

Ринга упорно смотрела в пол и ничего не отвечала. Теперь варвар заметил и другие изменения: она переоделась, а ее волосы, несмотря на аккуратную прическу, выглядели так, будто недавно кто-то вцепился в них и с корнем выдрал несколько прядей. Девушка казалась смертельно усталой, точно пробежалась вокруг городка, спасаясь от целой своры преследователей.

— Ринга, я жду, — напомнил Конан. — Признавайся, что ты натворила? Кого съела?

— Короля Немедийского, — зло буркнула рабирийка. — Ладно. У нас был гость. Он убил двух стражников у дверей, пробрался сюда и наткнулся прямехонько на меня. Мы подрались, на шум выскочил Эзаэдро, и гость бросился на него... Что было дальше, не помню. Кажется, мне так хорошо поддали, что я врезалась в стену и мне стало все равно. Твоего приятеля изрядно порвали, но не смертельно. Выкарабкается. А потом гость ушел. Я валялась на полу, думала, он меня прикончит, однако прошел мимо. Вот так.

Она помолчала и сердито добавила:

— Конечно, у тебя вполне могли найтись веские причины, чтобы не появляться здесь сегодня ночью. Однако это был тот редчайший случай, когда я бы предпочла иметь за спиной кого-нибудь... Похожего на тебя. А теперь не спрашивай больше ни о чем, и пошли поговорим с Эзаэдро. Он видел больше, чем я, и тебе будет полезно послушать речи старого приятеля.

— Ринга, я... — начал Конан, но рабирийка недовольно отмахнулась, не дав ему договорить:

— Что было — то прошло. Зато теперь мы точно знаем: какая-то гнусная тварь на самом деле шастает по городу. Пойдем.

«Ну почему проклятому мерзавцу приспичило напасть именно сегодня? — удрученно думал варвар, идя за девушкой. — И время поганец выбрал, когда меня не было в Дэлiramе! И почему он явился сюда? Эзаэдро точно не имеет отношения к местным загадочным играм. Или имеет? А может, тварь хотела добраться до Ринги или до меня? Тогда каким образом нас выследили? Еще немного, и я окончательно свихнусь... Но теперь эта гадина проживет на свете ровно столько, сколько мне понадобится, чтобы ее отыскать. А я непременно найду, куда бы она ни спряталась...»

* * *

Ринга провела своего спутника в ту же комнату, где вчера царило такое веселье, и, сделав знак молчать, трижды постучала во вторую дверь. Оттуда донесся слабый и еле различимый голос, который мог принадлежать умирающему:

— Кто?

— Это я, — отозвалась девушка. — И со мной еще один... Наш общий знакомый.

— Вот, значит, как?! — Голос мгновенно окреп. — У этого варвара хватило наглости снова показаться здесь?! Ринга, немедленно выстави его вон! Впрочем, нет, пусть войдет, я должен сам ему все сказать! А потом может убираться на все четыре стороны! Чем скорее проломят его тупую киммерийскую башку, тем лучше для меня!

Рабирийка, выслушав гневную тираду, тихонько фыркнула, открыла дверь и слегка подтолкнула Конана в спину.

За дверью скрывалась крохотная комнатка без единого окна, освещенная подрагивающими огоньками многочисленных свечей и наполненная каким-то пряным и резким запахом. Большую часть помещения занимала роскошная резная кровать под балдахином, а на кровати возлежал сам страждущий хозяин дома. Только полученные в сражении с неизвестным чудовищем раны помешали Эзаэдру лично прикончить незваного гостя, накликавшего на его дом та-

кие жуткие беды. Впрочем, разговаривать ему ничто не мешало, и через миг Конан получил множество любопытных сведений о себе, о большинстве из которых даже представления не имел.

Все испортила Ринга, рассмеявшись в самую неподходящую минуту обличительной отповеди. Эзаэдро сбился с мысли, обреченно махнул рукой и осведомился:

— Ну, и где тебя носило?

— То здесь, то там, — отозвался киммериец, несколько сбитый с толку красноречием приятеля (некоторые выражения были незнакомы даже ему, и Конан постарался их запомнить: вдруг когда пригодятся), и поискал взглядом, на что здесь можно присесть. Такового предмета не обнаружилось, и пришлось устроиться прямо на полу, застланном толстым ковром. — Так мне кто-нибудь объяснит простым человеческим языком, кто именно заглядывал на огонек? Ругательства и подробности моего происхождения можно пока пропустить.

— К нам наведалось зубастое и когтистое чудовище, — мрачно сообщил Эзаэдро. — Похоже, то самое, что устроило вчерашнее побоище. Оно прикончило охрану, пробралось в дом и...

— Дальше я знаю, — перебил Конан. — Я вот что хочу знать: как выглядел этот неожиданный гость? Кто-нибудь из вас разглядел хоть что-нибудь? Я не говорю о когтях и зубах. Как правило, у всех чудовищ они есть...

Варвар озорно покосился на рабирийку, но Ринга сделала вид, что не заметила его выпада.

— А зачем тебе? — неожиданно насторожился Эзаэдро.

— Выловлю и кишки на упи намотаю! — рявкнул рассерженный варвар и с досадой повторил: — Зачем, зачем!..

— Не кричи, — мягко попросила Ринга. — Оно ростом с обычного человека, то есть повыше меня. У него есть когти...

Она вовремя прикусила язык, сообразив, что едва не сказала: «Как у меня». Киммериец, впрочем, понял ее недосказанные слова, а Эзаэдро в темноте не разглядел подробностей драки и счел, что маленькая девушка в силу

каких-то обстоятельств выучилась драться не хуже наемников. Возникшую у него догадку рабирийка, глядя на Эзаэдро честнейшими глазами, подтвердила потом, когда все закончилось, а неведомая тварь покинула дом.

— Это был человек, — неуверенно заговорил Эзаэдро, старательно пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь подробность.

Впрочем, его впечатления сводились к следующему. Посреди ночи раздались пронзительные вопли, он выскочил в соседнюю комнату и с трудом разглядел в полутьме два сцепившихся силуэта — поменьше и покрупнее. Недолго думая, хозяин дома треснул более крупного противника по голове подвернувшимся под руку тяжелым бронзовым подсвечником.

Результат оказался далеким от ожидаемого: существо, взыв, отшвырнуло повисшую на нем девушку к стене и яростно бросилось на нового врага. Потом все перемешалось, а придя в себя, Эзаэдро обнаружил, что лежит на ковре и подружка варвара осторожно трясет его, повторяя: «Оно ушло, оно ушло».

— Человек? — недоуменно переспросил Конан. — Ты уверен?

— Да. — Эзаэдро не знал, откуда у него возникло такое убеждение, но готов был настаивать. — Тварь очень походила на человека. И мне даже на мгновение померещилось, что я его знаю...

«Еще не легче! Да какой же это может быть человек — с когтями! Проще представить, что в городке прячется другой гуль! Наверняка дикий».

— Нет, — подала голос рабирийка. — То есть я не возьмусь утверждать, что Эзаэдро ошибается... — Она щелкнула пальцами, подбирая слова, и медленно заговорила: — Оно было похоже на безумного человека. И на демона, если на то пошло. И на гуля. Но при этом оно не было до конца ни тем, ни другим, ни третьим... Какая-то их помесь, что ли.

— Чего? — На этот раз удивление заставило хозяина и гостя забыть о недавней склоке. — Повтори! Как-как?

— Не знаю как! — сердито бросила девушка. — Оно, это существо, одновременно и то, и другое! Может, днем это обычный человек, а ночью одержимый убийца!

— Вполне правдоподобно. В это можно верить, — после долгого размышления признал киммериец. — Впрочем, скоро я начну верить во что угодно... Кстати, ты заметила, какая сейчас луна?

— Да, — кивнула Ринга. — Может, он выходит на охоту исключительно при полной луне? Но тогда как он умудрился прожить в городе, где все знают друг друга, и ни разу не попасться? И почему он пришел сюда?

— Стойте! — не выдержал Эзаэдро, тщетно пытавшийся уловить смысл непонятого разговора. — Ну-ка растолкуйте, о чем вы?

— О призраках, — спокойно пояснила Ринга. — Нелюдях, которые бродят по ночам и прячутся днем. О призраке, который пугает ваш тихий спокойный городок и который вполне может оказаться одним из вас. Ведь он уничтожает людей, имеющих непосредственное отношение к какой-то тайне.

— Шайка Гебера, — задумчиво проговорил Эзаэдро. — Он убил почти всех людей Гебера, включая, разумеется, и его самого. А потом пришел сюда...

— Кстати, почему? — немедленно вмешался Конан. — Убийца же понятия не имел, что здесь прячемся я и Ринга. Он напал на Рингу только потому, что она мешала пройти, и оставил в покое, едва заметил тебя. Значит, он с самого начала явился за тобой, дорогой друг... Любопытно было бы узнать, с какой стати?

В комнате повисла тишина, нарушаемая только еле слышным потрескиванием горящих свечей. Три человека — точнее, два человека и один гуль — упорно смотрели куда угодно, только не друг на друга, и молчали. Наконец один из них решился.

— Вечно от тебя сплошные бедствия, — тоскливо сказал Эзаэдро. — Послушай-ка, я верно понял? Ты в самом деле собрался изловить эту тварь?

Киммериец кивнул. Было ясно как день, что старый друг-приятель темнит, но пусть сообщит хоть что-нибудь!

— Я могу надеяться, что все сказанное мной не пойдет дальше этой комнаты? — холодно осведомился Эзаэдро.

— Ты ж меня знаешь, — искренне обиделся Конан. — У меня никогда не было привычки выбалтывать чужие секреты!

Эзаэдро поманил киммерийца поближе и шепотом спросил:

— А твоя подружка? Как насчет нее?

— Она забыла больше тайн, чем ты когда-либо узнал, — уверенно заявил Конан.

Услышавшая его слова рабирийка согласно кивнула.

— Хорошо. — Эзаэдро помолчал, явно собираясь с духом. — Не знаю, поможет это в твоих поисках или нет... Но будет лучше, если о некоторых моих делах будете знать хотя бы вы вдвоем.

— Короче, — нетерпеливо потребовал варвар, тут же получив в ответ злобное: «Заткнись!»

— Так вот, — негромко заговорил почтенный житель захолустного заморийского городка. — Я знал, что Гебер с дружками затеяли рискованную игру. Странную авантюру, сулящую им крупную выгоду, но связанную с большой опасностью. В этой истории принимали участие сам Гебер, его левая рука Эридат, правая — госпожа Линдисса и ее покойный муженек Райнак вкупе со своими головорезами, молодой Тамир, доставлявший компании новости из Турана, а также Леддар, здешняя затычка в каждой бочке и забияка под стать тебе... Вы помните, кто был убит первым?

— Туранский караванщик по имени Марид, — не задумываясь, ответила Ринга, опередив Конана.

— А откуда он ехал?

— Со стороны Турана. — Теперь первым оказался киммериец. — Ну и дальше?

— Марид вез мне последние известия из Аграпура, — пояснил Эзаэдро. — У меня дела с... Назовем тех людей туранскими купцами. Он занимался этим уже несколько лет. С тех пор, как я перебрался сюда из Шадизара.

— Погоди, — медленно протянул Конан. — Кажется, я начинаю понимать. Мы считали, что Марид убит по ошибке

или просто потому, что оказался в неподходящее время в ненужном месте. Но если он разузнал нечто интересное и торопился сообщить аграпурские новости тебе, а об этом стало известно, то все встанет на свои места...

— Марид приезжает из Турана с важными новостями, его подкарауливают и убивают раньше, чем эти новости дойдут до Эзаэдро, — закончила девушка и повернулась к покалеченному хозяину приютившего их дома. — Кто знает, что он сказал перед смертью? Может, назвал твари твое имя и она вышла на охоту за тобой?

— Нет, — помотал головой Эзаэдро. — Марид был предан мне и никогда бы не сделал ничего подобного.

«Тогда что мы с этого имеем? — спросил у самого себя Конан. — Все начинается с каких-то известий из Турана. Доставивший их умирает. За ним почти сразу следуют Райнак и Леддар, а затем все общество заговорщиков, за исключением Эридата и госпожи Линдиссы. Линдисса уверяет, будто не имеет представления, кому понадобилось вырезать всю их теплую компанию. Может, это и правда, а может, и нет... Линдиссе позарез необходим командир отряда, она выбирает меня и отправляет в поместье. Этой же ночью тварь нападает на дом Эзаэдро, пытаясь прикончить именно хозяина и не обращая особого внимания на Рингу — досадную помеху на его пути к цели. Чего-то здесь не хватает, одного крохотного звена... О чем хотел сообщить Марид? Почему-то для дэлирамцев было очень важно, чтобы никто не услышал его новостей. Но тогда получается, что тварь находится в подчинении у одного из людей Гебера. Но у кого, если все они мертвы? Может, у Эридата или Линдиссы? Эридат неизвестно где, у Линдиссы хватает своих забот. Вдовушка сама явно побаивается этого чудовища. Стой! Еще есть таинственный Арнак, скрывающийся где-то в городе. Вот кому-кому, а шадизарскому наблюдателю было бы весьма выгодно, чтобы все местные заговорщики отправились на бесконечную прогулку к Нергалу. Слушайте, а подчиняется ли зубастая тварь вообще кому-нибудь? Вдруг она живет сама по себе, бродит по городу и раздражает на кусочки первого встречного?»

— Охота на призрака, — тихонько проговорила Ринга. — Множество нитей, верно? За какую ни потянешь — рвется. — И деловито спросила: — Ну, и что мы станем теперь делать?

— Лично я собираюсь поспать, — решительно заявил Эзаэдро. — Вряд ли эта сволочь заявится сюда второй раз. Госпожа Ринга может оставаться в моем доме сколько сочтет нужным. А ты...

Предчувствуя новый шквал нелестных высказываний в свой адрес, Конан примиряюще поднял руку:

— Ухожу, ухожу. Только помни, что ты обещал.

— Ничего я тебе не обещал, — буркнул Эзаэдро. — Сгинь, нечисть киммерийская!

— И это после всего, что я для него сделал! — воскликнул оскорбленный варвар, поднимаясь на ноги. — Ладно, радуйся, больше меня не увидишь. Сегодня, по крайней мере...

— Вот и замечательно! Ни тебя, ни эту ненормальную Карелу, и больше никаких чудовищ по ночам! Пропадите вы все пропадом!

Эзаэдро откинулся на подушки и сделал вид, что мгновенно заснул. Варвар и девушка переглянулись и вышли.

— Завтра к утру он успокоится, все обдумает и пожалеет о своих словах, — извиняющимся тоном заметила Ринга. — Просто его здорово напугали. Хочешь — оставайся, я действительно пока заправляю здесь всем, и никто слова не скажет.

Конан отрицательно помотал головой:

— Мне нужно к утру вернуться. Я разыскал одно место, где еще не все нити оборваны. И знаешь, мне все больше кажется, что наше чудовище бродит где-то поблизости, а мы никак не можем его заметить.

— Это же призрак, — напомнила девушка. — Но не такой, что по ночам вылезает из могилы и завывает, пугая мирных горожан. Это оживший страх перед ночью и неназываемыми тварями, что обитают в ней...

Варвар ничего не понял, но на всякий случай согласно кивнул и пообещал:

— Призрак или не призрак, а все одно я его изловлю за хвост и намотаю кишки на уши. Никуда он не денется.

— Хорошо быть уверенным в себе, — еле слышно проворчала Ринга. — И не верить в привидения тоже неплохо...

Они вышли в шелестящий листвою темный сад и остановились. Луна давно зашла, наступало то загадочное время между ночью и рассветом, что кажется самым темным и издавна зовется Часом Волка.

— Все равно мы так толком ничего не смогли разузнать, — с искренним сожалением вздохнула рабирийка.

— Ошибаешься, — поправил ее варвар. — Кое-что теперь перестало быть тайной за семью печатями. Вот скажи, что ты об этом думаешь...

Он пересказал Ринге свой разговор с Линдиссой, поведал о странном поручении, описал усадьбу «Кипарисы» и хозяйствующего в ней неразговорчивого Уркаша, а девушка молча слушала и порой согласно кивала.

— Ты правильно поступил, — заявила она, когда рассказ подошел к концу. — Если ты будешь среди них, то наверняка сможешь выведать гораздо больше. Главное — не увязнуть еще глубже.

— Может быть, — пожал плечами Конан. — Все зависит от того, когда наша рыжая лиса решит, что настала пора действовать. Мне кажется, это наверняка произойдет завтра... То есть уже сегодня днем или вечером. Слушай, может, тебе лучше поехать со мной?

— Не стоит, — подумав, решила девушка. — Днем мне совершенно ничего не грозит.

— Ты запомнила, где находится поместье? Если в городе станет опасно, уходи туда.

— Хорошо, — пообещала Ринга. — Кстати, вот что мне показалось странным. Это существо... Оно было очень сильным и могло преспокойно свернуть мне шею, но почему-то не сделало этого. Оно вообще особо не сопротивлялось, только отталкивало меня и не давало как следует цапнуть. А когда появился Эзаэдро, вот тогда чудовище по-настоящему разозлилось. Непонятно...

— Знаешь, у нас набралось столько непонятного, что от появления еще одной тайны ничего не изменится,— заметил Конан.— Слушай, вот что я подумал... Скоро должен вернуться мой приятель, Мораддин. Он наверняка сперва отправится в «Медную подкову», где мы жили. Попробуй его разыскать и расскажи, что здесь творится, только будь осторожнее, не попадись на глаза кому не надо. Даммарос пообещал пока оставить меня в покое, но кто знает бешеного немедийца... Мне уже столько всего обещали, что, обменяй мы каждое обещание на один золотой, давно стали бы богачами. Например, милейшая Линдисса клялась рассказать все, что они задумывали. Но я ей ни на стертый медяк не верю.

— Вот совпадение! Я тоже. А как выглядит твой друг? — поинтересовалась рабирийка.— Я пошлю слуг Эзаэдро на постоянный двор или схожу сама, но как я узнаю, кто мне нужен?

— Мораддин...— Варвар задумался.— Он похож на туранца, только пониже ростом. Такой лысоватый, с короткой бороденкой, глаза прищуривает. Разговаривает, словно книжник, культурно.— Ринга хихикнула.— Короче, как увидишь — сразу поймешь, что это именно он.

— Ладно, если твой Мораддин появится в Далираме, я постараюсь с ним встретиться. Иди, у тебя не так много времени до рассвета.

Киммерийцу действительно пора было отправляться в дорогу, если он хотел к утру вернуться в «Кипарисы». Однако он не торопился, а вместо этого неожиданно крепко обнял девушку, заглянув в странные золотистые глаза.

— Ты молодец. Честное слово, жаль, что так вышло и тебе пришлось одной драться с этой сволочью.

Ринга довольно замурлыкала, точно и в самом деле относилась к кошачьему роду:

— Пустяки...

— Послушай-ка, бешеная кошка, когда кутерьма закончится, я собираюсь навеститься в Шадизар,— поделился своими планами Конан.— Конечно, городок еще тот, но

умные люди везде смогут неплохо устроиться. Что тебе делать в здешней дыре? Хочешь псехать со мной?

Рабирийка неожиданно вздрогнула, осторожно высвободилась и ответила как-то неуверенно:

— Подождем, пока действительно все кончится. Может, ты тогда больше не захочешь и вспоминать, что я жила на свете...

— Что за чушь! — искренне возмущился варвар, но девушка уже шла к дому. На пороге она обернулась, помахала ему рукой, дверь закрылась, и до Конана долетел скрип задвигаемого засова.

— В конце концов, она не сказала «нет», — разумно заключил он.— Значит, не все потеряно. Вперед, до поместья моей рыжей заговорщицы еще топать и топать...

* * *

Госпожа Линдисса беспокоилась. Впрочем, в последние четыре или пять дней беспокойство стало ее обычным состоянием, но сегодня она просто не могла усидеть на месте. Вдова уже раз десять переставила безделушки на туалетном столике; наведлась на конюшню, лично убедилась, что ее приказ выполняется и конюхи седлают лошадей, а гонец, отправленный с письмом в усадьбу, давно уехал; вернулась в комнату и попыталась заставить себя задремать, но испуганно вскочила, когда рядом заурчало что-то живое.

Это оказалась всего лишь ее собственная кошка, недоумевающая, почему никто в доме не думает ложиться спать, хотя уже середина ночи. Кошка недовольно глядела на женщину сверкающими зеленоватыми глазами и стала упрямо вырываться, когда хозяйка взяла ее на руки.

— Ах, Сай, Сай, что же мне делать? — с тоской спросила у пушистого белого зверька Линдисса. Кошка, разумеется, ничего не ответила, прыгнула со стола на пол и ушла, распушив гордо задранный хвост.— Ну как же мне быть?

Сегодня все должно было решиться, и Линдисса от души надеялась, что наступивший день станет последним днем ее пребывания в скучном и пыльном Далираме. Впрочем,

если сильно не повезет, этот день может стать вообще последним в ее не столь уж и долгой жизни.

Линдисса имела все основания быть довольной собой: несмотря на неудачи, она как никогда была близка к успеху. Да к какому успеху! Иштар и Митра, она будет богата, как ни одна женщина в мире, она будет свободна и сможет сама выбирать, как ей жить! У нее будет все... Если она уцелеет и все пройдет, как задумано. За что же боги так рассердились на бедную вдову, что оставили в последний миг без всякой поддержки? Нет, конечно, просто невероятная удача, что почти все дружки Гебера погибли: теперь ей не придется ни с кем делиться. Однако необходимо довериться хоть одной живой душе, а в последние дни Линдисса начинала подозревать всех и каждого в намерениях прикончить ее. Даже Чари, преданнейшую старую Чари. Даже человека, вместе с которым задумала и почти осуществила свой замысловатый план. Даже Уркаша, хотя пожилой гирканец вообще представления не имел, во что его втянула госпожа... Впрочем, даже знай он все подробности, наверняка не стал бы отказываться от участия. Но Уркаш еще не раз понадобится хозяйке, и он, надо посмотреть правде в глаза, дряхлый старик. Нет, отрядом должен командовать кто-то другой...

«Варвар, варвар и еще раз варвар.— Линдисса упала в кресло, тут же снова вскочила и выбежала на открытую веранду.— Здесь все совсем плохо... Нет сомнения, сделать-то Конан все сделает, но как с ним быть потом? И еще эта ночная бойня...»

Женщина не без основания предполагала: когда дело подойдет к завершению, варвар поймет, что произошло, и взбесится. Он наверняка потребует увеличить свою долю, но, впрочем, золото не имеет большого значения. Конан может выдать ее. Может забрать добычу себе и исчезнуть в бескрайней степи, как дым... Дым, определенно тянущийся в сторону Шадизара. А вот это уже совсем плохо, ни до единого человека в Шадизаре не должны дойти вести из тихого Далирама! Прискорбно, но от наемника придется избавиться как можно скорее. А жаль, очень жаль... Бедня-

га, он еще надеялся вызнать, что затевали люди из городка! Об этом уж точно никто и никогда не узнает!

«А подружка киммерийца? — озабоченно подумала Линдисса.— Она наверняка прячется где-то в городе... Интересно, доверял ли он ей? Она может знать много лишнего... Ладно, в конце концов, она ничто. Варвар никогда больше не вернется в город, а ей никто не поверит, да и все сейчас больше заняты разделом власти, нежели нашими маленькими незаметными делишками. Пусть она хоть выйдет на базарную площадь и закричит — ее не услышат. Ладно, наплевать на подружку. Главное — не наделать ошибок. Только бы все получилось! Ох, только бы получилось! Уркаш прикончит варвара, мы заберем добычу и... Прости-прощай убогий Далирам! Не выйдет у него — сама что-нибудь придумаю. Заморочить голову болвану-наемнику — проще простого. Судя по тому, что о варваре рассказывали, мне казалось, он несколько умнее... Или... Или он сумел обмануть меня, прикинувшись солдафоном-тупицей?»

Размышляя, Линдисса бездумно перебирала нитку жемчужных бус и слишком резко дернула ее. Тонкая жилка лопнула, бусины с коротким сухим треском раскатились по полу, и немедленно возникшая неизвестно откуда Сай принялась гонять шарики по всем углам.

— Сай, прекрати! — сердито крикнула женщина, но кошка не обратила на приказ хозяйки ни малейшего внимания. Линдисса уже собиралась запустить в непослушное животное чем-нибудь тяжелым, когда в комнату сунулась Чари:

— Все готово, госпожа. Можно отправляться.

— Поймай эту негодяйку и сунь в корзину, — распорядилась Линдисса.— Захватчу с собой.

Четыре оседланные лошади, топтавшиеся и громко фыркавшие во дворе дома, предназначались для самой госпожи и трех ее телохранителей. Ближе к утру из города в поместье «Кипарисы» отправятся две повозки, нагруженные наиболее ценными вещами, в сопровождении Чари и остальных слуг и еще одна повозка — пустая. Даже если все закончится полным крахом (Линдисса не позволяла

себе ни малейшего колебания по этому поводу: все должно получиться как задумано!), она все равно не вернется назад. Хватит с нее городка!..

Кони, позвякивая сбруей, медленно один за другим вышли на темную улицу. Факел в руке головного всадника бросал неясные отблески на соседние спящие дома. Линдисса оглянулась на покидаемый дом, тихий и как будто сразу опустевший, хотя в нем оставалось еще не меньше десятка человек. Что ж, это не первый и не последний оставляемый ею дом. Очень скоро она купит себе другой, гораздо больше и богаче. В Аграпуре или в одной из блестящих закатных столиц... Хотя будет скучать по старой усадьбе. Два года, проведенные в Далираме, были, признаться честно, не самыми худшими в жизни. Могла ли она раньше даже мечтать о подобном — менять поместья, как надоевшие платья; не задумываться о том, на что жить завтра и обдѣлывать столь рискованные делишки, что у самой дух захватывало? Она, маленькая Линд, третья из шести детей вечно пьяненького сапожника из Нумалии, умудрявшегося просаживать в кости больше денег, чем зарабатывал за день? Когда папаша наконец помер, перед облегченно вздохнувшим семейством открылась прекрасная возможность оказаться на улице: папенька оставил столько долгов, что рассчитаться с ними не хватило бы целой жизни.

«Мамаша только квохтала, будто наседка, и завывала: «Что нам делать? Ах, что же нам делать?» — Линдисса невольно скривилась, вспоминая давно минувшие дни. — Да, на большее она была неспособна! Старая жирная свинья! Все повесила на меня, а сама только и знала, что рыдать дни и ночи напролет!»

Малышка Линд, которой недавно исполнилось шестнадцать, после лихорадочных размышлений отыскала выход. Перерыв многочисленные расписки отца, она нашла письменные напоминания, полученные им от крупных ростовщиков города, с настоятельными требованиями вернуть взятые суммы. Пользуясь образцами почерков, она подделала кредитные письма и сумела получить по ним достаточно золота, чтобы расплатиться с долгами, оставить не-

много семье и побольше — себе. Затем юная начинающая мошенница как можно быстрее удрали из города вместе с караваном, идущим в Коринфию. Где-то на границе Немедии и Коринфии Линд, дочь Зуга, навсегда отправилась к Нергалу и ко всем существующим демонам, а ее место заняла госпожа Линдисса. Знатная дама в скором времени перебралась в Шадизар, где успешно освоила нелегкое ремесло облапошивания ближних своих. Настолько успешно, что однажды ей пришлось в большой спешке бежать отсюда и на два долгих года затаиться в глухой провинции.

«И выйти замуж за такого олуха, как Райнак!» — зло напомнила себе Линдисса.

Он оказался единственным в городке, кто был способен защитить ее от мести обманутых шадизарских дельцов... И не более того. Когда Райнака разорвала неведомая тварь, новоиспеченная вдова не ощутила даже малейшего сожаления. Вместо этого она позаботилась о том, чтобы подчинить себе его шайку головорезов. Тогда она еще не знала, зачем тупые громилы могут ей пригодиться, но позже с радостью убедилась, что, как всегда, предусмотрительность ее не подвела.

...Четверо всадников миновали центр города и теперь рысью направлялись к заставе у Старой Башни. Глубоко задумавшаяся Линдисса не заметила странной, пригибающейся к земле тени, выскользнувшей из непроглядной темноты переулка и бросившейся наперерез лошадям.

Неизвестный, стремительно проскочив мимо охранников, повис на поводьях лошади Линдиссы. Породистая кобылка от неожиданности совершенно по-человечески пронзительно завизжала и взвилась на дыбы. Растерявшаяся женщина вскрикнула и едва не вылетела из седла, а пришедшие в себя телохранители бросились на помощь госпоже. Впрочем, им только казалось, что они могут помочь ей. Лошадь мотала головой и пятилась, человек одной рукой удерживал ее на месте, а второй вцепился в ногу женщины, пытаясь вытащить всадницу из седла. Линдисса завопила во весь голос и отчаянно задержалась, чудом удерживаясь на спине пляшущей кобылки. Ей казалось, что ее, еще живую и полную сил, обезумевший демон волочет прямо в Мир

Мертвых, и отбивалась как могла. Один из охранников ткнул в нападавшего кинжалом и, кажется, попал в цель — неизвестный отпустил женщину и взвыл.

На мгновение Линдисса увидела неясно освещенное раскачивающимся факелом лицо без малейшего признака разума. Острейшие оскаленные клыки, горящие мертвым зеленоватым огнем выкаченные глаза, серая дряблая кожа, как у мертвеца... Линдисса никогда не думала, что может так закричать. Ее собственный дикий вопль еще долго звенел у нее в ушах, даже когда она поняла, что опасность миновала, а жуткое создание растворилось в сумраке.

— Госпожа! Госпожа, что случилось?

Женщина с огромным трудом взяла себя в руки и испуганно огляделась, ожидая снова увидеть леденящий душу призрак, возникший рядом с ней.

«До смерти не забуду...— мелькнуло у нее в голове.— Неужели это оно и было? Существо, что покончило с Гебером и остальными?»

Но никакого ожившего кошмара не было. Его спугнул ночной патруль немедийцев, проезжавший по улице и привлеченный шумом и криками. Старший патруля озабоченно заглянул в лицо почти потерявшей сознание женщины, которую заботливо поддерживал телохранитель, и окликнул ее:

— Госпожа, с вами все в порядке?

— Да, почти,— наконец сумела выговорить Линдисса.— На меня напало...

— Кто? — быстро спросил немедиец.— Кто напал?

Женщина открыла рот, чтобы сказать: «Чудовище», но, резко дернув головой, отчетливо произнесла:

— Наемник. Человек, которого разыскивают за недавние убийства. Его имя известно — Конан из Киммерии!

«Надеюсь, он об этом никогда не узнает,— добавила она про себя.— Иначе мне не жить: он меня разыщет и прикончит. Но если он удерет от Уркаша и сунется в город, ему конец. Ну и нечего было мне указывать, что я должна делать, чего не должна! И любопытен не в меру...»

Глава тринадцатая

При свете нарождающегося дня поместье госпожи Линдиссы оказалось небольшим, с весьма добротно выстроенным одноэтажным домом, крыша которого на углах была украшена резными фигурками крошечных шипящих дракончиков. Кованые бронзовые ворота стояли полуоткрытыми, и единственным сторожем при них оказался Куйо. Заметив приближающегося со стороны города человека пес настроился было облаять его как следует, но, приняв хавшись и узнав ночного гостя, раздумал и замахал хвостом.

— Один ты здесь хоть немного соображаешь,— усмехнулся Конан.

Собака в ответ оглушительно гавкнула, точно выражая полное согласие, и снова улеглась в жидкой тени ажурных створок.

Джикис, как и подозревал киммериец, оказался изрядным треплом и уже успел разболтать всем и каждому, что отныне разношерстным отрядом командует жуткий варвар, явившийся прямоком из диких северных стран. Коекому это сообщение пришлось не по нраву, и не успел назначенный госпожой Линдиссой новый командир войти в ворота, как ему мгновенно предложили убраться туда, откуда он взялся.

Краткий, но напряженный разговор плохо закончился для рискнувших заикнуться о своем несогласии с мнением госпожи Линдиссы. Двоих унесли приятели, третий так и

остался валяться во дворе возле колодца. На него вылили уже несколько ведер воды, но придти в сознание пострадавший от железного кулака Конана упорно отказывался. Добровольные спасатели вскоре потеряли терпение и предоставили несчастного собственной судьбе. Больше желающих подставлять свою голову и оспаривать право варвара распоряжаться не сыскалось. Кроме того, варвар сам заявил, что это всего на один день, а дольше он тут задерживаться не намерен. Даже за все золото Заморы.

Послуживший виновником заварушки Джикис предусмотрительно спрятался, зато Уркаш получил от представления огромное удовольствие, подзадоривая участников и заливаясь дребезжащим хохотком.

Отряд оправдал худшие опасения Конана. Три или четыре человека в нем действительно чего-то стоили, но остальные... Как вышибалы в третьеразрядном трактире они не знали себе равных, однако ни на что более серьезное совершенно не годились. Во всеуслышание высказав свое мнение по этому поводу, киммериец устроил поголовную проверку снаряжения и оружия. Беглый осмотр привел к неутешительному выводу: почти все содержится в удивительно безобразном состоянии. Окончательно расшатавшийся наемник разогнал изрядно струхнувших подчиненных, пригрозив, что к полудню повторит испытание и, если ему снова попадется хоть один клинок со следами ржавчины, владелец такового может смело прощаться с жизнью.

Угроза, к счастью нерадивых вояк, так и не была выполнена. Солнце еще не поднялось над вершинами близких Кезанкийских гор, когда из города на взмыленной лошади примчался гонец, который привез обещанное послание от Линдиссы. Видимо, его забыли предупредить, кому именно надо передать письмо, и он попытался вручить пергамент Уркашу. Старик хмыкнул и отправил растерянного гонца к впавшему в мрачное настроение варвару. Увидев нового предводителя отряда, посланник потерял дар речи и задумался над тяжелейшим вопросом: стоит ли вручать привезенное сообщение громадному дикарю, который если и может что в руках держать, так только меч, а о грамоте и

искусстве письменного сложения слов и понятия не имеет? После долгого раздумья гонец решил, что лучше заново попробовать убедить Уркаша не валять дурака и взять послание, а к этому громиле просто не приближаться. Но Линдиссиному посланнику не повезло: киммериец заметил нового человека и хмуро осведомился, какого демона он тут шлется.

— Это тебе письмо привезли, да не знают, отдавать или нет, — немедленно съехидничал Уркаш. — Вдруг ты вовсе ничего не поймешь?

— Если один дурак решил, будто я не умею читать, то он глубоко ошибается, — огрызнулся Конан и повернулся к гонцу. — Давай сюда послание!

Письмо Линдиссы оказалось довольно незамысловатым, и, разобравшись в его содержании, киммериец с досадой сплюнул и приказал Уркашу готовить отряд к выходу на дело. Теперь почти все части головоломки встали на свое место, и варвар мысленно выругал себя последними словами за то, что не догадался раньше связать воедино очевидные факты. Впрочем, любая загадка выглядит легкой, когда тебе подскажут ответ.

Таинственное поручение госпожи Линдиссы сводилось к следующему: немедленно покинуть поместье и отправляться к горам, держась поблизости от Дороги Королей. Через пол-лиги или около того Дорога начинает петлять по переходящим друг в друга ущельям. В одном из них требуется отыскать удобное место, затаиться и ждать. Сколько — неизвестно. Кого...

Вот тут-то Конан и почувствовал явно ощутимый запах опасности. Линдисса утверждала, что в течение дня со стороны Турана появится караван, сопровождаемый маленькой — не более десяти человек — охраной. Охрану, само собой, следовало перебить или любым иным способом обезвредить, караван перегнать к поместью «Кипарисы», куда в скором времени прибудет и сама дэлирамская заговорщица.

Заканчивалось послание слегка язвительным пожеланием удачи и выражением надежды на скорую встречу...

«Как же мы сразу не сообразили! — Мрачный варвар сидел на ступеньках парадного входа в поместье и наблюдал, как его отряд, переругиваясь, собирается в недалекий поход. — Важные новости из Турана, о которых никто не должен узнать, хитроумный план Гебера и близкая Дорога Королей... Неясно только, каким боком к этому привязать резню и нашу ночную тварь, но наверняка и им отыщется подходящее объяснение. Значит, вот в чем дело! Караван... Небольшой караван из Турана. Что же такое могут везти купцы, за которыми охотится Линдисса?»

Захват и последующий грабеж караванов на Дороге Королей были делом вполне привычным. Чаще всего эти события, плачевные для торговцев, которые вложили изрядные суммы в груз каравана, происходили в Карпашских горах, на границе Заморы и Коринфии, но порой случались и здесь, в Кезанкии. Карела со своим отрядом года четыре назад навела изрядного страху на купцов, умудрившись просто перекрыть Дорогу и собирая со всех проезжающих то, что она именвала путевой пошлиной. Правда, ее застава продержалась недолго и была в пух и прах разгромлена коринфскими Стражами Дороги, но добыча, помнится, иногда случалась такая, что вырученное золото пропивали в Шадизаре месяц, если не два.

«Невероятно, конечно, однако вот бы сейчас откуда-нибудь появилась Ястреб... Ее люди давно освоили все хитрости такого непростого ремесла, как облегчение купеческих верблюдов от лишнего груза, — подумалось Конану. — Никто бы и пикнуть не успел, не говоря о том, чтобы запомнить такие мелочи, как приметы нападавших да сторона, куда скрылись разбойники».

Варвар покрутил в руках послание из Дэлмирама, достал кинжал и принялся бездумно кромсать твердый пергамент на мелкие полоски, разлетавшиеся по двору. Одна подлетела к дремавшему псу, тот проснулся, обнюхал присевший рядом светло-коричневый завиток и недоуменно посмотрел на человека — мол, чем это ты занимаешься?

«Линдисса, может, немного и смекает в закручивании интриг, но явно совсем не разбирается в устраивании засад и

прочих подобных делах. Если караван везет нечто ценное (а это наверняка, иначе зачем было и затевать нападение!), вряд ли при купцах окажется маленькая охрана. Караван из Турана — значит, так просто взять не удастся. Стражники перебьют столько нападающих, сколько сумеют...» От бесплодных размышлений киммериец перешел к более практическим соображениям. Вопрос стоял прямо: как же выполнить поручение вдовы? Да, задачка не из легких, особенно если принять в расчет полную неспособность доставшихся ему под начало болванов хоть недолго продержаться в серьезном бою. Милейшая вдовушка напрасно пожмотничала и собрала в отряд всю эту шушеру. Было б время, киммериец успел бы облазить здешние окрестности и отыскать местечко для сооружения ловушки, из которой никто бы не выбрался. Например, где можно наглухо завалить камнями узкий отрезок Дороги. Но времени-то у него как раз и нет...

«Значит, единственная возможность осуществить задуманное — напасть неожиданно, — рассудил Конан и посмотрел, как идут дела у подчиненных. К его удивлению, отряд собрался и даже сумел выстроиться в некое подобие шеренги. — Желательно сверху: под горку бежать всегда легче и перестрелять не успеют. Добежать и сразу же постараться смять охрану. Да, и непременно поставить кого-нибудь на выходе из ущелий присматривать за караванщиками, чтобы не разбежались. У опытных купцов ума хватит под шумок смотаться. Потом остаются пустяки: довести караван до поместья... А уж там госпожа Линдисса ответит мне на все вопросы!..»

Бледно-золотистый солнечный диск только-только до половины показался над обгрызенными ветром и временем вершинами Кезанкийских гор, когда отряд в два с лишним десятка человек покинул уединенную загородную усадьбу и прямо через степь направился к Дороге Королей. Возле дома остались лишь двое: старый Уркаш и сторожевой пес Куйо.

* * *

Подходящее место отыскивалось гораздо ближе к поместью, чем рассчитывал предводитель отряда. Коричнево-

красные скалы подступали здесь к Дороге вплотную, а на высоте в три или четыре человеческих роста тянулся почти незаметный снизу узкий карниз. Место выглядело просто созданным для засад, если не обращать внимания на такие мелочи, как необходимость сидеть на карнизе совершенно неподвижно (иначе целые пласты хрупкого камня рассыпались и съезжали вниз) и то, что к полудню в ущелье можно было попросту изжариться заживо. Никаких деревьев и даже кустов, разумеется, в округе не росло, а жиденькая тень, казалось, приносила больше мучений, чем прохлады.

Порядок действий в подобных случаях сложился уже давным-давно. Отряд разделился на две части, занявшие места по обеим сторонам Дороги. Двоих человек, выглядевших наиболее сообразительными, Конан послал дальше вверх по ущелью — смотреть в оба и предупредить, когда покажется караван. Еще трое спрятались за камнями там, где Дорога выбиралась из горного распадка в степь, — следить, чтобы никто из караванщиков и уцелевшей охраны не попытался дать деру. Остальные, недовольно ворча, заняли свои места над белой полосой Дороги, которая ослепительно блестела под отвесно падающими лучами солнца.

Киммериец мельком пожалел, что на весь отряд имелось только пять арбалетов. Найдись у Линдиссиных молодцов еще с десяток самострелов или легких степных луков, нападение прошло бы с самыми небольшими потерями: вначале быстро перестреляй охранников, а потом подходи и бери караван голыми руками. Теперь же придется подождать, пока цепь всадников поравняется с засадой, и лишь затем внезапно свалиться ничего не ожидающим торговцам на головы. Разумеется, непременно выищется какой-нибудь идиот с шилом в заднице, страдающий полнейшим отсутствием терпения, и ему непременно приспичит завопить в самую неподходящую минуту, несмотря на все полученные предупреждения. Ну и ладно, лишь бы заорал после того, как весь караван войдет в ущелье. Иначе дело будет безнадежно испорчено.

День тянулся страшно медленно, будто кто-то из богов нарочно задерживал течение времени. Четкие черные тени

съезживались, становясь все короче и уползая под потрескавшиеся от жары камни. В ущелье даже ящерицы не водились, такое здесь стояло пекло. Захваченные из поместья бурдюки и кувшины с водой опустошались тем быстрее, чем выше поднималось солнце.

«Интересно, может быть, Линдисса решила нас всех здесь уморить? — Эта пакостная мыслишка уже который раз возникала в голове у варвара и упорно не исчезала. — Может, и нет никакого каравана, и вообще ничего нет, а только мы сидим тут неизвестно зачем... Вот что, подождем еще немного и свалим отсюда. Наплевать на Линдиссу... И на ее золото тоже наплевать. Покойнику, как известно, оно совершенно ни к чему, а мы тут скоро окончательно свихнемся и перемрем».

Погрузившись в такие мрачные размышления, Конан даже не услышал, что его окликают. Один из караульчиков на выходе из расщелины покинул свой пост и стоял внизу, громким шепотом требуя позвать предводителя отряда.

Выяснилось, что к ущелью со стороны города приближается одинокий всадник. Это было довольно странно. Кому может понадобиться покидать город в середине дня, то есть по самой жаре? В путь обычно отправляются либо рано утром, либо под вечер. Да если вспомнить, что городок все еще находился в кольце патрулей, то дело становилось еще более непонятным. Всадник, без сомнения, ехал из Дэлирама, а не из «Кипарисов» или разбросанных по округе редких поместий и, судя по всему, направлялся напрямик к распадку между гор. Он с равным успехом мог оказаться как посланцем от Линдиссы с какими-нибудь новостями (скорее всего, не слишком обнадеживающими), так и мирным горожанином, внезапно решившим навестить свою престарелую троюродную тетюшку, проживающую в Туране. Короче, стоило пойти и самому взглянуть на непонятное явление. Так Конан и поступил, с величайшим удовольствием покинув узкий, отвратительно твердый карниз и спустившись вниз.

Караульные не наврали: по Дороге, приближаясь к предгорьям, действительно резвой рысью скакала лошадь, под-

нимая за собой размытый шлейф пыли. Всадник то и дело внимательно озирался по сторонам, явно выискивая что-то в пустынной степи.

— Это не наш,— уверенно заявил один из сторожей.

— Ну и пусть тогда катится,— буркнул киммериец.

Посторонние прохожие и проезжие сейчас были вовсе не желательны, но этот вроде скакал один и, похоже, не представлял никакой опасности. Странно, есть в фигуре всадника что-то знакомое... Варвар прищурился, не вполне доверяя своим глазам после долгого пребывания на ярком солнце и пытаясь пристальнее рассмотреть малорослого человека, восседавшего на коротконогой лошаденке.

— Провалиться мне на этом месте...— спустя некоторое время вполголоса пробормотал Конан.— Мораддин!

Всадник успел приблизиться к засаде настолько, что сейчас можно было без всякого труда разглядеть черты его лица. И действительно, по направлению к Кезанкийским горам скакал бывший сотник личной гвардии туранского правителя собственной персоной. Вид его был чрезвычайно озабоченным, а кислая гримаса на лице обещала Конану полный день новых нравоучений. Шагах в десяти от прятавшихся за камнями сторожей Мораддин съехал с Дороги, натянул поводья, останавливая лошадь, и свесился вниз с седла, пытаясь хоть что-то увидеть на выжженной солнцем и вытоптанной земле.

— Свой,— бросил Конан насторожившимся караульным и выбрался на Дорогу, во весь голос крикнув Мораддину: — Эй, ты там не вчерашний день случайно потерял?

Гном-полукровка чуть вздрогнул, выпрямился и с высоты лошадиной спины укоризненно взглянул на ухмыляющегося приятеля, донельзя довольного удавшейся проделкой:

— Не сомневался, что Конан из хорошей страны Киммерии околачивается поблизости! Встречай!

Кобылку отвели в естественное укрытие, образованное несколькими валунами, скатившимися со склонов гор и глубоко зарывшимися в землю. Там же устроились и расставшиеся всего несколько дней назад — а казалось, про-

шла целая вечность! — компаньоны. Заговорили они одновременно.

— Как ты меня нашел? — удивленно спросил Конан.

— Хотелось бы узнать, что происходит вокруг,— в свою очередь ядовито поинтересовался Мораддин.— Я оставил тебя всего на пару дней с полными карманами денег, а вернулся и обнаружил, что тебя разыскивают по всему городу! Повторение султанапурских безобразий? Говори, в какую историю ты влип на этот раз?

— Ерунда,— не вдаваясь пока в подробности, отмахнулся киммериец.— Лучше скажи, ты уже знаешь, что стряслось в этом тишайшем городишке?

— Да,— кивнул гном.— В самых общих чертах. Но история занятная и, я даже сказал бы, захватывающая... Послушай, может, мне лучше начать с самого начала? Сдается, у нас есть что рассказать друг другу... И скажи на милость, что вы все здесь делаете? Пытаетесь стать мучениками во имя Митры или просто хотите зажариться ради собственного удовольствия?

— Ждем,— отрезал варвар.— Давай рассказывай, пока время есть. Ты когда приехал?

— Сегодня рано утром,— отозвался бывший гвардеец.— И сразу отправился на постоянный двор, как его...

— «Медная подкова»,— напомнил Конан.

— Верно, именно туда,— согласился Мораддин.— К моему крайнему удивлению, тебя там не оказалось. Мало того, тамошний хозяин сохранил о твоём пребывании в его гостинице исключительно неприятные воспоминания. Самым мягким из употребленных почтенным Барраксом по твоему адресу выражений было «тупая скотина». Я, кстати, склонен с ним согласиться...

— С чего бы это? — хмыкнул Конан.— Его развалюха как стояла, так и стоит, даже двери остались на месте. А пара сломанных скамеек — это такие мелочи!

— У хозяина трактира сложилось прямо противоположное мнение,— откликнулся Мораддин.— Так или иначе, но досточтимый Барракс представления не имел о том, где ты можешь находиться. Однако с большим нетерпением

ем ждал того счастливого дня, когда ты окажешься за решеткой.

— Сдохнет, а не дождется, — буркнул киммериец. — Ну а дальше что?

— Дальше я слегка растерялся, — честно признался гном. — Тому, что ты опять ввязался в невероятную авантюру, я уже не удивился. Похоже, это твое основное и любимейшее занятие в жизни. Но мне очень хотелось бы знать, какое конкретно приключение увлекло тебя сейчас. Впрочем, нет сомнений, тебе обещали хорошо заплатить. — После этих слов Мораддин тяжело вздохнул, а Конан закрыл глаза. — Кроме того, я успел понять, что в городе происходят не совсем обычные дела, и собирался поточнее разобраться, в чем дело. Для начала я решил навестить какого-нибудь представителя городской власти...

— И как? — ехидно осведомился варвар. — Нашел хотя бы одного?

— Невероятно, но все они оказались покойниками, — признал удивительный факт туранец и с интересом посмотрел на варвара. — Сначала решил, что ты поработал. Между прочим, всеми делами в городке управляет некий немедийский капитан...

— Даммарос, — уточнил Конан, привычно пропуская мимо ушей Морадиновы колкости. — Кстати, как он поживает?

— Скорее плохо, чем хорошо. Мне месьор капитан показался донельзя озабоченным, а ведь день еще толком не начался! Он не знал, где ты находишься, но сообщил, что ловишь для него какого-то убийцу. Это так?

— Почти, — немного подумав, признал киммериец. — Правда, я еще никого не поймал. Однако не все потеряно...

— И еще немедиец добавил, что, если ты этого не сделаешь, он тебя разыщет хоть на другом конце света и постарается повесить, потому как ему до смерти надоели всякие разные наемники со своими выходками и невыполняемыми обещаниями, — язвительно сообщил Мораддин.

— Пусть сначала поймает, — беспечно отозвался варвар. — А если вешать всех раздающих обещания направо и

налево, то придется весь городок развесить по деревьям... Слушай, а тут и приличных деревьев-то нет!

— При желании всегда можно отыскать замену, — задумчиво заметил гном. — Так вот, после краткой беседы с господином градоправителем я отправился разыскивать тебя. Дэлiram — городок небольшой, а где ты имеешь привычку прятаться, я уже уяснил. Удивительно, если тебя искала стража, то каким образом доблестные блюстители не схватили подозреваемого сразу? У нас в Аграпуре мигом бы выловили и бабку оттапали... — Мораддин слегка улыбнулся, видимо вспоминая давно прошедшие славные деньки службы в тайной гвардии туранского властелина, но, спохватившись, продолжил: — Я просто не успел доехать.

— А что так? — поинтересовался киммериец. — Обстоятельства помешали?

— Женщина, — кратко сказал Мораддин. — Меня остановила женщина.

— Какая? — Конану неожиданно пришла в голову совершенно нелепая мысль: а вдруг о существовании Мораддина пронюхала Линдисса?

— Маленькая, темноволосая, — описал свою недавнюю собеседницу гном. Потом подумал и добавил: — Довольно милая, хотя со странностями.

— Чего-чего, а странностей у нее на самом деле хоть отбавляй, — с готовностью согласился варвар. — Это Ринга, моя... м-м-м... подружка. Я попросил ее встретить тебя. Ну и что она сказала?

— Для начала спросила, как меня зовут. А когда моя мышка выползла из-под плаща посмотреть, с кем я говорю, девица пришла в восторг и сразу попросила продать зверька... — несколько растерянно сказал Мораддин, давно привыкший, что представительницы прекрасного пола относятся к его необычной ручной зверюшке с плохо скрываемым отвращением. Белая летучая мышь, услышав, что говорят о ней, высунула мордочку из складок плаща хозяина, но незамедлительно спряталась: для нее снаружи было слишком светло и слишком жарко.

— Ну и на какой сумме вы стоворились? — едко осведомился Конан, не скрывая улыбки.

— Ни на какой! Ты продал бы свой меч? — отрезал гном, однако отдал должное настойчивости девушки: — Впрочем, красавица была очень убедительна. Первый раз встречаю женщину, которой понадобилась летучая мышь...

— С нее станется... — проворчал варвар, подумав, что только рабрийке могла прийти подобная идея — завести жутковатого любимца. — Ладно, так что Ринга рассказала?

— Что ты находишься за городом, в поместье «Кипарисы». Что в городе прошлой и позапрошлой ночами происходило настоящее побоище. Что ты и она оказались в этом замешаны, так же как и еще какие-то люди, — добросовестно перечислил Мораддин. — Затем она подумала и добавила, что если мне требуется срочно отыскать тебя, то в поместье, скорее всего, никого не будет, а стоит пошарить по округе, ближе к Дороге Королей. И просила тебе передать. — Он сделал паузу, вспоминая, как в точности прозвучала фраза. — Да, она сказала вот так: «Что-то приближается с восхода, и в этом все дело».

«Об этом я и сам догадался, — подумал киммериец. — Хотя, кажется, поздновато...»

— Так, может, теперь объяснишь мне, неразумному потомку подгорных гномов, что ты затеял? И ради чего торчишь на этой сковородке?

— Я совершенно ничего не затевал, — пояснил Конан. — Работает местная шайка. Они затеяли какую-то лихую проделку, запутались сами и окончательно запутали всех остальных. Впрочем, может, именно этого они и добивались. А поджидаем мы караван.

— Караван? — встревоженно переспросил гном. — Какой караван?

— Сам пока не знаю, — честно признался варвар. — Увидим — разберемся. Только мне сильно кажется, что ничего мы не дождемся, даже если будем сидеть тут до ночи.

Мораддин неожиданно пристально уставился на пожелтевшие стебли давно высохшей степной травы, как будто заметил на скрученных листочках нечто захваты-

вающе интересное. После длительного молчания, нарушаемого только фырканием пасущейся кобылки, он негромко произнес:

— Понимаешь, какое дело... Пока я был в Арэнджуне, до меня дошли некоторые слухи... От людей, которым я доверяю...

— Ну и? — нетерпеливо подтолкнул замолчавшего приятеля варвар.

— Там в ближайшие дни ожидают караван. Не простой, а какой-то особенный. Ждут исключительно серьезные люди, с которыми я связываться совсем не хотел бы.

— Особый караван ждут в Арэнджуне? — медленно, с расстановкой повторил киммериец. — Та-ак... Ну, госпожа Линдисса, удружила! Убью рыжую ведьму!

— Мне кажется, вы подкарауливаете именно его, — невозмутимо заметил гном. — И желаете перехватить, если я правильно понял?

— Если что здесь и понятно, то лишь одно: я оказался в еще более глубокой заднице, чем думал! Вот сволочь! — Конан вскочил и схватился за меч. Возмущению его не было предела. — Нет, ты подумай, какая тварь!

— Кто? — на всякий случай уточнил Мораддин.

— Незажно! Одна баба, — огрызнулся варвар. — Главное — что нам теперь делать? Связываться с Арэнджуном и его хозяевами может только полный безумец, а я еще с ума не сошел!

Он стремительно прошелся вправо-влево и несколько раз с яростью пнул ни в чем не повинную каменную глыбу, валявшуюся неподалеку. Мораддин наблюдал за поведением варвара с легким изумлением, но молчал, так как давно привык к тому, что недовольство у приятеля обычно выражается в неистовом крушении любых подвернувшихся под руку предметов.

— Ты, наверное, родился недоношенным, — невинным голосом сообщил гном. — Или твоя мама, будучи на сносях, испугалась душевнобольного...

Конан не обратил на колкость ни малейшего внимания, вслух решая куда более важный и насущный вопрос:

— Смыться, и пусть разбираются сами? Проклятие, если в Аренджуне хоть одна живая душа пронюхает, что не обошлось без меня... Из-под земли вытащат, разделают на куски, а потроха скормят дворовым псам!

— Тогда нас больше ничто здесь не задерживает,— высказал свое мнение рассудительный Мораддин.— Заедем в город, заберем твою подругу и исчезнем. Предлагаю равнать в Бельверус или Тарантию, а Аренджун с Шадизаром обойти с юга, от греха подальше. Нечего там делать, а то опять с твоими способностями влипнешь в историю. Кстати, где твоя лошадь?

— М-м-м...— только и ответил варвар, мгновенно припомнив, куда подевался гнедой гирканский жеребец, а также любопытные подробности о пропаже и возвращении неких самоцветов, а также данные обещания... Чем дальше, тем опаснее выглядело затеваемое дело, но разве опасения за свою шкуру могут служить подходящим поводом, чтобы бросить начатое на середине? И кроме того, между «не рискнуть» и «рискнуть» Конан почти всегда выбирал последнее.— Нет! Я никуда не еду.

— То есть как? — не понял встревожившийся гном.— Погоди, что ты хочешь этим сказать?

— Я остаюсь здесь ждать треклятый караван! — рявкнул киммериец и попытался растолковать недоумевающему приятелю: — Понимаешь, я надавал кучу обещаний, не собираясь, впрочем, их выполнять. А теперь придется. Иначе... Слушай, ну не умею я объяснять, почему да отчего я делаю именно то, что делаю! — Окончательно запутавшись в словах, Конан махнул рукой и снова уселся на теплый валун.— Уезжай, тебя-то мои трудности совсем не касаются.

— И не подумаю,— тихо, но непреклонно ответил Мораддин.— Я успел вдоволь насмотреться на творящееся в Аренджуне. А в Шадизаре, судя по рассказам, куда хуже. От торговли дурительным зельем до самой черной магии... Если задуманное обитателями здешнего городка сможет как-то расстроить их дела, буду очень рад немного помочь!

— А если вовсе наоборот? — немедленно поинтересовался Конан.— Вдруг в городке орудуют соперничающие шайки от господ из этих городов? Это же Замора! Здесь каждый гребет только под себя.

— Замора в этом отношении ничуть не отличается от любой другой страны,— здраво заметил бывший сотник.— И потом, не могу же я бросить тебя одного отдуваться за все! Пропадешь ведь...

— Ну спасибо,— хмыкнул варвар.

Хотя, если честно, в грядущей заварушке помощь Мораддина могла оказаться неоценимой. Только понимает ли сам потомок гнома, во что лезет? Это же почти то же самое, что пойти и плюнуть в рожу каждому из аренджунских дельцов! М-да, вот вам и милая рыжая красotka! А если дело с захватом каравана удастся, как поступить тогда? Как и договаривались, перегнать караван в поместье? Боги и демоны, сколько же должен стоить таинственный товар, перевозимый из Турана?! Даже представить боязно... Что ж такое могут везти купцы? А какой визг поднимется в Аренджуне, когда там совершенно ничего не дождутся... Подобным захватывающим дух дельцем можно будет по праву гордиться до конца жизни. Ладно, караван еще нужно захватить, а потом решать, что с ним делать.

«А если Линдисса полагает, что отделается от меня какой-то жалкой третью, то глубоко ошибается! Половина, не меньше! Если не больше...»

Похоже, эти размышления столь явно отразились на лице киммерийца, что Мораддин, не удержавшись, фыркнул и заявил:

— Готов поспорить, сейчас угадаю, о чем ты думаешь. Подсчитываешь будущие доходы, верно? Послушай, дорогой варвар, существует в мире что-нибудь, помимо денег, способное тебя заинтересовать?

— Наверное, но я пока не знаю, что это такое,— не задумываясь, откликнулся Конан.

Гном горестно вздохнул, смирившись с мыслью, что забота о постоянном наполнении кошелька у его приятеля стоит на первом месте, и напомнил:

— Так что у вас стряслось, если по порядку и с самого начала?

* * *

Долгожданный караван появился почти сразу после полудня. Задолго до того как его заметили наблюдатели, по ущельям проплыл мелодичный перезвон множества медных колокольчиков, которыми туранцы украшают верблюжью упряжь. Звон постепенно приближался, в него вплетались новые звуки: цокот лошадиных копыт, пронзительные выкрики погонщиков и утробное ворчание верблюдов.

— Кажется, кто-то говорил о небольшом отряде, или мне послышалось? — не преминул напомнить Мораддин.

Они с Конаном сидели на узком карнизе, спрятавшись за огромным красноватым валуном.

— Мне говорили, что охраны будет совсем немного, — отозвался киммериец.

Впрочем, сейчас его мало занимало, кто ему там чего обещал и что конкретно наплел он сам в ответ. Караван подошел уже близко, и следовало немедленно придумать, как захватить груз. Наплевать, сколько народу пасется вокруг товара! Никто не выйдет из этого ущелья!

— Конан, это безнадежно. — Гном внимательно прислушивался к надвигающемуся шуму. — Охранников не меньше трех десятков. Может, даже больше. А у тебя всего двадцать человек... Не самых лучших, честно говоря. Трое моих ребят из хэрда справились бы с этой бандой неумех запросто!

— Неважно, — бросил варвар.

— Твоих людей прикончат, прежде чем они успеют открыть рот, — гнул свое бывший сотник туранской гвардии, участвовавший не в одном десятке крайне опасных вылазок.

— Неважно, — снова прозвучало в ответ.

Мораддин отступился и пожал плечами: что ж, если этому ненормальному варвару охота свести счеты с жизнью, пусть поступает как хочет. Он предупредил — его не послушали. Остается положиться на судьбу: что будет, то будет.

— Вот что мы сделаем, — негромко, как бы про себя, произнес Конан и, быстро повернувшись, отправился назад, к своему притихшему отряду, наконец полностью уразумевшему, что сейчас произойдет нечто совершенно необычное для простых вышибал и бандитов. В этот миг многие думали только об одном: большинству из них не суждено дожить до сегодняшнего вечера.

После краткой перебранки, сопровождавшей раздачу приказов, по пять человек с обеих сторон ущелья поползли вверх по долине. Когда караван подойдет поближе, они столкнут несколько крупных камней, которые потянут за собой остальные, и склон непременно обрушится, перекрыв каравану возможный путь к отступлению. Затем в дело вступят немногочисленные арбалетчики.

— И чтобы, сукины дети, стреляли в цель, а не куда глаза глядят! — грозно напутствовал отряд суровый предводитель. — Тупые болты хоть кто-нибудь допер взять? Ага, у всех. Много? Ладно, обойдемся тем, что есть. Целиться сначала в лошадей, потом боевыми — в людей, да не в своих... Недоумки!

Расчет был верным: грохот летящего вниз каменного потока наверняка заставит караванщиков и охранников хоть на краткий миг да растеряться и перемешаться. Град тупых стрел посеет панику среди и без того напуганных лошадей, одна-две обязательно начнут метаться, за ними последуют остальные. Кто-то не удержится в седле и свалится под ноги коням. Неизбежно возникнет неразбериха. Вот тут-то отряд выскочит из засады и свалится на головы занятым своими бедами караванщикам. Главное — чтобы никто не успел сообразить и погнать верблюдов вперед, тогда у купцов еще будет возможность в суматохе проскочить ущелье и вырваться на равнину. А там верховых не догнать. Значит, нужно как можно быстрее перебить стражу и собирать разбегающихся животных. Хорошо бы изловить парочку лошадей...

— Паника — дело хорошее, — понимающе кивнул Мораддин, быстро прикинув все достоинства и недостатки плана киммерийца. Недостатков он заметил гораздо больше, но

выбирать было не из чего. В конце концов, даже эта наско-ро придуманная затея могла закончиться удачно, если нападающие смогут действовать достаточно быстро и нахально.— Может, что и получится... Только все равно, друг варвар, ты авантюрист и бестолочь. И меня втянул в свои дурацкие приключения...

— Посмотрим,— кратко отозвался Конан, даже не рас-слышав как следует, что сказал приятель.— Вон они.

В конце ущелья возникли едущие попарно всадники. За ними из пылевого облака появились раскачивающиеся на длинных шеях головы верблюдов, а затем и сами животные, тяжело груженные плотно увязанными тюками. Заливались колокольчики, ржали лошади, чуя, что долгий путь скоро подойдет к концу, взрывали недовольные чем-то верблюды. Охрана замкнула караван в кольцо, держась по бокам, впереди и позади десятка крупных косматых зверюг. Конан попытался сосчитать стражников и понял, что дело ему предстоит исключительно тяжелое и почти безнадежное.

Мораддин немного ошибся в подсчетах: караван сопровождало около пяти десятков отлично вооруженных туранцев. И каждый, не иначе, когда-то был военным, а теперь, после ухода из армии, нанялся в дорожные стражи. Купцы обычно платили значительно больше казначеев государя Илдиза...

Глава четырнадцатая

Караван между тем приблизился, уже почти полностью втянувшись в расселину и заполнив ее гулкими отзвуками голосов. Ехавшие впереди охранники явно не подозревали о грядущей опасности и почти не смотрели по сторонам. Их интересовал только близкий выход из ущелья. Туранцы, замыкавшие строй, переругивались с погонщиками, требуя прибавить ходу,— мол, им давно надоело глотать пыль, поднятую верблюдами.

Вся эта пестрая и шумная кавалькада, сопровождаемая назойливым перезвоном колокольчиков, неспешно продвигалась по распадку вперед. Вот головные охранники поравнялись с засевшим в скалах отрядом, и, точно услышав горячие мысленные мольбы притаившихся грабителей, один из верблюдов внезапно замер на месте, оглушительно заревел, и весь караван приостановился. Погонщики изо всех сил тянули его за узду, но упрямое животное мотало головой, злобно огрызалось и ни в какую не желало подчиняться, даже когда в дело пошли длинные палки с железными остриями на концах.

В общем гаме никто не обратил внимания на приглушенный свист, донесшийся откуда-то сверху. Зато его услышали в дальнем конце ущелья, и спустя несколько мгновений все звуки заглушил быстро нараставший шорох, который вскоре перешел в кошмарный грохот летящего вниз камнепада. Земля под ногами дрогнула, когда неумолимо надвигавшаяся лавина наконец достигла Дороги и

рухнула на белые плиты, образовав завал высотой в человеческий рост или чуть побольше. Люди вполне могли его преодолеть, но ни одно в мире животное, будь то лошадь или верблюд, даже под угрозой побоев не согласилось бы карабкаться на шаткую преграду, где можно запросто переломать ноги. Путь назад был перекрыт до тех пор, пока кто-нибудь из путешественников или местные власти, надзирающие за Дорогой Королей, не возьмутся разобрать завал.

В неожиданно наступившей тишине по склону прокатились несколько валунов, застрявших прежде в щелях скал, и приземлились на вершину завала, довершив картину. Первая часть рискованного плана киммерийца была успешно выполнена. Настала пора переходить ко второй.

Как и предполагал Конан, в караване после схода лавины возникла неразбериха. Несколько человек из охраны подошли к завалу, пытаясь понять, что послужило причиной внезапно начавшегося камнепада: нелепая, но от этого не менее жестокая шутка Темных Богов или тщательно продуманные действия злоумышленников?

— Сборище олухов, — еле слышно прошептал Мораддин, наблюдая за туранскими торговцами. — Кто ж так поступает? На их месте я тут же как можно быстрее погнал бы караван вперед, постараясь не задерживаться здесь ни на миг.

— Тем лучше для нас, — отозвался киммериец и, высунувшись из-за камней, резко взмахнул рукой, подавая знак к атаке.

Сигнал заметили, и первая толстая стрела со свинцовым шариком на конце ударила в круп случайно подвернувшейся лошади. Напуганная лошадь заржала, резко поднялась на дыбы, едва не выбросив всадника из седла, и заскакала какими-то козьими прыжками, расталкивая остальных животных. Второй выстрел оказался еще более удачным, и стрела угодила в норовистого верблюда, который тут же вырвался у едва сдерживавших его погонщиков и с ревом заметался в узком распадке. Кого-то из караванщиков сбили с ног, и ущелье огласили пронзитель-

ные вопли человека, который пытался увернуться из-под копыт.

Арбалеты зацелкали чаще, заставив еще нескольких лошадей в панике шарахнуться в сторону. Однако к тому времени охрана заметила летящие болты и смекнула, что самим по себе им взяться ну совершенно неоткуда. Вывод напрашивался сам: где-то наверху разбойники, нахально решившие задержать приближавшийся к городу караван.

К несчастью для купцов, для того чтобы сделать столь блистательный вывод, охранникам понадобилось чуть больше времени, чем они могли себе позволить. Тупые стрелы сменились другими, с закаленными трехгранными наконечниками, и вот уже кто-то, взмахнув руками, упал с лошади и больше не поднялся, а освободившийся от всадника конь ускакал неизвестно куда.

«Может, нам еще и повезет, — подумал Конан, наблюдая за царящей в ущелье суматохой. — Пока все складывается просто замечательно».

Ударившая рядом с ним в камень стрела заставила варвара мгновенно пригнуться и слегка поубавила его восторги. Туранцы сообразили, что напавшие на них люди засели в скалах по обе стороны распадка и единственное спасение караванщиков — как можно скорее пробиваться к ближнему выходу в степь. Для начала уцелевшие охранники, а их все равно оставалось никак не меньше четырех десятков, ударили из луков и самострелов в скальный карниз, не позволяя нападающим даже высунуться. Тем временем караванщики утомили испуганных верблюдов и, погоняя их, заставили сдвинуться с места.

— Уходят! — пронзительно завизжал кто-то из отряда, не в силах вынести душераздирающего зрелища: добыча ускользала прямо из-под носа. — Уходят же!

Этот вопль погубил последнюю надежду на успех. До того грабители еще могли победить, если б сумели внезапным рывком смять охрану и затем вплотную заняться караваном. Погонщики вряд ли оказали бы серьезное сопротивление.

— Недоумки,— горестно вздохнул Конан, увидев, как его подчиненные, не обращая ни на что внимания, скатываются вниз, завязывая бой со стражей. Некоторые, удачно проскочив мимо туранцев, бросились к верблюдам, пытаясь вспороть тюки, но столкнулись с караванщиками, донельзя возмущенными таким обращением с ценными товарами, за которые им придется отвечать.

— А что ты ожидал? — сухо поинтересовался Мораддин.— Ну все, убедился, что твоему сброду обеспечен полнейший разгром? Пошли отсюда, пока нас еще не заметили.

— Не дожدهшься,— огрызнулся киммериец.— Не могу же я просто так взять и смыться! Короче, я пошел. Если что — отыщи Рингу и помоги ей убраться из города.

— Но...— только и успел проговорить гном, прежде чем его непредсказуемый приятель прыгнул с карниза, удачно приземлившись обеими ногами прямо на голову кому-то из охраны, и присоединился к кипевшей в ущелье заварушке.— Боги, и за что мне только такое наказание?

Бывший сотник личной гвардии Илдиза Туранского тяжело вздохнул и последовал за варваром, в очередной раз выругав себя за то, что связался с этим проходимцем. Как спокойно и беззаботно жилось на рудниках! Нет, понесло его путешествовать, и с кем!..

Мораддин снова показал свои потрясающие способности во всей красе. Едва бородатый коротышка скатился на камни Дороги, трое купеческих стражей, выискивавших жертву, набросились на него с обнаженными саблями, рассчитывая прикончить на месте: слишком уж невзрачно выглядел этот разбойник. У туранцев имелось несомненное преимущество, так как они сидели в седлах, а противник оставался пешим, и у него в руках не было никакого оружия. Но Мораддин не хотел никого убивать. Потомок гномов мгновенно нырнул под брюхо ближайшей лошади, перекатился под ней, успев за это время выхватить коротенький, будто игрушечный, ножик и рассечь ремень подпруги. Всадник соскользнул на землю вместе с седлом, попав под копыта другого коня, Мораддин же, сорвав с пояса кожаный мешочек с мелкими монетами, рванул шнурок

завязки и метко запустил медяшку точнехонько в переносицу второму нападавшему. Будь это излюбленные бывшим аграпурским гвардейцем метательные звезды, туранцу тут же пришел бы конец. А так стражник лишь схватился за лицо обеими руками, бросив повод, из ранки потекла кровь, а напуганная лошадь, взбрыкнув, сбросила хозяина в придорожную пыль. Мораддин тем временем успел обезопасить третьего, уклонившись от рубящего удара саблей, перехватив и вывернув запястье так, что охранник забыл обо всем, кроме чудовищной боли в руке...

Белая летучая мышь, задорно повизгивая, порхала над хозяином и наводила ужас на его противников, почти не обращая внимания на жгучие солнечные лучи.

В общей свалке все как-то позабыли, с чего все началось. Верблюды беспрепятственно обогнули поле боя и один за другим потянулись к выходу из распадка. Никому и не пришло в голову помешать купцам, скорее всего, потому, что все были донельзя заняты: туранцы — тем, что расправлялись с осмелившимися напасть на них разбойниками; несостоявшиеся грабители — спасением собственных жизней. Охране каравана везло куда больше: они уже уничтожили большую часть отряда и сейчас пытались справиться с явным предводителем дерзкой шайки.

Разозлившимся стражникам очень хотелось взять этого длинноволосого здоровенного нахала живьем (чтобы примерно наказать его в назидание другим), но тот оказался гораздо умнее своих подопечных: залез на каменный уступ, так что сзади его прикрывал склон ущелья, и вертелся там, будто демон на сковороде, не позволяя никому приблизиться. Слишком длинный меч, которым он орудовал, легко отражал выпады изогнутых туранских сабель, а когда кто-то из охранников набросил на него аркан, разбойник успел поймать летящую веревку и дернул как следует, после чего неудачливый стражник с истошным воплем рухнул с лошади.

Никто не ожидал, что зажатый со всех сторон предводитель головорезов попытается воспользоваться случайной возможностью для побега. Тем не менее он рискнул, прыг-

нув с каменного уступа прямо на спину освободившегося коня. Он почти не промахнулся и, повиснув на седле, попытался взобраться на нервно приплясывавшую лошадь. Не его вина, что ему просто не повезло: оказавшийся поблизости туранец с размаху опустил рукоять своей сабли на голову неудачливого разбойника.

Любой другой человек тут же свалился бы замертво. Упрямый грабитель еще попробовал достать своего обидчика мечом и лишь потом рухнул на запорошенную пылью и теперь кое-где запятнанную кровью, а некогда белую Дорогу Королей. Оружие при этом он, правда, так и не выпустил. Длинный меч звонко лягнул о камни, шлепнувшись рядом с хозяином.

— Готов! — обрадованно заорал стражник. — Прихватим с собой?

— Да он же сдох, — разочарованно протянул командир отряда, охранявшего караван, свесившись с седла и осмотрев неподвижно лежавшего на Дороге человека. — Болван, зачем надо было так сильно лупить? На что он нам теперь? Еще кто-нибудь остался?

— Никого! — донеслось с разных концов ущелья. — Всех перебили!

— Какие-то сумасшедшие, — с досадой пробормотал туранец, осматривая побоище. И точно, опытная караванная охрана сумела уничтожить всех разбойников до единого. Среди своих погибших не было, только раненые. — На что они рассчитывали?

Он окинул взглядом скалистый распадок, убедился, что ни одно из валявшихся повсюду тел не подает признаков жизни, и мельком подумал, что стоило бы проверить, не прикидывается ли кто умершим. Однако караван и так чересчур задерживался, не успевая к назначенному сроку, и командир махнул рукой, приказывая всем двигаться дальше. До ближайшего города — кажется, он назывался Дэлирам — оставалось еще около двух лиг пути. Как раз к середине дня доберутся, а там наверняка отыщется десяток-другой человек, которых можно будет послать на расчистку Дороги.

Об убитых тоже нашлось кому позаботиться: высоко в бледно-голубом небе неожиданно возникли и закружились, медленно опускаясь все ниже и ниже, черные точки. Стервятники торопились успеть к разделу дармовой добычи.

* * *

— Конан! Конан, ты меня слышишь?

Голос пришел откуда-то издалека, с трудом пробившись через оглушительное гремяние множества летевших с гор камнепадов. Он казался смутно знакомым, но вспомнить, кому он принадлежал, никак не удавалось. Честно говоря, было невозможно припомнить вообще хоть что-нибудь. Перед глазами все кружилось, расплывались веселые радужные пятна и постоянно расширявшиеся круги. Сейчас больше всего хотелось прилечь где-нибудь в холодке и ни о чем не думать...

— Конан?! — В голосе появилась явная озабоченность.

«Ага, кажется, так меня зовут... Уже лучше, хоть что-то вспомнил. А что, собственно, случилось? Я опять с кем-то подрался?»

После некоторых усилий наконец удалось разлепить глаза. Наверху, как ему и полагается, обнаружилось небо, внизу, под лопатками, — что-то на редкость твердое, похожее на камень. Звон и грохот в голове постепенно проходили, а предметы перестали двоиться и троиться.

— Однако крепкие головы у вас, варваров, — уважительно заметил голос. — Любой другой давно бы уже концы отдал... Ты как?

В изрядно затуманенной памяти наконец-то всплыло имя человека, которому принадлежал голос. Мораддин. Да, точно, его зовут Мораддин, а находятся они в ущелье на Дороге Королей, где только что отряд из набранных невест откуда-то проходивцев попытался захватить торговый караван. Судя по всему, особого успеха они не достигли.

— Погано, — почти по буквам прохрипел киммериец и сделал неуверенную попытку сесть. Земля, обычно всегда такая надежная и непоколебимая, почему-то стремилась уплыть куда-то вправо, а то и вовсе извернуться и сбросить

с себя человека, как норовистая лошадь скидывает неумелого всадника.— Пить... Дай.

— Ничего нет,— с сожалением ответил гном-полукровка.— Все кончилось.

Конан потряс головой, окончательно приходя в себя. Скалы наконец прекратили перескакивать с места на место и послушно замерли по сторонам распада, а земля больше не раскачивалась, как корабль, захваченный внезапным штормом.

— А где... все? — после недолгого молчания поинтересовался варвар, оглядевшись по сторонам.

Представшее взгляду зрелище было не самым радостным. Ни дать ни взять поле боя, причем большого, кровопролитного боя, и даже стервятники, как положено, увлеченно потрошат тех, кому сегодня не повезло.

— Перебиты,— незамедлительно последовал ответ.— Чего и следовало ожидать. Караван, к твоему сведению, ушел. Тебя сочли мертвым и бросили здесь, а меня... Ну, меня просто не заметили. При всем желании я не могу выстоять против обученной полусотни.

— Ушел,— тупо повторил Конан и с сожалением понял, что в его многострадальной голове, видно, от удара что-то сдвинулось, раз он не может понять прописных истин.

— Конечно, ушел,— с легким раздражением подтвердил очевидное Мораддин.— А ты что, думал, они постоят и подождут, когда ты изволишь очухаться? Ладно, это дело прошлое... Идти сможешь?

— Ага,— не совсем уверенно кивнул киммериец.— Только не сейчас... Слушай, а что нам теперь делать-то?

— Это уж тебе решать,— сердито буркнул гном и уже спокойнее добавил: — По-моему, настало самое подходящее время быстро исчезнуть. Учти, купцы скоро доберутся до города, наверняка расскажут властям, что на них напали, и опишут человека, который командовал разбойниками. Если ты объявишься в Далираме и попадешься кому-нибудь из них на глаза, то проще простого предсказать, чем все закончится.

— Даммарос взбесится и решит, что я зажился на свете,— заключил Конан.— Плохи наши дела... Караван мы

не остановили, ночного убийцу не поймали,— Мораддин на каждое новое признание неудачливости приятеля подтверждающе кивал головой,— в город соваться опасно... А, знак!

— Что знаешь? — с некоторой опаской спросил тураец.— Что ты теперь задумал?

— Пошли! — Варвар решительно поднялся на ноги, качнулся, но все же устоял, держась за скалу, и неуверенно шагнул вперед.— Все! Мне это надоело!

— Можно хоть узнать, куда ты собрался? — осторожно поинтересовался Мораддин.

— В поместье «Кипарисы», разумеется, сообщать о полном провале,— нехорошо ухмыляясь, ответил киммериец.— И побеседовать кой с кем по душам. Пошли, у нас еще есть время, пока караван доберется до города. Познакомлю тебя с очаровательной вдовушкой, которая затеяла всю эту заварушку. Если не убью ее до того...

— Где ты оставил лошадь? Я полагаю, ты прав, необходимо разобраться с этой историей. Едем к твоей подружке...

— Лошадь? — озадаченно переспросил варвар.— Мы пришли пешком сюда... А...

— Вот как? — поднял бровь Мораддин.— Ты оставил коня в том поместье?

Конан понял, что рано или поздно придется признаваться. Сомнений в том, что Мораддин снова начнет смеяться и стыдить его, не оставалось, но выдумывать байку о краже лошади неизвестными злодеями или ее внезапной смерти Конан был не в состоянии. Голова гудела все сильнее, и соображать было тяжело.

— Понимаешь,— начал было варвар, старательно подбирая слова, которыми можно было бы объяснить, как он бездарно проиграл в кости подаренного шейхом Джагулом аль-Баргэми прекрасного гирканского скакуна. Но едва Конан вспомнил недавние султанapurские приключения, как перед ним встало лицо одного из мельком увиденных караванщиков. Очень знакомая бородатая старческая физиономия. Только откуда он знал этого человека? Наверняка встречался с ним с Султанапуре, но где, при каких обстоятельствах? Это вылетело из головы совершенно...

— Да ну тебя с твоей лошастью,— проворчал Конан, стараясь не смотреть на насмешливо щурящегося Мораддина.— Поехали. Вернее, ты поедешь, а я пойду...

Спустившиеся в распадок стервятники даже и не подумали взлететь, заметив двух вполне живых людей, и только с явной неохотой отходили в сторону, уступая дорогу.

* * *

В уединенном поместье на первый взгляд ничего не изменилось. Куйо все так же дремал в тени под воротами и поднял голову, только когда шаги приближающейся лошади и человека раздалась совсем рядом. По такой жаре псу даже лаять не хотелось, и он лениво махнул хвостом, показывая, что узнал одного из посетителей.

Зато во дворе кое-что добавилось. Под длинным навесом стояли шесть или семь лошадей, аппетитно похрустывающих овсом. В сарае, где ночевал отряд, появились три повозки — две груженные, да так, что даже слегка просели под тяжестью сложенного в них скарба, одна пустая. Под одной из повозок кто-то спал.

Уркаш почему-то не вышел узнать, чем закончилась вылазка. Хотя, может быть, это его совершенно не интересовало.

Первое, что сделал Конан, оказавшись во дворе,— вытянул из колодца полное ведро воды и сунул туда все еще трещащую после удара голову. Мораддин тем временем со сдержанным любопытством осматривался по сторонам. Именно поэтому он первым заметил двух типов исключительно мрачного вида, вышедших из дома и целеустремленно направившихся к незванным пришельцам.

— Конан, у нас гости...— негромко предупредил гном. Варвар фыркнул — мол, и сам вижу.

— А вам чего тут понадобилось? — довольно резко спросил один из громил.

Киммериец не торопясь сделал несколько больших глотков, отряхнул с волос воду и только затем небрежно осветомился:

— Где хозяйка?

— Не твое дело,— огрызнулся охранник.— Ты кто такой?

Второй из стражей усадьбы потихоньку переместился за спину Мораддина. Ему наверняка казалось, что он проделывает это совсем незаметно для окружающих. Гном не собирался разочаровывать его. Пока не собирался...

— Я Конан из Киммерии,— представился варвар.— А теперь быстренько позови хозяйку. Давай, давай пошевеливайся!

— Госпожа не говорила, что кого-то ждет,— после долгого и мучительного размышления проговорил стражник.

— Так иди и скажи ей!

И без того скудный запас терпения киммерийца медленно, но верно подходил к концу. Возможно, в этом были повинны жара или недавний удар по голове, а может, сознание полного разгрома...

— Ага,— пришел наконец к какому-то заключению охранник.— Жди здесь. Или нет, лучше за воротами...

Мораддин издал чуть слышный издевательский смешок, чего и оказалось достаточно, чтобы от терпения варвара не осталось и следа.

— Значит, за воротами,— процедил Конан.

Те, кто был знаком с варваром поближе, прекрасно поняли бы, что сейчас будет, и заблаговременно постарались бы отойти подальше. Кому-то предстояло быть избитым. И видимо, до смерти.

Незадачливый стражник совершенно не понял, что же именно с ним произошло и почему земля внезапно вскинулась и бросилась ему навстречу. Стремительный, но короткий полет закончился у твердого, как камень, сруба колодца. Врезавшись в него, охранник поместья скорчился вниз и затих. Его товарищ сделал слабую попытку равнаться с места и броситься к дому, но мешком рухнул на пыльную землю, получив подножку и удар костяшками пальцев в шею от Мораддина, вроде бы задумчиво созерцавшего причудливые украшения на углах дома.

— Что с ним делать? — Гном одним незаметным движением заломил руку жалобно подвывавшего стражника

назад, удерживая его в не совсем удобном положении, из которого, что самое досадное, было никак не вырваться.

— Ну его! — Киммериец ограничился чувствительным пинком по ребрам ерзавшего на земле человека, после чего тот перестал шевелиться и издавать какие-либо звуки.— Пошли в дом, сейчас у нас будут душевные беседы...

Дверь в усадьбу с жалобным треском ударилась о стену, чудом удержавшись на петлях. За ней обнаружился крохотный коридорчик, который завершался лестницей, покрытой блекло-зеленоватым ковром. Лестница заканчивалась возле высоких двустворчатых дверей, украшенных сложным узором из переплетающихся золотых пластин. Часть из них с тонким звоном осыпалась на пол, когда верный своей привычке варвар обрушил на створки такой сокрушительный удар, от которого они неминуемо должны были рухнуть. Однако двери устояли, распахнувшись настежь и открыв прятавшуюся за ними маленькую уютную комнату, выдержанную в темно-розовых тонах.

За массивным резным столом сидела рыжеволосая женщина, немедленно вскочившая при появлении в ее тихом гнездышке разъяренного киммерийца и его молчаливого спутника. Мораддин на всякий случай аккуратно поправил слегка покосившиеся двери и остался стоять возле них, с интересом наблюдая за разворачивающейся сценой.

— Значит, вот как? — прямо с порога прошипел варвар, угрожающе надвигаясь на замершую на месте вдову.— А может, мне еще посидеть за воротами, подождать, пока у тебя появится настроение побеседовать?

— Прости, я не ждала, что ты вернешься... так рано...— Женщина тщетно попыталась взять себя в руки и изобразить нечто вроде приветливой улыбки. Любому стороннему зрителю бросалось в глаза, что она исключительно взволнована чем-то, но вовсе не неожиданным вторжением.— Где... Где караван? — с дрожью в голосе спросила она.

— Караван? Какой, к Нергалу, караван? — заревел Конан, не давая Линдиссе даже слова вставить.— Чем ты думала, рыжая бестия?! С таким ублюдочным сбродом, который ты разыскала, только навоз хорошо убирать! Я

что, должен был в одиночку положить половину туранской армии, чтобы раздобыть тебе этот дерьмовый караван?

— Он прошел,— еле слышно прошептала Линдисса и, ухватившись за край стола, бессильно рухнула в кресло.— Он прошел, все потеряно...— Благородная госпожа неожиданно побагровела и истерично завизжала, точно обманутая базарная торговка: — А ты! Ты, проклятый недоумок-варвар! Ты небось даже не рискнул высунуться, а ждал, пока за тебя все сделают!..

— Еще никто...— яростно прошипел киммериец, потянувшись за мечом, но его остановил невозмутимый голос Мораддина, решившего срочно вмешаться:

— По-моему, это лишнее. Конан, умоляю, перестань кричать. Госпожа, не имею чести знать вашего имени, могу заверить, что вы ошибаетесь. Если задержка каравана осуществляется именно по вашему приказанию, то моим другом было сделано все возможное. Однако для исполнения этого не вполне законного действия вы выбрали явно неопытных людей.

— Мораддин совершенно прав, слышишь ты, дура? — чутьчку спокойнее подтвердил варвар.— Именно это я и хотел сказать. Недоумки, они и есть недоумки.

Линдисса даже не поинтересовалась личностью неожиданно вмешавшегося человека, а только простонала:

— Проклятие, ну почему, почему? Все же было так хорошо рассчитано... Это ты во всем виноват! — Она снова неистово набросилась на Конана.— Зачем ты только объявился в нашем городе? Ты хоть догадываешься, тупица, что я... мы из-за тебя потеряли?

В бессильном отчаянии Линдисса замолотила кулаками по столу, мотая головой и всхлиывая:

— Все пропало, все... Как мне теперь быть?

— Линдисса, дорогая моя, незачем так расстраиваться,— произнес чей-то негромкий и слегка насмешливый голос.— Я же предупреждал: не стоило привлекать к серьезным делам лишних людей.

— Кто там еще вяка...

Киммериец резко обернулся, готовый на месте прикончить любого, кто попытается помешать беседе с вдовой, и внезапно ему показалось, что он по-прежнему стоит в ущелье на Дороге Королей, а все вокруг плывет и качается.

Ни варвар, ни обычно предусмотрительный Мораддин, ворвавшись в комнату, не потрудились осмотреться по сторонам, считая, что в поместье находятся только Линдисса и ее слуги. Поэтому еще одно кресло, скромно приткнувшееся в углу комнаты, равно как и занимающий его человек остались до поры незамеченными.

При виде этого человека, с безмятежной усмешкой смотрящего на происходящий в комнате скандал, Конан испытал нечто вроде легкого головокружения. Этому типу вот уже три дня полагалось мирно покоиться в удобной могиле. Куда он сам, между прочим, его и отправил. Ну да, поединок возле заведения Мамаша Циль, а до того — малоприятная беседа с дальновидным месьором Эридатом. Да что же это творится в мире, а? Сначала мертвецы начинают шастать по улицам, а затем?..

— Иногда полезно задержаться на лишний миг и проверить, действительно ли ваш противник отправился в дорогу, с которой не возвращаются, — язвительно сообщил Леддар, несостоявшийся покойник. — Но господин наемник крайне торопился и немного промахнулся, лишь ранив меня в бедро. Я подумал и решил, что в возникшей ситуации мне лучше считаться мертвым, нежели живым, а госпожа Линдисса любезно оказала мне в этом посильную помощь... Кстати, если не секрет, кто же меня настолько невзлюбил?

— Эридат, — вырвалось у киммерийца, не успевшего сообразить, что к чему.

— А, я так и предполагал, — невозмутимо кивнул Леддар. — Он спал и видел, как бы от меня избавиться... Впрочем, Эридат не отказался бы расправиться со всеми нами.

— Теперь это не имеет никакого значения! — вмешалась Линдисса, которая уже прекратила всхлипывать, но все еще не примирилась с мыслью о полном крахе своего предприятия. — Ничто теперь не имеет смысла!

— Кое-что имеет, — медленно проговорил Конан, поворачиваясь к хозяйке. — Например, я требую сейчас же объяснить, что вы затевали и в какую авантюру впутали меня. Ну?!

— Какая разница! — истерично выкрикнула женщина и, схватив стоявшую перед ней тяжелую серебряную вазу, запустила ею в человека, в котором видела виновника всех приключившихся с ней бедствий. — Убирайся! Убирайся отсюда!

К ее глубочайшему сожалению, бросок не достиг цели. Конан перехватил вазу в воздухе и аккуратно поставил обратно.

— И не подумаю, — отозвался варвар и нахально уселся на краю стола. — Пока не услышу подробного рассказа. Кое-кто, помнится, обещал мне поведать интереснейшую историю.

— Ничего я тебе не скажу! Мерзавец! Дикарь, слезший с дерева! Лучше бы ты сидел в своей проклятой всеми богами Киммерии! Мразь!

Конан слушал хозяйку, глядя на нее с восторгом в глазах и даже не пытаясь ответить, а Мораддин кивал, улыбаясь в бороду, словно соглашаясь.

— Дорогая, утомись, — мягко посоветовал Леддар Линдиссе и обратился к киммерийцу: — Похоже, наш замысел полностью не удался, так что стоит ли ворошить прошлое? Будет лучше, если мы сейчас мирно расстанемся... И постараемся не вспоминать о нашем кратком, но малоприятном знакомстве.

— Не лучше, — рявкнул Конан так, что Линдисса вздрогнула. — Я согласился выполнить просьбу этой женщины в обмен на подтверждение моей невинности в кое-каких делах... Кстати, ты это сделала? — Рыжая красотка гордо промолчала и отвернулась. — Похоже, вовсе не собиралась, верно? — заключил киммериец. — Да, и вдобавок мне клятвенно пообещали разъяснить, что происходит в вашем занюханном городишке. Я свою часть работы выполнил. Или, по крайней мере, честно постарался выполнить... Теперь ваша очередь. Иначе никто из вас отсюда не выйдет.

— Не говори ему ничего! — взвизгнула Линдисса. — Это не его дело! Ничего он нам не сделает!

Конан демонстративно вынул меч, положив его на стол рукоятью к себе, и выразительно глянул на приятеля хозяйки. Позади послышался вздох Мораддина.

— Ну ладно, — пожал плечами Леддар. — Как мне сейчас представляется, у нас нет особого выбора... Если мы все расскажем, ты позволишь нам уйти?

— Посмотрим, — кратко отозвался варвар. — Давай начинай. И побыстрее.

— Прошу прощения! — Молчавший до того Мораддин шагнул вперед и внимательно вгляделся сначала в отпрянувшую госпожу Линдиссу, а затем в неожиданно напрягшегося Леддара. — Конан, ты хорошо знаешь этих людей?

— Мерзавцы они, вот что я точно знаю, — проворчал киммериец. — Что одна, что другой...

— А сам-то! — не удержалась вдовушка. — Можно подумать...

— Я не о том, — нетерпеливо продолжал гном. — Их имена — Линдисса и Леддар, правильно? В Арэнджуне... а также в Шадизаре многие бы хотели повидаться с ними. Правда, я очень сомневаюсь, что такая встреча стала бы приятной для обеих сторон.

Двое заговорщиков настороженно переглянулись.

— Только не это... — с неподдельным ужасом проговорила Линдисса и схватила за голову. — Что, кто-то пронюхал?

— Пока нет, — безмятежно сказал Мораддин. — Но рано или поздно вас непременно разыщут. Видишь ли, Конан, в чем дело... Эта парочка ухитрилась везде изрядно наследи. Месьора Леддара ждут не дождутся в Арэнджуне его бывшие друзья, которых он достаточно изящно обвел вокруг пальца при разделе общей добычи, а госпожу Линдиссу с понятным волнением встретят в Шадизаре. С непременным условием, что она вразумительно растолкует, куда подевались некие ценности, внезапно научившиеся летать и покинувшие своих законных хозяев.

— Стеречь надо лучше... — с коротким смешком, больше напоминавшим рыдание, отозвалась женщина.

— Возможно, — спокойно отозвался бывший гвардеец. — Однако это ничего не меняет. Или вы предпочтете объясняться с здешним градоправителем?

— Н-нет, — замотала головой Линдисса и дрожащим голосом спросила: — Но... вы ведь не выдадите нас?

— Это напрямую зависит от вашего рассказа. — И Мораддин занял свой прежний пост у дверей.

— Хорошо, — после некоторого молчания проговорил Леддар. — Вкратце дело обстояло так... Всеми делами в нашем городишке вот уже почти три года заправляли известные вам Гебер и Эридат. Я и ныне покойный Райнак были... как бы это сказать... ударной силой, что ли. Госпожа Линдисса и Тамир присоединились к нам позже. Местная власть в лице градоправителя — опять же, покойного — и его помощников получала причитающуюся ей долю с нашего промысла и разумно не беспокоила нас.

— Какого промысла? — поинтересовался Конан.

— Выражаясь изящно, скрытая переправка ценностей из Турана в закатные страны и обратно. Власти это называют контрабандой, — с готовностью пояснил Леддар. — Однажды Тамир привез из Аграпура странную новость... Мы не знали, стоит ей верить или нет, но предусмотрительно разработали план действий на случай, если сообщение окажется истинным. Задуманное нами дело выглядело очень рискованным, но в случае успеха...

— Успеха! — язвительно выкрикнула Линдисса. — Успеха, как же!

— Заткнись, — не выдержал Конан.

Рыжая красotka обиженно замолчала. Леддар, бросив испепеляющий взгляд на компаньонку, продолжил:

— Так вот, в случае успеха некоторые из нас могли покинуть этот, скажем прямо, ничем не примечательный городок и устроиться где-нибудь получше. Со стороны все выглядело просто замечательно... Однако чем ближе подходил срок осуществления нашей идеи, тем больше каждый из нас начинал опасаться за собственную жизнь. Из-

вестное дело: там, где много золота, всегда оказывается много лишнего народу, а особенно тех, кто желает заполучить побольше и при этом потрудиться поменьше...

— Какую именно новость вам привезли? — напомнил дотошный Мораддин.

— О караване. О весьма необычном караване, что пойдёт из Аграпура в Арэнджун, — медленно ответил Леддар. — Внешне он ничем не отличается от других, но вот его груз... Очень ценный и ходовой товар, в определенных, конечно, кругах. Мы решили сделать все, чтобы караван бесследно исчез где-то в Кезанкийских горах. В Туране, скорее всего, никто представления не имеет о его подлинном содержимом, значит, аграпурцы о нем будут беспокоиться не более, чем о любом другом пропавшем караване. В Кезанкийских горах много разбойников и других неприятностей, а в пустыне еще не перевелись песчаные равахи... Поищут, не найдут и благополучно позабудут. Не в первый раз, в конце концов! В Арэнджуне и Шадизаре каравана не дождутся и, конечно, забеспокоятся гораздо больше, но к тому времени все концы будут надежно спрятаны. Итак, все было готово, однако случилось непредвиденное.

— Что, ваш убийца прикончил не того, кого нужно? — проворчал киммериец.

Леддар недоуменно взглянул на него:

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Наши неприятности начались с женщины, которую Эридат привез из Шадизара. Женщины-стража.

Линдисса скривилась:

— И где он только достал такое чудовище...

— По крайней мере, это чудовище не врет через слово, — заступился за рабрийку Конан. — Ну, и чем стражница Эридата вам помешала?

— Лично мне — ничем. Мы ее даже не видели, знали только, что Эридат держит девицу где-то в доме и вроде они неплохо ладят между собой. Но потом что-то произошло... Эридат словно взбесился и решил, что необходимо устроить в городе нечто такое, что отвлечет внимание городских властей, а всю вину свалить на эту женщину. Мы

попытались его отговорить, убеждали, что прекрасно справимся и так, а лишний шум нам совершенно ни к чему, но безуспешно. Он просто не желал нас слушать. Вот тогда все начали косо поглядывать друг на друга и постоянно ждать подвоха.

— А что, до этого вы были ближайшими друзьями? — хмыкнул киммериец.

— Конечно, любой бы предпочел заполучить груз каравана исключительно для себя, — признал Леддар. — Однако только последние идиоты станут изменять план действий перед самым началом событий, а именно этим и занялся Эридат. А потом все как из дырявого мешка посыпалось: сначала ты обокрал дом Эридата и забрал женщину, затем в городе появилась тварь, устроившая резню... Это просто невероятно, но чудовище словно специально охотилось за всеми, кто имел отношение к нашим делам. Даже градоправителя и его помощника, знавших меньше других, оно не пощадило!

— Что? — насторожился Мораддин и, повернувшись к варвару, подозрительно посмотрел на него. — Конан, зачем тебе понадобилось грабить дом?

— Потом расскажу, — отмахнулся варвар. — И вы двое решили сами позаботиться о себе, так?

— А что нам еще оставалось делать? — презрительно спросила Линдисса. — Сидеть и ждать, пока они все окончательно перегрызутся и упустят такую возможность?..

Тут она вспомнила, что возможность все-таки была упущена, и снова всхлипнула.

— Это вы устроили покушение на немедийского капитана? — прямо спросил Конан. — Боялись, что Даммарос помешает вам?

— Господин капитан начал кое-что подозревать, — нехотя проворчал Леддар. — Организовано, конечно, было бездарно. Просто времени не хватало. А вдобавок ты под ногами путался. С какой стати надо было влезать в чужие дела?

— Мне Даммарос ничего плохого не сделал, — заявил Конан. — А вам я теперь не посоветую появляться в городе: если немедиец узнает, висеть вам на воротах обоим.

— Не узнает,— буркнул хозяин.— Если ты не скажешь.

— Допустим, вы не врете,— задумчиво сказал киммерец.— Но пока я не услышал главного: что же такое везли в этом распроклятом караване?

— Скажи ему! — со слезами в голосе выкрикнула рыжая красотка.— Скажи, пусть пойдет и удавится!

— Я уже говорил, что у каравана был очень необычный груз? — едко поинтересовался Леддар.— Ах, говорил? Так вот, большую часть этого груза с величайшими трудностями доставили из Кхитая. Лотос, серый лотос, вот что там было!

— Серый лотос...— только и выговорил Конан, хватаясь за голову.— Проклятый порошок для хозяев Арэнджуна! Куча денег...

Глава пятнадцатая

Балда! Безмозглая рыжая дура! Почему, почему сразу все не рассказала, бестолочь? — Подобного отчаяния Конану уже давненько не доводилось испытывать.— У тебя что, язык отсох? Сетовы змееныши, мы смогли бы придумать что-нибудь поумнее, а не набросились бы на караван с шайкой никуда не годных болванов! А теперь купцы уйдут, и догнать их невозможно!

Линдисса угрюмо молчала, видимо признавая полной справедливостью упреков или не зная, что ответить. В ее взгляде, однако, мелькало плохо скрываемое злорадство.

— Эй, полегче! — Леддар самоуверенно попытался вступить за оскорбляемую верную подругу и помощницу и даже приподнялся с кресла. Лишь своевременное вмешательство Мораддина спасло несостоявшегося заговорщика от неминуемой гибели: варвару настоятельно требовалось на ком-нибудь сорвать злость, а Леддар сунулся под горячую руку.

— Конан, прекрати,— сердито сказал гном, загородив собой стол, на котором лежал меч.

Варвар неожиданно послушался, но в ответ последовал настолько густой поток ругательств и проклятий на смеси известных и неизвестных языков, что Мораддин только пожал плечами и предпочел обождать. Все равно запас бранных выражений рано или поздно иссякнет, а до того разговаривать с явно обезумевшим от ярости северным дикарем бесполезно.

— Курица безголовая, — устало заключил киммериец, поняв, что, даже прикончи он сейчас Линдиссу, ее смерть совершенно ничего не изменит. Теперь понятно, отчего дэлирамская шайка старалась, чтобы наружу не просочилось ни единого, даже самого малейшего слуха о планируемой авантюре. Сотоварищи Линдиссы согласились бы даже на то, чтобы клыкастая ночная тварь истребила полгорода, а то и весь, но при одном условии: их секрет останется нераскрытым.

А задумка была весьма неплоха... Да что там неплоха, просто великолепна! Карела в подобной ситуации даже мгновения раздумывать не стала бы, скликнула всю свору и бросилась ловить драгоценный караван. Правда, Рыжий Ястреб наверняка провернула бы столь трудное дело куда более грамотно и умело и обязательно добилась бы своего. Карела позволила бы каравану беспрепятственно пройти через горы и даже миновать Дэлирам и преспокойно захватила бы груз в степи, где некуда скрыться.

«Лучше бы Линдисса с Леддаром вообще ничего не говорили. Когда знаешь, что именно потерял, действительно хочется повеситься... — с тоской подумал Конан. — Хотя... Может, еще не все потеряно?..»

Серый лотос. Два простых слова объясняли многое. Даже слишком многое. Внешне ничем не примечательный цветок произрастал на огромных болотах, затерянных где-то в далеких полуночных провинциях Кхитая. Раз в год, в пору его цветения, специально отобранные и обученные рабы собирали созревшие семена, которые затем измельчались, превращаясь в горсточку невесомой серой пыли. За одну единственную подобную горсточку в Заморе или Туране можно было получить не меньше сотни полновесных золотых монет, и то если особо не торговаться. Дальше на закат цена неуклонно возрастала, достигая двух, трех, а порой и пяти сотен...

Конечно, это была отравя. Причем, по мнению знатоков, такая, что знаменитый пурпурный лотос с Великих болот Стигии не выдерживал с ней никакого сравнения. Не говоря уже о дешевеньком желтом лотосе Турана. Одна неуме-

ло использованная крупинка кхитайского порошка могла навсегда свести человека с ума, а если знать, как с ней обращаться, то могла и подарить невероятный мир с любыми воплотившимися в жизнь мечтами. К сожалению, великолепная страна грез существовала исключительно в воображении употребившего заветную крохотную пылинку, и, что самое досадное, с каждым разом таких пылинок было необходимо все больше и больше. А конец всегда был одинаков...

Серое зелье требовалось всем: колдунам Стигии и Шема, скукающим пресыщенным богачам Кофа и Офира, просвещенным мудрецам Аквилонии, жаждущим познать жизнь во всех ее проявлениях, дворцовым интриганам Немедии... Однако по большей части то небольшое, что удавалось с огромными трудами доставить из Кхитая через Вилайет, оседало в туранских прибрежных городах, и лишь малая толика проникала через Кезанкийские горы дальше, в страны заката.

«Караван с лотосом... Как много там может оказаться порошка? Впрочем, неважно. Мы бы получили за него столько, сколько захотели... Нет, об этом лучше не думать... Что еще можно сделать?»

Конан лихорадочно перебирал оставшиеся возможности. Каравану потребуется еще пять или шесть дней, чтобы добраться до Арэнджуна... Попытаться разыскать Карелу? Да где ж ее найти теперь? Вытрясти из этой бестолково хлопающей глазами рыжей овцы все возможные сведения, придумать какую-нибудь правдоподобную байку, догнать караван и заморочить голову охранникам? Не поверят, ведь наверняка запомнили, кто командовал засевшими в ущелье разбойниками... Вдобавок караванная охрана может и не знать, где спрятан товар, и вообще не подозревать, какое сокровище сопровождает.

Помчаться к Даммаросу и убедить его задержать торговцев? Понадобится веская причина, да и вряд ли задержанный и замороженный военный градоправитель согласится выполнить просьбу и без того надоевшего ему до полусмерти наемника... Уговорить Мораддина вспомнить

приобретенное у кхитайского учителя и в гвардии умение да рискнуть напасть на караван вдвоем? Если подкрасться ночью и действовать как можно тише... Да, еще есть Ринга! Уж она наверняка согласится помочь! Что ей стоит усыпить или насмерть перепугать стражу? Пусть не всех, но хоть часть, остальных они с Мораддином возьмут на себя... Линдисса безусловно права: такая возможность выпадает всего лишь раз, и упускать ее — все равно что добровольно признать себя величайшим олухом на свете.

«Когда возьмем караван, надо будет непременно поделиться с нашей вдовой. Все-таки она рассказала о необычном товаре. Десятую, нет, пятнадцатую часть...» — решил киммериец и уже собирался изложить терпеливо ожидающему дальнейшего развития событий приятелю свой потрясающий план, когда наткнулся на прямой взгляд потомка гномов. Взгляд, не предвещавший ничего хорошего.

— Даже не думай об этом, — очень холодно и спокойно произнес Мораддин. — Я никогда не приложу руку к распространению этой мерзости... И тебе не позволю.

— Да ты хоть представляешь, сколько это может стоить? — взвыл варвар. — Да на эти деньги ты сможешь купить должность начальника гвардии у любого короля или князя! Снова поступишь на службу, станешь уважаемым человеком!..

— Представляю, — бесстрастно ответил бывший гвардеец. — А ты представляешь, сколько людей погибнет, впад в зависимость от этой гадости? Или сколько колдунов порадуется, заполучив ее? Знаешь, дорогой мой варвар, вернуться в армию и получить хороший чин я предпочел бы слегка иным способом, не столь отвратительным! Ты хочешь стать таким же, как ублюдки из Шадизара, и торговать смертью за золото?

— Да какая тебе разница?! — в полный голос заорал Конан, понимая, что переубедить упрямого сына настоящего подгорного гнома — задача почти невыполнимая.

Чтоб ему подавиться своей честностью и сдохнуть в муках! Почему злобный маг из предания гномов не довел столь замечательно начатое дело до конца и не истребил

бородатое племя карликов под корень? От гномов все беды в мире! Сначала упустили магический горшок и возможность хорошо подзаработать на нем, а теперь прямо из рук вырывают такое сокровище, которое можно заполучить только раз в жизни! Недаром знающие люди говорят: гномы тупые, ленивые, упрямые и только оружием махать горазды! А подумать о благополучии ближнего — это нет... Что стоит Мораддину захотеть немного заработать самому и позволить сделать это своему другу?!

Испуганная Линдисса выскользнула из-за стола и потихоньку перебралась поближе к ненадежной, но все же хоть какой-то защите в лице Леддара. Парочка несостоявшихся мошенников явно не понимала, что происходит и почему жуткий варвар считается с мнением какого-то тихого коротышки?

— Может, для тебя и никакой, но для меня разница существует. И, могу тебя заверить, очень большая разница.

К разразившейся грозе Мораддин отнесся в высшей степени равнодушно. Проще говоря, он пропустил вопли варвара мимо ушей.

— Но если тебе самому не нужно золото, почему ты не даешь мне... — снова попытался убедить своего друга киммериец. Криком от Мораддина ничего не добиться, а вот если разумно и обоснованно толковать свою мысль, то, глядишь, и выйдет толк.

— Потому что ни один честный человек — а я все же полагаю тебя именно таким! — не воспользуется деньгами, полученными столь низменным путем, — отчеканил Мораддин, не дав варвару договорить, и уже мягче добавил: — Послушай, это отнюдь не последнее золото в твоей жизни. Раздобудешь еще... Не таким поганым способом. Нужно будет — ограбишь кого-нибудь. Ремесло разбойника гораздо безобиднее, чем торговля серым лотосом! Опыт у тебя большой.

— Поганым! — вполголоса повторил Конан тоскливо поднимая глаза к потолку. Ясно, переупрямить туранца, накрепко вбившего себе в голову идиотские понятия о достоинстве, чести и прочей ерунде, не удастся. Может, попробовать скрутить его?..

Варвар прикинул возможный исход подобной схватки и с сожалением признал: победить гнома ему поможет лишь чудо. Слишком маленькая комната, слишком много лишних предметов, да еще и шушукующаяся в углу парочка, которая наверняка поднимет крик и будет мешаться под ногами. А самое главное — меньше всего на свете Конану хотелось ввязываться в драку с Мораддином. Это было как-то... Неправильно, что ли.

Странно, раньше подобные тонкости варвара вовсе не заботили, все было просто и понятно. Золото, оно и есть золото, и любой, кто попытается встать между ним и северным наемником, должен быть немедленно отправлен к Нергалу или еще куда подальше. Но только не Мораддин.

«Плакали мои денежки... — мрачно подумал киммериец. — Надо же, как не повезло! Хотя с другой стороны, — Конан попытался уговорить сам себя, — что нам делать с этим караваном, даже если б он попал нам в руки вместе с товаром? Он нам совершенно ни к чему. Допустим, мы отыскиали серый лотос, наверняка надежно запрятанный... А где его продать? В Шадизар или Арэнджун соваться никак нельзя: сразу сообразят, где мы раздобыли эдакое сокровище. Возвращаться в Туран опасно: там еще не забыли наши проделки в Султанапуре, а если мы снова заявимся, да еще с запрещенным порошком, изловят и в тот же день четвертуют. Ехать в Коринфию или Немедию? Я там никого не знаю... Получается, с товаром мы огребем целую кучу хлопот, а какая выгода? Выгода, скажем откровенно, призрачная. Что ж получается, столько сил ушло и все впустую?!»

— И что ты предлагаешь, раз такой умный? — язвительно спросил Конан, искоса взглянув на насуспенного Мораддина. — Я как проклятый ношусь тут... Жизнью рискую, можно сказать... А теперь по твоей милости ничего не получу взамен?

— Так тебе и надо, — немедленно встряла Линдисса.

— А ты вообще помалкивай! — огрызнулся варвар. — Кто, спрашивается, втравил меня в эту переделку? Стерва рыжая!

— Прекратите ругаться, уши начинают болеть, — негромко проговорил Мораддин, но и киммериец, и женщина немедленно замолчали. — Насколько я понимаю, караван беспрепятственно пройдет через заставу в Далираме?

Встревоженная криками белая летучая мышь выползла на плечо своего хозяина, пару раз возмущенно пискнула, едва не доведя испуганную появлением необычного зверька Линдиссу до обморока, но Мораддин решительно сгреб крылатого любимца в ладонь и засунул под плащ. Вдовушка посмотрела на него, будто на сумасшедшего: какой нормальный человек станет таскать с собой эдакую маленькую гадость?

— Конечно, — хмыкнул Леддар. — Не вызывая ни малейших подозрений. Подорожные листы в порядке, разрешение на торговлю в городах Заморы заверено в Аграпуре, досмотр груза ничего не даст. Товар надежно спрятан, большинство из караванчиков и охраны представления не имеет, что они везут вместе с совершенно безобиднейшими вещами. Даммарос, кстати, не имеет никакого права осматривать товары. Он не королевский чиновник пограничной стражи, а обычный вояка.

— Значит, купцы не должны миновать город, — невозмутимо заявил гном. — Конан, перестань пялиться в потолок! Поехали быстрее!

— Куда? — без всякого интереса спросил варвар, так, впрочем, и не двинувшись с места.

— В Далирам, разумеется! — пожал плечами Мораддин. — Военный градоправитель Даммарос показался мне вполне разумным человеком. Если мы расскажем ему обо всем, у капитана найдется причина задержать и тщательно осмотреть караван. Когда отыщется лотос, все встанет на свои места.

— Да ну, — уныло помотал головой киммериец. — Не поеду. Даммарос увидит меня и немедленно прикажет вздернуть. А поскольку мне это вовсе не по душе, то выйдут сплошные неприятности... Для капитана. Поезжай, если хочешь, а я здесь подожду.

Госпожа Линдисса после этих слов киммерийца едва смогла сдержать злорадную ухмылку. Действительно, если

Даммарос не полный болван, то проклятому дикарю долго идти до Серых Равнин не придется: за одно покушение на почтенную вдову, по меньшей мере, положена виселица...

— Почему ты считаешь, что он поступит именно так? — нахмурился бывший сотник.

— Я ведь обещал ему отыскать ночного убийцу, — напомнил варвар. — И не поймал. И вообще много всякого натворил. Мне лучше в городе не показываться... Не подумай, я не боюсь, просто весь этот бардак смертно надоел.

— Мог бы еще пообещать солнце с неба, — фыркнула осмелевшая Линдисса, сообразив, что между приятелями возник серьезный разлад и никто не придаст значения ее ехидным словечкам.

— А с какой радости ты вдруг начал бросаться обещаниями направо и налево? — поинтересовался гном.

— Чтобы Даммарос и его обормоты отстали от меня, — буркнул Конан. — Ну пообещал и пообещал...

— погоди. Подумаем о ночном убийце, — задумчиво протянул Мораддин. — Что ты знаешь об этом... существе? Вообще кто-нибудь знает о чудовище хоть немного? Откуда оно взялось, когда появляется, как охотится?

— Ринга говорила, будто оно похоже на помесь человека и сумасшедшего демона, — вспомнил полуночный разговор в доме Эзаэдро киммериец. — И что оно выходит на охоту в полнолуние. А сам я думаю, что его натравливали на всех, кто имел отношение к тайне каравана. Только непонятно, зачем оно заявилось к Эзаэдро...

— А кто это? — поинтересовался Леддар. — Человек с таким именем не имел к нам ни малейшего отношения. Ведь зверь охотился исключительно за нашими друзьями!

— Мой старый знакомый, живет в городе, — кратко отозвался Конан. — Тоже изрядный мошенник... Правда, почестнее вас всех. Короче, ничего я об этом чудовище не знаю, кроме того, что оно действительно существует и убивает людей, хоть немного причастных к незаконной торговле между Тураном и закатными странами.

При этих словах Линдисса, присевшая на ручке кресла, встрепенулась, подалась вперед, словно намереваясь что-то

сказать, но затем внезапно передумала и наклонилась к своему приятелю.

— Послушайте, — серьезно сказал Леддар, отодвигая женщину, настойчиво шептавшую ему что-то на ухо. — Вы действительно собираетесь поехать в город и рассказать обо всем Даммаросу? В том числе и о нас?

— Я — да, — подтвердил Мораддин.

Варвар промолчал. У Конана вновь появилось мерзкое чувство, что в разговоре прозвучало нечто, какая-то мелочь, имеющая большое значение, а он по невниманию пропустил ее мимо ушей. Было впечатление, будто он ходит совсем рядом с ответом на самую мрачную загадку последних дней, да все никак не может найти его. Чудовище, чудовище... Если оно действительно представляет собой некое подобие оборотня, человека, который превращается по ночам в жуткую тварь, вовсе не исключено, что этот оборотень (вернее, его человеческая половина) — хорошо знакомый житель Далирама. Только им может оказаться кто угодно — от капитана Даммароса до трактирщика.

— Помнится, вы обещали отпустить нас, если мы расскажем о нашем плане, — напомнил Леддар. — Мы целиком выполнили условие... И можем уйти?

— Еще чего! — рявкнул обозленный варвар. — Между прочим, у меня появилась замечательная идея. — Конан взял Мораддина за плечо. — Давай скрутим эту парочку и отвезем в подарок Даммаросу! Я скажу, что они есть чудовище!

Линдисса побелела и вцепилась в спинку кресла, явно сочтя угрозу наемника чистой воды правдой. Леддар переводил настороженный взгляд с одного из незваных гостей на другого, пытаясь разрешить трудный вопрос: говорит варвар всерьез или решил на прощание поиздеваться?

— Послушайте, господа, я предлагаю небольшую сделку, — неуверенно начал Леддар. — Я сообщу вам кое-что, а вы за мои сведения в беседе с капитаном Даммаросом не станете называть наших имен. Можете смело валить все на Гебера и его приятелей, но не упоминайте о нас!

— А что взамен? — оживился Конан. — Очередная скалочка? Мораддин, ты даже не представляешь, как в этом

паршивом городе любят заключать сделки, а потом делать вид, что напрочь позабыли о них!

— По-моему, ты сам хорош,— безмятежно заявил гном и повернулся к Леддару: — Впрочем, мой друг варвар, несомненно, прав. Мы должны знать, равноценно ли твое сообщение предлагаемому условию. О чем ты хочешь рассказать?

— О чудовище,— дрогнувшим голосом сказал Леддар.— Правда, я не совсем уверен, могу серьезно ошибиться... Короче говоря, кажется, я знаю, где прячется зверь.

Мораддин несколько мгновений колебался, что доставило киммерийцу некоторое мрачное удовольствие: наконец-то сыскалась задача, которую и потомок гномов не в состоянии сразу решить. Однако, если Леддар наведет на след твари, отправившей к праотцам почти десяток людей, можно и согласиться с его просьбой. Поймать тварь — дело хорошее, это позволит оправдаться перед Даммаросом. А Линдисса с дружкой пусть уезжают. Толку от них более никакого.

Наконец бывший гвардеец с величайшей неохотой проговорил:

— Ладно. Мы умолчим о ваших делах. Говорите.

— Оно... Оно живет у Эридата! — выпалил Леддар.

Его слова немедленно заглушил искренний смех Конана.

— Ерунда! Можно было придумать что-нибудь получше! Эридат, конечно, скотина изрядная, но держать у себя под боком подобную тварь!..

— И все же я убежден,— упрямо повторил Леддар.— У него в доме есть подвал, и Эридат в нем что-то прячет. Я постарался разузнать подробнее и точно выяснил, что там расположена не сокровищница и не обычная кладовая. А свою женщину-стража он держал в другом месте... Он не пускает вниз никого из слуг, зато по крайней мере раза три в месяц бывает в подвале сам.

— Ринга смогла бы почуять в доме неизвестного зверя или демона,— уверенно сказал Конан приятелю,— но она ничего подобного не говорила! Леддар, как обычно, врет.

— Во всяком случае, это выглядит подозрительно,— вынес окончательное решение Мораддин.— Если мы хотим поймать это существо, пригодятся любые сведения... Благодарю вас, господа. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся.

— Взаимно,— с кривой улыбкой отозвался Леддар.— Счастливого пути...— Он повернулся к подруге и вполголоса быстро произнес: — Линдисса, дорогая, что бы ты ни собиралась сказать, держи слова при себе, ладно?

— Пошли.— Гном подтолкнул задумавшегося приятеля и направился к двери.— Если рвануть напрямую, через степь, успеем в Дэлирам раньше каравана.

Он вышел, а киммериец на мгновение задержался и забрал меч, сверху вниз глядя на парочку притихших и еще не веривших до конца в случившееся мошенников.

— И почему только я тебя сразу не придушил? — задумчиво поинтересовался у Линдиссы варвар.— Насколько бы стало спокойнее жить...

— А пошел ты знаешь куда? — зло процедила женщина.— Не радуйся, я тебе все равно отомщу! Ты мне за все заплатишь! Мерзавец!

— Неудачница,— отпарировал Конан.

Рыжая красавица ошеломленно открыла рот и, не найдя достойного ответа, бросила взгляд по сторонам. Серебряная ваза все так же лежала на столе, поблескивая гладкими боками. Линдисса подхватила ее и изо всех сил швырнула в спину уходящему варвару.

Видимо, он ожидал подобного прощального знака внимания и успел вовремя выскочить из комнаты. Ваза тяжело ударилась в захлопнувшиеся створки. Линдисса растерянно посмотрела на закрытую дверь, всхлипнула, затем, будто вспомнив нечто важное, метнулась к распахнутому окну и пронзительно выкрикнула:

— Урка-аш!

* * *

Мораддин стоял на высоком крыльце дома, ожидая замешкавшегося приятеля, и, когда Конан наконец-то появился, невинным голосом поинтересовался:

— Надеюсь, там не остались два трупа? Разорванных на кусочки?

— Отвяжись! — зло рыкнул варвар, сбегая по ступенькам вниз и оглядывая двор.

Низкорослая кобылка гнома стояла там, где ее оставил хозяин; один из стражников по-прежнему валялся у колодезного сруба; второй, прикидывавшийся покойником, сумел куда-то улизнуть. Принадлежавшие Линдиссе лошади тоже никуда не делись и, не переставая жевать, с любопытством покосились на вошедшего под навес сарая человека. После краткого осмотра Конан выбрал приглянувшегося чалого жеребца и, выведя его во двор, привязал к пустующей коновязи.

— Опять за свое, — горестно причмокнул Мораддин. — Тебе что, Султанапура мало? И вообще, что за варварская привычка — постоянно красть лошадей?

Конан, услышав эти слова, снова вспомнил напуганное лицо одного из караванщиков — не купца или охранника, а, видимо, простого путешественника, заплатившего за место в караване. Лицо до боли знакомое. Что-то связанное с Султанапуром и лошадьми... Проклятие, кто же это был?!

— А ты что, хочешь, чтобы я пешком прогулялся по такой жаре до города? — огрызнулся киммериец, отбросив тщетные попытки вспомнить имя замеченного во время налета на купцов старика. — Хватит с меня, и так уже три раза туда-сюда мотался! Сейчас седло найду, и поедем.

Он скрылся в сарае, откуда вскоре донеслись не слишком сдержанные проклятия по адресу бестолочей конюхов, вечно распахивающих все так, что нормальному человеку потом нужную вещь отыскать просто невозможно. Затем что-то загремело, упало, и в дверном проеме показался варвар с седлом в руках.

— Сзати! — неожиданно выкрикнул гном, заметив промелькнувший в полутьме конюшни подозрительно пригнувшийся силуэт. — Берегись!

Конан успел бросить короткий взгляд через плечо, уловить блеск стали, а спустя мгновение он уже стремительно перекашивался по пыльной и твердой земле вытоптанного

двора, уходя от нанесенного сверху удара. Мораддин вихрем слетел с крыльца, и его длинный, слегка изогнутый на конце клинок с визгом скрестился с кривой туранской саблей неизвестного.

Впрочем, какого там, к Нергалу, неизвестного...

— Уркаш! — не веря своим глазам, заорал варвар. — А ты-то куда лезешь?..

Старый гирканец, не отвечая и упорно смотря отсутствующим взглядом куда-то прямо перед собой, с немислимим для его возраста проворством отбивал атаки Мораддина. Какое-то время Конан с искренним восхищением наблюдал за развернувшимся поединком, понимая, что в забытой всеми усадьбе сошлись два настоящих мастера, но затем забеспокоился. Бывшему туранскому гвардейцу, конечно, только дай отвести душу и проявить свое незаурядное искусство владения мечом, однако время-то поджимает!

Впрочем, беспокоился варвар напрасно. Мораддин остался верен своему главному принципу — убивать только в крайнем случае. Кривая сабля Уркаша взлетела над двором, описав сложную и вычурную петлю, и воткнулась точно в центр коновязной жерди, заставив чалого жеребца испуганно метнуться в сторону. Уркаш несколько мгновений недоуменно смотрел на свои пустые руки, затем коротко поклонился прямо-таки сиявшему от удовольствия Морадину, ответившему, между прочим, точно таким же поклоном, и направился в глубь двора, как будто сразу потеряв интерес к варвару и его спутнику.

— Уркаш! — не выдержал Конан. — Что за дурацкие шутки? Ты никак на солнце перегрелся? Или перепил?

— Оставь почтеннейшего... э-э... в покое! — немедленно вмешался гном, но варвар только отмахнулся. В конце концов, именно его внезапно спятивший старикан пытался преждевременно отправить туда, откуда еще никто пока не возвращался!

Уркаш нехотя повернулся, смерил киммерийца долгим взглядом узких прищуренных глазок и словно через силу проговорил:

— Госпожа велела... В письме и сейчас.

— Что?! Вот сука! — вскинулся варвар, сообразив, что эти слова могли означать только одно: милейшая Линдисса собиралась любым способом избавиться от него, независимо от исхода предприятия. — Ну все! Сейчас эта рыжая стерва у меня получит!..

— Конан, прекрати, — сердито одернул его Мораддин. — Зачем ты так взъелся на бедную женщину?

— Хороша бедная женщина! — до глубины души возмутился Конан. — Да ты хоть понял, что она затевала? Этот старый сморчок...

— Будь этот, как ты выразился, старый сморчок лет на десять помоложе, мы сейчас с тобой не беседовали. Хороший мастер, — отрезал гном. — И, помнится, мы собирались в Дэлiram!

— Собирались, — с не предвещавшей госпоже Линдиссе ничего хорошего ухмылкой отозвался варвар и двинулся к крыльцу дома. — Мы туда и поедem... Немного погода. Или ты отправляйся сейчас, а я догоню попозже.

— Конан, мы обещали отпустить этих людей, — напомнил Мораддин.

— А я их и не задерживаю, — с искренне недоумевающим видом развел руками Конан. — Что, нельзя сказать очаровательной женщине пару слов на прощание? Да не трясись, не буду я ее убивать! Хотя стоило бы...

— Знаю я твою пару слов, — буркнул гном. — Они, как правило, почему-то всегда оборачиваются парой мертвецов... Седлай лошадь, и поехали! Не ты ли постоянно твердил, что обещания надо выполнять?

— Так я и выполняю... Когда другие не увиливают! — попытался доказать свою правоту киммериец, но Мораддин явно не желал ничего слушать.

Пришлось отказаться от мысли тепло и сердечно попрощаться с дорогой Линдиссой и идти подбирать уроненное седло.

— Еще чуть-чуть, и я окончательно стану честным человеком, — недовольно ворчал Конан, затагивая подпругу и пытаясь заставить чалого коня спокойно стоять на месте. — Докатился, ничего не скажешь!

— Не вижу в этом ничего плохого, — невозмутимо проговорил бывший гвардеец, забираясь в седло своей низкорослой лошади.

— Конечно, не видишь! У нас уплыло из рук целое состояние, а ты этого даже не заметил! — Варвар с досадой дернул ремень, отчего жеребец беспокойно заплесал на месте. — Что ты вообще видишь? И какого демона тебе на рудниках не сиделось? Или шел бы к папаше ковыряться в камнях! Ненавижу гномов!

Говоря так, Конан напрочь позабыл о том обстоятельстве, что причиной, заставившей Мораддина покинуть опостылевшую должность старшего надсмотрщика, послужил он сам и неизбежно следовавшие за ним неприятности...

Мораддин сделал вид, что не расслышал бурчания приятеля, и, тряхнув поводьями, направил кобылку к воротам поместья. Чалый конь после некоторого сопротивления и робкой попытки скинуть устроившегося на его спине человека смирился и последовал за кобылой. Ни один из всадников не оглянулся, иначе они увидели бы госпожу Линдиссу, стоявшую в дверях дома и пристально смотревшую им вслед. Они еще не отъехали далеко от «Кипарисов», когда рыжая мошенница злобно усмехнулась и прошипела им вслед:

— Катись, катись, киммерийский недотепа! Я еще выпью вина на твоей могиле!

Конан дернулся было, а рука непроизвольно потянулась к мечу, но свирепый взгляд Мораддина заставил варвара утихомириться.

Единственным живым существом, которое проводило уезжавших гостей, был Куйо. Пес соизволил даже вылезти из ставшей совсем короткой и незаметной тени и прогуляться вслед за лошадьми. Отойдя на полсотни шагов от поместья, собака уселась на обочине и, вывалив длинный розовый язык, насмешливо посмотрела на проезжавших мимо людей. В карих выпуклых глазах явственно читалось: «Все вы, двуногие, редкостные глупцы. Все носитесь то туда, то обратно, деретесь, убегаете, все чего-то хотите, и

сами не знаете — чего... А я вот сижу спокойно и смотрю, как вы сходите с ума. Самое приятное занятие на свете!»

* * *

Не доезжая четверти лиги до места, где узкий пыльный проселок сливался с Дорогой Королей, двое всадников свернули направо и рысью поскакали через поросшую высокой пожухлой травой равнину. Над степью поднималось полупрозрачное марево полуденной жары, мерный топот лошадиных копыт вспугивал мелких зверьков и птиц, в испуге выскакивавших из травяных зарослей. Всадники ехали в молчании, пока более высокий, пристально взглядевшись в медленно движущееся на горизонте темное пятно, не заявил:

— А вон и караван. Им до города еще ехать и ехать!

— Я же говорил, что мы его обгоним,— отозвался его спутник.

— Ну, обгоним, и что будет дальше? — сердито и явно не в первый раз спросил Конан.— Даммарос, сам говоришь, не дурак, значит, слушать нас он вовсе не станет.

— Тебя, конечно, не станет,— с готовностью согласился Мораддин.— Ума не приложу, почему же я, несчастный, до сих пор слушаю?

— Купцы непременно поднимут вой, начнут доказывать, что мы пытались их ограбить,— совершенно не вникая словам Мораддина, продолжал варвар.— Кстати, они ведь и тебя видели, так что особо не задавайся. Про ночную тварь мы как не знали ничего, так и посейчас не знаем... Слушай, а может, послать их всех к Нергалу? Заберем Рингу, быстро купим припасы да рванем подальше?

— Нет,— непреклонно отрезал гном.— Я не допущу, чтобы караван с этой мерзостью прошел в Замору или дальше. Не мне объяснять, чем это может обернуться... Если лотоса много, из Арэнджуна отравы обязательно потечет дальше, в Аквилонию, Зингару... И про местного загадочного потрошителя мы кое-что знаем. Он же, если останется на свободе, весь город перережет! А вдруг получится изловить или прикончить зверя?

— Ага, так я Леддару и поверил! — с презрением фыркнул Конан.— Он и дорогая вдовушка нам бы и не такое наплели, лишь бы их отпустили восвояси. Ох, дрянь рыжая, интриганка доморощенная... И почему мне так везет на чокнутых женщин? В Султананпуре — Мирдани со Стейной, теперь эта рыжая искательница приключений на свою задницу... Сколько можно?

— Каждый получает то, чего заслуживает,— разумно предположил туранец, не обращая внимания на сердитый взгляд приятеля.— И потом, насколько я понимаю, у тебя в городе есть еще одна подружка. Или даже не одна?

«Интересно, что бы сказал Мораддин, узнай, кто такая Ринга на самом деле? — хмыкнул варвар.— А может, они миглом нашли бы общий язык. Все-таки оба не совсем люди...»

— Ну хорошо, вот мы приезжаем в город.— Киммериец вернулся к более насущным делам.— Что прикажешь говорить Даммаросу? Задержи, мол, этот караван и обыщи его сверху донизу? Караван, между прочим, из Турана, Дэлирам — заморийский город, а власть в нем пока принадлежит Короне Немедии. Представляешь, какое веселенькое положение у господина гвардейского капитана? Стоит хоть в чем-нибудь ошибиться, потом столичные начальники все припомнят. А уж за самовольную остановку каравана на Дороге Королей просто шкуру снимут. Жаль человека, так хорошо начал...

— Разговоры я беру на себя,— уверенно заявил Мораддин, поглаживая выползшую из-под плаща подышать свежим воздухом летучую мышку.— А ты, пожалуйста, постарайся немного помолчать, а? Каждый раз, как ты открываешь рот, дела начинают идти значительно хуже.

— Да куда уж хуже,— буркнул Конан.— Это ж сколько тысяч сейчас удаляются у нас из-под носа и машут ручкой на прощание?

— Варвар и дикарь,— сокрушенно вздохнул Мораддин и наставительно поднял палец: — Когда ты наконец поймешь такую простую истину, что не все в мире...

— ...Продается и покупается, — скривившись, закончил фразу киммериец. — Слышал, и не раз. Только вранье все это! Просто надо знать точную цену.

Гном тяжело вздохнул, показывая, насколько ему противны подобные рассуждения, задрал голову и, прищурившись, глянул на ослепительный диск солнца, неподвижно застывшего в зените:

— Давай-ка галопом. Нам еще с господином градоначальником беседовать, а это, чуёт мое сердце, займет много времени...

Кони прибавили шагу, и вскоре впереди показалась узкая полоска блеклой зелени с вкрапленными кое-где цветными пятнами домов. Всадники приближались к крохотному городку, внезапно вырванному из обычного полусонного состояния и ставшему местом необычных и загадочных происшествий. Возможно, сегодняшний день расставит все по местам, и Дэлiram вновь надолго погрузится в дремоту, а может быть, нынешний печальный эпизод послужит началом для новой цепочки непредсказуемых событий?

Скучавший на окраине городка немедийский патруль немного удивился появлению неизвестно откуда выскочившей подозрительной пары обвешанных оружием наемников, но ничего не успел предпринять: незнакомцы, безжалостно погоняя лошадей, вихрем пронеслись мимо и свернули в ближайшую улочку, явно направляясь к казармам немедийского полка.

В казармах Даммароса не оказалось. Встрепанный и задерганный караульный на все вопросы только отмахивался и наконец высказал предположение, что капитан находится в доме бывшего градоправителя.

— Поехали, — решительно сказал Морадин, терпеливо выслушав сбивчивое и не совсем вразумительное объяснение, как отыскать этот самый дом. — Надо поторапливаться!

Глава шестнадцатая

Варвар и Морадин добрались до дома покойного градоправителя как раз вовремя: расположившиеся на площади немедийские гвардейцы, громко перекликаясь, выстраивались в колонну, которая, судя по всему, вот-вот должна была куда-то отправиться. Капитан Даммарос стоял возле массивных входных дверей, беседуя с двумя субъектами важного вида, скорее всего, местными купцами. Даже издалека было заметно, что происходящий разговор немедийцу вовсе не по душе, и только необходимость не позволяет послать говорливых купцов ко всем демонам да уйти в дом.

На подъехавших Конана и Морадина никто не обратил даже малейшего внимания. Они беспрепятственно приблизились к собеседникам и спешили. Привлеченный раздавшимся неподалеку шумом, Даммарос оглянулся, состроил недовольную гримасу, увидев, кто именно приехал, и, отрывисто бросив что-то недовольным купцам, направился к вновь прибывшим.

— Явился! — сердито бросил он варвару вместо ожидаемого приветствия. — Только тебя мне к прочим бедам не хватало! Пошли поговорим...

Немедиец махнул рукой своим людям на площади, приказывая трогаться с места, а сам, прихрамывая, вошел в дом градоправителя.

— Что с ним такое приключилось? — удивленно спросил киммериец. — И впрямь взбесился, разве только не кусается...

— Сейчас узнаем, — отозвался гном. — Но мне кажется, почтенного градоправителя наше появление совершенно не обрадовало.

Двое стражников, переминавшихся с ноги на ногу возле дверей, с удивлением взглянули на странных посетителей, однако пропустили их без единого слова. Даммарос ожидал искателей приключений в пустой и удивительно уныло выглядевшей комнате, которая раньше, видно, служила помещением для многочисленных писцов городской управы. Теперь же длинные, казенного вида столы были придвинуты к стенам, за исключением одного, за которым восседал хмурый капитан немедийцев. Мораддин, оглядевшись по сторонам, занял подозрительно поскрипывавшее кресло. Конан предпочел устроиться на узком подоконнике распахнутого настежь окна: кто его знает, как повернется разговор, а иметь путь для отступления никогда не помешает.

— Ну? — мрачно поинтересовался Даммарос. — Какие гадости вы мне припасли на этот раз? Давайте не стесняйтесь, выкладывайте!

— Ты что, совсем озверел? — недоуменно поинтересовался киммериец. — Опять кого загрызли?

— Нет, — отрицательно покачал головой Даммарос. — Спасибо и на этом... Кстати, я ожидал, что ты приведешь мне ночное чудовище на веревке, — едко напомнил он. — А я не вижу никого, кроме твоего друга.

— погоди, теперь не до чудовища, — отмахнулся варвар. — Лучше послушай, мы разузнали для тебя кое-что крайне интересное...

И двое авантюристов, иногда перебивая друг друга, принялись излагать скрывавшиеся прежде в глубокой тени подлинные причины событий, которые произошли в тихом городке за последние три дня. Выполняя данное обещание, Конан и Мораддин умолчали об участии в заварушке Линдиссы и ее живучего приятеля, хотя пару раз варвар чувствовал сильнейшее искушение рассказать о проделках рыжей вдовушки. Наверняка несостоявшиеся заговорщики уже успели покинуть поместье «Кипарисы», так что справедливое возмездие им не грозит. Однако думать, что на-

ходятся в полной безопасности, Линдиссе и Леддару не придется! Они наверняка двинулись в Туран, памятуя о том, что в Заморе неудачливых прохвостов не ждет ничего хорошего, а Даммарос всегда может сообщить аграпурским властям о беглых мошенниках. Уж что-что, а в Туранской Империи, надо признать, прекрасно умеют ловить злоумышленников. Уж если умудрились изловить однажды даже Конана, то Леддар и рыжая красotka вряд ли смогут далеко уйти...

По молчаливому соглашению не прозвучало ни единого слова о неудачном нападении в ущелье на Дороге Королей. В слегка приглаженном изложении главными виновниками происшедшего стали те, кому уже ничто не могло повредить: покойный Гебер и его дружки. О загадочной твари тоже временно умолчали: Конан — потому, что не особо поверил в слова Леддара, а Мораддин, похоже, считал, что в данной ситуации важнее задержать караван, чем изловить ночного убийцу.

— Значит, караван? — переспросил Даммарос, когда несколько путаное из-за наскоро вносимых изменений повествование подошло к концу. Капитан немедийцев выглядел куда более уставшим, нежели в ту минуту, когда отделивался от назойливых купцов на крыльце дома. — Караван с самым настоящим серым лотосом?

— Совершенно точно, — подтвердил Конан. — Из-за него все и перегрызлись, так как никому не хотелось делиться.

— И караван скоро войдет, если уже не вошел в Дэлирам, — подхватил Мораддин. — Купцов необходимо остановить и досмотреть!

— Необходимо, — уныло согласился немедиец. — Только... — Он неожиданно подобрался и внимательно взглянул на варвара: — Только скажи мне сперва, где ты находился вчера ночью?

«Сначала в одной уединенной подозрительной усадьбе, потом в городе, а затем снова вернулся в усадьбу», — мысленно отозвался киммериец, но, поскольку такой ответ совершенно не согласовывался с недавним живописным рассказом, предпочел более расплывчатое:

— Да нигде... У приятеля.

— Чьего имени, разумеется, не скажешь? — не отставал Даммарос, и Конан насторожился, почуяв неладное.

— А в чем дело?

— В том, что вчера ночью, точнее, сегодня рано утром, некий разбойник напал на одного из жителей города, — медленно проговорил гвардейский капитан. — Напал с явным намерением прикончить... Но не добился желаемого и удрал.

— Ну и дальше что? — не понял варвар. — Вроде именно ты отвечаешь за порядок в городке, вот и лови на здоровье своего злоумышленника.

— Нападавшего узнали, — серьезно продолжал немедвед, не обратив внимания на колкость наемника. — Это ты.

— Я? — Конан от неожиданности прыгнул с окна. — Я на кого-то напал? Интересно знать, на кого же?

— На известную в городе госпожу Линдиссу, вдову месьора Райнака, — последовало в ответ, и Мораддин, поняв, что сейчас разразится буря, поторопился вмешаться:

— Это совершенно исключено. Могу поклясться своим честным именем («Пока еще честным», — мрачно добавил про себя гном), что у моего друга не было никаких веских причин для нападения на эту женщину.

— Но ты ее знаешь? — уточнил Даммарос, посмотрев на Конана. — Ведь правильно?

— Ну знаю, — буркнул киммериец.

Вот ведь змея подколотная! И здесь не забыла устроить ловушку! Нет, надо было не обращать внимания на Мораддина и прикончить проклятую рыжую ведьму!

— Честно говоря, мне самому во все это не слишком верится, — после некоторого молчания признался Даммарос и задумался, а парочка возмутителей спокойствия ждала, что предпримет градоправитель. Наконец капитан немедийской гвардии решительно стукнул ладонью по столу: — Вот что. По-моему, вы сейчас изрядно наврали, хотя я совершенно не понял, в чем именно и с какой целью. Знаете, что мне больше всего хочется сделать? — мрачно спросил Даммарос и сам ответил: — Засадить вас обоих куда-ни-

будь... Желательно туда, где двери покрепче и открываются только снаружи. На пару деньков, чтобы глаза не мозолили. А потом убирайтесь на все четыре стороны...

— Сбегу, — сразу честно предупредил Конан. — И вообще, за что? Мы тебе преподносим прекрасную возможность выбраться из здешнего болота, а ты? Скотина неблагодарная...

— Власть обычно плохо влияет на людей, — с коротким смешком сообщил Мораддин. — Но, как мне кажется, месьор капитан не собирается выполнять свою угрозу...

— Как вы мне все надоели, — вздохнул Даммарос. — Знаете, почему я не стану запираť вас в темную? Потому что ваши сплетни о караване очень похожи на правду.

— Это и есть правда! — возмущился киммериец, но Даммарос раздраженно махнул рукой в его сторону и безразлично сообщил:

— Только я все равно ничего не могу сделать.

— Как? — оторопел гном. — Ты же единственная власть в городе!

— Правильно, — согласно кивнул капитан немедийцев и криво усмехнулся: — Власть... Все, что я могу, это приструнить лавочников да присматривать, чтобы горожане не резали друг друга. А права досматривать проходящие караваны у меня нет.

— Да какое сейчас может быть право? — раздраженно бросил Конан. Истинной причиной его недовольства послужило сознание того печального обстоятельства, что караван с товаром уйдет-таки в Арэнджун. А он собирался сделать все, чтобы этого не случилось. Уж если сокровище не досталось ему, пусть оно вообще никому не достанется! — В городе ведь военное положение! Придумаем что-нибудь, скажем, что...

— Нет, — оборвал его Даммарос. — Послушайте, следует наконец понять: не сегодня завтра о случившемся станет известно в Арэнджуне, примчится назначенный королевским наместником законный градоправитель... Что тогда станет со мной? Мне и так обеспечен пяток лет за решеткой за самоуправство, а когда выяснится, что я самовольно

устроил обыск туранского каравана? Мне, знаете, еще пожить охота.

Конан и Мораддин переглянулись: опасения немедийца были вполне обоснованны. Любой человек в первую очередь опасается за собственную шкуру, и уж вдвойне стоит за нее опасаться, если вы схватили за хвост тигра и пытаетесь его удержать. Именно этим и занимался Даммарос.

— Вот так,— разочарованно протянул киммериец.— Это даже не обычное «не повезло», а что-то гораздо худшее... Мораддин, что станем теперь делать?

Бывший гвардеец открыл рот, явно собираясь разразиться речью и убедить Даммароса изменить решение, но тут из коридора донеслась какая-то возня и обрадованный голос стражника, маявшего под дверями, окликнул:

— Эй, красотка, ты куда собралась? К господину градоправителю сейчас нельзя! Пстой-ка лучше снаружи, а я доложу...

Затем раздался грохот, неминуемо сопровождающий падение человека в полной военной амуниции. Трое в комнате недоуменно переглянулись, наемники привычно потянулись за мечами, но тут дверь открылась, издав протяжный скрип, и внутрь вошла невысокая черноволосая девушка.

— Так и знала, что все вы сидите здесь,— удовлетворенно заявила она.

— Ринга, а тебе-то что понадобилось? — невероятно удивился Конан, узнав свою неугомонную подружку.— Зачем пришла?

— Мне показалось, будто у вас возникли трудности,— безмятежно пояснила рабирийка, подходя к столу.— И что я смогу немного помочь преодолеть их.

— Это каким образом? — с некоторым недоумением поинтересовался гном.

— Ну хотя бы вот таким.

Только сейчас варвар обратил внимание, что девушка держит в руке пергаментный свиток. Рабирийка бережно положила его на стол, а сверху опустила маленький поблескивающий предмет.

Варвару не часто приходилось так сильно удивляться, как сегодня. Впрочем, покосившись на своих собеседников, он понял, что не остался в одиночестве: Даммарос и Мораддин так же широко открыли глаза и разинули рты, как и он сам.

На столе, заляпанном чернильными кляксами, лежало, тускло отсвечивая золотом, массивное кольцо, на печатке которого свернулся крохотный оскалившийся дракон, широко раскинувший крылья.

Знак наивысшей военной власти Немедии.

* * *

— Караван с лотосом,— задумчиво повторила Ринга.— Я так и думала, что должно всплыть нечто подобное... Блестяще задумано — устроить переполох и под шумок провернуть свои делишки!

Ей никто не ответил. Даммарос находился в состоянии, близком к легкому помешательству, и сейчас сидел обхватив обеими руками голову и даже, кажется, тихонько подвывал. Превращение старательно разыскиваемой подружки подозреваемого в нескольких убийствах и грабежах наемника в представительницу королевской власти Немедии — это оказалось слишком для его и без того истрепанных нервов. Однако против очевидного не попрешь. На столе лежал исключительно солидный документ, подтверждавший право «предъявителя сего распоряжаться всеми военными частями королевства Немедия, независимо от страны и города, в которых они расположены», скрепленный личной печатью всемогущего командующего лучшей армией в закатных странах. И лучшей тайной разведкой, если на то пошло... В самом низу пергамента было красиво выведено: «Прочел и согласился. Нимед, король и повелитель Немедии».

На бесстрастном лице Мораддина ничего не отразилось. Видимо, он хотел показать, что в хэрде Илдиза иногда творились не менее загадочные дела, а лично ему доводилось видеть кое-что и похлеще.

Что же до Конана... Варвару хотелось предпринять одновременно несколько прямо противоречивших друг дру-

гу шагов: отыскать где-нибудь тихое и спокойное место, где его хоть ненадолго оставят в покое; схватить рабирийку и трясти до поры, пока она не признается, что означают все эти идиотские выкрутасы; пойти и напиться... Последнего хотелось больше всего.

— Что приуныли, господа? — Девушка хмыкнула и окинула молчаливую троицу откровенно насмешливым взглядом желтых глаз. — Даммарос, честное слово, не стоит так сильно убиваться. Повышение тебе обеспечено, я за этим пригляжу. Хочешь должность при дворе? Или в Академии в Бельверусе?

— Великий Митра, — выдал из себя градоправитель. — Ну почему все именно на мою голову?..

— Ох, какие же вы все ранимые, — фыркнула Ринга. — Ладно, хватит сидеть! Почтеннейший Мораддин, — она повернулась к гному, — во всей этой теплой компании вы один выглядите способным действовать. Составите мне компанию. Не могу же я идти и захватывать туранский караван в одиночку!

— Конечно, — обрел дар речи бывший гвардеец и удивленно посмотрел на своего необычно притихшего друга. — Конан, тебе стало нехорошо?

— А что случилось? — встревожилась девушка.

— Его... Его по голове ударили, — нехотя признался гном, не уточняя, где и при каких обстоятельствах произошло сие печальное событие.

— Бедный ты мой, — сочувственно протянула рабирийка, глядя на варвара, однако в ее голосе слышался плохо скрываемый смех. — Вечно-то тебе достается...

— Сейчас крупно достанется кому-то другому, — мрачно пообещал варвар. — Ринга, как прикажешь все понимать?

— Потом, — неожиданно резко ответила девушка. — Если ты захочешь, мы поговорим обо всем попозже... А пока нам необходимо поскорее задержать караван. Даммарос! — Немедиец с трудом поднял голову и уставился на рабирийку. — Где останавливаются приходящие в Дэлирам караваны? На рыночной площади?

— А? — Даммарос явно не понимал, о чем его спрашивают. — Чего?

— Думаю, что в караван-сарай, — предположил Мораддин. — Я видел здесь один такой.

— Хорошо, — кивнула рабирийка. — Поехали туда. Великие боги, да что это со всеми вами? Окаменели? Давайте просыпайтесь!

Немедиец наконец сумел взять себя в руки и вразумительно проговорил:

— Караван должен стоять на постоялом дворе возле Дороги Королей и ждать местных писцов, которые проверяют подорожные листы и собирают налоги...

— Даммарос, а ты, оказывается, сообразительный, — с ехидцей похвалила гвардейского капитана девушка. — Значит, поступим следующим образом: ты командуешь, а мы тебя всемерно поддерживаем. Если туранцы попытаются брыкаться, я с ними разберусь. Не станут — нам же легче. Так мы идем или будем здесь сидеть до конца света?

Ринга решительно направилась к двери, даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, следуют ли за ней остальные. Мораддин тихонько хмыкнул и обратился к Конану:

— Расскажешь мне как-нибудь, где раздобыл эдакое сокровище?

— Отвяжись, — только и сказал варвар. — Знаешь, мне все чаще начинает казаться, что или весь мир сошел с ума, или я сам свихнулся...

У гнома явно вертелся на кончике языка язвительный ответ, но, взглянув на приятеля, Мораддин решил на этот раз для разнообразия промолчать.

* * *

Вскоре от дома градоправителя отъехали четверо всадников, рысью направившихся в предместья городка, туда, где на обочине Дороги Королей стоял недавно выстроенный караван-сарай. По пути к ним присоединился разъезд немедийской гвардии, числом в три или четыре десятка прекрасно вооруженных военных. Отряд с грохотом пронесся

по улицам, пугая шарахавшихся к стенам домов горожан, и, не замедляя хода, ворвался в обширный двор гостиницы для путешественников.

— Какая радость, все в сборе, — вполголоса заметила возглавлявшая отряд девушка.

Ринга не ошиблась. Пыльное пространство перед входом в караван-сарай занимали лошади, лежавшие верблюды и шнырявшие между многочисленными животными люди. Прибытие гвардейцев не осталось незамеченным, караванчики зашумели, кто-то вбежал в дом, на ходу зовя старшего над караваном.

Отряд спешил, Даммарос и державшиеся позади него наемники остановились посреди двора, оглядываясь, и почти сразу же навстречу им вышел средних лет туранец, явно обрадовавшийся при виде представителей законной власти.

— Нухайб, — узнал его Даммарос. — Он часто тут проезжает. Пили вместе несколько раз. Обычно он возглавляет охрану караванов...

Туранец, похоже, не ожидал, что нынешняя власть будет представлена немедийским капитаном, ранее распоряжавшимся только в своем гарнизоне, но, после краткого размышления, решил: лучше Даммарос, чем никто.

— Приветствую уважаемого... — начал глава каравана, но вдруг внезапно онемел, воззрившись на Конана, будто на посланного Сетом демона, и сложил пальцы в знак, защищающий от нечистой силы. — Он же мертв!

— Простите, почтеннейший Нухайб, кто мертв? — поднял бровь Даммарос, с удивлением глядя на побледневшего туранца.

Тот вытянул трясущуюся руку, ткнув в сторону стоявшего за спиной немедийца и безмятежно улыбавшегося Конана:

— Вот этот! Разбойник!

За спиной капитана послышалось приглушенное фырканье Мораддина, и гном вежливо потянул капитана за рукав.

— Понимаешь ли, — осторожно начал Мораддин. — Вышло небольшое недоразумение...

— Какое, к Нергалу, недоразумение?! — взвыл караванщик. Привлеченные его воплями охранники и купцы заинтересовались и начали сходить к месту событий. — Я и сам прекрасно вижу, что этот выкормыш раваха никакой не демон, а самый настоящий грабитель!.. Он и его шайка напали на караван неподалеку от города!

— Вот как? — Капитан круто развернулся к Конану. — Полагаю, ты в спешке просто позабыл рассказать эту часть своей занимательной истории?

Окружившие немедийца и его спутников караванчики подняли возмущенный гвалт. Слишком многие, как и предсказывал Мораддин, запомнили внешность главаря нападавших.

— Верно, верно! — слышались возгласы. — Этот черноволосый был предводителем! И коротышка с ним! Господин капитан, задержите разбойников!

Мораддин смутился и опустил глаза. За всю его не такую уж и короткую жизнь его называли по-всякому, но чтобы разбойником... Еще десяток-другой дней в компании этого ненормального варвара — и некогда образцовый воин туранской гвардии превратится в ее позор...

Даммарос укоризненно покачал головой и язвительно проговорил:

— Я, конечно, немного наслышан об аграпурском хэрде, но представить, что бывший сотник армии владыки Илдиза выйдет на большую дорогу, как последний грабитель... Уважаемый Мораддин, может быть, тебе все-таки стоит немножко посидеть под замком вместе с приятелем? Подумайте, вспомните все позабытое, а потом расскажете мне настоящую историю вашего появления в Заморе... Желательно со всеми подробностями.

— Отвяжись от человека! — прошипел Конан. — Мы все делали для твоего же блага!

— Нет, вы только подумайте! — возмущенно заорал начальник охраны, расслышавший слова киммерийца. — Они разбойничали для блага Немедийской короны! Да что же творится на дорогах в этой стране?

Даммарос понял, что если немедленно не взять инициативу в свои руки, то туранцы схватятся за оружие. Сле-

довало что-то предпринять, иначе и его, и двух наемников если не растерзают, то изрядно помнут взбешенные караванчики.

Ринга, до того молча наблюдавшая за разворачивающимися событиями, опередила капитана, шагнув вперед, и непререкаемым тоном отчеканила:

— Нам стало известно, что ваш груз несколько отличается от указанного в подорожной. Этим людям было поручено задержать ваш караван, однако они не сумели выполнить задания. Поэтому немедийские власти вынуждены будут осмотреть тюки.

— С каких пор всякое бабье... — начал было Нухайб, покраснев от ярости, но неожиданно ему на плечо легла тяжелая рука Конана.

— Заткнись, — грозно прорычал варвар. — И слушай, что говорят! Она, — Конан кивнул в сторону Ринги, — в этом городишке сейчас главнее всех капитанов и предводителей стражи! Сказано, что нужно осмотреть, значит, будем смотреть!

— Спасибо, — невозмутимо кивнула девушка и, в упор посмотрев на растерявшегося охранника, вкрадчиво проговорила: — Не заставляйте нас прибегать к силе...

Даммарос, прекрасно понимая, что сейчас Нухайб либо смирится с неизбежным, либо призовет своих к оружию, оглянулся на солдат. Немедийцы, в кои-то веки вовремя сообразив, что именно от них требуется, подняли самострелы и направили оружие на караванщиков.

— Расходитесь! — рявкнул Конан, беря командование на себя.

Нерешительность капитана грозила испортить все дело. Даже присутствие Ринги и строжайший приказ из Бельверуса не могли заставить градоначальника совершить откровенно противозаконное действие. Досматривать груз должны только королевские чиновники, предъявив сначала надлежащие бумаги.

Туранцы, возмущенно переговариваясь и зло поглядывая на немедийскую гвардию, расползлись по двору, купцы бросились к верблюдам, дабы не допустить откровенного грабежа, в который часто выливался пограничный досмотр. Боль-

ше всего караванщиков возмущало то, что грабитель и разбойник, к великому сожалению оставшийся в живых, сейчас всю распоряжается, а представитель власти и ухом не ведет, словно так и надо! Однако самострелы гвардейцев недвусмысленно говорили: «Начнете бунтовать — пожалеете». Нухайб, смекнув, что охранная полусотня (и то после нападения в ущелье неполная) вряд ли сможет противостоять гвардии, предпочел подчиниться.

— Ищите! — возмущенно взмахнул руками начальник охраны. — Что найдете недозволенного — все ваше!

— Согласен, — кивнул Конан и направился к ближайшему верблюду, вынимая нож.

Долгое время занимаясь контрабандой, варвар прекрасно изучил все возможные тайники и сейчас не сомневался: лотос (если Линдисса с приятелем снова не обвели его вокруг пальца) будет найден. Одно плохо: Мораддин не позволит прихватить и крупинку. Вон он, маячит за спиной, не отходя ни на шаг. Похоже, потомок гномов всерьез решил добиться изначально невозможного — перевоспитать своего компаньона и попутчика.

* * *

Верблюд, лежавший в пыли на подогнутых ногах, неодобрительно воззрелся на приближавшихся к нему темно-волосого громилу и невысокого бородача, но остался на месте, даже не пытаясь сопротивляться. Зато хозяин животного... Конан, обомлев, застыл при виде сморщенной физиономии и мгновенно вспомнил, кем был отдаленно знакомый человек, которого он приметил в ущелье. Возмездие не заставило себя ждать.

— Великий Митра и все боги Шема! — Богато одетый бородатый старец воздел руки, будто в молитвенном жесте. — Почему мне вечно приходится терпеть такое наказание? Ты, молодой человек, что, специально бегаешь за мной? Разве ты еще не в тюрьме?

— А ты разве еще не помер? — спросил в ответ Конан.

Ну конечно, как можно было сразу не признать старого султанпурского знакоца! Проклятый зануда-шемит, вла-

делец дома госпожи Стейны, давней подруги варвара! Нергал и все демоны Серых Равнин, его-то каким ветром сюда занесло?

— Как же я могу умереть, не навестив родственников? — воскликнул шемит, не обращая внимания на тоскливое выражение лица киммерийца. — Едва мне возместили убытки за сожженный тобой, юноша, дом, я собрался в Асгалун. Ну ты знаешь, это в Шеме... Какая досада, что я не захватил с собой своего племянника, он ведь лекарь! Твоя голова все так же плоха?

— Кром! — взвыл Конан, краем уха улавливая сдавленный смешок Мораддина за спиной. — Уйди с глаз долой! Убью!

— Зачем убивать? — возмущился шемит. — Что плохого я тебе сделал? — Тут старец узрел другое знакомое лицо и набросился на Мораддина: — Юноша, разве я не просил тебя присмотреть за своим болезненным другом? Ты подумай, он вовсе помешался! Или я не прав?

— Конечно, прав, почтеннейший, — с трудом подавив смех, подтвердил Мораддин. — Но, к сожалению, у нас нет денег на лекаря...

— Вы поэтому напали на караван? — сочувствующе поинтересовался шемит. — Нет, и не просите, я не стану ничего одалживать! Мой двоюродный брат в Султанапуре — его зовут Енох, разве ты не знал? — так вот он ростовщик! Можете съездить к нему и одолжиться. Он берет самые низкие проценты в городе...

— Обязательно съездим, — сгибаясь от хохота едва не вдвое, простонал Мораддин. — Конан, может быть, друга госпожи Стейны мы осмотрим в последнюю очередь?

— Конечно, конечно, — со странной поспешностью согласился варвар и быстро направился к следующему верблюду.

Шемит без умолку болтал:

— Только подумайте, какие несчастные молодые люди! Вынуждены пойти в разбойники, чтобы раздобыть несколько золотых на лекаря! Даже я, при всей своей нищете, бедствуя и голодая, никогда не пошел бы грабить. Разве

так можно? Столько бедствий всего за три десятка дней! Сожгли дом, украли лошадь... Прикажете идти нищенствовать или как?..

— Ненавижу шемитов! — мрачно буркнул под нос Конан. — Туранцев ненавижу! И немедийцев! И вообще всех!

Мораддин, прысая в кулак, покосился на приятеля и поинтересовался:

— И не тяжело тебе?

— Гномов тоже ненавижу! — рявкнул варвар, вызвав тем очередной приступ неудержимого хохота у Мораддина.

Тем временем Конан, наплевав на возмущенное оханье купца, резко взмахнул ножом и распорол погруженный на верблюда тюк. Искося наблюдая за караванщиком, варвар не заметил никаких признаков особого беспокойства, кроме вполне понятной тревоги за сохранность товара. Значит, туранец не везет ничего предосудительного, а, вполне возможно, просто не знает, что именно может содержаться в тюке.

Водопад шелковой ткани и аграпурской парчи низвергся в пыль. Мораддин и подошедшие поближе Даммарос с Рингой наблюдали, как варвар копается в куче пестрого тряпья, разматывая свертки и пинками отшвыривая просмотренное в сторону. Наконец капитан не выдержал:

— Сколько можно меня дурачить! Сначала наплели про какой-то заговор! Потом попытались ограбить караван! А сейчас хотят найти то, чего нет! Теперь я вас точно повешу, несколькими днями под стражей не отделаетесь!..

— Помолчи, Даммарос, — тихо и зло проговорила девушка. — Ты, видимо, хочешь всю оставшуюся жизнь провести в Дэлираме, командуя пограничным гарнизоном? Между прочим, Дэлирам — местечко еще неплохое, а специально для тебя начальник гвардии отыщет дыру, рядом с которой здешний городок покажется блистательной столицей...

— Они же наверняка врут! — возмущился несколько струхнувший от подобной угрозы капитан. — Как ты не понимаешь!..

— Есть! — вдруг резко выкрикнул Конан.

В сердцевине одного из последних свертков обнаружилась маленькая костяная коробочка, плотно обвязанная

крученым шнурком. Варвар повернулся к купцу и, показав добычу, грозно спросил:

— Твое?

— Нет. — Туранец побледнел и попятился. — Ткань упаковывали без меня... Откуда я знаю, что туда напихали! Мое дело — доставить товар заказчику в Арэнджун, и все!

Ринга подошла к Конану, переступая через разбросанные повсюду свертки ткани, и брезгливо взглянула на резную шкатулку:

— Это она и есть? Открывай, посмотрим...

Варвар разрезал шнурок ножом, сорвал восковую печать и поднял крышку. Внутри находился мелкий сероватобурый порошок. Коробка была заполнена им доверху.

«Надо же, из-за этой гадости и получился весь бардак! — подумал Конан, с легким удивлением рассматривая кхитайскую отраву. — Кром и все боги! Да за эти крупички мне могли отвалить столько, что я бы безбедно прожил до самой старости и оставил детям огромное наследство! А все Мораддин с его дурацкой честностью!»

— Попробуем, — проворчал варвар и, поклонив палец, ткнул его в шкатулку. — Говорят, хорошо пробирает...

— Конан! — заорал Мораддин, наблюдая, как компаньон подносит палец ко рту. — Остановись!

Потомок гномов одним прыжком преодолел расстояние до Конана и ударил его по руке, в которой тот держал коробочку с зельем. Шкатулка улетела в сторону, варвар издал недовольный возглас, а драгоценный порошок лотоса просыпался в пыль и, подхваченный ветерком, разлетелся по двору.

Варвар неодобрительно посмотрел на Мораддина, постукавшего себя пальцем по лбу, словно говоря: «Шемит совершенно прав — сходи к лекарю!»

— Ну, кто врал? — обратился Конан к Даммаросу. — Теперь тебе наверняка обеспечено повышение по службе. Прикажи своим обыскать все. А начальника охраны и старшего из купцов я бы непременно допросил... С пристрастием.

Спустя некоторое время двор караван-сарая стал похож на самую необычную в мире лавку торговца тканями, где

товары раскладываются прямо на земле. Горестные причитания купцов, у которых сердце обливалось кровью при виде того, как немедийцы безжалостно топчутся прямо по дорогим шелкам, смешивались с азартными воплями гвардейцев, обнаруживавших все новые и новые коробочки.

Мораддин и воспрявший духом Даммарос набросились на изрядно растерявшегося Нухайба, выпытывая у него все подробности отправки каравана из Аграпура. Конан присоединился к обыскивающим караван гвардейцам, испытывая нечто вроде злорадного удовольствия: все-таки удалось утереть нос умникам из Арэнджуна! Ринга крутилась между вскрывавшими тюки немедийцами и вопящими караванщиками, вроде бы просто глядя на разгром... Однако вскоре в толчее раздался чей-то пронзительный крик, и девушка выскочила на открытое пространство, подталкивая впереди себя ничем не примечательного туранца с безжалостно заломленной назад рукой.

— Этот что-то знает, — коротко сообщила она, пинком отправляя свою добычу к Морадину, и снова юркнула в шумную толпу.

Выволеченный рабрийкой купец хотел было рвануть в сторону, но, наткнувшись на ласковый взгляд бывшего гвардейца Илдиза, замер как вкопанный. Коротышка не выглядел грозно, однако туранец мгновенно понял: с этим бородачом может связаться только помешанный... Такие глаза и добрая улыбка встречаются лишь у людей, умеющих убивать столь же хорошо и привычно, как пить воду или расплачиваться с трактирщиком.

Из караван-сарая вынесли стол, на котором немедленно начала расти горка маленьких резных шкатулок. Попутно обнаруживались и еще кое-какие запрещенные к провозу мелочи, вроде дурительной травки для кальянов или вендийских ядов, пользовавшихся большим спросом у придворных всех стран мира или у молодых красавиц, которым опостытели мужья...

— Но я всего лишь бедный одинокий старик, собравшийся в гости к родственникам! Я мирно еду в Асгалун, это в Шеме, вы разве не знали?! — перекрыл царивший во дворе

шум дребезжащий старческий фальцет, и Конан, бросив наполовину распотрошенный тюк, направился к источнику звука, решив не отказывать себе хоть в этом маленьком удовольствии: поглазеть, как будут осматривать имущество старого шемита. Тот уже успел слезть с верблюда и теперь стоял рядом, горестно причитая:

— Я заплатил сотню золотых, чтобы ехать с этим караваном, и что же? Сначала грабители, потом снова грабители, но уже другие!..

Тут старец заметил ехидно ухмылявшегося киммерийца. Конан откровенно любовался происходящим.

— А, молодой человек, так это твоих рук дело? Ты, наверное, решил посвятить свою жизнь тому, чтобы приносить окружающим как можно больше несчастий?

Гвардейцы перестали увлеченно перетряхивать вскрытые узлы и с интересом прислушались к жалобам говорливого старикана.

— Юноша, разве папа с мамой никогда не говорили тебе: нехорошо отнимать то, что принадлежит другим? Скажи, сколько несчастных не вернулось домой, к жене и маленьким детям, по твоей вине?

«Ой, много! — мысленно согласился Конан. — А насчет того, чему меня учили папа с мамой... Это разговор особый и долгий».

— Кстати, не ты ли прислал госпоже Стейне золото, чтобы покрыть расходы на постройку нового дома? — не унимался шемит. — Конечно, такой поступок заслуживает всяческого одобрения, но откуда ты достал эти деньги? Считаешь, будто я подумаю, что ты заработал эти деньги честным трудом?

«Хоть одно хорошее известие, — подумал варвар. — Значит, шейх Джафир выполнил обещание... Надо же, отыскался один-единственный человек, не отступающий от данного слова, и тот шейх какого-то занюханного оазиса!»

— Скольких, юноша, ты заставил пойти с сумой, чтобы ты мог помочь своей подруге?! — скорбно воскликнул старец, заламывая руки, но, неожиданно позабыв о своей проповеди, накинулся на гвардейца с воплем: — Это мое! Ты

же не лишишь бедного нищего старика тех немногих сбережений, что ему удалось скопить за всю тяжелую и безрадостную жизнь?..

— Полную лишений и страданий, — вполголоса проговорили рядом, сопроводив слова тихим смешком. Конан оглянулся: за спиной стояла Ринга, восхищенно слушая перебранку шемита с немедийцами. — Это и есть тот тип, которого вы с Мораддином повстречали в Султанапуре?

— Он самый, — подтвердил варвар.

— Я бы тоже захотела его убить, — вздохнула рабирийка, еще немного послушав сетования шемита и перечисление многочисленных бедствий, обрушившихся на него после знакомства с Конаном. — Но это подождет, а вообще-то я ищу тебя. Пойдем, надо поговорить...

— Юноша, неужели ты успел так быстро позабыть погибшее по твоей вине несчастное дитя? Та бедная девушка с хорошим приданым, которую ты похитил из родительского дома? — От взгляда старика не ускользнуло появление нового лица. — Или твоя душа окончательно очерствела от постоянно творимого разбоя?

— Окаменела, — буркнул киммериец. — Вот сейчас прибью тебя и даже жалеть не буду...

— Деточка! — трагически воззвал шемит к рабирийке. — Как же ты согласилась связать жизнь с таким бессердечным молодым человеком? Он однажды украл у меня лошадь, только представь! Разве не было лучшего выбора?

— Действительно, — лукаво взглянула на старца Ринга. — И как меня угораздило? — Она подумала и решительно заявила: — Наверное, по чистой случайности. Оказался под рукой. Надоест — найду другого, а этого зарежу, и дело с концом...

Старец растерянно открыл рот, снова закрыл, не найдя, что сказать, а варвар и его спутница тем временем скрылись в шумной толчее.

Морадина и Даммароса они отыскиали возле выбеленной стены караван-сарая, у стола, заваленного горой разнообразного недозволенного к провозу барахла. Драгоценные шкатулки лежали отдельно, сложенные аккуратной горкой.

Немедиец сосредоточенно пересчитывал костяные коробочки, прикидывая сумму, в которую может быть оценена эта потрясающая добыча.

— Всего везли три десятка или три с половиной, — мрачно сообщил Даммарос. — Сначала не догадались посчитать, а теперь пес его знает, сколько было на самом деле... Кажется, все нашли.

Конан благоразумно промолчал о том, что содержимое по меньшей мере двух коробочек, под шумок переместившееся в ничем не примечательный кожаный мешочек, лежало в его собственной седельной сумке. Чтобы там ни твердил потомок гномов, а о себе забывать никогда не следует!

— И что вы собираетесь делать со всем этим лотосом? — поинтересовался варвар, указывая на шкатулки.

— Сжечь! — немедленно отозвался Мораддин. — Причем сейчас же и здесь же! Я однажды командовал перехватом похожего груза неподалеку от Хоарезма, и приказ аграпурского визиря требовал полного уничтожения этой отравы на месте.

— Пожалуй, это наилучший выход, — согласилась Ринга.

— По-моему, вы все спятили, — убежденно заявил киммериец. — Но моего мнения, кажется, никто не спросил.

— Оно и так прекрасно известно, — тяжело вздохнул гном. — Конан, ты же понимаешь...

— Только не начинай все сначала! — раздраженно перебил варвар. — Хорошо, делайте что хотите! Хотя весь городок спалите, я даже помочь могу, до того он мне опротивел!

— Погодите, — вмешался Даммарос. — Осталось еще одно серьезное дело.

— Какое? — удивленно поинтересовался Конан, хотя прекрасно представлял, о чем пойдет речь.

— Как какое? — Тяжелый денек, похоже, окончательно лишил немедийца способности понимать шутки окружающих. — Ночная тварь! Зверя нужно поймать, прикончить или посадить на цепь! Пока чудище шастает по городу, я не буду спокоен.

— Ах это, — пренебрежительно отмахнулся варвар. — Зверюгу я тебе сегодня к вечеру поймаю. Это совсем не трудно.

— Опять врешь? — с тоской спросил гвардеец.

— Не веришь — можешь поехать со мной и все увидеть собственными глазами! — искренне возмутился Конан. — Кстати, прихвати десяток своих головотяпов. Чудище может оказаться кусачим.

— А... А где мы его будем ловить? — растерянно спросил Даммарос.

— Там, где оно прячется, — незамедлительно отозвался Мораддин. — В подвале у достойнейшего месьора Эридата. Кто поедет с нами?!

Глава семнадцатая

Маленький дом розового камня, спрятавшийся в предместье городка посреди высохшего от зноя сада, встретил незваных гостей тишиной: ни хозяина, ни слуг. Входная дверь оказалась незапертой, все вещи в комнатах стояли на своих местах, словно обитатели дома, спокойно прихватив необходимые мелочи, отправились на обыкновенную прогулку и вскоре предполагают вернуться.

— Ну, и кого вы собираетесь здесь искать?

Недавнее доказательство полнейшей правоты наемников не помешало Даммаросу снова впасть в уныние и мрачность. Кроме того, гвардейскому капитану в очередной раз не повезло: он оказался с подветренной стороны от костра, на котором горели шкатулки с кхитайским зельем, и умудрился вдохнуть изрядную порцию ядовитого дыма. На его счастье, неподалеку стоял внимательный Мораддин, который успел подхватить немедийца прежде, чем тот, почти потеряв сознание, свалился в огонь. После этого досадного происшествия Даммароса начало раздражать все окружающее, а особенно двое навязчивых искателей приключений.

— Я же сказал, будем ловить зубастую тварь, — огрызнулся Конан. — Не хочешь помогать, так не мешайся. Постой здесь да подожди, пока мы ее вытащим.

Киммериец не знал, на чем основана его твердая уверенность, что чудовище до сих пор находится в этом доме. Если существо на самом деле принадлежало Эридату, то куда проще было предположить, что предусмотрительный

заговорщик заблаговременно смылся, прихватив с собой жуткую ручную зверюшку. Однако как бы он незаметно вывез кошмарное существо из города и кольца пускай не слишком ревностной, но все же обученной охраны? Гвардейцы, патрулировавшие улицы, клялись, что последние три дня никто не покидал Дэлирама. За исключением, разумеется, недоброй памяти госпожи Линдиссы, что сумела проскользнуть незамеченной, и Конана, которого тоже никто не видел. Эридат мог бы воспользоваться тем же путем, но почему-то варвар был уверен, что замориец и ночной убийца не выбрались за пределы Дэлирама.

Гвардейцы, осматривавшие сад и хозяйственные постройки за домом, вернулись с известием, что не обнаружили ни одной живой души, кроме нескольких лошадей и пары коров. Животных явно уже несколько дней не кормили, а потому они вели себя весьма беспокойно...

— И что теперь? — хмуро поинтересовался Даммарос. — С чего вы взяли, что чудовище прячется именно здесь? Если дело не обошлось без Эридата, то он давно понял, что затея провалилась, и поспешил исчезнуть.

— Тогда почему оставили вещи? — задал вопрос рассудительный Мораддин. — Если уж навсегда уезжать из города, то необходимо захватить с собой все, что поможет обосноваться на новом месте. Это не похоже на поспешное бегство...

Добровольные охотники за неведомым чудовищем стояли в гостиной тихого домика и решали, как быть дальше. Из рассказов Леддара следовало, что нужно искать какое-то большое помещение под домом, и Конан как раз придумывал подходящую фразу, чтобы убедить всех, что надо тщательно обыскать весь дом. Его опередили.

— Вряд ли Эридат держал эту мерзость в комнатах, где жили люди. — Ринга вроде бы бесцельно кружила по комнате, мягко ступая по толстому ковру и, похоже, принюхиваясь. — Для монстра нужно помещение с крепкими замками, желательно подальше от посторонних глаз.

— Подвал, — произнес варвар таким тоном, будто эта мысль только что пришла ему в голову. — Больше нигде.

— Пожалуй, Конан прав, — согласился Мораддин, тщательно скрывая понимающую ухмылку и уже серьезнее спросил: — Кто-нибудь знает, где в этом доме вход в подвал?

— Пошли, — мгновенно вострепнулась рабирийка. — Я покажу.

«Интересно, если тварь действительно прятали здесь, то почему маленькая хитрюга не сказала о домашнем животном месора Эридата ни слова? — думал Конан, идя вместе со всеми за девушкой, уверенно находившей дорогу в путанице комнат и коридоров. — Впрочем, Ринга о многом не сказала... Например, кто же она на самом деле и что ей понадобилось в городке? Она явно околачивалась здесь не просто так... Гуль, работающий на благо Короны Немедии, — подобного я никогда не встречал и не встречу, пожалуй! Бедняга Даммарос, так ему и окончательно свихнуться недолго... А моя бешеная кошка опять стала какой-то другой».

Последнее замечание было совершеннейшей истиной. Рабирийка в очередной раз сменила облик. Беззащитную девочку или невозмутимую убийцу сменила деловитая и уверенная в себе женщина, которая не сомневается в своем праве распоряжаться. К счастью, в отличие от памятной варвару Карелы Рыжего Ястреба она хоть не требовала взамен всеобщего безоговорочного подчинения, довольствуясь ролью надзирающего высшего начальства и не претендуя на должность командира.

— Вот. — Ринга остановилась возле низкой и неприметной двери, сделанной из толстых дубовых досок и обитой для пущей надежности бронзовыми полосами. На двери покачивался массивный навесной замок.

— Ключа нет? — поинтересовался гном.

Девушка отрицательно покачала головой:

— Если он и есть, то лишь у пропавшего хозяина дома. Придется ломать.

Даммарос вострепнулся, неожиданно вспомнив, что его пока никто не лишил чина капитана гвардейцев, и разослал своих подчиненных на поиски чего-нибудь пригодного для

взлома замка. Затем, подумав, что в подвале может оказаться темно, распорядился принести фонари. И кто знает, вдруг свихнувшиеся наемники снова говорят правду и чудовище действительно прячется здесь? Тогда свет уж точно не помешает...

Немедийцы отыскивали пару старых масляных ламп с заляпанными стеклами и короткий железный ломик, которым немедленно завладел варвар. Толстая железная палка наискосок вошла между дужками замка, последовал короткий рывок, и, не выдержав, замок с хрустом разломился пополам.

Мораддин, носком сапога толкнув тяжелую и неохотно приоткрывшуюся дверь, осторожно заглянул в темный проем.

— Лестница, — доложил он после внимательного осмотра.

Летучая мышь выбралась из капюшона его плаща, заставив Даммароса от неожиданности отпрянуть, и белым комочком упорхнула в темноту. Впрочем, она быстро вернулась, недовольно вереща, и заняла прежнее место.

— Ей что-то не понравилось внизу, — негромко сказала Ринга и вдруг шарахнулась в сторону с воплем: — Осторожнее, под ногами!

Предупреждение оказалось своевременным: через порог двери шустро перебрался крупный и малопривлекательный на вид черный скорпион, воинственно помахивающий лихо загнутым хвостом с жалом на конце. Конан с удивительной точностью опустил ногу на ядовитую мерзость, и под сапогом отвратительно хлюпнуло.

— Только скорпионов нам здесь не хватало! — буркнул немедиец. — Ну что, полезем?

— А разве будут другие предложения? — невесело поинтересовался в ответ варвар, вытащил из ножен меч и, нагнувшись, вошел в маленькую дверь.

Позади него кто-то зажег лампу, и на мокрых каменных стенах заплескали светло-желтые блики. Рядом послышались легкие шаги: рабирийка попыталась проскочить вперед.

— Куда? — Конан успел перехватить Рингу прежде, чем она спустилась на пару ступенек. — Опять жизнь надоела?

— Я прекрасно вижу в темноте,— спокойно ответила девушка.— Давай сначала пойду я, мало ли что...

— Мораддин видит в темноте не хуже, а драться умеет значительно лучше,— отрезал киммериец.— Так что пропусти его, а сама держись за спиной.

Гном и Ринга поменялись местами, и маленький отряд начал спускаться вниз. Подвал оказался значительно глубже и больше, чем сооружаемые в обычных домах, и скорее заслуживал названия настоящего подземелья. Лестница, как заметил Конан, постоянно плавно сворачивала влево, лепясь к невидимому опорному столбу. Несколько раз неяркий свет фонарей выхватывал из темноты прилепившихся к потолку летучих мышей — свернувшиеся кожистые лоскуты привычного темного цвета. Ручная зверюшка Мораддина перебралась на плечо к хозяину, не выказывая никакого желания присоединиться к диким сородичам, и лишь изредка пронзительно шипела.

Скорпионов больше не обнаружили, но в подвале с избытком хватало прочей ядовитой и зубастой живности: тонких черных змеек с белыми узорами на чешуе, огромных пауков, резво носившихся по стенам, и на редкость здоровенных нахальных крыс, которые пялились на проходивших мимо людей крохотными черными глазками. В довершение всего отряд наткнулся на человека в одежде слуги, который сидел возле стены. Бедняга был мертв уже два или три дня, и здешние мелкие хищники успели изрядно обработать его тело.

— Миленькое местечко, правда? — нарочито жутким шепотом спросила идущая сзади Ринга и усмехнулась.

Капитан Даммарос вполголоса выругался и поднял свой фонарь повыше.

Еще через десяток ступенек низкий потолок отодвинулся куда-то наверх, а лестница завершилась, выведя людей в просторный зал, почти полностью погруженный в темноту. Мрак разрушала чуть теплившаяся свеча, которая стояла прямо на полу шагах в десяти от замершего на месте отряда и едва освещала некое подобие закругленной арки.

— Ну и ну,— еле слышно сказал Даммарос.— На кой ему понадобилось сооружать под домом... такое?

Конан толкнул гвардейца в бок, чтобы тот замолчал, и попытался разглядеть в окружающей полутьме хоть что-то. Варвар вспомнил, что, когда они с Мораддином недавно околачивались возле зуагирской крепости Баргэми, которая была охвачена вырвавшейся на свободу магией древнего кувшина подгорных гномов, Мораддин постоянно утверждал: он, мол, ощущает присутствие посторонних могущественных сил. Вдруг и здесь повторится то же самое?

— Мораддин,— прошептал киммериец.— Ты ничего такого особенного... не чувствуешь? Ну, всякой волшебной пако-сти, вроде как в оазисе у нашего чокнутого шейха?

— Да,— немного погодя отозвался потомок гномов.— Здесь рядом есть что-то очень злое...

— И мертвое,— неожиданно вмешалась Ринга и тревожно прошептала: — Но до чего же оно сильное... Даже сейчас, после смерти.

— А живого тут ничего нет? — уточнил более практичный Конан.— Такого, чтобы могло свалиться нам на головы в самую неподходящую минуту?

— По-моему, нет,— неуверенно сказал Мораддин и осторожно шагнул вперед, по направлению к одинокой свече.

Под его ногами что-то сухо хрустнуло и переломилось. Рабирийка вдруг присела, пошарила вокруг, подняла странный вытянутый предмет и поднесла его к тусклому огоньку лампы.

— Кость,— безжизненным голосом произнесла она.— Человеческая. Значит, тварь действительно жила тут...

Девушка с отвращением отбросила свою жуткую находку подальше и тщательно вытерла пальцы об одежду.

— Идите сюда!

Гном поравнялся с аркой, на мгновение заслонив неяркий огонек, и наклонился, рассматривая темную бесформенную массу на полу. Конан подошел к нему, чувствуя, как под его ногами рассыпаются в прах останки жертв ночного убийцы.

«Сколько же их тут?» — спросил у самого себя варвар и неожиданно обнаружил, что совершенно не жаждет услышать ответ на свой вопрос. Мало того, больше всего Конану хотелось поскорее убраться из этого жуткого подземелья и никогда в жизни не вспоминать о нескольких днях, проведенных в тихом провинциальном городишке у подножия Кезанкийских гор.

Мораддин, оказываясь, склонился над телом лежавшего ничком в проеме арки человека.

— Давай перевернем, — негромко предложил он, когда Конан остановился рядом. — Сдается мне, мы нашли последнюю жертву... А сам зверь скрылся.

Наемники осторожно перекатили на спину ставшее тяжелым и неподатливым тело. Даммарос приблизил к лицу покойного лампу, желтоватый свет отразился в зрачках выкаченных глаз и осветил аккуратную тонкую рану, алым штрихом перечеркнувшую горло человека.

В наступившей тишине прозвучали голоса озадаченно выругавшегося Конана и Ринги, отчетливо проговорившей имя убитого:

— Эридат...

* * *

— Значит, тварь вырвалась на волю, — еле слышно сказал Мораддин. — Он зачем-то спустился сюда, может, хотел увести чудовище с собой, а оно подкараулило его, убило и скрылось... Но куда? Наверняка тварь прячется где-то в городе. Надо устроить большую облаву и поймать, пока она не натворила новых бед!

— Только этого мне еще не хватало, — скорбно проговорил Даммарос из темноты. — Где я столько людей найду и где мы будем искать чудовище?

Ринга, присев на корточки, несколько мгновений пристально вглядывалась в лицо бывшего хозяина, затем резко вскочила на ноги и настороженно огляделась по сторонам. Конан расслышал, как она неразборчиво бормочет:

— Не то, не то... Здесь!

Девушка решительно выхватила из рук Даммароса лампу и шагнула в арку, осветив расположенное за ней маленькое помещение. В отблесках лампы неожиданно ослепительно сверкнули два красных огонька.

— Митра, защити! — выкрикнула рабирийка, и варвар мельком подумал, что к числу всевозможных диковинок, с которыми ему довелось столкнуться на протяжении двух с лишним десятков лет жизни, можно смело добавить еще одну: гуль, вызывающий к защите Светлого Бога. Впрочем, вопрос, на кого из небесных покровителей лучше всего уповать в подобной ситуации, вполне мог потерпеть, а сейчас Конан одним прыжком очутился рядом с девушкой, в ужасе смотревшей на единственного обитателя глубокой ниши.

...Черная каменная кобра с полуразвернутым капюшоном и светлыми оскаленными клыками выгнулась над глубокой чашей, в которой чуть колыхалась густая темная жидкость. Алые злобные глаза пристально уставились в какую-то точку, недостижимую для людей, умудряясь сохранять при этом на редкость презрительное выражение.

— К-конан, что это?

Кажется, впервые в жизни Морадину изменила его обычная уверенность в себе. Утешало одно: кратковременное жуткое потрясение испытали все увидевшие черного идола люди.

— Даммарос, поздравляю, — хрипло сказал варвар. — Вдобавок ко всему прочему в твоём городишке обосновались поклонники Сета.

— Пошел ты знаешь куда со своими шуточками... — вяло отругнулся побледневший немедиец и попятился, пока не уткнулся в стену. — Боги, да кто бы мне растолковал, что здесь творится...

Притихшая Ринга внезапно резко повернулась и бросилась назад, к выходу из тайного святилища. Киммериец подумал, что даже на бесстрашную бешеную кошку нашлась управа и девушка сейчас с воплями кинется наверх, однако рабирийка упала на колени возле тела покойного главаря городских мошенников и схватила его руку.

— Конан, иди сюда! — закричала она. — Лампу принеси! Пожалуйста, скорее, или я с ума сойду!

— А орать-то зачем? — буркнул варвар, присаживаясь рядом с трясущейся, но не от страха, а от какого-то охотничьего азарта, девушкой и придвигая поближе наполовину прогоревшую лампу. — Ну, что такое?

Вместо ответа рабирийка поднесла безжизненную ладонь Эридата к тускло мерцающей лампе и с такой силой согнула его начавшие коченеть пальцы, что кости отчетливо хрустнули.

— Видишь? — с истерическим смешком спросила она. — Я последняя дура в этом паршивом городишке, можешь напоминать мне об этом хоть каждый день.

Из кончиков пальцев покойника высунулись когти — пять длинных острейших крючков бледно-коричневого цвета. Варвар и девушка коротко переглянулись, наемник выдернул из ножен кинжал и разжал стиснутые челюсти бывшего мирного и непримечательного дэлирамского торговца. Клыки оказались на месте, однако они были гораздо короче и тупее прятанных за узкими губами рабирийки и больше походили на слегка искривленные человеческие.

— Эридат и есть чудовище, Сет его заведи? — шепотом спросил Конан. — Но он же выглядел совершенно нормальным человеком! А коли он твой сородич, отчего же ты его сразу не признала?

— Знаешь, ты совершенно прав — его забрал Сет, — устало отозвалась Ринга, выпуская мягко шлепнувшуюся на каменный пол руку ночного существа. — Он не мой сородич, потому я почти ничего не ощущала. Мы, рабирийцы, всегда чуем присутствие друг друга... Эридат — полукровка, полукровка в третьем или четвертом поколении, самое жуткое, что можно представить. — Она неожиданно безумно расхохоталась, раскачиваясь взад и вперед. — Луна и ночь, полукровка, как я сразу не поняла, одержимый полукровка... Варвар, ты представляешь, что Эридат мог бы натворить, сумей прожить на свете еще десяток-другой лет?.. Полукровки, они от рождения все сумасшедшие, а с возрастом впадают в лунное бешенство...

— Прекрати! — Конан с силой несколько раз тряхнул девушку за плечи, и взгляд желтых глаз снова стал осмысленным. — Скажи одно: ночной убийца, которого мы ищем, — он?

— Ну разумеется, — твердо сказала рабирийка и торопливо заговорила, с опаской оглянувшись на Мораддина, Даммароса и нескольких гвардейцев, осматривавших жуткий алтарь Змея: — У него в предках были мои сородичи, это совершенно точно. У полукровок нашего племени в душе всегда слишком много звериного, сколько бы людей ни стояло между предком из Рабиров и потомками. Чем они становятся старше, тем сильнее темная половина рвется наружу. Мы, настоящие гули, умеем ее сдерживать, полукровки — почти нет. Кроме того, они всегда считают себя неполноценными. Им хочется быть либо полностью людьми, либо гулями, а им не дано ни того, ни другого. Они — самые несчастные и потому самые злобные существа в мире. А этот...

— Он вдобавок решил продаться Змею, — догадался Конан. — Ну и мерзость... Значит, к старости Эридат окончательно свихнулся и начал потрошить своих друзей и приятелей?

— И да, и нет. — Ринга поежилась. — Здесь слишком много всего перемешалось. Он хотел заполучить караван... И еще минувшее полнолуние...

«Вот уж действительно, слишком много всего, — мрачно подумал варвар. — Хитроумный Эридат — спятивший гуль-полукровка, решивший от тоски и недовольства жизнью податься в змеепоклонники! Что ж нам теперь с этим делать? Кто его прикончил? А главное — зачем? Непонятно».

Девушка задумалась, сосредоточенно уставившись в стену, а затем повернулась к Конану и вполголоса спросила:

— Как считаешь, сказать им, что ночного убийцы больше нет?

— Надо бы, — согласился киммериец. — А то ведь не успокоятся, а Даммароса просто жалко, бедолагу... Мне другое интересно. Почему Эридат так целеустремленно убивал всех своих приятелей? И почему в итоге прикончи-

ли его самого? Ты заметила, ему какой-то умелец перерезал горло одним ударом?

— Заметила, — кивнула Ринга и нахмурилась. — Я вот о чем думаю... В последние два или три дня Эридат полностью превратился в чудовище и прятался здесь, выходя только на охоту. Кто-то должен был присматривать за ним, открывать дверь в подвал, впускать и выпускать его. Прислугу наверняка отпустили, кроме того бедняги, что торчит на лестнице... И этот кто-то под конец расправился с Эридатом, причем не просто зарезал, а принес в жертву Сету и собрал кровь. Значит...

— Значит, в городе есть человек, знающий все от начала до конца!

Варвар произнес эти слова достаточно громко, чтобы Мораддин подошел поближе и мрачно спросил:

— Вы о чем тут шепчетесь?

— А мы чудовище поймали, — нарочито равнодушным тоном сообщил Конан и с удовольствием полюбовался на удивленное выражение лица гнома. — Вон оно валяется...

— Он?! — Мораддин на редкость быстро сумел справиться с собой. — Полночная тварь — месьор Эридат?

Варвар и девушка покосились друг на друга и закивали.

— Ох! — Гном вздохнул, присел рядом с ними и недоуменно поинтересовался: — Вы полностью в этом уверены?

Предоставив рабирийке объясняться с Мораддином и несколько приунывшим Даммаросом, киммериец поднялся на ноги и подошел поближе к черной змее. Слитая в чашу кровь отсвечивала в лучах догорающей лампы темно-красным цветом, почему-то напоминая огромный драгоценный камень, превратившийся в жидкость.

«Вот так все и закончилось, — со странным равнодушием подумал Конан. — Никто ничего не получил, разве что одному Даммаросу немного повезло. Лотос сгорел, большинство участников заговора мертвы, а кто остался жив, сматывается без оглядки. Призрачная тварь, наводившая ужас на город, погибла, ее возможный хозяин так и остался неизвестным. А ведь он тоже наверняка был заинтересован в товаре туранского каравана и натравливал свою взбесив-

шуюся скотину на каждого, кто мог помешать ему в достижении его цели. Когда же стало ясно, что затея провалилась, прикончил опаснейшую мерзость и сбежал... Что самое странное — число загадок ненамного уменьшилось. Кто такая на самом деле эта бешеная кошка Ринга? Что ей было нужно в городке? Действительно ли ее продали покойному Эридату? Ладно, разберемся... Может быть».

Варвар отвернулся от прекрасной в своей застывшей вечной ярости, но почему-то внушавшей ему непреодолимое отвращение каменной змеи и хотел уже окликнуть Мораддина и остальных да выбираться наверх, когда его взгляд упал на закатившийся в угол блестящий предмет. Киммериец нагнулся, зачем-то поднял его и повертел в руках, удивленно разглядывая. Подобной вещи совершенно не полагалось находиться в таком месте, как потаенное капище Сета.

— Ринга, — позвал Конан. — Это случайно не твое?

Он поднял вещицу повыше, чтобы девушка могла лучше рассмотреть его находку — небольшой дешевенький женский браслет из красноватой меди, которая издавала походила на золото, украшенный несколькими слегка отшлифованными синими и зелеными полудрагоценными камешками.

— Мои все при мне. — Рабирийка подняла обе руки и позвенела своими немногочисленными украшениями. — Ровно шесть штук, и все здесь... погоди, ты сейчас нашел эту штуковину?

— Браслет валялся в углу, — отозвался варвар.

Может, в этом подвале не по своей воле побывала какая-то женщина, и это все, что от нее осталось? Но бездельница выглядит относительно новенькой...

— Где он лежал? — спросил Мораддин. — Здесь? Странно...

— Что странно? — не понял Конан.

— Дальний угол. Сюда он мог попасть только в случае, если его специально туда положили, — отозвался гном. — Или он закатился туда, упав с руки. Вот, взгляните, замочек погнут и выскакивает из дужки...

— Далась вам эта фитюлька,— сердито буркнул Даммарос, явно донельзя удрученный последними новостями и теперь соображавший, что же со всем этим делать.— Лучше бы подумали, как нам теперь быть...

— Погоди.

Варвару показалось, что маленькое украшение уже когда-то попадалось ему на глаза и мимолетная встреча с его владелицей имела отношение к таинственному каравану. Только вот каким образом? Довольно невзрачная, хотя и не лишенная изящества поделка, которая может принадлежать небогатой женщине... Нет, он начал не с того конца. Когда стало известно, что караван благополучно миновал засаду в ущелье и все-таки придет в город? Когда он сам и Мораддин вернулись в поместье «Кипарисы», принеся это безрадостное известие. Если кто-то подслушивал памятный разговор с Леддаром и дорогой Линдиссой, у него оставалось достаточно времени, чтобы на хорошей лошади доскакать до города и постараться замести все возможные следы.

Спрашивается, кто это мог быть? Кто, помимо уцелевших в резне Линдиссы и Леддара, знал обо всем происходящем? Одним словом, чей браслет? Не Линдиссы — рыжая красотка никогда бы не надела столь скромную и незаметную вещицу. Не Ринги — ее украшения куплены самим Конаном, и он прекрасно помнил, что именно покупал. Такого браслета среди подарков не было...

Тогда кто же знал все подробности заговора, присутствовал при всех разговорах, оставаясь при этом незамеченным? Кто был настоящим призраком, который управлял спятившим Эридатом? Может, этот неизвестный сам и довел умудрявшегося как-то сдерживать свои кровожадные инстинкты полукровку до полного безумия, а затем, убедившись, что ничего не достиг, избавился от него? Кто, кто еще постоянно был рядом? На кого в суматохе последних трех дней они совершенно не обратили внимания?

— Никто и никогда не замечает слуг,— медленно говорила Ринга, точно отвечая на невысказанный вопрос киммерийца.— А слуги видят и слышат все...

«Старая Чари! Она постоянно была рядом с Линдиссой! Однако в поместье она не показывалась,— сообразил Конан.— Браслет... Ну конечно, это браслет Чари, я видел его, когда мы навели страху на Гебера с компанией, а потом разговаривали с Линдиссой в саду... Такого не может быть! Впрочем, тут уже случилось столько всякой невообразимой небывальщины, что еще от одного невероятного события ничего не изменится».

— Чари,— уверенно сказал варвар.— Чари могла знать все. Даже если это не она, я бы не отказался задать Линдиссиной служанке пару вопросов... Только где она может находиться сейчас? В усадьбе я ее не видел...

— А здесь, в городе, в доме Линдиссы? — предположила девушка.— Вдруг она еще не успела никуда улизнуть? Пошли проверим!..

Ринга стрелой вылетела из святилища и понеслась вверх по лестнице. Киммериец помчался за ней. Мораддин недоуменно пожал плечами и бросился вслед внезапно удравшему приятелю, здраво рассудив, что подобное стремительное бегство наверняка имеет вескую причину. Имя Чари ему ничего не говорило, однако оставлять варвара одного не следовало: непременно опять ввяжется в опасную историю!

* * *

Остававшиеся наверху гвардейцы были порядком напуганы, когда из загадочного и мрачного подвала один за другим выскочили двое наемников, странная девушка, а затем и их собственный капитан с помощниками. Не обращая ни на кого внимания, эти шестеро взлетели на лошадей и галопом понеслись куда-то в центр городка. Даммарос, правда, задержался на несколько мгновений, чтобы приказать оцепить дом, никого не впускать и не выпускать, а также ничего не трогать. После чего прихватил с собой еще десяток человек и ускакал вслед за наемниками.

Владение госпожи Линдиссы, неудачливой мошенницы, никуда не делось. Конан поймал себя на том, что ничуть не удивился бы, застань они на месте уютного особняка зарос-

ший сорняками глухой пустырь или огромную яму. Но дом со всеми его пристройками, верандами и коридорами по-прежнему стоял на улице Прыгающей Ящерицы.

Главные ворота оказались закрыты, но не заперты. Во дворе царили ставшие уже привычными тишина и безлюдье, зато в комнатах в отличие от дома Эридата явно проводились поспешные сборы. Шкафы и сундуки стояли нараспашку, повсюду валялось небрежно разбросанное пестрое барахло: одежда, украшения, какие-то флакончики... Мораддин и Конан заглядывали в каждую встречавшуюся на пути комнату — ни одной живой души!

— Сюда,— уверенно бросила Ринга, избегая по застланной ковром деревянной лестнице на второй этаж.— Оно где-то поблизости...

Девушка привела своих спутников в небольшой зал с несколькими дверями и здесь заметалась, точно упустив невидимый след. Мораддин, оглядевшись по сторонам, решительно подошел к одной из дверей, ничем не отличавшейся от других, и толчком распахнул створки.

— Я знала, что вы непременно придете сюда,— мягко и слегка снисходительно произнес вкрадчивый женский голос.— Вы нашли браслет, не правда ли? Какая неосторожность с моей стороны — позабыть его там...

Ринга угрожающе зашипела и, пригнувшись, медленными шагами двинулась вперед, к удобно расположившейся в кресле женщине.

В маленькой комнате не было ничего примечательного или зловещего: изрядно потертые ковры на стенах и на полу, узкое стрельчатое окно, выходящее на сонную пустую улицу, да единственное кресло. В кресле сидела невысокая полноватая женщина средних лет, та, которую Конан и Ринга знали под именем Чари, верной служанки госпожи Линдиссы.

Но не это заставило всех остановиться на месте и озадаченно переглянуться, точно спрашивая: «Видим ли мы на самом деле то, что видим?»

За спинкой развернутого к двери кресла переливалось под ослепительно ярким полуденным солнцем всеми от-

тенками синего море, набегая на белый песчаный берег. Дальше по берегу различались мотающиеся на ветру лохматые пальмы, а за ними... За ними поднималась к небу темно-коричневая заостренная верхушка какого-то гигантского каменного сооружения. Всего этого, конечно, не могло здесь быть. И все же оно было: и море, чей приглушенный плеск долетал до слуха остолбеневших людей, и скрипящие зеленые пальмы, и даже отдаленный шум ветра, игравшего в листве. Словно в стене дома кто-то проделал огромную дверь на побережье далекого моря. Дверь, рамой которой служили бледные, чуть светившиеся узкие полосы, как живые подрагивающие на месте и отделявшие страшный проход от поверхности обычной каменной стены.

Конан помотал головой, пытаясь прогнать наваждение, но, поскольку оно и не думало исчезать, пришлось согласиться, что колдовская дверь, ведущая к песчаному побережью (варвар готов был поставить собственную голову за то, что видит берега Стигии), действительно существует. Вроде бы вид на спокойное зеленоватое море и гигантское четырехугольное сооружение на берегу не представлял никакой опасности, а посему его присутствие сейчас не имело значения. Главным было разобраться с женщиной, и варвар, перешагнув через порог, вошел в комнату.

— Значит, это ты.

Рабирийка преодолела два или три ужасно длинных шага, отделявших ее от кресла, но так и не смогла подойти вплотную, как будто ее не пускала невидимая стена.

— Постой лучше там,— насмешливо сказала Чари.— Мне будет спокойнее... А то я тебя знаю, рабирийское отродье, сначала загрызешь, а потом разбираешься. Да и твои дружки ничуть не лучше, особенно вон тот, длинный... Никогда не могла понять, что за извращенная тяга к дикарям?

— Не твое дело,— зло огрызнулась Ринга.— Я спросила, это твоя работа?

— Ну, моя,— пожала плечами Чари.— Собственно, чем ты недовольна, дорогая? Можешь быть счастлива: ты добилась своего. Беги к своим хозяевам в Бельверус, пусть они тебя похвалят.

— У меня нет хозяев, и это тебе прекрасно известно,— холодно процедила девушка.— В отличие от тебя, змея стигийская!

— Ринга, что происходит? — решил вмешаться Конан, уяснив из перебранки женщин только одно: они уже встречались раньше и не испытывают друг к другу теплых чувств.

— Ты был совершенно прав,— устало сказала Ринга.— Вот наш призрак. Бедняга Эридат, у него и так с головой было не все ладно, а почтенная госпожа Чари окончательно сделала из него чудовище. Наверняка убедила, что, продав душу Змею, он сможет достичь всего, чего хочет. Он и достиг. Стал ночной тварью и отправился по ее приказу собирать жизни... А когда Чари поняла, что ничего не получит, прикончила Эридата ради своего драгоценного червя!

— Помолчи, ты, кровопийца неудавшаяся! — вскинулась Чари.— Не болтай своим поганым языком о том, чего не понимаешь!

— Сама заткнись,— рявкнул варвар.— Ринга, а может, прибить ее, и дело с концом?

— Мы не можем ее достать,— тоскливо сказала рабирийка.— Ведьма поставила магический щит между нами и окном, а я не могу его разбить.

— Вот именно,— хищно улыбнувшись, подтвердила Чари.— Что ты вообще можешь, кроме как вынюхивать, высматривать да подслушивать? Сегодня тебе по чистой случайности повезло, но разве смертному известно, что произойдет завтра? Ты хоть разок задумывалась над этим, ищейка? Думаешь, люди всю жизнь будут бросать тебе кости за хорошую работу? Когда-нибудь ты окажешься им больше не нужна, и что тогда с тобой станет?

Ринга промолчала, сделав вид, что не расслышала обращенных к ней издевательских слов, однако Конан заметил, как побелели крепко стиснутые кулачки девушки.

— Значит, за караваном охотилась еще и она? — негромко спросил Конан.

— Конечно,— ответила вместо рабирийки Чари.— Не могли же владыки Стигии допустить, чтобы такое сокрови-

ще ушло к сборищу недоумков, именуемых по недоразумению разумными созданиями!

— И вы позволили своему сумасшедшему убийце перебить множество ни в чем не повинных людей? — холодно поинтересовался Мораддин, доселе тихонько стоявший за спиной варвара.

— Десяток, два, какая разница? — с неподдельным недоумением отозвалась Чари.— Если бы некоторые не вмешались в чужое дело, они наверняка остались бы живы... Кстати, варвар, как там поживает моя дорогая хозяйшюшка и ее приятель? Надеюсь, ты их прикончил?

— Можешь себе представить — нет,— отрезал Конан.

— Жаль,— искренне сказала Чари.— Ну да ладно, пускай поживут... Как ни прискорбно,— она поднялась с кресла,— но теперь настало самое время попрощаться.

Ринга яростно взвыла и, забывшись, бросилась на невидимую преграду. Ее отшвырнуло назад, а Чари рассмеялась:

— Маленькая глупая ищейка, которая никогда не поумнеет! Даже твой туповатый дружок-варвар сообразительнее тебя! Великий Сет защищает меня, и я возвращаюсь в Стигию! Вы ничем не сможете помешать!

В какое-то мгновение киммериец едва не последовал примеру девушки, так хотелось дотянуться до этой ядовитой гадюки в человеческом образе и вышибить ей мозги...

Тихий двойной щелчок пальцев — привычный сигнал, означавший: «Посмотри на меня!» — заставил Конана покоситься назад. Мораддин все так же спокойно стоял на месте, наблюдая за происходящим, но его правая рука незаметно сделала странный жест — сняла с пояса что-то невидимое и метнула в смеющуюся Чари.

«Кинжал, ну конечно! Кром, как я мог забыть!»

Висевший на поясе варвара длинный кинжал-дага в простых ножнах — подарок покойного старого шейха из оазиса Баргэми — был не совсем обычным оружием. Когда-то он принадлежал магу из Аквилонии, Раэну Танасульскому, и поныне сохранил часть вложенных в него магичес-

ких свойств. Неизвестно, захочет ли клинок проявить их сейчас, однако попробовать-то никогда не помешает!

— Ринга, быстро в сторону! — заорал Конан, выхватывая нож.

Рабирийка послушно бросилась к дверям, споткнулась о завернувшийся край ковра, и гном еле успел подхватить ее. Стоявшая на пороге своей удивительной двери Чари обернулась и растерянно взглянула на летевший прямо в нее кинжал.

Блестящее лезвие легко прошило магический щит, послышался тонкий жалобный звон, словно кто-то разбил огромную хрустальную вазу, да не одну, а по меньшей мере десяток. Полыхнул безжалостно-чистый белый свет, заставив людей зажмуриться и шарахнуться назад.

Созданный неизвестной силой проем, ведущий на берег далекого моря, начал стремительно сужаться, его светлая огненная кайма вспыхнула мрачно-багровым светом. Спустя еще миг раздалось отчетливое хлопанье, и колдовская дверь исчезла, не оставив ни малейшего следа своего пребывания, если не считать кинжала, глубоко воткнувшегося в деревянную панель.

А Чари никуда не исчезла и стояла, прижавшись к стене и с ненавистью глядя вокруг.

— Вот и попалась, змея стигийская, — подвел итог Моррадин. — Вяжем ее!

Эпилог

Полуденное солнце освещало сонный провинциальный городок, расположенный на границе унылой выжженной степи и закатных отрогов Кезанкийских гор. Среди пыльно-зеленых пятен выживших вопреки всему садов поднимались плоские черепичные крыши, кое-где вились еле различимые струйки дыма — городок, пережив пролетевший над ним ураган самых невероятных и зловещих событий, возвращался к прежней незамысловатой жизни.

Поселение обегала широкая белая дорога, которая устремлялась через равнину на полдень, к ближайшему из крупных городов этой страны — Арэнджуну. Дорога была пустынной, если не считать странной группы из трех человек и их лошадей, расположившихся прямо на обочине, возле придорожного камня с вытершейся надписью, которая сообщала всем и каждому, что до Арэнджуна ровно десять лиг и ни шагом больше.

Кони, не обращая внимания на разыгравшуюся возле них небольшую бурю, которая сопровождала довольно шумное выяснение отношений между людьми, равнодушно пощипывали ломкую и сухую траву. Впрочем, один из странной компании придерживался мудрой точки зрения лошадей и, удобно устроившись возле теплого камня, невозмутимо и терпеливо ждал, пока его разгоряченные приятели придут хоть к какому-то решению.

— Конан, дорогой мой, не надо делать такое обиженное лицо, — втолковывала киммерийцу Ринга. — Послушай, на-

сколько я тебя знаю, ты всю жизнь ходил в наемниках, служил когда-то у Илдиза, потом в Офире...

— Ну, было такое...— угрюмо буркнул варвар.— Однако ты могла бы рассказать все сразу! Собираешься, насколько легче было бы закончить эту историю? И вообще, ведьма зубастая, разве можно было так подставлять меня? Я, как охотничья собака, бегаю по следу, разыскиваю всяких умалишенных, а ты просто стоишь и смотришь...

— Какая ерунда,— скривилась рабирийка.— Разве теперь ты подвергался куда большей опасности, нежели во время походов с Карелой или пиратства на Западном океане? «Тигрица» прославилась благодаря тебе очень надолго!

Конан изумленно воззрился на свою необычную подружку, помолчал некоторое время и наконец выдал:

— Про Карелу я тебе рассказывал... Но от кого ты узнала про Белит и мое плавание на «Тигрице»?

Ринга рассмеялась и хлопнула варвара по руке:

— Конан, душка, о твоих похождениях наслышаны не только в Стигии, Шеме или Туране, но даже в Тайной канцелярии Нимеда! Пойми, киммериец, что, влипая в течение десяти лет во всякие громкие истории, связанные с важнейшими государственными делами и именами самых великих властителей Закатных и Полуденных стран, просто невозможно остаться незамеченным! Люди, пославшие меня в Дэлирам, как-то рассказывали о некоем Конане Киммерийском, а кроме того, я просто узнала тебя в лицо.

Варвар застыл с открытым ртом. Разве что слюна не текла.

— Но откуда?..— преодолев оторопь, прохрипел он.— Я тебя совершенно не помню!

— Разумеется, не помнишь,— пожала плечами девушка.— Ты меня и в глаза никогда не видел. Зато я тебя прекрасно запомнила. Не подскажешь, кто четыре года назад служил Нимеду, а затем Амальрику Офирскому, да так хорошо, что в обоих многострадальных государствах потом еще долго дым стоял коромыслом?

— Ладно,— сдался Конан, никак не отреагировав на смешок Мораддина, несколько удивленного столь солидным послужным списком человека, которого гвардеец Илдиза привык почитать за самого тривиального авантюриста. Киммериец продолжил: — Ну хорошо, может быть, ты меня видела... Однако я попрошу объяснить кое-что совершенно непонятное мне. Ринга, ты ведь...— Конан оглянулся на Мораддина, но все-таки брякнул: — Ты ведь гуль! Скажи, как можно гулю поступить на королевскую службу и получить высокий чин?

Морадин даже не пошевелился. Он и раньше подозревал, что подружка варвара не совсем человек, пусть и общался с ней недолго. Потомок гномов мало обращал внимания на происхождение своих знакомых, благо у самого отец был самым настоящим нелюдем. Ну, гуль, ну, вампир, и дальше что? На людей не бросается, служит королю Немедии, внешне выглядит вполне недурственно... Зачем сторониться существа, не относящегося к созданиям злых сил, а просто совсем отличного от человека? В общем, Морадин промолчал, но наострил уши, рассчитывая услышать интересное повествование.

— Всякое случается,— тем временем отвечала Ринга Конану.— Помнишь, я тебе рассказывала историю о том, как меня поймали стигийцы и обучали ремеслу сторожа? Почти все так и было, разве что не двадцать лет назад, а все семьдесят...

— Что?! — округлились глаза у варвара.— Так ты...

— Да,— кивнула рабирийка.— Мне... Скоро буду праздновать столетие. Гули живут значительно дольше людей и почти не меняются внешне... Впрочем, это неинтересно. Стигийцы продали меня в Бельверус, одному придворному тогдашнего короля. Придворный оказался начальником тайной службы. Очень быстро уяснив, что мои способности могут пригодиться, он освободил меня от рабства и предложил захватывающую и рискованную работу на благо трона. Я согласилась, рассчитывая позже сбежать, но со временем мне понравилось... И вот уже шестьдесят лет я выполняю самые опасные и... не особо невинные поруче-

ния короля, главнокомандующего и главы Тайной канцелярии. Платят хорошо, дали дворянство...

Конан схватился за голову, потом за меч, потом выкрикнул несколько удивительных по своей изощренности ругательств и, наконец, в упор посмотрел на Рингу:

— Детка, хорошо! Я поверил, что Нимед взял на службу вампира! Что тебе сто лет! Что ты герцогиня, графиня или кто там еще! Но ответь, что ты делала в клетке у Эридата? Пусть меня сожрет равах, но этого я никак не могу понять!

Мораддин беззвучно посмеивался, искоса взирая на варвара и его приятельницу. Белая мышка, выбравшись из капюшона плаща, залезла хозяину на макушку и, свесившись вниз головой, с интересом обнюхивала его ухо, видимо надеясь найти внутри угощение.

— Я сидела у Эридата, потому что должна была там сидеть! — отчеканила Ринга. — Не раскрою особой тайны, сказав, что начальник тайной службы давным-давно был осведомлен о потоке запрещенных товаров, идущих в Немедию через заморийские пограничные заставы. Ты прекрасно представляешь, что такое Замора: взятка чиновнику, дорогой подарок гвардейцу, убийство строптивого начальника стражи — и все остается шито-крыто! Мы знали и знаем о делах в Арэнджуне и Шадизаре. Рано или поздно и тамошним хозяевам придется ответить за все, но сейчас было необходимо проследить пути переправки лотоса и прочей дряни через границы. Эридат недавно совершил ошибку: приехал в Шадизар закупать товары, а в оплату предлагал стигийское белое золото. Благодарение Митре, торговец, разговаривавший с Эридатом, работал на Бельверус и успел все сообщить в Тайную канцелярию. Откуда у простого купца может быть настоящее белое золото Стигии? Мы решили, что вышли на след, и мгновенно подкупленный торговец предложил Эридату приобрести необычного сторожа. А остальное ты знаешь...

— А Чари? — прохрипел варвар. — Кажется, ты знала ее раньше? Правильно?

— Да, знала, — подтвердила Ринга. — Эта ведьма из ближайшего окружения Тот-Амона служила Черному кру-

гу много лет. Появлялась в Закатных странах с серьезными поручениями, гадила как могла... Я впервые услышала о ней после неудачного покушения стигийцев на короля лет пять назад. Тогда Чари сбежала, но ожидать, что встречу ее здесь, в Дэлiramе, я не могла. Жаль, не узнала ведьму сразу...

Мораддин откровенно скучал. Совершенно ничего нового! Интрижки двора Нимеда в сравнении с историями, случавшимися в Аграпуре, — просто детские забавы.

* * *

Конан заслужил хоть одну спокойную ночь после многих, что были наполнены беготней, драками и заумными разговорами. Несколько дней в городке, как с ехидцей сообщила Ринга после поимки Чари, стоили варвару многих седых волос. Впрочем, наверное, врала, как обычно.

После визита в пустой дом Линдиссы, который обошелся в несколько жизней немедийских гвардейцев, а также захвата поклонницы Сета и стигийской лазутчицы Конан с Мораджином плюнули на все трудности Даммароса, предоставив капитану самолично разбираться со связанной и беспрестанно ругавшейся колдуньей. Между прочим, Чари оказалась сильным и знающим магом: двоих гвардейцев она уложила заклятиями огня, и люди просто вспыхнули как факелы, еще четверо погибли от взявшихся прямо из воздуха стальных стрел, и только потом скромную служанку госпожи Линдиссы удалось повязать, заткнуть кляпом рот и вытащить из дома.

Даммарос решил поместить Чари прямо в казармах гвардии до следующего утра, непременно связанную, чтобы не могла колдовать. На рассвете капитан собирался отправить стигийку в Арэнджун, к королевскому наместнику — пусть он и разбирается с проклятой тварью. В Заморе, конечно, не особо почитали Митру, более склоняясь к культу Бела или божкам — покровителям городов, но в то же время ни единый замориец, будь он самым прожженным разбойником или торговцем серой смертью, не станет поклоняться Стигийскому Змею — Сету.

Ринга немедленно устроила скандал, требуя именем короля казнить стигийку прямо сейчас и все равно каким способом. Даммарос, однако, подумал и отказался. Если повезет, за грядущую ночь он сумеет вывести у Чари все обстоятельства ее появления в Дэлираме и имена прочих стигийцев, действующих в Заморе. После легкой перебранки капитан гвардии и представительница короля вместе с опасной пленницей и уцелевшими солдатами отправились в сторону немедийских казарм. Туранская полусотня, к слову, учуяв, что силы сейчас не на стороне Аграпурской короны, все последние три дня сидела тихо, не выступая и не протестуя против действий капитана Даммароса...

Конан, не желая соваться в трактир Барракса, где о нем осталась далеко не лучшая память, направил своего коня к дому Эзаэдро. У входа в жилище старого приятеля состоялся очередной скандал: охранники заявили, что месьора Конана, равно как и его друзей, хозяин пускать не велел, а если и придут — гнать в шею без разговоров. Злой и уставший киммериец вместе с Мораддином расшвыряли охрану, никого, впрочем, не лишив жизни, прошли в дом, где немедленно наткнулись на Эзаэдро, который вышел узнать, кто там шумит. Мгновенно вспыхнул третий скандал: хозяин и гость орали друг на друга так долго, что Мораддин, устав ждать, когда закончится выяснение отношений между старыми знакомцами, отправился в гостиную и, пытаясь не обращать внимания на разносившиеся по дому вопли, налил себе вина, устроился в кресле и заснул.

Вполне понятно, что завершения дружеской беседы Конана и Эзаэдро Мораддин не слышал, хотя оно оказалось весьма необычным.

Конан в ответ на очередные обвинения в нарушении спокойного течения жизни сообщил Эзаэдро о поимке, а вернее, смерти нападавшего на хозяина дома чудовища и захвате немедийцами Чари, которая оказалась настоящей виновницей большинства бед, обрушившихся на Дэлирам в последние дни. Эзаэдро несколько оторопел, примолк на некоторое время, а потом сказал Конану, что подозревает, отчего гнусная стигийка натравила на него своего послуш-

ного раба. Конан, без особого, впрочем, удивления, а, скорее, со спокойствием и безразличием, выслушал историю Эзаэдро. Последний, как выяснилось, и был наблюдателем, посланным дельцами Аренджуна в приграничный городок, чтобы следить за прохождением караванов с товарами, а вдобавок и за местными деятелями, желавшими получить независимость от аренджунских и шадизарских дельцов.

Значит, Эзаэдро и был тем самым таинственным Арнаком...

— Я знал, что ты далеко пойдешь, — устало кивнул варвар, выслушав рассказ старого приятеля. — Могу успокоить тебя и твоих хозяев: караван не прошел через город без досмотра, и виной тому я. Лотос обнаружен и сожжен. Станете за мной охотиться — вам же хуже. Мой меч пока не сломался, да и тайная служба Немедии, полагаю, заступится...

Эзаэдро, раскрыв в изумлении рот, сел прямо на пол, но затем очухался, вскочил и заорал так, что у Конана заложило уши. Вопли посланника аренджунцев разбудили даже Мораддина, немедленно явившегося в комнату и сонно спросившего:

— Что это вы тут делаете? Опять кого-то убили?

— Справедливость восстанавливаем, — пожал плечами варвар. — Пока все живы... Но один труп вполне может быть.

И Конан указал на побагровевшего от ярости Эзаэдро. Не слушая дальнейших словоизлияний хозяина дома, Конан и Мораддин отправились в гостиную, прикрыли за собой дверь поплотнее и устроились спать прямо на полу, на мягком туранском ковре. Эзаэдро до глубокой ночи бродил по дому, то шипя из-за боли в ране, нанесенной покойным Эридатом, то выкрикивая бессвязные проклятия в адрес немедийской гвардии, тупых киммерийцев, болванов из Аренджуна, не сумевших утаить перевозку серого лотоса, и мерзавки Линдиссы, сорвавшей все дело из-за собственной алчности.

К утру хозяин слегка утомился и лег отдыхать, а потому видеть, как проснувшиеся на рассвете варвар вместе с приятелем покинули дом, не мог.

Чари, служанку Линдиссы, повесили утром. К величайшему сожалению варвара, они с Морадином не успели застать самого интересного и прибыли на базарную площадь, где Даммарос, Ринга и немедийские гвардейцы проводили экзекуцию, к моменту, когда стигийка, все еще связанная по рукам и ногам, уже болталась в петле. Однако, взглянув на ее синий язык, вываленный набок, и лужу зловонной мочи под виселицей, Конан только добродушно хохотнул:

— Люблю стигийцев!

— Вот как? — удивленно поднял бровь Морадин. — Вчера ты утверждал, что всех ненавидишь. Туранцев, немедийцев, шемитов... Гномов, опять же.

— А я их и сейчас ненавижу, — широко улыбнулся варвар. — А стигийцы мне нравятся исключительно в удавленном состоянии!

Вопросы, обращенные к Даммаросу, мало чего прояснили. Капитан сообщил только следующее: оказывается, Черный Круг стигийских магов, крайне заинтересованный в постоянной добыче магического и дурящего зелья, попытался перекрыть все пути кхитайскому товару на закат и постепенно направить его в Стигию. Имен других посланников Черного Круга, орудующих в Заморе, Туране или Немедии, Чари так и не назвала. Также осталось неизвестным то, каким образом ведьма смогла заслужить полное доверие Линдиссы и подчинить себе Эридата. Впрочем, догадки были. Ринга рассказала, будто стигийские маги знают некие древние заклинания, способные приводить гулей или их потомков в состояние полнейшего иступления, когда жертва колдуна выполняет все его приказы. Потом, втихомолку, рабирийка призналась Конану, что прежние ее хозяева пытались опробовать на ней такое же заклятие и она до сих пор не хочет вспоминать о его последствиях...

Цели Чари, однако, были ясны как день: уничтожить всех, кто имел отношение к незаконной торговле между Тураном, Кхитаем и Немедией, постепенно завладеть воз-

можностью направлять товары не в Арэнджун или Шади-зар, а на полдень, в Стигию, и тем самым лишить господ из Заморы власти над потоком серого лотоса.

Само собой, Конан не забыл про обещание Даммароса и прямо возле виселицы потребовал свое вознаграждение за поимку чудовища, равно и его хозяйки. Тут едва не случился четвертый скандал: капитан искренне возмущился, сказав, что не собирается платить деньги из казны короля всяким разбойникам, грабящим караваны и способным лишь указать место, где прячется чудовище-убийца.

— А ты что хотел? — не выдержав, рявкнул Конан на Даммароса. — Все условия выполнены! Ты получил гору серого лотоса, зверя, убивавшего людей, стигийскую ведьму! Без меня хоть что-нибудь получилось бы?

— Нет, — уныло признался капитан. — Но все равно, ты изрядно побезобразничал в Дэлираме. Кто нарушил спокойствие на городском рынке? Кто ограбил Эридата? Кто убил Леддара? (После этого вопроса Конан едва не брякнул, что Леддар жив-здоров, но сдержался, помня данное слово.) Кто покушался на госпожу Линдиссу?..

— Не я, — отрекся Конан от последнего обвинения. — Это дело Эридата и Чари! И вообще, ты дашь деньги или нет?

Ринга ткнула Даммароса локтем в бок и серьезно взглянула на него, как бы говоря: «Заплати ему, и пусть подавится!»

— Сожри тебя Нергал! — проворчал капитан, отвязывая от пояса мешочки с золотом. — Грабители! И чтоб я тебя больше здесь не видел, понял?

— Да пожалуйста, — обиженно пожал плечами варвар, упрятывая тугой кошелек за пазуху. — Ну, счастливо, что ли, капитан?

— Сгинь! — прошипел Даммарос.

Лошадь киммерийца развернулась и двинулась шагом к выезду из города. Жители Дэлирама, собравшиеся поглазеть на казнь ведьмы из Стигии, постепенно расходились, но все равно приходилось проталкиваться сквозь толпу. Тут Конана и догнал прежде молчавший Морадин.

— Эй, варвар, ты ничего не забыл?

— Забыл попроситься с Рингой, — кивнул Конан. — Делать это как-то совсем не хочется... Набить морду паре ублюдков забыл, но с этим тоже можно обойтись. Прирезать Линдиссу, опять же...

— Еще? — железным голосом спросил потомок гномов. — Про мои камешки не запамятовал? Я же отдавал их тебе на хранение.

— О Кром! — тяжело вздохнул варвар. — Слушай, ты извини, я их раньше проиграл в кости, но потом выкупил... Не все, правда.

Мораддин построил физиономию, какая бывает только у человека, собравшегося кого-то убить.

— Где камни?

Конан зашарил по поясу, нащупал новый мешочек на правом боку, достал его, развязал и...

— Это серый лотос, который ты украл, — ледяным тоном сказал Мораддин. — Успел-таки, мерзавец! Камни где?

— Потерял, — сокрушенно вздохнул варвар, так и не обнаружив кошель с самоцветами, которые подарили гномы. — Наверное, во время боя в ущелье. Ты уж извини...

— Дуби-ина, — протянул Мораддин, испепеляя компаньона взглядом, но тут же неожиданно бодрым голосом воскликнул: — Ладно, забыли! Поехали из этого проклятого города, пока ты еще чего-нибудь не потерял! Голову, например...

* * *

Разговор Ринги, догнавшей буйную парочку возле выезда из города, и киммерийца закончился почти ничем. Рабирийка снова повторила, что сожалеет о невольной причиненных неприятностях, но ведь все это делалось во благо закона и короны, а варвар едва сдерживался от того, чтобы не разораться на бывшую подружку.

— Меня в очередной раз обманули, — с некоторым разочарованием признал Конан. — Вы вместе с Даммаро-

сом меня просто использовали, только он непреднамеренно, а ты — вовсе наоборот.

— Не огорчайся, — отмахнулась Ринга. — Все кончилось хорошо. Я выполнила свою работу, ты получил неплохие деньги и остался жив. Караван задержали, а лотос уничтожили... Все нормально, правда?

Слева, со стороны Дэлирама, слышались звон бубенчиков и редкие взрывания верблюдов. Изрядно потрепанный караван продолжал свой путь к Арэнджуну. Часть купцов должна была на развилке дорог свернуть к полудню, в сторону Кофа и Шема.

— Так куда поедет дальше? — неожиданно подал голос Мораддин, упрятав свою мышку обратно в капюшон. — В Шадизаре или Арэнджуне нам показываться вообще нельзя...

— О! — подняла палец Ринга. — Кстати, я догнала вас с одной определенной целью. Мне необходимо ехать в Бельверус, доложить обо всем случившемся. Давайте со мной, а? Ведь вам все равно куда ехать, а вдруг у Тайной канцелярии моего короля найдется поручение и для вас? — Заметив скушающий взгляд Конана, Ринга добавила: — Нимед очень хорошо платит своим людям...

— Да? — заинтересовался варвар. — Что скажешь, Мораддин?

— Все равно, — отмахнулся бывший начальник тайной гвардии. — В Бельверус так в Бельверус...

Караван поравнялся с сидевшей на обочине Дороги Королей троицей, и почти все верблюды уже прошли мимо, когда Конан снова услышал знакомый скрипучий голос:

— Клянусь мамой, это опять он! Молодой человек, ты снова ждешь меня?

Глаза старого шемита строго смотрели на варвара сверху вниз, из-под высокого лазорево-белого тюрбана.

— О нет... — простонал киммериец, рассмотрев всадника на верблюде. — Уберите его от меня!..

Мораддин тихонько затрясся от подступающего смеха. Шемит, задержав верблюда, снова задал вопрос:

— Разве вы хотите ехать со мной в Асгалун? Это очень правильно! Вы не знаете, что в Шеме самые лучшие лекари для головы друга госпожи Стейны?

— Да, — шутки ради кивнул Мораддин. — Мы все стоим и ждем именно тебя, почтенный, чтобы поехать вместе в Шем. А то мы дороги не найдем...

— Еще не хватало! — взвился Конан. — Я поеду куда угодно, буду служить кому угодно и выполнять какие угодно поручения! Но в Асгалун вы отвезете меня только мертвым!

ПОХИЩЕНИЕ АДВЕНТЫ

ПРОЛОГ

Песнопевец Агинон аккуратно пристроил цитру у ног своих, принял из рук слуги огромную чашу, доверху наполненную золотистым аквилонским вином, и тремя глотками тут же ополовинил ее. Затем чуть затуманенный взор его вновь обратился на молодого Тито, чернобрового и черноокого красавца, который отвечал ему взглядом почтительным, хотя и не без тени усмешки: он едва успел отведать этого знаменитого аквилонского, в то время как Агинон употребил уже две чаши и теперь принялся за третью.

— Что, Титолла, приумолк? — ласково спросил песнопевец, рукою поглаживая крутой бок чаши. — Или бражка не хороша показалась?

— Бражка ли? — с сомнением покачал головой юноша. — Да я такого вина еще и не пробовал. В груди от него горячо, в душе весело, а на языке приятно. Если позволишь, я возьму в дорогу один кувшин...

— Прокру нет. Сон себе испортишь — и вся радость... Отец мой, помню, говаривал: «Что бы ни было в сосуде, но если он один — в нем только вода...» Ты уж возьми с полдюжины, милый, а останется — друзей угостишь... — Агинон степенно отер ладонью губы и клинышек бородки и переправил пустую уже чашу на край стола, дав слуге знак наполнить ее снова. — Погляди-ка, Титолла, луна какая желтая — будто бы свежая лепешка с сыром, так и хочется укусь... А звезды, звезды!.. Люблю я ночное небо — душа

моя там и без вина поет, кружась в танце таких же легких душ... Ох, я и не заметил, что ночь наступила... Заговорил я тебя, сынок,— гляжу, глаза твои уж закрываются. Отправляйся теперь почивать, а поутру я сведу тебя на базар. Поизносился ты, надо одежонку добротную купить...

С этими словами песнопевец расправил складки на своем сером в черную крапинку балахоне дорогой мягкой шерсти, собранные им в начале беседы для удобства, сдернул с плеч накидку и бережно завернул в нее цитру, затем допил из чаши последний глоток вина и со вздохом поставил ее на стол. Юноша в продолжение сего обычного, хорошо знакомого ему ритуала смотрел на него с недоумением и обидой, но пока молчал. Когда же Агинон, кряхтя, стал подниматься из глубокого кресла, Тито нахмурил брови и быстро сказал:

— Но, дядя, ты обещал нынче всяко поговорить со мной! Неужели я для того приехал в Аквилонию, чтоб тут по базарам ходить? Будь добр, погоди ложиться. Я...

— О-хо-хо-о... Митра свидетель, Титолла, ну мне ли надо спать? Я стар, и давно уже ночи мои наполовину бессонны! Но ты — ты так молод, а в молодости силу питает обильная пища да крепкий сон...

— Нет уж,— перебил его Тито, упрямо мотнув головой.— Мою силу питают более наши с тобой беседы, так что... Я груб, дядя, прости меня... Но я так надеялся, что ты расскажешь мне новую историю... Если ты меня любишь, конечно,— хитро добавил он, видя, каким удивлением наполняются темно-зеленые глубокие глаза песнопевца.

— Ах, милый, ну разве могу я тебе отказать?

С видимым удовольствием Агинон пристроился в кресле заново, опять собрав складки балахона под животом внушительного размера, скинул с цитры накидку, дернул струны и бодро завел сочиненную им самим песнь. Простые слова о том, что человек изначально живет любовью и надеждой, но есть еще вечная война, которая в конце концов уничтожит эти великие чувства и тогда-то мир погибнет, больно ранили чистое сердце юноши, хотя он

слышал их не в первый раз. Представляя себя воином, идущим на смертельный бой ради спасения любви и надежды, он шепотом вторил низкому бархатному голосу дяди, и душа его трепетала от невыносимо сладостных мгновений предвосхищения собственного будущего.

Прекрасные глаза Тито наполнились слезами: сейчас он был действительно счастлив. Мысленно он горячо благодарил Митру за то, что его отец, простой сапожник из Ханумара — маленького городишки на севере Немедии — родился от одной матери и одного отца с таким мудрым и добрым человеком как дядя Агинон, который еще в ранней юности ушел из дому, с тем чтобы странствовать по свету, познавать мир и людей, в сем мире живущих, изучать науки и исцелять болезни. Тито не уставал перечитывать его записи о прошлом, коих накопилось без малого четыре дюжины свитков, с наслаждением погружаясь в неведомую ему пока сущность самой жизни. Дядя Агинон знал астрологию и происхождение металлов, умел объяснить короткое дыхание цветка и молчание рыбы, твердо верил в странную шарообразную форму земли и не боялся называть ее такою же звездой, какие мерцают ночью в далекой черной выси; он легко слагал весьма простые, но удивительного философического содержания песни (почему-то он считал это своим основным занятием), и слушателю оставалось лишь напрячь внимание, а потом где-нибудь мимоходом пересказать песнь сию своими словами, чтобы сразу же прослыть ученым мужем; он понимал суть войны и ненавидел ее так, как только мог столь мягкий человек; наконец, он полагал учение основой всего дальнейшего, при этом утверждая, что начинаться всякое учение должно с установления моральных принципов, без которых оно бессмысленно и даже вредно.

Подобные знания и убеждения привели к неожиданному результату: великий Конан, король жемчужины Запада Аквилонии, прослышал о бродячем песнопевце, призвал его к трону своему и после целого дня и половины ночи беседы с ним повелел остаться во дворце, дабы помогать ему в делах государственных и общественных мудрым советом.

Агинон раздумывал недолго: в преклонные года нелегко ходить по свету с торбой за плечами, да и пришла уже пора начинать главное, намеченное еще с юности дело — создание летописи хайборийской эры, продолжение какого-то документа, кстати, по его смерти должен был исполнить он, Тито Чилло, ибо являлся единственным наследником не только всего имущества дяди (а его обеспечил король Конан), но и всех его трудов. Итак, вот уже третье лето песнопевец Агинон жил в столице Аквилонии — великолепной Тарантии — и занимался тем, ради чего и призвал ныне племянника раньше положенного срока, то есть писанием вышеупомянутой летописи.

— Да, Титолла, — закончив песнь, сказал Агинон, — война это не только смерть тысяч и тысяч, но и шаг к гибели всей земли. — Иногда он любил говорить так, словно продолжал петь. — Кажется, наш владыка Конан уже начинает сие понимать...

— Дядя, расскажи мне о нем. Правда ли то, что нет равных ему в боевом искусстве? Правда ли то, что он мудр и справедлив? Я читал в твоих записях, что он родом из Киммерии, и мне трудно поверить, что варвар...

— Тш-ш-ш, сынок... Голова моя и так слаба от этого чудесного аквилонского вина, а тут еще твои вопросы... Составь список, я после тебе отвечу... — Песнопевец усмехнулся, тем самым давая понять племяннику, что сии слова следует воспринимать как шутку, и снова протянул руку за чашей. — Твои глаза горят, мои же слипаются... А все должно бы быть наоборот... Знаешь, милый, отпусти-ка ты меня спать, а?

— Дядя! — Тито умоляюще приложил к груди изящные белые руки. — Да что ж это такое?

— Надеюсь, ты помнишь, где хранятся мои записи? — С улыбкою Агинон смотрел в растерянные черные глаза юноши, мысленно также благодаря светлого Митру за то, что у младшего брата его родился такой прекрасный сын. — Или успел забыть?

— Дя-а-а! — укоризненно покачал головой Тито. — Ну как я могу забыть, если нынче с утра с ними работал?

— Ну, так пойдй и возьми их, — песнопевец встал во весь свой огромный рост, широко зевнул, — и загляни в самый конец. Там ты найдешь то, что так тебя интересует... А теперь — не обессудь...

Агинон наклонился, поцеловал племянника в висок и тяжелой поступью вышел из зала. Зная своего мальчика, он был уверен, что тот, не теряя и мгновения, помчится сейчас на третий этаж, заберется в маленькую каморку в конце коридора, найдет среди рукописей последние и с юношеским пылом углубится в чтение его рассказов о великом киммерийце Конане, который «ножищами, обути-ми в грубые сандалии, попра-л изукрашенные самоцветами престолы земных владык»... Именно с этих строк, коими Агинон весьма и весьма гордился, Тито начнет свое первое знакомство с нынешним аквилонским правителем, а потом... О чем же писано в следующем свитке? Песнопевец примостил большое тело свое в пуховых подушках, закрыл глаза, в тот же миг ощутив приятное головокружение, предшествующее крепкому сну, и вспомнил: «В черном небе, обложенном серебряными точками звезд, еще виден был мерцающий хвост кометы...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой описывается несчастная судьба хона Буллы, властителя хонайи на западе Коринфии

В черном небе, обложенном серебряными точками звезд, еще виден был мерцающий хвост кометы, но постепенно он растворялся в заоблачной выси, оставляя за собою лишь светлый клин, который, однако, тоже — медленно и неумолимо — уже поглощала вселенская тьма. Конан подавил облегченный вздох и отнял вспотевшую ладонь от рукояти меча: огненный дракон улетел, даже не заметив его, и вряд ли можно было ожидать, что он вернется.

— Конан?

Не получив ответа, хон Булла сошел с крыльца во двор и, помахивая тускло горящим светильником с пальмовым маслом, подошел к киммерийцу.

— Я думал, ты давно уже спишь...

Он задрал голову, по старой привычке вглядываясь в ночь, но, конечно, кроме сплошной черноты да доброй тысячи ярких звезд ничего там не узрел, а Конан не стал рассказывать ему про дракона, не желая пугать такого радушного хозяина, как хон Булла. Нынче тот принял его в своем доме словно самого дорогого гостя: напоил лучшим вином, накормил лучшими кушаньями, многие из которых юный варвар и видел-то впервые, а затем предложил выбрать из своего гарема лучшую девушку, дабы она скрасила его одиночество в черной, чернее мрака и угля,

коринфийской ночи. Ильяна и скрасила; только потом, когда она уснула, разметав по тахте пушистые белокурые волосы, Конан решил выйти во двор и подышать свежим ночным воздухом — в доме хона было жарко и душно, несмотря на то, что и окна и двери не закрывались вообще, — тут-то и заметил он в небе огненного дракона, стремительно летящего под самыми звездами.

— Молодость, молодость, — с улыбкой обратился хон Булла к варвару, вставая на цыпочки, чтоб заглянуть в синие глаза гостя. — И дальняя дорога не утомляет, и любовь...

— Утомляет, — буркнул Конан, отворачиваясь. — Но уснуть не могу.

— Отчего же? — Круглая добродушная физиономия старика немедленно омрачилась и вроде даже похудела, так расстроило его признание варвара: для истинного коринфийца покой гостя превыше всего, и если ночью храп его не сотрясает дом, значит, хозяин был недостаточно приветлив или — что еще хуже — скуп. — Отчего же? — нетерпеливо повторил вопрос хон Булла, обходя Конана с другой стороны и вновь пытаясь заглянуть в его глаза.

— Думой мучаюсь, — успокоил его киммериец, но только открыл рот с целью развить мысль, как вдруг понял, что, отвлекшись на огненного дракона, совершенно позабыл, какой такой думой мучился. Тогда вместо слов он небрежно сплюнул, дружески хлопнул хозяина по пухлому плечу и заключил так: — Да ладно, это моя забота...

— Пока ты гость мой, меня она тоже касаема, — возразил хон Булла. — Присядем, ты поведаешь мне о своей печали. Кто знает, может, я и смогу сделать для тебя эту ночь светлее...

— Нет, — отказался от помощи киммериец, тем не менее усаживаясь по примеру хозяина на широкую скамью у дома. — Но ты можешь сделать для меня эту ночь веселее.

Конан любил послушать истории убеленных благородными сединами старцев, особенно если земной путь их был не ровен, а извилист и многотруден. Хон же Булла, как понял варвар из беседы во время вечерней трапезы, за свои семьдесят и семь лет успел обойти весь мир, о чем упомя-

нул лишь вскользь, тем самым вызвав еще больший интерес молодого гостя.

— Сдается мне, сундуки твоей памяти забиты байками о разных странах и приключениях. Клянусь бородой Крома, я не прочь послушать парочку — чтоб потом лучше уснуть.

— Хм-м-м... Задал ты мне задачу, — покачал головой старик. — Я уж давно все позабыл. Ты же видишь, Конан, — пальцы левой ноги моей уже касаются порога Серых Равнин... Нет-нет. — Он поднял руку, увидев, как помрачнело и без того суровое лицо варвара. — Ты мой гость, и твое желание для меня закон. Позволь только сходить в дом за кувшином вина, дабы рассказ мой не показался тебе сух...

Улыбнувшись, хон Булла поднялся и проворно устремился к крыльцу, оставив киммерийца созерцать сияние звезд — за неимением чего-либо иного черной ночью. В самом деле сейчас с темнотою слились даже очертания редких здешних деревьев, а светильник с пальмовым маслом, оставленный хозяином на траве у скамьи, освещал лишь ноги Конана и еще отбрасывал желтый густой блик на его колени, более же ничего нельзя было разобрать вокруг ни рядом, ни подале. Глубокая, словно сон, тишина царила здесь, сообщая покой всему живому; и в стрекотанье цикад, и легком шорохе растений и ночных зверушек тоже слышалось умиротворение, кое казалось вечным, но, конечно, все равно всякий знал, что утром оно исчезнет бесследно. Конан вдохнул душный, чуть влажноватый воздух, чувствуя, как вместе с ним в грудь, в душу, во все поры проникает нечто невесомое и чистое, ранее изведенное и все же каждый раз как новое, и приглушенно — словно не желая нарушить эту тишину — засмеялся.

— Ты смеешься, — заметил наблюдательный хон Булла, появляясь так неожиданно, как только может человек его комплекции. — И я тоже — над собой. Не знаю, где в собственном доме хранится вино... Пришлось разбудить Майло, хотя и не хотелось его тревожить...

— Мне нравится твое вино, — проворчал варвар, принимая из рук хозяина крутобокий кувшин. — Последние пять лун я пил только дешевую кислятину в придорожных трак-

тирах, а ел такую дрянь, от одного запаха которой сдох бы твой пес... — Он отхлебнул пару добрых глотков, крикнул от удовольствия и вытер губы рукавом куртки. — Отличное вино... Послушай, достопочтенный, нынче я никак не мог понять, что ты так носишься с этим Майло? Ведь он не сын тебе?

Хон Булла, растаявший от похвалы гостя, не сразу уловил момент перехода от вина к Майло. Хмыкнув, он помолчал немного, осмысливая свой ответ — за это время Конан опустошил кувшин на четверть, — и наконец со вздохом пояснил:

— Конечно, нет. Он бел — я черен, он высок — я низкоросл, он тонок — я толст...

— Прах и пепел! Да будь он хоть сусликом, а ты крокодилом! Разве суть в этом? Знавал я одного шемита, чьим отцом был гиперборец, а матерью кхитайка!

— Да? — удивился старик, про себя умиляясь сему заявлению молодого гостя, высказанному тоном уверенным и твердым. — Гм-м... Право, это очень интересно... Но если ты столь осведомлен в вопросах видов и подвидов человеческих, как же тогда ты догадался, что Майло не сын мне?

— Ты добр — он зол, вот и все! — Конан решительно рубанул могучей рукой своей воздух, подкрепляя сказанное.

— Э-хе-хе... — Чередой вздохов хон Булла замаскировал смехок, уже булькнувший в его горле. — Когда б все было так просто... Только Майло не зол, Конан, совсем не зол. Он капризен и раздражителен, но сердце у него чистое, поверь. Я люблю его как сына, хотя иногда мне хочется его убить...

— Откуда он взялся?

— Он достался мне семидневным младенцем двадцать пять лет назад при подходе к Коринфии, и сие происшествие заставило меня на некоторое время осесть на родине... А в общем, история долгая.

— Рассказывай, — требовательно сказал гость, устраиваясь на скамье поудобней — то есть подворачивая под себя ногу в рваном сандали и передвигая меч, упирившийся в землю, себе за спину.

— Послушай лучше про вендийские джунгли. Я был там в молодости и...

— Я и сам там когда-нибудь буду,— перебил Конан.— А сейчас расскажи про Майло — ты ведь уже начал.

— Ты мой гость,— уныло согласился старик.— И твоя воля для меня закон... Признаться, ныне мне кажется сном все, что случилось тогда. Порою я смотрю на Майло и думаю: «Кто это? Откуда он взялся?» И он будто чувствует... Бросает на меня злобные взгляды и шипит... Ты слышал, Конан, как он шипит? Бр-р-р...

Итак, я возвращался на родину после многих лет странствий — путь мой был долг, и проходил через Ванахейм, Киммерию, Аквилонию и Немедию; до Ванахейма я два года жил в Асгарде, а до Асгарда в Гиперборее, и... Впрочем, сие не имеет отношения к этой истории...

Направляясь по Дороге Королей к западу моей Коринфии, я ощущал такое томление в груди, какое вряд ли смогу передать теперь словами. Утро было чудесное — светлое и тихое, как душа юной девы; я пел (до того я не пел лет пятнадцать), и шаг мой становился все четче и быстрее; ни одного человека не встретил я до самого полудня и немало был этим доволен, ибо свидание с родиной не терпит чужих глаз.

И вот, когда хонайя, владельцем коей я стал спустя три года, уже виднелась вдаль, из густого кустарника на дорогу вышла молодая особа примерно твоих, Конан, лет. Тебе ведь уже двадцать?

— Почти,— с неудовольствием кивнул киммериец, заметив, что слово «уже» хон Булла произнес через запинку, очевидно заменив им более неприятное для гостя слово «еще».

— Лицом девица была бела и нежна,— продолжал слегка смутившийся старик,— волос имела тоже белый — вот как у Майло,— а в руках она держала корзину, такую тяжелую, что тонкий стан ее сгибался чуть ли не вдвое. Скажу сразу, что отсутствие спутника, полные скорби прекрасные глаза и писк, доносящийся из корзины, тут же открыли мне истину: неверный возлюбленный оставил несчастную с ребенком! Когда же я, незанятый никакими

иными заботами, посмотрел на нее внимательнее, то увидел богатый, хотя и уже чуть запылившийся наряд. Увы, знатная семья обладает теми же предрассудками, что и простая деревенская... Конечно, бедняжку выгнали из дому, как только узнали о ее позоре!

Сердце мое сжалось. Приблизившись, я просил ее разделить со мной мою скромную трапезу (сам я не был голоден, но она наверняка была, что немедленно подтвердилось), объяснив свое предложение тем, что душа моя пребывает в печали, освобождению от которой вовсе не способствует одиночество. Она согласилась.

Вдвоем мы довольно быстро справились и с бутылкой вина, и с половиной большого круглого хлеба, и с куском солонины. Поначалу девица не желала встречаться со мною взглядом, но потом немного оттаяла и даже назвала мне имя свое и ребенка. Ее звали Майана, а мальчика — Майло, и шла она из той самой хонайи, владельцем коей мне потом предстояло стать. При этом родом она была из Немедии, из самой Нумалии. Как выяснилось еще позже, все мои догадки оказались верны: Майана, дочь богатого барона, полюбила нищего бродячего менестреля и зачала от него дитя. С сей поры и начались ее несчастья... Парень, страшась праведного гнева родителя девушки, тайком скрылся из баронства в неизвестном направлении; она хранила тайну сколько было возможно, по ночам проливая горчайшие слезы; затем, когда признаки бремени стали явны, призналась отцу, который тотчас с позором изгнал ее из дома.

Майана отправилась к тетушке в Коринфию — та любила ее и всегда звала к себе. Увы и еще раз увy. Добрая женщина, в ужасе и негодовании призывая богов преждевременного изъять плод из чрева племянницы, не оставила ее даже переночевать. Помаевшись в хонайе без крова и денег, девушка нанялась наконец в таверну подавальщицей и там-то служила до самого появления на свет маленького Майло. Но кому нужна несчастная с младенцем? Конечно же, ее тут же снова прогнали — третий раз за короткое время! — и она, положив сына в корзинку для белья, пошла обратно в Нумалию, горячо надеясь, что при виде внука отец ее смирости-

вится и примет их обоих. К слову, Конан, я очень сомневаюсь, что жестокосердый барон мог простить дочь...

Я выслушал сию печальную историю, к концу которой слезы катились из глаз моих, и осмелился предложить Майане половину своих денег и совсем немного еды — все, что осталось в моем заплочном мешке. Девушка тоже прослезилась и с благодарностью приняла мою помощь. Затем мы, оба уставшие от душевных переживаний, улеглись под кустом и мгновенно (во всяком случае, я — мгновенно) уснули. А проснувшись... А проснувшись спустя четверть дня, я обнаружил, что Майана мертва... О, Митра... Если позволишь, Конан, я закончу утром...

Хон Булла всхлипнул, отер слезы ладонью и, не дожидаясь милостивого разрешения своего молодого гостя, бегом ринулся в дом.

* * *

Перед самым рассветом, когда верная спутница ночи — тишина — еще не улетела в заоблачные дали, киммериец пробудился. Ильяны рядом уже не было; остался только ее запах, легкий, цветочный, заново возбуждающий желание любви, да белокурый волнистый волос, зацепившийся за жесткую, словно лошадиную, черную Конанову прядь. Тем не менее сердце юного варвара билось ровно, и исчезновение Ильяны он спокойно отнес к тому сну, что видел только что. Странно — вдруг показалось ему, — что сей сон был смутен и мрачен и даже оставил некое неясное ощущение тревоги в душе: последние пять с лишком дней путь его, вплоть до самого дома хона Буллы, ни разу не прерывался чужой волей либо непогодой, да и в прошлом не таилось ничего такого, что могло бы навевать дурь в забвенье. Он только что вернулся из далекого снежного Ландхааггена, где отыскал деревню племени антархов и передал им символ их существования в мире — вечнозеленую ветвь маттенсаи, отнятую ценой жизни друга у злобного монстра, что обитал на Желтом острове в море Запада, а это дело составляло суть девятнадцатого года его бытия, так что можно было считать, что душа его вполне спокойна, ибо свободна.

Откуда же та щемящая тоска в груди? Обыкновенно истоки ее в прошлом, но вдруг это природное чутье варвара уловило нечто в будущем? Нет, сия мысль оказалась киммерийцу не под силу. Он сердито зевнул, возвращаясь в явь, и рывком встал с тахты.

Подойдя к огромному — почти во всю стену — открытому окну, Конан убрал тонкую полупрозрачную занавесь, что едва заметно колыхалась от нежного дыхания зарождающегося дня, и всмотрелся в уходящую ночь. Где-то там, очень высоко, за невидимыми сейчас облаками, куда она поднимется через несколько мгновений, находятся Серые Равнины — приют мертвецов... Там в вечных сумерках и маете бродит и его верный друг Иава Гембех, и девочка Мангельда из племени антархов, и... И он сам тоже рано или поздно попадет туда же... Что ж, если боги устроили мир так странно, что каждый непременно должен умереть, Конан вполне согласен, только лучше все-таки не слишком рано и не слишком поздно...

Первый свет озарил наконец равнину, простирающуюся перед домом хона Буллы, и ночь, растворяясь во взоре ясного ока Митры, освободила все звуки — засвистали, зачирикали птицы, пробудилась земля, глубоким вздохом своим наполняя все живое, зашуршал туфлями Майло, отправляясь по нужде во двор, заплескались в полном голубоватой чистой воды наузе юные наложницы...

— Ко-онан!.. — шепотом пропел хон Булла, появляясь в проеме дверей Конановой комнаты. — О, ты уже встал? Я пришел звать тебя к столу.

Киммериец с готовностью кивнул, живо натянул легкие полотняные штаны и, завязав спутанные длинные волосы свои в хвост, пошел за хозяином. Восьмиугольный приземистый стол красного дерева был уставлен блюдами, чашами и сосудами так, что меж ними и ребенок едва бы смог просунуть палец. Виноград, коим Коринфия славилась издавна, в новорожденном солнечном свете играл всеми цветами от ярко-желтого до фиолетового; оранжевые апельсины, светло-зеленые продолговатые дыни, розовые в крапинку жирные абрикосы даже сквозь кожуру распростра-

няли тонкий нежный аромат; сочные куски холодной телятины, проложенные дольками лимона, занимали самое большое блюдо посреди стола; вино, поданное в высоких узкогорлых бутылках матового стекла, разнилось не только крепостью, цветом и происхождением, но и вкусом, и запахом, оттенки коих не оставили бы равнодушным и самого что ни на есть важного и привередливого ценителя. Конан же, узрев все это великолепие, издал лишь одобрительный присвист — а более от него никто и не ожидал, — после чего принялся за еду с завидным аппетитом, проворно поглощая все без разбора, тем самым заслужив фырканье и шипение злобного Майло.

В отличие от киммерийца приемный сын хозяина ел не то чтобы степенно, но так лениво и с таким надменным выражением длинного белого лица, что у более чувствительного гостя своим видом вызвал бы изжогу. Отламывая крошечные кусочки мяса, он отправлял их в рот и потом долго и нудно жевал, сопровождая труд сей глубокими вздохами. Покончив с телятиной, Майло тщательно, с причмокиванием, облизал пальцы и принялся за виноград, причем косточки он выплевывал прямо на стол, то и дело попадая в блюда и чаши. Хон Булла, сам давно привыкший к подобным манерам приемыша, в присутствии гостя смотрел на него с укоризною, и совершенно напрасно: все его взоры проходили сквозь него, как луч солнца сквозь стекло, — он просто не обращал на них ни малейшего внимания.

Насытившись, Конан довольно рывнул и, откинувшись на спинку кресла, впервые за все время трапезы повернул голову к Майло, который тут же зашипел, приподняв верхнюю губу к самому кончику длинного носа. Хон Булла, от стыда уже едва способный принимать пищу, в страхе поглядел на варвара — одна только мысль о том, что он может оскорбиться и покинуть дом, приводила его в ужас. Многие годы он славился своим гостеприимством, поступая строго по закону общежития, гласящему: «Буде ты любишь человека, так и он любит тебя»; несомненную истину сего хон Булла не раз имел счастье испытать — отправляясь по делам в Коф, Офир, Немедию, Замору и Бритунию, он всегда мог надеяться

на такое же радушие тамошних знакомцев, кои ради него терпели даже Майло. Но все они за плечами несли груз от пятидесяти лет и выше, то есть обладали определенным жизненным опытом, который в числе прочих наук содержал и дорогое умение скрывать свои чувства, чего никак нельзя было заподозрить в молодом киммерийце, явно склонном открыто выражать все, что думает в данный момент. Однако, с удивлением и приязнью вдруг обнаружил хон Булла, Конану, по всей видимости, было глубоко наплевать на выходки его приемыша. Длинным ногтем мизинца ковыряя в зубах, он рассматривал аристократические черты Майло с детским любопытством, вовсе не реагируя на яростный ответный взгляд его зеленых глаз.

Приемный сын хона Буллы и впрямь ничуть не походил на своего доброго покровителя. Ростом он был много выше его и макушкой доставал почти до бровей киммерийца; красивое чистое лицо портила постоянная гримаса недовольства — казалось, губам Майло вообще незнакома улыбка, а глазам теплота; сквозь тонкую веснушчатую кожу просвечивали голубые вены, особенно заметные на веках и висках; худые длинные руки были покрыты редкими золотистыми волосками; прямые белые волосы, аккуратно расчесанные и закинутае за спину, достигали самых лопаток. Он был тощ, но жилист и широкоплеч, и производил впечатление человека безусловно сильного, что варвар тут же решил при случае проверить.

Пристальный взор гостя наконец вывел Майло из себя. Он выплюнул косточку абрикоса прямо в свою чашу с вином, резко поднялся и вышел из комнаты, напоследок злобно рыкнув в сторону хона Буллы. Старик вздрогнул, но, переведя взгляд на Конана, виновато улыбнулся и пожал плечами, словно извиняясь за столь отвратительное поведение приемыша.

— Отведай еще осетринки, — робко предложил хозяин, подвигая узкое длинное блюдо поближе к варвару.

— Боле не хочется, — важно отвечивал тот фразою, слышанной однажды от богатого аргосского нобиля, при этом все-таки захватывая целое звено осетрины и целиком

запихивая его в рот.— Только ты, почтенный, не спеши за Майло. Кромом клянусь, я не прочь послушать твою историю дальше.

— Гм-м... Ну что же...— На сей раз хон Булла согласился рассказывать с видимым удовольствием.— Пойдем в сад. Под сенью груши я устроил себе место отдохновения... там и поведаю тебе остальное...

* * *

— Выкопав неглубокую яму, я положил в нее тело несчастной Майаны и прикрыл его ветками. Для этого мне пришлось ободрать чудесный куст с огромными фиолетовыми листьями, но зато ни одна птица (ты знаешь наш обычай?) не могла увидеть лица умершей. Потом я открыл корзинку.

Кроме Майло, который в то время был гораздо более мил, нежели теперь, там оказались кое-какие вещи, отныне принадлежащие ему: свернутый в трубку тонкий ковер работы искуснейшего мастера, на коем выткана была птица Лоло, воспевающая жизнь и любовь; короткий обоюдоострый кинжал с рукоятью, усыпанной крупными драгоценными камнями, как прибрежная скала чайками — такие распространены среди немедийской знати; серебряный медальон — необычно большой и тяжелый — с изображением благого Митры. Внимательно рассмотрев небогатое наследство мальчика, я сложил все обратно и стал думать, что же мне делать дальше. Бросить ребенка я не мог, поэтому самый простой вариант отпадал сразу. Пойти в Нумалию и постараться отыскать его деда? Да, Конан, когда мне пришла в голову эта мысль, я тоже сказал «Ха!» — вот как и ты сейчас. Можно ли надеяться на благородство человека, всего три луны назад изгнавшего из дома единственную дочь? Стоит ли проходить неблизкий путь до Немедии, откуда я только что пришел, чтобы услышать брань заранее неприятного мне типа и потом с камнем у сердца вновь идти в Коринфию? Нет. Вот если бы прошло лет пятнадцать — время, за кое он мог бы одуматься и раскаяться... Кстати, позже я не раз предлагал Майло его найти, но мальчик так и не пожелал...

Итак, оставалось одно: продолжать прежний путь, забрав ребенка с собою. Я, никогда не имевший семьи и вообще родного человека, со страхом смотрел в будущее — теперь-то мне не трудно в этом признаться. Конечно, я не мог позволить себе таскаться по дорогам с младенцем, и сие означало конец кочевой жизни, к которой я привык и оставлять которую до того не намеревался. Но не только и не столько это заставляло сердце мое сжиматься и трепетать в тоске: я был нищ! У меня не было дома и не было денег, чтобы его купить; я не знал, чем кормить ребенка, когда и даже — как; кроме того... Впрочем, не стану утомлять тебя описанием всех кошмаров, кои терзали меня в тот день, да и в последующие дни тоже.

Исполненный печали, я шел по Дороге Королей с корзиной, в которой уже начал пищать проголодавшийся Майло, и вскоре — незадолго до сумерек — оказался вот в этой самой хонайе. Тогдашний владетель ее, хон Гамарт, правом обладал крайне мерзким, и свободные коринфийцы уже не один раз подавали сенатору прошение, где просто умоляли избавить их от тирана. Но — хонайя наша слишком невелика (всего четыре деревеньки), чтобы высокий чин из самой Катмы обращал на нее свое драгоценное внимание.

Так что когда я после многих лет отсутствия вернулся наконец на родину, меня ждало горькое разочарование: полуразрушенные дома, толпы побирушек, наполовину незасеянные поля, тощий скот... О, Митра, не хватит и целого дня, чтобы передать тебе все мои первые впечатления от родного края...

В трактире я купил молока для Майло и хлеба с пивом для себя. Молодая женщина, увидев в руках моих такого крошечного младенца, помогла мне сменить те тряпки, которые были на него намотаны, и посоветовала купить для него теплую одежду, потому что грядет сезон дождей, обычно сопровождаемый холодами, и мальчик может простудиться и умереть. Ох, Конан... Стыдно мне говорить об этом, но тогда я вдруг подумал, что это был бы наилучший выход для нас обоих... Тем не менее теплую одежду я ему, конечно, купил, после чего денег осталось лишь на то, чтоб

заплатить за комнату на постоялом дворе за две луны вперед и последний раз съесть кусок хлеба... Как просто мне рассказывать об этом сейчас, но в каком же отчаянии пребывал я тогда!..

Я проклинал незнакомого мне барона, отца Майаны и деда Майло, за то, что вынужден нести бремя, по справедливости предназначенное ему. Я сетовал на саму Майану за то, что она умерла именно в тот момент, когда, кроме меня, рядом с ней никого не было. Я богохульствовал, требуя у нашего светлого бога ответа на вопросы: почему я так жестоко наказан? чем провинился я перед ним и перед людьми?

Но однажды на постоялом дворе (где я жил, питаюсь обедами и опивками и ими же потчуя Майло) появился местный скотовладелец. Он желал нанять пастуха для своих овец, коих развел великое множество, причем пастуха непременно из приезжих, чтоб платить поменьше. Как ты понимаешь, выбирать мне было не из чего — я подошел к нему и с поклоном просил взять меня... Послушай, Конан, — неожиданно прервал свое повествование хон Булла, — до того я не осмеливался спросить тебя... У нас принято ждать, когда гость пожелает сам рассказать о себе, но... Я подумал, может быть...

— Прах и пепел! — прорычал варвар. — У вас, коринфийцев, речь слишком длинна и цветиста! Спрашивай!

— Откуда идешь ты и куда?

— Куда — и сам не знаю. Может, в Зингару, а может, в Шем. А иду из Ландхааггена — есть такая страна...

— О, это так далеко! — удивленно воскликнул старик. — Я бывал там однажды, еще в юные годы... Снег и лед — вот и вся тамошняя природа.

— Теперь уже нет, — самодовольно усмехаясь, сказал киммериец. — Я вернул вечнозеленую ветвь маттенсаи антархам, и они возродят жизнь в Ландхааггене. Сдается мне, сейчас там все цветет не хуже, чем в твоей хонайе!

— Светлейший Митра... — Пораженный до глубины души, хон Булла смотрел на Конана, и синие глаза триумфатора светлели до голубого под этим восхищенным взглядом. — Ты... Ты спас целую страну?..

Этого юный варвар уже не мог вынести. В конце концов впереди — полагал он — его ждут не менее славные победы, а потому не стоит тратить время на пустые словеса... Нахмурившись, он отвернулся от хозяина и своим низким, чуть хрипловатым голосом велел ему продолжать повествование о прошлом.

— Но я могу надеяться, что ты погостишь у меня пару дней перед дальней дорогой? — спросил хон Булла и, получив ответ в виде милостивого кивка киммерийца, с облегченным вздохом повел рассказ дальше. — Я рад. Ну а моя история не столь интересна... Вообще-то она уже и кончена. Но если ты хочешь послушать о моих дальнейших приключениях... (Конан ухмыльнулся.) Хорошо, я расскажу.

Итак, я стал пасти овец — не за плату, а за стол и кров, да к тому же теперь у меня всегда было молоко для Майло. Спустя всего полгода счастье улыбнулось мне... Шестнадцатилетняя дочь моего хозяина отдала мне свое чистое юное сердце, и, как это ни кажется мне странным даже сейчас, отец ее не стал возражать — он просто нанял другого пастуха, а меня поставил управляющим и перенел из флигеля в дом. К тому времени я был уже не так одинок, как прежде. Кроме моей милой Даолы у меня появилось множество друзей, коих привлекало ко мне... Да не знаю, что их привлекало ко мне. Может быть, то, что я был всегда приветлив и спокоен?

Казалось, жизнь моя наконец наладилась. Красавица жена, влюбленная в меня, старого, уродливого и нищего пастуха, кроме этих сомнительных достоинств еще имеющего маленького ребенка; добрые друзья, готовые помочь в любое время дня и ночи; огромное хозяйство, со временем должное перейти в мои руки полностью; толстый смышленный карапуз Майло... Я всё это — всё! — потерял в один день!

Как-то ночью я проснулся от странного чувства тоски, причем такой жгучей, такой жестокой, что чуть было не завыл во весь голос. Что со мной произошло? Я не знал. Встав с постели, дабы не разбудить жену, я подошел к окошку и посмотрел в черное — такое же как прошлой ночью — звездное небо, и сердце мое оборвалось. Я понял,

чего мне хотелось более всего на свете — уйти. Вечная дорога — вот мой удел. В этом я был уверен в тот момент... И я ушел. Не простившись с Даолой, не поцеловав Майло, не сказав добрых слов друзьям... Мечтатель — дурной человек, Конан, даже если он по сути чист и помыслами и душою...

И опять я ходил по Немедии и Бритунии, по Киммерии и Аквилонии; опять ночевал под открытым небом; опять ел черствый хлеб и пил прокисшее пиво или простую воду. Разница в моей прошлой и нынешней жизни состояла в том лишь, что теперь мне было что терять — вернее, кого... Все чаще и чаще вспоминал я Даолу, Майло, друзей... С тех самых пор, как я покинул дом, сердце мое не знало покоя... И я пошел обратно. Ну не смешно ли? Старик, которому уже давно стукнуло пятьдесят лет, болтается невесть где и с невесть какими намерениями!

О, как быстро я шел!.. Пожалуй, никогда прежде я не ходил так быстро. Из головы у меня не выходили думы о близких. Мне все казалось, что, пока я отсутствовал, Майло задавила взбесившаяся лошадь, Даолу задушила лихорадка, а все друзья разорились и умерли от голода. И все же — в подтверждение моих слов о мечтателе — я направился в Коринфию через Офир, хотя через Немедию было гораздо ближе! Но в Офире, видишь ли, я давно не был! Тьфу! Прости меня, Конан, но и сейчас, рассказывая об этом, я презираю себя... Я смеюсь над собой! А в общем, мне просто очень стыдно...

Я не был дома два года. К счастью, все мои страхи оказались напрасны: Майло, здоровый и крепкий мальчуган, встретил меня у порога и — не узнал. Конечно! Ему едва исполнился год, когда я бросил его... Даола тоже ничем особенно опасным для здоровья не страдала, если не считать того, что прекрасные живые глаза ее потухли, а улыбка уже не красила ее личико, а искажала... То есть она, милая хохотушка, разучилась смеяться! Никогда бы прежде не поверил в такое... Нет, она не разлюбила меня, как можно было бы предположить — заведя меня с Майло на руках, она молча кинулась ко мне и прижалась так крепко,

что я едва мог пошевелиться. Но и потом, день спустя, луну спустя, год — она оставалась столь же бледной и неулыбчивой. Она никогда больше не смеялась...

Рассказывая мне о том времени, что они жили без меня, Даола вскользь упомянула о болезни отца. Я спросил, что с ним случилось. «О, ничего особенного, — ответила моя жена, — он немного кашляет и плохо спит». Ее удивляло только то, что это продолжается уже восемь лун, и сколь ни пробовала она всяческих целебных трав и средств, сколь ни приглашала знахарей из хонайи и округи — ничего ему не помогало. Я задумался. За годы странствий мне пришлось видеть и прокаженных, и припадочных, и калечных, и я совершенно точно знал: любая болезнь (будь она хоть прыщом на... на носу), которая длится более двух лун, ведет обладателя своего прямиком к Серым Равинам.

Мне не хотелось пугать Даолу — она так любила отца! — но надо было подумать о том, чтобы поискать хорошего врачевателя в городе — в близлежащей Катме либо даже в дальнем Шабароне. Так я и сделал: улыбкой успокоив жену, на следующий же день я послал в Катму конюха под предлогом покупки коня для выезда и велел ему привезти самого лучшего лекаря, какой только там есть. Увы, было уже поздно...

Тут хон Булла смолк, задумчиво уставившись в чистое голубое небо. Его черные небольшие глазки потускнели, кустики бровей приподнялись, придавая круглому добродушному лицу несвойственное ему выражение отрешенности. Конан не стал ждать, когда почтенный хон придет в себя. Рассказ рассказом, но в горле его уже пересохло, а потому он решительно поднялся, вышел на тропку, засыпанную мелкой галькой, и направился к дому, влекомый естественным желанием взять кувшин с вином...

* * *

— Хей, почтенный, — окликнул киммериец старика, который так и сидел неподвижно, словно изваяние. — Выпей глоток немедийского и оставь свое сердце в покое. Все это дурь, да и только! Что попусту терзать себя?

Его зычный голос, в утренней тишине прозвучавший как глас с небес, вывел хона Булла из оцепенения. Вздрыгнув, он повернул голову к Конану и несколько мгновений взирал на него с искренним недоумением, явно силясь понять, кто этот огромный черноволосый парень с ясными синими глазами и что он делает в его саду.

— Хей! — Гость помахал перед носом хозяина могучей дланью. — Ты что, уснул?

— Конан! Как я рад тебя видеть! — всплеснув руками, воскликнул хон Булла с энтузиазмом, тем самым предлагая юному варвару очередной вопрос о странностях бытия: что есть старость и как прожитое количество лет влияет на ум и память человека? — А почему ты стоишь? Тебе надоела моя история? О-о-о, я знаю, я замучил тебя...

— Нет, — буркнул Конан, решив не связываться со стариком и не обнаруживать его слабость. — Валяй, рассказывай дальше. Вина хочешь?

Хон Булла от вина отказался, зато не прочь был продолжить свой рассказ, который к этому времени уже увлек не только киммерийца, но и самого повествователя. Хотя бывшее и разделялось с настоящим двумя десятками лет, сейчас ему казалось, что все это случилось недавно — может быть, луну или две назад. Живые чувства испытывал он, называя имена тех, кого так любил когда-то; он отлично помнил каждого — черты лица, голос, улыбку и глаза; мысленно переносясь в события прошлого, он заново страдал, но то были не те, прежние, тяжелые, гнетущие душу страдания — нынешние наоборот согревали сердце и вообще не трогали душу, ибо родиною имели не бrenную землю, а высокие небеса, и были сродни томлениям скучающего поэта — такие же бесплотные и никчемные. Тем благотворнее оказывалось их действие на хона Булла: страдая сейчас, он освобождался от гнета вины, которую на протяжении всех лет чувствовал беспрестанно.

— Лекарь приехал в хонаю на следующий же день. — Старик начал точно с того места, на коем прервал рассказ. — Он был молод и важен, и если бы искусство врачевания заключалось в умении хмурить брови, то этот юнец бесспорно

был бы наилучшим. Отобрав у меня десять золотых, он осмотрел отца Даолы, заставил его покашлять, что тот и так делал беспрестанно, потом пустил ему кровь из вены на сгибе локтя и дал выпить глоток горькой настойки, от которой наш бедняга сразу стал еще и чихать. Я спросил лекаря, что за болезнь поразила старика (кстати, он был моложе меня лет на шесть), на что получил такой туманный ответ, какой даже не могу тебе передать, поскольку не запомнил ни единого слова. Лекарь уехал, а спустя всего луну отец Даолы поменял место жительства, переселившись на Серые Равнины. Странно, но ему за все время болезни так и не стало ни лучше, ни хуже, если не считать того момента, когда он выпил горькую настойку шарлатана...

После его смерти Даола совсем зачахла. Сердце мое сжималось от боли, когда я смотрел на ее бледное личико, слушал ее тихий голосок... Ах, Конан, как же я казнил себя за то, что два года назад поддался глупому мальчишескому порыву и ушел из дому! Впрочем, что толку говорить об этом сейчас! Да и тогда тоже...

Жизнь наша текла ровно, без происшествий. По возвращении я не терял и мига попусту — занимался хозяйством, приводил в порядок дом и двор, разбирал тяжбы... Да, я забыл сказать тебе, что злобредный хон Гамарт без участия сенатора покинул сие место, утонув в ручье в тот самый день, когда я вновь ступил на порог своего дома, и добрые местные жители немедленно отправили прошение в Катму о новом хоне...

Вот, ты видишь его перед собой. — Хон Булла смущенно потупился, словно и в этом чувствовал какую-то свою вину, но затем пухлые губы его дрогнули в улыбке и он — к облегчению Конана, который решил уже, что старик снова впадает в забвение — продолжил рассказ. — То было очень хорошее для меня время. День мой начинался еще затемно, а кончался поздней ночью. Я мало спал, но зато крепко и спокойно, ибо усталый человек не знает бессонницы (если, конечно, он душевно здоров)... Даола, всеми силами помогая мне в делах домашних и общественных, ожила, и порою я даже замечал на обычно бледных щеках ее нечто похо-

жее на румянец — то есть что-то розовое... Хотя, может, это была цветочная пыльца?..

Майло огорчал меня. От природы имея прекрасные качества, могущие только радовать родителя, он вследствие недостатка воспитания был капризен и склонен к истерикам, что, естественно, пугало и ужасало меня. Да, я сам был виноват. Я зацеловывал его и заваливал подарками, но никогда не спрашивал, о чем он думает, что ему нравится и что не нравится, любит ли он, как я, смотреть в ночное небо... Стоило мне не купить ему в Катме, куда я стал частенько наведываться по делам хонайи, ту игрушку, которую он просил, и он с визгом бросался на пол, начинал кататься и кувыркаться, бить кулачками себя по голове... О, Митра, я не знал, что мне делать. А к тому времени ему исполнилось уже шесть лет, и что я мог ожидать в будущем от этого ребенка... Бр-р-р... Теперь-то мне это известно... — Последние слова хон Булла произнес шепотом, воровато при этом оглянувшись по сторонам.

— Ну, а дальше? — зевая, спросил Конан, коего совершенно не трогало плохое воспитание Майло.

— Дальше? Дальше наш дом посетила великая радость — однажды утром Даола объявила мне, что ждет ребенка... Клянусь тебе, я в жизни не испытывал подобных чувств! Душа моя ликовала, и каждое с тех пор мгновение было для меня праздником!.. Вот теперь я хотел жить. Я так хотел жить, Конан, что стал все время бояться умереть. Нет, я не был мрачен и хмур — напротив! Я веселился как умел! Но при этом часто вздрагивал от странного и внезапного ощущения пустоты внутри... Сие, наверное, и называется страхом... А что, если сердце мое разорвется вдруг и я уйду на Серые Равнины прежде, чем увижу своего ребенка? Это может случиться в поле, во дворе, в доме; это может случиться, когда я буду есть или спать; это может случиться, когда я буду играть в кости...

Таковыми мыслями я поделился как-то с друзьями. Они поняли мой страх, но помочь ничем не могли, кроме разве что слов участия... Но один из них — старый, давно отошедший от дел купец Менельс сказал: «Я знаю средство против

страха!» С надеждою я спросил его, о каком средстве он ведет речь, и он ответил мне так: «На северо-востоке нашей Коринфии, в Карпашских горах, живет древняя колдунья. Добраться к ней нелегко, ибо дикие звери и беглые разбойники лучшие стражи ее жилища. Но она — только она — может избавить тебя от любого чувства, если оно по какой-либо причине мучает тебя или неприятно тебе...» Тогда я подумал: «Что за беда — чувство? Оно ничем не угрожает моей жизни, так зачем же я потрясусь к старой ведьме, которая к тому же живет в Карпашских горах?» Так я решил и — пошел спать. А на другое утро, поцеловав мою женушку и Майло, собрал свой выдавший виды заплочный мешок... Да, Конан, и отправился в путь. Я должен был вырвать страх из моей души. Я знал, что если он не оставит меня, то я и в самом деле могу умереть, потому что слабый человек есть лакомый кусочек для тварей с Серых Равнин...

Для бывшего бродяги переход из одного конца страны в другой — сущий пустяк. Так что добрался я туда довольно легко, чего нельзя сказать о моем восхождении на сами горы. Не буду утомлять тебя описанием встреч с гепардами и львами, с гиенами и змеями, а также с парой отвратительных рож — бандитов, бежавших сюда из Шема. Не раз я думал, что путешествию моему пришел конец, не раз сердце мое падало в желудок словно камень со скалы, но — я все-таки дошел.

Колдунья оказалась маленькой седой старушонкой с тонкими кривыми ногами и редкими желтыми зубами. Она злобно посмотрела на меня, лишь только я переступил порог ее развалюхи, но не прогнала. «Что нужно тебе, человек?» — проворчала она неожиданно низким и густым голосом. Я улыбнулся и сказал, что. Тогда она молча протянула руку ладонью вверх — крошечной сморщенной ладонью вверх — и я положил туда пять золотых. Знаком она велела мне сесть, а потом, мерзко усмехаясь, сообщила: «В тебе нет больше страха. Ты прошел через Карпашские горы, где мог погибнуть четырнадцать раз (я потом подсчитал — именно четырнадцать), и страх ушел из твоего сердца. Теперь ступай домой».

Первые несколько мгновений я боролся с сильным желанием ее убить. Для чего же я проделал такой путь? Для того лишь, чтоб узнать, что я могу преодолеть свой страх? Да я в жизни своей прошел тысячи дорог, и не раз подходил к краю пропасти Серых Равнин!.. Но потом я решил, что сие хороший урок для меня. Кто виноват в том, что я, старый дурень, потащился в Карпашские горы за колдовскими чарами? А пять золотых... Митра свидетель — мне не жалко. Только зачем ей деньги? Впрочем, это было не мое дело... Итак, я сдержал негодование; поднявшись, я низко поклонился ей и пошел к выходу. «Погоди!» Я обернулся. На тонких бледных губах ее уже не было ухмылки: она смотрела на меня сурово и даже с каким-то отвращением. «Дай мне еще пять золотых, и я скажу тебе нечто важное». Я дал. «Через пять лун у тебя родится дочь. Я хочу навестить ее». Честно говоря, мне не слишком понравились ее слова. Нет, не потому, что у меня будет не сын, а дочь — сын у меня уже был, и для полного счастья мне не хватало как раз-таки дочери. А потому, что я не понимал, зачем ей сдалось навещать моего ребенка. Но тут же я подумал, что ее алчная душонка просто жаждет еще денег и надеется легко получить их у такого непроходимого глупца, как я. Что ж, пусть ее! Я кивнул, соглашаясь принять старуху в день рождения моей дочери, и вышел из хижины.

Обратный путь оказался несколько проще: я чуть не погиб всего шесть раз. Потом, в городе Шабароне, что близ Карпашских гор, я купил на оставшиеся деньги лошадь и припустил во всю прыть к себе в хонаю. Даола ждала меня с нетерпением, и Майло, кажется, тоже. Радость ожидания дитя скрашивала каждый наш день, и страх более не мучил меня — теперь я почему-то был уверен, что буду жить долго, очень долго. И вот спустя ровно пять лун с того самого дня, как я посетил колдунью, моя милая женоушка разрешилась от бремени — чудесной девочкой, такой курносенькой черноглазенькой малышкой с небольшим родимым пятнышком в форме звездочки на левой коленке. К вечеру того же дня в хонае появилась и колдунья...

...Она была одета в прекрасное платье, больше подошедшее бы юной красотке, нежели старой карге, которая в нем выглядела просто уродливо. В седые жидкие волосы свои она вплела красную ленту, видимо, полагая, что это украсит ее гнусную физиономию... О, Митра, я гневлю тебя этими словами... А в общем, Конан, старушка была вполне симпатичная... Конечно, к тому времени я забыл обиду, да и не то время было, чтоб сердиться. Я радовался! У меня родилась дочь! Даже Майло против обыкновения не дулся и не фырчал, а улыбался своей новорожденной сестренке... Так что все было хорошо, и никакого повода для злости или раздражения я не видел. Усадив колдунью на почетное место, я велел слугам внимательно следить за тем, что она ест и что она пьет, и подносить ей любимые кушанья и вина почаще. Потом мы все — а гостей набралось более сотни — плясали до утра, и музыканты уже валились с ног от усталости!.. Плясала и старая ведьма, причем, Конан, она всё подбиралась поближе к молодым красивым парням, не желая замечать, что они шарахаются от нее как от прокаженной. Ну, я пожалел бедняжку, и сплясал с ней...

Вечером следующего дня она уезжала. Я приготовил для нее удобную тележку, запряженную чудной лошадкой, и дал десять золотых, хотя она и не просила... Забирая деньги, старуха вдруг посмотрела мне в глаза и сказала так: «Ты добрый человек, хон Булла, истинно добрый, и я хочу вознаградить тебя за это. Дочь свою ты назовешь Адвентой, что значит Самая Счастливая, и через двадцать лет наденешь ей вот это кольцо (она протянула мне золотое кольцо, усеянное крошечными бриллиантами). Оно предназначено только ей, и никому другому. Любовь и огромное богатство ждут тогда ее... Теперь прощай и помни — через двадцать лет!» На миг я онемел от счастья. Но не успел я искренно поблагодарить старушку, как тут вдруг откуда-то выскочил Майло и вцепился ей в платье с диким визгом: «А мне? А мне что?..» Я кинулся к нему и начал отрывать его пальцы от подола ее прекрасного платья. Он извивался, лягался, плевался и вопил во всю глотку... И вот, когда я уже почти отцепил его, он вывернулся и в злобе зубами

впился в ее тощую икру... Колдунья позеленела. «Ах ты маленький гадкий щенок! — сказала она, задыхаясь от ярости. — Ты тоже хочешь от меня подарочек? Так получай же! Скоро с твоей сестрой случится несчастье, и виною тому ты, ублюдок! А если через двадцать лет она не наденет мое кольцо, вы оба сдохнете в муках! Пока же — оставайся таким омерзительным гаденышем как сейчас, и пусть всем будет противен даже вид твой! Тьфу!»

* * *

Тито прыжками одолел все четыре марша лестницы и вихрем ворвался в трапезный зал, где его давно уже ждал дядя. Черные прямые волосы юноши, обычно покойно лежавшие на плечах, были растрепаны, глаза лихорадочно блестели, а стрельчатые брови сдвинулись к переносице, придавая прекрасному лицу сердитое выражение. Тем не менее на губах его блуждала довольная улыбка, что не укрылось от внимательного взора песнопевца.

— Я трижды звал тебя к столу, — заметил Агинон, лишь только племянник возник в дверях зала.

— Знаю, — кивнул Тито, усаживаясь на кресло против дяди. — Но ты должен меня простить — я всю ночь читал твои записки о короле Конане и заснул только под утро.

Быстро проговорив необходимые слова оправдания, он набросился на лапшу, густо посыпанную сухими размельченными травами, с такой жадностью, будто не ел по крайней мере несколько дней. Запивая ее фруктовым соком, юноша, уже не пряча улыбки, то и дело бросал на песнопевца таинственные взгляды, на что тот лишь мягко усмехался, но ничего не спрашивал. Сам он вместо утренней трапезы всегда пил вино, и потому к приходу племянника глаза его уже тускло поблескивали, а кончик носа покраснел и залоснился, однако серебряная, черненой узорчатой полоской опоясанная чаша наполнялась слугою снова и снова.

Пока Тито давился второй порцией лапши, стараясь до есть ее поскорей, а затем побеседовать с дядей, который не позволял разговаривать во время еды, солнце уже встало перед самыми огромными окнами зала, подбрасывая снопы ос-

лепительных лучей своих прямо на стол, на череду темно-синих бутылей толстого, с палец стекла; веселые разноцветные блики скакали по легким шелковым занавесям, посредине перехваченным золотыми шнурками, по мозаике пола и начищенной бронзе светильников, и, отражаясь в трех высоких, до потолка, зеркалах, вделанных в стену, противоположную окну, снова ускользали на улицу, где и растворялись в общем дневном сиянии. Только сейчас заметив, что время для утренней трапезы уже довольно позднее, Тито смущенно заморгал и отвернул глаза от пристального взора песнопевца. Наполненная до краев слабым белым вином чаша в его руке дрогнула, и большая прозрачная капля стекла по ее изогнутому боку ему на палец, по пути превратившись в тоненькую струйку, кою он не слизнул по детской еще привычке только потому, что стеснялся дяди.

— Что, милый, сыт ли ты? — наконец осведомился Агинон, для которого все невысказанные мысли и скрытые желания племянника вовсе не остались тайной, как, впрочем, и то, что так и вертелось на языке у юноши.

— Да, конечно... — Тито закашлялся. — Кажется, лапшу немного переперчили... Послушай, дядя, накануне ты не стал говорить со мной — ты отослал меня к своим рукописям, и я теперь тому очень рад, но... Может быть, сейчас ты более расположен к беседе?

Песнопевец глубоко вздохнул. Ему было жаль Тито, но он полагал свою жизнь не столь уж длинной, а потому время привык беречь, и каждому делу отводил определенный момент и срок. Нынче он и так перенес свое вечернее занятие философическими измышлениями на утро, благо все равно ждал племянника и пил вино; с этого же мига, не мешкая более, следовало приступить к делам, коих всегда было в достатке.

— Увы, Титолла, — покачал головой Агинон. — Сейчас пора не бесед, а дела. Ты и так спустился поздно — придется отложить наш поход на базар за платьем. И, кстати, в этот раз ты почти не заглядывал в летопись. Мы с тобой должны разобрать мои записки, относящиеся к Черному Кругу, хотя тебе и не нравится сия тема.

— Ну вот,— надулся Тито, первый раз сожалея о том, что дядя его и хорошенько выпив сохраняет работоспособность и ясность ума.— Опять ты откладываешь беседу! А кто же тогда поведаст мне давно обещанную историю? Кто объяснит мне смысл жизни? Кто скажет, как называется та чудесная звезда, которую я могу видеть только осенью и только через твое волшебное стекло? Кто расскажет мне ее происхождение и путь? Вместо этого ты предлагаешь мне заняться орденом колдунов, которых я боюсь и...

— Тише, тише, мой мальчик,— поморщился песнопевец, улыбкой смягчая суровость слов.— Всему свое время. Ты будешь здесь еще три дня, и я успею ответить тебе на все твои вопросы, это я могу тебе обещать. Но — не теперь. Нам нужно работать, и много работать. Кроме нас, никто не напишет летопись хайборийской эры, ибо это великий и долгий труд. Не забывай же, когда я покину сей бранный мир, мои занятия станут твоими занятиями, как и моя цитра, и мой дом, и...

— И твое место в королевском дворце! — выпалил юноша, зардевшись от смущения и радости.

— Именно. Я уже говорил владыке о тебе, милый. Он удивлен твоими столь редкими для молодого человека познаниями и желает видеть тебя. Конечно, не сейчас. Мятежи опять потрясли страну... Разрушаются дома, гибнут люди... Вот она, война!

— Я ненавижу войну!

— Я тоже, сынок...— Агинон задумчиво поскреб бородку и медленно допил вино.— Ну, Титолла, пора?

— Пойдем.— Не споря более, юноша поднялся, с любовью взирая сверху вниз на дядину сильно поредевшую за последнее время макушку.— Но ты позволишь мне вечером снова почитать твои записи о короле Конане?

— Если ты разберешься в Черном Круге,— усмехнулся песнопевец, тоже вставая.— И перестанешь бояться колдунов...

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой хон Булла завершает свое печальное повествование и предается унынию, а Конан пробует потолковать с Майло

Последняя звезда таяла в светлеющей выси; ночь стремительно уплывала на легких, невидимых почти облачках в дальние дали; просыпались первые птицы, раскрывали лепестки цветы, и роса на полях уже заиграла в отблеске солнечного луча, робко сверкнувшего один раз из-за полосы горизонта.

Конан открыл глаза, миг выпадая из глубокого забвения в явь, рукою пошарил слева от себя и снова не обнаружил там Ильяны. На сей раз он рассердился всерьез, ибо хотя и считал каприз естественным свойством женского нрава, предпочитал все же не испытывать его на себе. На всякий случай пошарив еще и справа, он в досаде сплюнул на пол и решил на следующую ночь пригласить другую девушку — кроме Ильяны хон Булла неизвестно для каких целей содержал восемь наложниц, не прикасаясь ни к одной из них и запрещая Майло даже близко подходить к гарему.

Киммериец подозревал, что все девицы были взяты им из жалости (либо лишенные крова, либо кем-то обиженные), потому что, по словам все той же Ильяны, за два года, проведенных в доме хона, они успели истосковаться по мужской ласке — конечно, те из них, кто вообще с таковой были знакомы.

Вдохнув свежего предутреннего воздуха, волнами поступавшего из распахнутого настежь окна, и шевельнувшись в мягких подушках, варвар почувствовал вдруг непреодолимое желание выпить холодного пива, можно даже кислого. Видимо, так подействовала на него хола и нега, в коей пребывал он уже третий день подряд. Человеку вообще — а Конану в особенности — в конце концов приедаются однообразие, даже если оно состоит сплошь из удобств, отличной еды и красивых девушек. Как нищий калека жаждет хоть раз вместо черствой корки съесть пышную горячую булку, так и богач иногда лениво подумывает о том, чтоб свою белоснежную тунику поменять на ветхое рубище — ненадолго, конечно... Киммериец представил себе глиняную, с отбитой ручкою кружку с пивом, какие подают в дешевых кабаках, сглотнул слюну, и в этот момент ясно понял тот внезапный порыв хона Буллы уйти из дому, оставив все — и жену, и сына, и богатство... Бродяга — он бродяга и есть...

Тут чуткий слух варвара уловил за дверью шорох, словно муха, пролетая по коридору, задела крылом стену. Вряд ли это был хон Булла: он хоть и ступал мягко, почти неслышно, зато дышал с непременным присвистом и хрипом. Но кто же тогда мог притаиться за дверью? Майло?

Конан нахмурился. Да, скорее всего, Майло. Как раз он и ходил и дышал совершенно бесшумно... Тенью киммериец скользнул с тахты к двери, спиной прижался к стене, ожидая действий таинственного незнакомца...

— Конан...

Тихий испуганный шепот заставил его рассмеяться. Ильяна! Она рассказывала ему, как боится темноты — наверняка шла сейчас по коридору с закрытыми от страха глазами и не сразу нашла нужную дверь. Видно, выходила во двор, дабы справить некоторые потребности, а теперь вернулась обратно и готова к любви и ласке... Пискнув, Ильяна прижалась к могучей груди возлюбленного, успокаивая быстрое и частое биение своего сердечка мерным спокойным ритмом его сердца. Она и впрямь перепугалась: прежде она ночевала в гареме с товарками и ночью выходила

только с кем-нибудь из них, в каждом шелесте и шорохе подозревая вздох и шаг неведомого чудовища. Но Конана она будить не хотела, да и незачем ему было знать, что она делала во дворе... Семнадцатилетняя Ильяна искренно полагала, что мужчина сего знать не может, и открывать ему секрет не собиралась.

— Я слишком долго ждал, — сурово проворчал Конан ей в ухо, заодно наслаждаясь чудесным нежным запахом ее волос.

— Ждал? Чего?

Девушка лукаво посмотрела в синие глаза варвара и, вывернувшись из его объятий, шмыгнула к тахте. Тень ее мазнула по стене, уже освещенной слабым светом восходящего солнца, и пропала в окне. Легкое покрывало взметнулось, обворачивая хрупкое тело, и мгновение спустя Ильяна уже тихонько посапывала, усиленно притворяясь спящей. Если бы божеству забвения Хипношу случилось в это время пролетать мимо их окна, он мог бы хорошо повеселиться, наблюдая за юной неумелой лицедейкой: ресницы ее подрагивали, губы, боясь внезапной улыбки, сжались в куриную гузку, а курносый носик забавно морщился.

Но что бы там ни думал себе бог Хипнош, а киммериец оценил сию картину по-своему. Зарывчав, он прыгнул на тахту рядом с Ильяной, разорвал обвивающее ее покрывало, и жадно приник губами к ее рту; первыми звуками после долгой ночи и тишины были звуки любви. Так началось утро.

* * *

— Посмотри сюда, Конан. Если по этой тропке идти пару дней, то попадешь прямо к северным воротам Ианты. — Стоя рядом с варваром на невысоком холме, хон Булла вытянул руку и указал на тонкую нить в сплошном зеленом ковре равнины. — А за тем ручьем есть еще одна тропа, и ведет она к Карпашским горам. Но я шел к колдунье не отсюда — иначе мне пришлось бы весь путь скакать подобно горному козлу по скалам...

Конан усмехнулся: маленький толстый хон Булла очень отдаленно напоминал горного козла — разве что спяну можно было спутать...

— А теперь давай спустимся вниз, и я покажу тебе мои любимые места в хонайе.

Старик легко сбежал с холма и, не останавливаясь, прытко посеменил к ручью. Он словно чувствовал, что гость начинает скучать в его большом доме, где всего вдоволь и кажется нечего желать, и старался развлечь его как только умел. Печальная история его, как видно, надоела Конану — за весь вчерашний вечер и нынешнее утро он ни разу не просил его продолжать, хотя хон Булла остановился на самом интересном месте; Ильяна сама по себе не являлась особенным подарком, хотя и была из лучших в гареме, и не могла завлечь гостя надолго; Майло же только отпугивал людей, и на его помощь рассчитывать старик не собирался.

Последние годы жизнь его текла однообразно, и друзья, тоже далеко не первой молодости, не баловали его своими посещениями. Общительный от природы хон Булла невыносимо страдал, когда приходилось целые вечера проводить в полном молчании, потому что от приемыша он мог услышать лишь злобное шипение или, еще того похлеще, рычание. Такие вечера складывались в луны, а луны — в года, и несчастный старик дошел уж до того, что за неимением другого собеседника начал разговаривать с собой, с собой же шутить и спорить, называя себя при том не иначе как Буллочка (имя, придуманное милой Даолой)... Хорошо, что Майло не имел привычки бродить бесцельно по дому: как он поиздевался бы над отцом, нечаянно услышав такое!

Заполучив в гости случайного прохожего, а именно Конана, хон Булла оживился и даже помолодел. Жизнь его, пусть хотя бы на несколько дней, изменилась, сосредоточившись на юном варваре. Все имело значение: его аппетит, его желания, его воззрения; скука, порою мелькавшая в его ярких синих глазах, больно ранила хозяина, и он лихорадочно рылся в памяти, надеясь найти там нечто интересное, вот хотя бы какую-нибудь игру или увлекательный рас-

сказ. Почему-то ему не приходило в голову рассказать свою собственную историю, и даже когда киммериец сам направил его в русло воспоминаний, желания снова окунуться в прошлое не было. И только дойдя до середины повествования, он почувствовал, что ему, кажется, до сих пор только этого и не хватало. Нечто очень важное, сильное, страстное открылось в нем; он припомнил лица и имена, которые прежде так хотел забыть, и сие ничем не поколебало его душевного равновесия, за которое он так страшился всегда — после того, как ушел из дома двадцать с лишним лет назад. Еще и еще раз он повторял — уже в своей комнате и про себя — словно пробуя на вкус: Майана, Даола, Адвента... То же и лица друзей, чьим приютом навеки стали Серые Равнины. И они вставали перед глазами хона Буллы не призраками, но живыми, и душа потом не болела, а только радовалась...

Нынешним утром, за трапезой, с тревогой вглядывался старик в твердые черты гостя, в его ясные глаза, опасаясь увидеть скуку и раздражение. То ему чудилось, что он и видит их, и тогда сердце его с места ухало вниз; то он облегченно вздыхал, замечая на губах киммерийца усмешку. ...Покончив с едой и вином, тот рыгнул, вытер губы рукавом куртки, потом бездумно уставился в окно, и хон Булла напрасно ждал, что вот сейчас он предложит ему вести рассказ дальше — варвар молчал. И тогда хозяин решил использовать последнее, в общем, довольно слабое средство удержания гостя: прогулку по местности с описанием имеющихся достопримечательностей.

— В этом ручье, Конан, рыбу можно ловить руками! — с гордостью объявил старик, в душе почему-то испытывая странное смущение — словно он обманывал варвара и рыбу здесь можно было поймать только сетью. — А еще местные ребятишки таскают отсюда раков. Конан, ты когда-нибудь ел раков?

Киммериец отрицательно покачал головой, вообще впервые слыша это название.

— Я нынче же велю сварить для тебя пару дюжин. И Майло будет рад. Наверное... — Хон Булла сник и замол-

чал. В один момент всё его возбуждение испарилось, исчезло бесследно, да и все остальные чувства тоже; только глубоким вздохом наполнил он разом опустевшую грудь, но — вовсе не Майло был тому причиной. А что — он и сам бы не смог определить, хотя по некоторому размышлению, может быть, такое состояние свое назвал бы просто усталостью. — Так-то...

— Что «так-то»? — Конан поднял с земли камень и швырнул его на середину ручья, отчего по нему сразу побежали низкие частые волны, а от берега метнулся вглубь косяк крошечных серебристых рыбешек.

— Да так... — апатично ответил старик, пожимая плечами.

— Вот что, — решительно заявил варвар, вставая перед хонем Буллой и мощным торсом своим закрывая ему вид на ручей, — ты мне голову не морочь. «Так-то, как-то!..» Я же вижу — тоска тебя грызет. О дочке своей мучаешься? Ну, идем к дому, расскажешь мне все до конца — только без всяких там «как-то»!

Хон Булла с удивлением посмотрел на юного варвара, никак не ожидая от него подобной проницательности. Да, видимо, и в самом деле та жуткая пустота, образовавшаяся в груди вдруг, была следствием вчерашнего воспоминания о прошлом... Он не спал всю ночь, размышляя о несчастной судьбе своей. Чем прогневил он светлого Митру? Какую вину не искупил? На эти вопросы он не знал ответов...

Жалкая улыбка искривила губы старика, и он, стыдясь ее, понурил голову и заспешил к дому, более не пытаясь завлечь гостя прогулкой по хонайе.

* * *

«Тьфу!» Колдунья плюнула прямо мне под ноги, ловко запрыгнула в повозку и велела вознице гнать лошадь на север.

Поначалу я не мог прийти в себя от такого ужасного пророчества, но потом визг Майло вернул меня в настоящее. С печалью в душе я велел противному мальчишке замолчать и отправляться в дом, к приемной матери его

Даоле, которая еще не знала о происшествии и спокойно наслаждалась кормлением малышки. Мог ли я смолчать? Мог ли не признаться? Ведь Адвента — а я твердо решил назвать девочку именно так, горячо надеясь на снисхождение старой карги, — дочь моей милой женушки; она ее выносила, она ее в муках родила на свет, так кому, как не ей, нужно знать о происшедшем? И я рассказал...

К удивлению моему, Даола не испугалась, а заметила, что колдунья тоже женщина и в скором времени наверняка простит и меня и Майло, так что беспокоиться особенно не о чем, «правда, дорогой мальчик?» С этими словами она ласково поцеловала нашего сына, что стоял рядом, ныл и размазывал по хорошенькому личику слезы и сопли. «Пра-а-а-а-а-а...» — проревел он басом, припадая к ее плечу. Я вздохнул — а что еще мне оставалось делать? — и пошел во двор, где меня ждали жители хонайи с подарками и поздравлениями...

Несколько ночей подряд мне снились кошмары. Моя Адвента то падала в пропасть (хотя в нашей округе не было не только пропасти, но даже ямы, за исключением ямы с отходами, которая всегда наполнялась до краев), то на нее набрасывались львы (хотя в нашей округе нет зверей страшнее хорьков и лис), то банда разбойников уворовывала ее в темную дождливую ночь... Сердце мое, кое, как я представляю, держится в груди на тысяче тоненьких как волоски жилках, беспрестанно дрожало от ужаса. Думаю, за те ночи не одна жилка оборвалась... Но со временем, наблюдая, как растет и хорошеет моя дочь, как весела она и мягка нравом, как умиляет она людей своими забавными суждениями о жизни, я успокоился. Адвента нравилась всем — всем!

Вряд ли в хонайе нашелся бы хоть один человек, могущий желать ей худого. Напротив, все так и норовили сунуть ей лакомство или игрушку, в благодарность непременно получая прекрасную, исполненную истинной детской доброты улыбку и ласковый взгляд карих, как у матери, глаз. В общем, ее жизни и здоровью явно ничего не угрожало.

И опять я виноват. Меня обязательно должно было насторожить то, что происходило с Майло. Как ты помнишь, Конан, старуха пожелала ему впредь оставаться таким же злым и противным, каким он был в тот момент, когда укусил ее. Увы. Так оно и вышло... Если прежде мальчик хоть изредка становился послушным, ластился к нам, дарил нам поделки из щепок и глины, то теперь всякий миг своего существования он отравлял наше. «О, благодетель Митра! — не раз я обращался с мольбой к высшей силе. — Дай мне долготерпения! Образуешь несчастного сына моего!» Но — каждое утро дом сотрясался от дикого вопля, означавшего пробуждение Майло... Красивое лицо его никогда теперь не находилось в покое, а постоянно кривилось от раздражения; голос стал похож на лай, так отрывисто и грубо он разговаривал — со всеми: со мной, с Даолой, с гостями, со слугами...

Последних он распугал скоро, и спустя год после случая с колдуньей в доме осталась одна только деревенская девушка, которой некуда было идти, но — и она однажды пропала; потом ее видели в поле близ Катмы: она пасла коз и была весела и вполне довольна — я же никогда не замечал на лице ее даже подобия улыбки. Нищие, коим и я, и Даола всегда подавали на жизнь то деньги, то хлеб, тоже теперь обходили стороной хонайю — мальчик швырял в них камнями и плевался, причем стараясь обязательно попасть в лицо. Только с Адвентой он был неизменно ласков, но стоило появиться мне или Даоле, как он убегал от нее с обычным визгом и блеянием.

Так прошло шесть лет. Примечательно, Конан: за все эти годы я ни разу не сопоставил заклятие старухи с настоящим поведением Майло. Видно, его прежние капризы сбили меня с толку. Ведь не белое стало черным, а темно-серое... Что, вино кончилось? Вот еще кувшин, возьми... Это никак туранское? Очень хорошо.

Итак, наша девочка давала нам силы к жизни, а наш мальчик их отнимал... Конечно, мы с Даолой пытались поправить положение. Мы наняли для Майло в Катме учителя астрологии и учителя музыки, в Шабароне — учи-

теля языкознания и учителя географии; все они кроме основного предмета занимались с ним еще и пением, рисованием, резьбой по дереву и камню, вышиванием, цифросложением и геометрией. Все же военные науки проходил с мальчиком старый солдат аквилонской армии Винатус, потерявший в последнем своем бою правую руку до самого плеча. Справедливости ради надо сказать, что Майло учился с большим удовольствием и весьма успешно. Хотя с наставниками он тоже был груб и бестактен, но только вследствие привычки к капризу, что они, пару лун пообижавшись, поняли и оценили, с тех пор теща мое сердце беспрестанными похвалами в его адрес. В остальном же все было по-прежнему.

Адвента, добрая и милая девочка, любила брата так искренно, так нежно, что и он в ее присутствии явно старался унять свой буйный нрав, рыча и шипя гораздо тише обыкновенного. При ней он даже не кусался! А когда очередная нянька сбежала от нас из-за его дурного поведения, он стал проводить с Адвентой все свободное от учебы время, отходя от нее лишь тогда, когда отправлялся спать. Скоро я понял, что лучшей няньки для дочери нам не найти: Майло был удивительно внимателен, добродушен, заботлив и несуетлив. А уж как радовалась Адвента, оставаясь с ним! В доме ли, во дворе ли — он всегда находил для нее интересное занятие, делился с ней своими гостинцами, мастерил для нее куколок из глины, и порою я с трудом отдирал их друг от друга перед сном... Да, Конан, он преображался рядом с ней...

И вот однажды возле нашего дома остановился нищий. Даола выбежала ему навстречу с радостью, потому что всем известно, что дающему потом обязательно воздастся, а кому нам было давать, если нищие, боясь обиды, не приближались к хонайе... Этот пришел издалека, и еще не имел счастья познакомиться с нашим дорогим мальчиком. Женушка моя провела его в дом, усадила за стол и накормила, напихала его торбу едой и платьем, а затем только завела беседу. Она любила толковать с убогими и странниками (хотя я мог поведать ей о мире поболее их, но меня она

ни о чем не спрашивала; полагаю, по той причине, что, припомнив вольную жизнь, я опять убегу из дома...). Сама она нигде кроме нашей хонайи не бывала, не считая однократного посещения с отцом небольшого коринфийского города Катмы, где он осуществлял перепродажу в Туран трети своего скота, а она весь день просидела на постоялом дворе, ожидая его. Так что можешь себе представить, с каким интересом внимала моя женушка этому бродяге. А он рассказывать умен!

Теперь я опишу тебе его, ибо в моей истории он есть лицо наиважнейшее и наикротительнейшее... Ох, еле выговорил слово сие... Но поверь, оно лишь частично выражает его истинную сущность... Фигурой он был довольно изящен, а ростом невелик, только чуть выше меня. Черные, короткие, очень густые волосы его вились барашком и плотно прилегали к голове, образуя как бы шапку; черты лица были не мелки и не крупны, а так, ни то ни се — вернее, и то и се вместе. Голос...

— погоди,— остановил рассказчика Конан.— Как может быть и то и се вместе? Вот уж не видал такого.

— Очень просто,— успокоил его хон Булла.— Глаза и рот у него были очень маленькие, ну, как у новорожденного. Зато нос преогромный, цвета не белого, как само лицо, а багрового, и к тому же покрытый сплошь прыщами, а черные брови такие кустистые, широкие... В общем, совсем некрасивый человек. Да, и еще прямо под ноздрю большая, с горошину коричневая бородавка. Ну вот. А голос его... Жаль, про голос ничего дурного сказать не могу. Низкий, глубокий, ровный... Так бы и слушал без конца. Даола и слушала — три дня подряд. Иной раз и я рядом с ней пристраивался, но меня все его истории не то чтобы раздражали, а просто-таки бесили, ибо ничего доброго не содержали даже близко. По его словам все люди выходили либо злодеями, либо дурнями, либо скаредами, и каждый так и норовил чем-нибудь обидеть беднягу. Я сам ходил по свету лет так сорок и знаю совершенно точно, что добрых людей немало, нет, немало. Ах, какие чистые, какие светлые души порой встречались мне... А

из рассказов нашего гостя выходило, что весь мир населен ублюдками, порожденными Нергалом, как будто и не существует благого Митры, Хранителя Равновесия... В конце концов и Даола, видимо, заскучала: занялась хозяйством, а бродягу предоставила мне. Я же не чаял, когда он уйдет. Пожалуй, со мной сие случилось впервые. Обычно гость для меня — праздник, и его нрав, его ум не особенно волнуют меня. Я знаю, что почти с любым человеком можно поладить, если быть к нему открытым и доброжелательным и если обстоятельства не побуждают его проявлять некрасивые стороны своей души...

Тем не менее я всеми силами старался ничем не показывать такого отношения к гостю. Забыл сказать, что звали его Тарафинелло Фло по прозвищу Гарпинас... Что ты смеешься, Конан?

Но варвар не просто смеялся — он грохотал, схватившись за живот и согнувшись так, что длинный хвост волос подметал пыль на земле.

— Гарпинас... по-аквилонски значит... ха-ха! — гнойный!.. — наконец выдал он сквозь хохот.

— А,— кисло улыбнулся хон Булла, в отличие от киммерийца не испытывавший особенной приязни к скабрешным прозвищам.— Я не знал. Я вообще из всех языков знаю по пять-семь слов... Зато Майло...

— Ладно,— перебил его Конан, успокаиваясь.— Про Майло я уже наслушался. Говори дальше, что там этот Гарпинас натворил.

— Он вскоре ушел. Взял торбу и ушел в сторону Офира, чему я весьма удивился, ибо пришел он оттуда же. После Даола призналась мне, что и в этом виноват был наш Майло, ибо в любой удобный момент норовил либо укусить бродягу, либо соорудить ему страшную рожу... Как бы то ни было, но Тарафинелло удалился, и, скажу тебе честно, я только вздохнул свободно... Так прерванное на несколько дней течение нашей жизни снова восстановилось. Снова Адвента нас радовала, а Майло огорчал, снова... Ну, не буду тебя утомлять, рассказывая все по второму разу...

Минуло не больше луны с того дня, как Тарафинелло Фло покинул нашу хонаю, и вот как-то один крестьянин, пришедший ко мне с жалобой на соседа, сказал, что видел недалеко от ручья (где мы с тобой были сегодня) человека, весьма на него похожего. «Не может быть!» — так ответил я, качая головой. Крестьянин настаивал, я не соглашался, полагая, что вышеупомянутый Тарафинелло не станет возвращаться обратно столь скоро. Конечно, потом я забыл об этом споре, а когда вспомнил... А когда вспомнил, было уже слишком поздно. Впрочем, какое это вообще имело значение? Даже если бы я поверил, что этот бродяга снова здесь, ничего бы не изменилось. Думаю, что я сам пригласил бы его опять в наш дом...

Дождливая осень отнимала тогда все мое время. То ручей выходил из берегов и затоплял посеы моих земляпашцев, то ливнем пробивало крышу чьего-нибудь жилища, то потоки воды уносили птичьи выводки — и во всяком таком случае всем непременно требовался я; нацепив кожаный плащ с большим капюшоном, я с рассвета уходил из дому, с тем чтоб вернуться только к ночи, все равно промокший до нитки, уставший и печальный. Да, тогда я думал, что вот он пришел — конец моей спокойной жизни. Дожди уничтожили чуть не все хозяйство хонайи, кое к тому времени было усилиями моими, моих друзей и жителей деревень приумножено и равнялось благосостоянию среднего размера городка.

Убыток вышел огромный. Две трети всего скота пало; часть домов и пристроек разрушено; поля и пути размыты, а самое главное... Дорога Королей... Ты знаешь, что мы обязаны содержать в порядке тот ее участок, который проходит по нашей земле... Так вот, он оказался разнесен весь! Каменные плиты местами отошли друг от друга, а местами и вовсе уплыли с водой в неизвестном направлении. Думаю, в конце концов они оказались в Офире или в Немедии... Но не у нас в Коринфии наверняка. Я посылал людей искать их, но... Ох, Конан, я опять заболтался, старый дурень. Да, значит, я говорил про сезон дождей. А что я говорил?

— Давай про Трафарелло, — напомнил варвар, зевая — сия часть истории хона Буллы показалась ему невыразимо скучной.

— Тарафинелло, — вежливо поправил старик. — Тарафинелло Фло. Он действительно однажды появился возле моего дома — как раз в самый что ни на есть ливень. Меня не было: утром прибежал пастух и сказал, что все стадо овец вырвалось из загона и бежит... Снова я не о том... Конан, прошу тебя, не обессудь же. Выпей еще вина и послушай дальше. Митрой клянусь, осталось совсем чуть. Благодарю тебя, — улыбнулся и он на согласную ухмылку киммерийца. — Итак, в доме были: Даола, Майло, все его наставники и, естественно, Адвента.

Как потом рассказала мне Даола, этот Тарафинелло появился под вечер, когда уже стемнело и дождь лил без перерыва. Майло на втором этаже продолжал урок с учителем языкознания, а все другие учителя сидели в трапезном зале внизу, где играла и шестилетняя Адвента. На сей раз на безобразном лице его не было ни улыбки, ни даже подобающей всякому гостю приличной мины — он шевелил кустистыми бровями своими и гадко скалил желтые кривые зубы. Только войдя, он злобно сверкнул черными крошечными глазками на Адвенту и смотрел так на нее не одно длинное мгновение. Даола, сама наблюдавшая сей странный взгляд, говорила мне, что девочка наша ничуть не испугалась, а отвечала ему обычной своей доброй улыбкой и даже пригласила поиграть с ней, на что злодей не отреагировал вовсе.

Молчание длилось уже достаточно долго, когда женушка моя, не умом, но сердцем определившая нечто неладное в поведении посетителя, наконец осмелилась спросить его о причинах. «Что-то случилось, Тарафинелло?» — дрожащим голосом вымолвила она, но — он и не взглянул в ее сторону. Тогда встал наставник Майло — Винатус (если ты помнишь, Конан, он обучал мальчика воинским наукам). Даола сказала мне, что первый раз слышала в его низком, хриплом, словно простуженном голосе такие суровые и черствые ноты. Обыкновенно старый солдат, несмотря на

грубую внешность свою, разговаривал очень мягко, почти шепотом, а уж милее и услужливее его человека не было — так говорила Даола. Но тут он вырос перед нахальным Тарафинелло неприступной глыбой, и теплые голубые глаза его превратились в льдинки... «Ах ты... (он произнес нехорошее слово)!»

— Какое? — оживился Конан.

— Гм-м... Ублюдок... — после некоторого замешательства ответил хон Булла.

— А, — разочарованно кивнул варвар, снова укладывающаяся на скамью. — Ну и дальше?

— Да, вот он сказал: «Ах ты... Убирайся из этого дома, пока кости целы!» Тарафинелло не двигался, продолжая смотреть жутким взглядом своим на мою Адвенту. «Ну погоди же, — прогрохотал солдат. — Не бойся, хозяйка, сейчас я выброшу его отсюда...» И Винатус решительно сделал шаг к злодею. Но — о, ужас! — в этот самый миг Тарафинелло оторвал взгляд от Адвенты, которая, милая малышка, все улыбалась ему, и посмотрел на солдата...

— И что? — рыкнул варвар, досадуя на старика, что обычно прерывал повествование в наиболее интересном месте — как сейчас: лишь произнеся последнее слово, он смолк и опять устался вдаль, явно не намереваясь говорить дальше. — Хей, достопочтенный! Если ты не проснешься, клянусь Кромом, я уйду к Ильяне, и Нергал с тобой!

— Нет-нет! — вздрогнув, хон Булла в ужасе замахал руками. — Что ты, Конан! Не уходи! Я передаю тебе сейчас наужаснейший момент моей жизни, так неужели ты оставишь меня одного?

— Ладно, не оставляю, — проворчал Конан, скрывая довольную усмешку. Как и всякий совсем молодой человек он рад был обращению к нему за помощью столь уважаемого старца. Пусть он боялся остаться наедине всего лишь с воспоминаниями, а не с настоящим Тарафинелло, но и это ясно говорило о его признании всех достоинств киммерийца. — Ну?

— Он посмотрел на солдата... Увы мне, увы... Ибо все это случилось именно в моем доме... В тот краткий миг, когда страшный взор чудовища упал на нашего верного

Винатуса, тот окаменел... Ты понимаешь, Конан? Он обратился в камень! «Великий Митра! — воскликнул я, услышав из уст Даолы сие откровение. — Как ты позволил злодею одержать верх над простым и честным человеком? Неужто Зло сильнее Добра? Неужто все мы лишь базарные куклы в руках небожителей?» Но не услышал ответа я... А дальше... Дальше моя женушка поведала мне то, что уши мои не желали слушать...

Наставники моего Майло — надо отметить, все люди благородные — вскочили с мест и как один бросились к злокозненному Тарафинелло, намереваясь схватить его и свершить суд праведный... Но сейчас же взгляд его поворотился и на них... Тут ты и без моего пояснения сможешь понять, что произошло...

— И они обратились в камень? — сумрачно поинтересовался Конан, с момента превращения несчастного Винатуса слушавший повествование хона Буллы крайне внимательно.

— Да... И они... Что творилось с Даолой, когда она увидела весь этот ужас... Она окаменела без участия злодея Тарафинелло — просто от созерцания четырех недвижных серых статуй, которые одно лишь мгновение назад были обычными людьми.

...Жизнь моя сложилась так, что, странствуя по свету более сорока лет, я наслушался вдоволь баек о магах и колдунах, а также о бесчинствах, ими творимых, но сам никогда — кроме старухи колдуньи, от коей я никаких чудес и не видал — не сталкивался с ними. Поэтому, наверное, тот кошмар, произошедший в моем собственном доме, поразила меня настолько, что первые дни после этого я не мог не то что двигаться, а и вообще соображать; бесчувственным бревном я лежал на нашем с Даолой ложе, открывая рот для того лишь, чтобы выпить медового настоя или съесть ложку каши. Но, конечно, дело тут совсем не во мне. Послушай же окончание страшной сей истории и поскорби со мною вместе о...

— Нет уж, — решительно отказался Конан. — Скорбеть ты будешь один. А я выпью лучше туранского и пойду к Ильяне. Прах и пепел! Ты опять замолчал?

Хон Булла и в самом деле погрузился в воспоминания свои и вроде как вовсе забыл о собеседнике, однако стоило тому в раздражении резко встать, дабы исполнить угрозу и удалиться к Ильяне, как старик тоже вскочил и с мольбою вцепился в полу куртки гостя.

— Ну прошу тебя, Конан, не гневайся! Там, в тех годах, была вся моя жизнь. Ты думаешь, я и сейчас живу? Нет! Я жду того момента, когда туманы Серых Равнин застят глаза мои — жду каждый день... И я...

И вдруг — к досаде юного варвара — старик разрыдался, повиснув на его куртке и лицом уткнувшись в могучую его грудь.

— Хей, достопочтенный... — пробурчал Конан, осторожно отрывая от себя пальцы хона Буллы. — Клянусь бородой Крома, слезы тебе всяко не помогут.

То ли слова киммерийца оказались неожиданно действительны, то ли в душе несчастного произошел снова сдвиг, только он перестал плакать, а рухнул на скамью и застыл в позе глубоко скорбящего. Но солнечный тонкий луч, что пробивался сквозь густую листву груши, слегка подпортил высокую трагичность ситуации, ибо падал прямо на проплешины в волосах хона Буллы и посверкивал там ярко и весело — да, огненное око светлого бога было равнодушно к терзаниям маленького человека. До того ли ему? Обозревая с высоты своей весь этот огромный свет, на поверхности коего копошились мириады страдальцев, солнце пребывало в вечности, тогда как все живое существовало в этой же самой вечности лишь временно и обязательно имело определенный срок.

Жизнь и смерть — они постоянно рядом, но никогда не вместе... Конан пожал плечами, отвернулся и зашагал к дому, намереваясь вытеснить образовавшуюся вдруг в душе пустоту страстью — Ильяна наверняка ждет не дожидается ночи, так почему бы не сделать ночь прямо сейчас?

С такими крамольными намерениями, опровергающими величайшее могущество солнца, варвар подошел к гарему.

Мрачные мысли одолевали Конана в середине этой ночи. И взор его, устремленный в окошко, за которым блистали бриллиантовые россыпи звезд, тоже был мрачен. Сам того не желая, киммериец вновь ощущал некое томление в области сердца, за которое справедливо винил хона Буллу, поведавшего печальную историю свою именно ему. Его всегда — и прежде, и теперь — влекла вперед жажда действия. Потому, наверное, он и взял на себя чужую клятву, ради исполнения коей проделал долгий и трудный путь от гор Кофа до моря Запада, а потом — на лодке плыл до Желтого острова, а потом — бился насмерть с гориллой Гринсвельдом, а потом — обратный путь, но уже вдвое длиннее и с вечнозеленой ветвью маттенсаи в заплочном мешке... А ныне, когда ни одно важное дело не отягощало юного варвара и тысяча дорог открывалась перед ним, маня блеском золота и влюбленными взглядами прелестных дев, несчастный старик вдруг открыл ему тайну своего прошлого — против воли Конан не мог забыть историю сию и мыслями снова и снова к ней возвращался; вот и сон его оборвался задолго до рассвета, когда привиделись ему те каменные безмолвные фигуры, в упор глядящие на него живыми глазами...

Что было в этих глазах? Он не привык разбираться в чувствах, особенно в чужих, но здесь так ясно различил неодолимую тоску и боль, ужас и безнадежность, что едва не вскрикнул от ярости и отчаяния. Почему он? Почему не кто другой должен взять на себя их беду? В конце концов, с тех пор прошло уж без малого тринадцать лет, и неужели за это время не нашлось никого, кроме него...

Далее Конан не стал продолжать мысль, досадуя на себя за то, что вообще об этом задумался. Пока что его никто и не просил о помощи и вряд ли попросит... Варвар хмыкнул, припомнив, как за вечерней трапезой хон Булла без конца глазел то на него, то на Майло, видимо боясь стычки двух молодых горячих парней, у каждого из которых нрав подобен живому вулкану — даже затихая, бурлит и клокочет жаром... Но Конан не собирался вовсе связываться с

Майло. Из рассказа старика он отлично понял, что приемши его не по собственному желанию так злобен и груб, а потому попросту не обращал внимания на его выходки, сопровождаемые непременным шипением и рычанием... После трапезы гость отозвал хона Буллу в сад и там, побуждаемый скорее так и неизгнанной пустотой внутри, нежели действительным интересом, узнал наконец грустный конец истории. Для Майло во всем этом явно ничего хорошего не было...

...«Схватившись за сердце, Даола взидала на каменные статуи, только что бывшие людьми из плоти и крови, и сама не могла пошевелиться. Тут и Адвента уловила чуткой доброй душенькой своей нечто темное и страшное; улыбка сошла с ее алых губ, и слезы появились в прекрасных черных глазах... И в сей миг, словно тоже почувствовав беду, сверху, со второго этажа, сбежал Майло, вслед за которым поспешал его учитель языкознания, громко сетуя на неусидчивость мальчика.

Увидев жуткую картину, центром коей являлся вредитель Тарафинелло, двенадцатилетний сын мой, не медля и мига, с рычанием кинулся на него, норовя вцепиться зубами в горло. На него, кстати, злодей тоже обратил свой колдовской взор, но без толку — на Майло отчего-то он не подействовал; зато злополучный учитель языкознания, случайно попав под него, не успел и испугаться, как застыл подобно остальным.

Тарафинелло забеспокоился. Майло, словно разъяренная собачонка, висел на нем и все крепче сжимал зубы на его горле, и никакие наговоры, что судорожно шептал гад, никакие пассы, что делал он тощими руками, на моего сына впечатления не производили. Но тут очнулась наконец Даола, и, скажу тебе, Конан, правду — очнулась зря. Вместо того чтоб помочь сыну справиться с Тарафинелло, она стала отрывать Майло от него! Конечно, то была просто привычка спасать от нашего мальчика всякого, кто попадался ему в момент злобы и раздражения... В четыре руки они отодрали Майло от злодея, и тот отшвырнул его в самый угол комнаты, совершенно потеряв самообладание: с маху упав

на скамью, он завизжал, разбрызгивая слюну, и в бешенстве засучил ногами. Он призывал на дом мой всяческие кары; он клялся Нергалом, Сетом и прочими демонами, что уничтожит и нас и корни наши; смертоносным взглядом своим он перебил всю посуду, что стояла на столе и на полках, вдребезги расколол светильник и оконное стекло, поджег занавесь... Слава Митре, он ни разу не посмотрел на мою женушку, по всей видимости забыв о ней в ярости. Внезапно он прервал поток изливаемых гадостей, схватил в охапку Адвенту, к сему мигу также онемевшую от ужаса, и вихрем вылетел за дверь! Даола выскочила за ним, но в темноте успела заметить только, как запрыгнул он на коня, огромного будто слон (она слонов в жизни не видала, но я видал, и по ее описанию мог сравнивать), и в момент исчез во мгле и ливне...

Тут только женушка моя поняла, какую глупость совершила, оторвав Майло от гада, но было, конечно, поздно... Стеная, она вернулась в дом.

Мальчик же, к великому несчастью, падая, ударился об стену головой и потерял сознание... Скоро пришел я. Вместе с Даолой мы подняли сына, уложили его в постель и привели в чувство, но не в память — он забыл все, что произошло, а когда вспомнил, минуло уж десять лет...

Да, Конан, не удивляйся. Майло только три года назад узнал, что у него была сестра, а я, следуя его желанию, поведал ему то, что сейчас тебе. Он дважды отправлялся на поиски Адвенты, но нигде не смог найти и следа ее... Теперь он, кажется, смирился и ждет смерти... Помнишь, что сказала колдунья? «Если через двадцать лет она не наденет мое кольцо, вы оба сдохнете в муках!..» Вот уже истекает этот срок... И вот оно, кольцо... Я не боюсь его смерти, потому что и сам очень скоро уйду за ним на Серые Равнины, хотя надежда у меня еще осталась. Даола была права, когда говорила, что старая карта перебесится и простит нас — я был у нее, и она... В общем, она ничем не могла помочь нам... О, если б я мог обменять свою жизнь на его!..

Вот и все. А, забыл сказать... Желюшка моя умерла вскоре после похищения малышки, и порою, лежа во тьме

без сна, я даже благодарил богов за то, что она теперь избавлена от этих мук... Надеяться, но ждать его смерти, и снова надеяться... Я знаю, где моя Адвента — я не хочу говорить об этом Майло. Он один у меня остался... Пойми, Конан, двадцать предсказанных старухой лет на исходе, я не могу отпустить его от себя... Вдруг он погибнет в дальнем краю, и вовсе не от заклятия колдуньи, а просто по случайности? А здесь... если она подарила ему жизнь, он будет жить... Великий Митра, зачем ты оставил мне надежду...»

Припомнив подробности рассказа хона Буллы, Конан заворочался на своем роскошном ложе и вдруг локтем наткнулся на Сигну. Девушка вздохнула во сне, но дрема ее была глубока и покойна, так что она продолжала спать, словно покрывалом закрытая длинными рыжими волосами. Варвар усмехнулся: как же понять этих женщин? Все прошлое утро Ильяна дулась на него за то, что он мимоходом поцеловал хорошенькую шемитку из гарема хозяина, а вечером того же дня сама попросила его на эту ночь пригласить не ее, а рыжую желтоглазую зингарку Сигну, ее подружку.

Мол, бедняжка так давно не видела мужчин, что совсем ослабла и скоро наверняка заболеет смертельной болезнью или сойдет с ума. Киммериец пожалел девушку и, из всех сил стараясь скрыть удовлетворение, с лицемерным вздохом согласился. Надо сказать, Сигна превзошла все ожидания, и если б в порыве страсти она не оцарапала ему плечо и не укусила за ухо, Конан непременно пригласил бы ее и на следующую ночь. Пока же он решил позвать шемитку, а Ильяну сразу после нее... Перебрав в уме такие планы, варвар немного повеселел, но потом вновь вспомнил историю похищения Адвенты и вновь нахмурился.

Он так и не мог понять, что же делать ему, Конану. В свои без малого двадцать лет он отправил на Серые Равнины уйму народу и к смерти — и чужой и своей — относился равнодушно, будучи в твердой уверенности, что от нее все равно никуда не денешься и надо только стараться, чтоб она была достойной, дабы суровый Кром не сжег душу

сына своего презрительным взглядом. Однако, несмотря на такие убеждения, юный варвар никак не умел избавиться от мыслей, чуждых ему и его природе изначально: если на Серых Равнинах только скука и маета, то зачем лучшие погибают раньше и чаще ублюдков? Справедливо ли сие? А как быть с невинно казненными? И вообще — маги и колдуны отнимают жизни сотен, а сами живут спокойно и долго... Конан не выносил эту шваль, и когда в рассказе хона Буллы появилась сначала колдунья, а потом и козел Тарафинелло, кулаки его сами собой сжались, а черные прямые брови сдвинулись к переносице.

Чем же хон Булла провинился перед Митрой, что светлый бог пальцем не пошевелил для того, чтоб помочь благочестивому рабу своему? Киммериец ни за что не поверил бы, что старик этот способен был совершить нечто ужасное и непоправимое. Скорее, Митре просто наплевать на него, как, впрочем, и на всех остальных — за исключением, может быть, одних только жрецов его... А Даола? А малышка Адвента? Они-то тем более ничем не могли прогневать Подателя Жизни и Хранителя Равновесия... Конан презрительно усмехнулся. Хранитель Равновесия! Какое ж тут равновесие? Ни малое и ни великое — вовсе никакого нет! Зато гад Тарафинелло торжествует...

Сплюнув в досаде на богов, варвар поднялся. Ему казалось — он хорошо знал, что только казалось, — будто дыхание смерти уже витает в душном воздухе хонайи. Конечно, оно всего лишь волнами исходило от старика и Майло, его самого не касаясь, но и короткая мысль о них, ждущих покорно гибели своей, тревожила сердце киммерийца... Стоя у раскрытого окна, он всматривался в тьму так пристально, словно в ней хотел найти ответы на все вопросы. Но безмолвие — оборотная сторона ночи — царило повсюду, впитываясь в поры земли, как вода и кровь... Что там, за черной далью, холодной, глубокой и беспросветной? Такая же даль? А за нею?

...Сумрачно было на душе варвара, сумрачно и странно. Он качнул головой, сам не соглашаясь со своим внезапным решением, затем подхватил с пола куртку и вышел в окно.

— Хей, парень, — прошептал Конан, отодвигая занавесь с соседнего окошка и засовывая голову в теплую темноту комнаты. — А ну, вставай!

Голос его, пусть и приглушенный сколько возможно, все равно звучал в совершенной ночной тиши подобно раскату грома — гулко и басовито.

— Кром! Спишь ты, что ли? — удивленно пробурчал варвар себе под нос. Так спокойно спать в ожидании скорой смерти мог лишь обладатель железной воли и твердого характера. — Хей! — попробовал Конан чуть прибавить звук.

— Гр-р-р... — послышалось тут же из глубины комнаты.

Легкая занавесь всколыхнулась то ли от дуновения свежего ветерка, то ли от движения человека — киммериец сдернул ее совсем, дабы не искажала представление о действительности, и снова сунул голову внутрь.

— А ну, вылезай! — сурово молвил он тени, что была чернее ночи и таилась в углу.

— Гр-р...

— Проклятие! — шепотом выругался Конан. — Долго я буду торчать под твоим окном, дурень? Вылезай, говорю!

Наконец тень зашевелилась, поднялась, выровнялась и с явной неохотой двинулась к окну, издавая негромкое (ради ночи) шипение. Миг — и высокая костлявая фигура возникла в черном проеме: на белых волосах отразился тусклый звездный свет, блеснув в зеленых глазах. Узрев лишь спину киммерийца, который уже направлялся вглубь сада, Майло замер на вздох, в раздражении повел плечом и легко прыгнул на землю.

...Все вокруг было погружено в глубокий сон: земля, давно остывшая после солнечного дня, вода в ручье и науге, недвижимый воздух, чуть влажный и густой... Сквозь листву совсем не проникал и слабый свет звезд, так что ночь цветом своим совершенно сливалась с цветом земли, и все это была природа — только такую знал человек...

Лавируя меж частых стволов деревьев, Конан вышел на тропку, ведущую к любимому месту отдохновения хона Буллы. Там, под сенью груши, он присел на скамью и с

ухмылкой встретил появление рассерженного Майло, который вряд ли видел в темноте так же хорошо, как варвар, судя по треску веток и паданию с них плодов.

— Гр-р-р? — вопросительно прорычал приемыш хозяина, встав в позу памятника королю со сложенными на груди руками.

— Сядь, — велел киммериец.

— Гр-р, — отказался Майло. Во тьме виден был только блеск его злых зеленых глаз, и ничего более, ибо встал он как раз за высоким пышным кустом, но он и одними глазами сумел выразить крайнюю степень своего негодования. — Гр-р! — повторил он, заметив, что бесчувственный варвар вообще не реагирует на его взгляд.

— Тьфу! — разозлился наконец Конан. — Ты не особенно разговорчив, приятель. Клянусь Кромом, если ты и дальше будешь рычать, как дряхлый помоечный пес, я пойду за твоей сестрой один!

Майло оцепенел. Но — только на миг. Без единого лишнего движения он вдруг кинулся на киммерийца, который едва успел соскочить со скамьи и подставить ему подножку. Майло кувырнулся в воздухе, длинными своими волосами мазнув Конана по щеке, и ловко приземлился на обе ступни, почти одновременно разворачиваясь и отыскивая глазами противника, уже стоящего как раз за его спиной. Он видел в темноте! Сие оказалось не слишком приятное для юного варвара открытие, ибо до того он полагал, что только ему одному из людей Кром дал почти кошачье зрение... Не желая пока принимать бой, он снова отпрыгнул в сторону, и воинственный приемыш хона Буллы пролетел мимо него, в самый последний момент умудрившись-таки избежать удара головой о ствол груши.

— Напрыгался? — издевательски поинтересовался Конан, несильным пинком под коленку снова опрокидывая Майло на траву. — Белобрысый свиненок! Не пройдет и половины луны, как твоя сестра погибнет точно в день своего рождения, и виною тому будешь ты, ублюдок. — Сам того не заметив, варвар повторил слова старой колдуньи. —

Ну, давай, давай — рычи, шипи, брызгай слюной... Тьфу! Смотреть-то на тебя противно!

Злобная ухмылка искажила острые черты Майло, глаза сверкнули во мгле, как крошки упавшей с неба и расколовшейся о камень звезды. По-лягушачьи всеми четырьмя конечностями упираясь в землю, он исподлобья взирал на Конана и, кажется, вот-вот готов был снова броситься на него... Однако в следующее же мгновение он вдруг опустил голову и рукою крепко зажал себе рот. То была первая в его жизни похвальная попытка справиться со своим отвратительным нравом, и Конан в полной мере оценил ее, снова усаживаясь на скамью для продолжения так неудачно начавшейся беседы.

— Твой отец обещал мне хорошую лошадь и двадцать золотых, если я приведу домой Адвенту, — нимало не смутившись, соврал варвар (на самом деле хон Булла даже не догадывался о том, что гость его решил все-таки разобраться в этой давнишней истории и навести там свой порядок). — Я могу поехать и один, но тогда твоя печень сгниет от злости. Конечно, мне плевать на твою печень, но не плевать на хозяина этого дома... Ну?

Конан не знал, как яснее выразить мысль — все свое красноречие он уже исчерпал, пытаясь разговаривать Майло, но неожиданно тот сам помог ему. Осторожно поднявшись, он боком присел на скамью напротив и, не отнимая руки от рта, как мог дружелюбнее кивнул варвару.

— Ты со мной? — уточнил Конан.

В знак согласия Майло прикрыл глаза.

— Что же... — Пока Конан и сам не понимал, хочет ли он брать с собой этого странного парня. — Тогда так: отправляемся на рассвете. Я сейчас пойду спать (в конце концов это не моя сестра), а ты займись делом — приготовь лошадей, мешки со жратвой, ну и прочее... Уже сам разберешься. Да, и не забудь предупредить отца! А то подумает, что и тебя уволок демон...

Тихо рассмеявшись, варвар встал со скамьи и пошел по тропинке к дому, будучи в полной уверенности, что Майло выполнит все его поручения.

— Гр-р-р...

Услышал он вдруг и в досаде оглянулся.

— Опять?

Майло отрицательно замотал головой.

— Х-х-де-е?... — протянул он, широко, словно глухонемой, разевая рот.

— Что? — не понял Конан.

— Х-х-хде о-н-на? — Слова давались несчастному с огромным трудом, и киммериец впервые почувствовал в душе нечто вроде жалости к этому парню, чья красота, сила и ум были извращены волей одной гнусной старой карги. — Х-х-х... — снова начал Майло.

— Ладно, я понял, — пробурчал Конан, отворачиваясь. — Я знаю, где Адвента. Но ты — ты узнаешь об этом утром, приятель...

— Гр-р-р!..

— Утром, я сказал!

Он резко развернулся и направился к дому, не желая более и мига тратить на сей бессмысленный разговор. «Нергал его разберет... — шептал он, забираясь через окно в свою комнату, — что может в такой башке твориться... Еще удерет один — старика тогда точно удар хватит...»

— Конан? — сонным голосом промурлыкала Сигна.

— Конан! — жарко выдохнул варвар ей в ухо. — И прямо сейчас!

* * *

После пешей прогулки по Тарантии дядя и племянник вернулись домой в прекрасном настроении. Они прошли вдоль и поперек весь центр города, любуясь величественными зданиями, как один тянущими к небу золоченые шпили; стройными рядами деревьев с пышными зелеными кронами, с сотнями стрекочущих птиц на ветвях; витражами, что заменяли стекла на всех первых этажах; красочными вывесками таверен и кабачков и, конечно, той разношерстной публикой, что населяет каждый большой город — тут сновали взад и вперед разносчики мелкого товара, сладостей и хлеба, водоносы и виночерпии, зазывалы из близлежащих

трактиров, простой люд, спешащий по делам, и праздный, никуда не спешащий... Еще Тито с восторгом глазел на уличных певцов. Одевание их отличалось от обычного платья граждан не только обязательными островерхими шапками на тесемках, но и ярким цветом штанов и курток. Почти все они были шиты из лоскутов разной материи, как у лицедеев из балаганов, и имели множество карманов, больших и маленьких, везде: на груди, спине, коленях и даже заду. Тито с удовольствием прослушал несколько баллад и оэд в их исполнении, хотя ни один из этих парней даже в малой степени не обладал талантом, присущим его дяде Агину. Но — зато они были молоды, веселы и энергичны и легко заражали прохожих своим лихим пением. То же и уличные музыканты: они играли плохо, но громко, пронзительными звуками дудок, цитр и мандолин привлекала публику, которая за день набрасывала в их глиняные чашки горы медных монет.

Почти половину дня бродили по городу дядя с племянником и к вечерней трапезе явились наконец домой — уставшие, голодные, но вполне довольные. Вдвоем они быстро смели баранину с луком и целый каравай хлеба, а потом, уже не спеша, принялись за вино. Тут Тито и решил снова вызвать дядю на разговор, рассчитывая на его доброе после этой прогулки настроение.

— Отличный город Тарантия, — заявил он, в качестве доказательства выкладывая на стол коппак на тесемках, купленный им у одного уличного певца. — Все так ярко, так радостно... А у нас в Немедии балаганы могут выступать только на окраинах да в деревнях еще... Знаешь, о чем я подумал, когда слушал того рыжего парня? Ну, что пел о пирате с корабля-призрака? О том, что мне очень нравится жить.

— Прекрасная мысль, — похвалил песнопевец племянника. — Вот тебе и задание: приедешь в Ханумар, напиши трактат, на ней основанный. Потом вышлешь мне с нарочным.

— Трактат? — Тито сделал большие глаза. — Да что ж за толк такой особенный в этой мысли, чтоб на ее основе трактат писать?

— А вот ты и подумай. Одно могу сказать — истинное философическое сочинение не должно зиждиться на сложном, ибо сила и правда только в простоте заключена... Впрочем, Титолла, сие тема для долгой беседы, а нам с тобой еще работать нынче...

— Конечно, дядя, — неожиданно спокойно согласился юноша. — Но (что касемо правды) скажи мне, та история про короля Конана произошла в действительности, или ты ее придумал сам?

— Слышал от повелителя, — улыбнулся Агинон. — Вообще он не склонен вспоминать прошлое вслух, но тут мы с ним заговорили про восточных магов — кстати сказать, пренеприятнейшие существа — и он кратко поведал мне о днях своей юности, когда ему пришлось столкнуться с одним из них... Ну, а кое-что я додумал сам...

— Ах, — вздохнул Тито. — Какая все же несчастная судьба у этого хона Буллы! А Майло? Я так понял, дядя, с годами он становился все более зверем, нежели человеком?

— Увы... Злоба — болезнь, и тяжкая. Помнишь бакалейщика Пилона с соседней улицы? Твой отец рассказывал мне, что к старости он стал невыносим: даже дом его люди старались обходить стороной, дабы не подвергнуться сквернословью... Так и помер от злости... Ты прочитал историю про Конана до конца, сынок?

Тито отрицательно замотал головой, надеясь, что дядя отошлет его дочитывать прямо сейчас.

— Что ж, отложи тогда до следующего вечера. — Произнося эти слова, песнопевец улыбался: он отлично понимал, что на уме у племянника, но одобрить не мог. — Пойдем работать, милый. Давно уж пора.

Юноша вздохнул и покорно поднялся из-за стола.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Конан и Майло, получив от хона Буллы благословение и пару отличных лошадей, отправляются на Остров Железных Идолов

Но пробудился киммериец не на рассвете, как пообещал Майло, а уже к полудню, когда солнце — огненное око Митры — стояло высоко в чистом голубом небе, жаркими лучами своими затопляя всю округу. К этому времени все живое, разморенное зноем, опять погрузилось в дрему, похожую более на забвение больного, нежели на сон: поутихло чириканье птиц, прекратилась внезапно суета в доме, только что бывшая просто сумасшедшей, смолкли веселые визги в гареме, да и все обычные утренние звуки стали глуше, размереннее и ленивее.

Зато на сердце варвара было сейчас покойно и светло, а ум не занимали никакие тревожные мысли — на сей раз он хорошо выспался, несмотря даже на то, что дикая рыжая кошка Сигна разодрала ему когтями всю грудь и спину, а вдобавок еще и прокусила губу. На белоснежном тонком покрывале теперь багровели полоски крови, а нижняя губа вздулась и саднила, так что Конан чувствовал себя как после боя; и все равно то были всего лишь раны тела, а не души — последних варвар опасался куда больше...

Не подозревая пока о давно наступившем дне, он лежал на тахте лицом вниз, уткнувшись носом в мягкую подушку, насквозь пропахшую ароматом волос Сигны. Сама она ушла еще ночью, и Конан вознес тогда за это искреннее

благодарение Митре, одновременно проваливаясь в черную бездну сна. Сейчас воспоминание о ней было кратким и смутным, но даже оно вырвало из глотки варвара выдох, очень похожий на стон, и только твердое намерение никогда более не связываться с этой горячей — слишком горячей — зингаркой удержало его в сей миг на месте. Он скинул подушку с ее запахом на пол, взамен сунув под щеку собственный кулак, и, не умея занимать себя мыслями отвлеченными, принялся думать о предстоящем путешествии к морю Вилайет, прикидывая в уме возможные направления пути и рассчитывая его продолжительность.

Маршрут был прост: следовало пересечь Карпашские горы, пройти вдоль границы Кофа и Заморы, потом через Туран к реке Капитанке и по ее берегу добраться уже до самого моря. Неприятность же состояла в том, что Конан всего несколько дней назад уже шел по Карпашским горам, возвращаясь в мир из снежного Ландхааггена, и теперь полагал, что нет занятия скучнее и утомительнее, чем вынужденная прогулка по узким извилистым тропам, каждая из которых так и норовит оборваться внезапно и скинуть человека в пропасть. Но как он ни прикидывал, обойти эти горы было невозможно — разве что ценою потерянных трех-четырёх дней, а сего он никак не мог себе позволить. Да и Майло, наверное, тоже — до конца отпущенного ему срока оставалось всего ничего, меньше луны...

Первая же мысль о Майло омрачила до того ровное и доброе настроение киммерийца. Ночной разговор оставил в его душе неприятный осадок, развеянный лишь страстными ласками Сигны. То ли хон Булла не пожелал упоминать об этом, то ли просто считал это горем несравнимо меньшим, нежели скорая гибель обоих детей, но, передавая Конану свою печальную историю, он ни разу не сказал, что приемыш его едва может связать пару слов. Как видно, удар головой об стену вызвал тогда не только потерю памяти, но и речи... Да, старая карга придумала страшное наказание для шестилетнего ребенка, как и для его вообще ни в чем не повинной сестры... Но, как сказал хон Булла, она простила парня. Отчего тогда он по-прежнему болен?

Итак, путь к морю Вилайет все же лежал через Карпашские горы (Конан вернул свои мысли в более для него привычную и приятную область расчетов будущего путешествия). Потом — Замора и Туран. Эта дорога займет около десяти дней, а то и меньше. Но и достигнув моря Вилайет, спутники еще не смогут остановиться, ибо конечная цель их не само море, а некий остров, по словам хона Буллы, хорошо видный с берега в утреннее время... Остров Железных Идолов... Насколько знал Конан, мореходы никогда не приставали к его берегам, ибо легенды гласили, что в древних развалинах этого небольшого клочка земли живет Ужас — монстр из царства мрака... Он бесплотен и сам по себе не может причинить вреда, кроме разве что безумных сновидений, но зато он вселяет дух в железных демонов, которых полно на острове. Одни — мертвые, и их даже этот Ужас не в силах оживить. Зато другие — просто спящие... В полночь они встают и — начинают шастать по развалинам в поисках жертвы... Но если Тарафинелло живет именно там, то кто он? Хон Булла говорил, что он из прагиллов, а эти ублюдки селятся где-то далеко за Кхитаем и...

— Гр-р-р!

Яростное рычание, доносящееся со стороны окна, заставило варвара открыть наконец глаза и обнаружить залитое солнцем пространство комнаты. Быстрее, чем птица выпархивает на свободу из клетки, Конан выскочил в коридор и, на ходу натягивая штаны и нацепляя на пояс меч, помчался в трапезный зал, дабы успеть подкрепиться перед дальней дорогой. Фыркнув, Майло бросил мешки с провизией на землю и пошел другим путем — через входную дверь в дом — туда же.

* * *

Когда путешественники были уже полностью готовы к отъезду, из глубины сада к ним вышел хон Булла. Ноги его видимо подгибались и с трудом несли небольшое, но круглое и довольно упитанное тело; короткие ручки болтались словно тряпичные, не в такт шагам; голова была опущена так низко, как только позволял третий подборо-

док — вся фигура старца являла собой вселенскую скорбь, что безусловно рассмешило бы варвара, если б он почувствовал в этом игру или хоть малую толику лукавства. Но хон Булла был не таков, чтобы изображать то, чего на деле вовсе не испытывал, и Конан ощутил вдруг мгновенную, но болезненную, щемящую тоску под сердцем, от коей в синеве глаз его вспыхнул и тут же потух огонек боли... Впрочем, чувство сие немедленно исчезло, не оставив даже воспоминания о себе — варвар подмигнул Майло, что стоял рядом с перекошенным по обыкновению лицом, держа в обеих руках по набитой дорожной сумке, и сделал шаг навстречу старику.

— Хей, почтенный! Нечего тужить! Не пройдет и луны, как мы вернемся к тебе с девчонкой!

Произнося эти бодрые по тону и смыслу слова, Конан нисколько не кривил душой: он и впрямь был совершенно уверен в успехе предприятия, хотя только этой ночью целый сонм сомнений одолевал его без конца. Перед тем как вызвать Майло на разговор, он припоминал свой недавний поход к другому морю — морю Запада, и к другому острову — Желтому, где в развалинах древней башни навсегда остался союзник и друг Иава Гембех.

Сейчас уже киммериец мог себе признаться в том, что только благодаря ему — его советам, его помощи — он сумел добраться до острова живым и одолеть монстра, утащившего священную вечнозеленую ветвь маттенсаи у племени антархов. В новом путешествии старшим придется быть ему: очевидно, что Майло в свои двадцать пять лет ровным счетом ничего не смыслил в этой жизни и в этом мире, что в сей момент ясно доказывал исполненный страха и тоски взгляд несчастного старца, направленный на приема.

Но так киммериец думал ночью, а утром, когда все ночные мысли преобразуются и светлеют, быстро забыл о сомнениях и жаждал лишь одного — поскорее отправиться в путь (кстати, все равно куда — но раз уж есть цель, то к ней). Энергия так и бурлила в его молодом, полном сил теле: вмиг опустошив заваленный разнообразной снедью

стол и чуть не подавившись при этом рыбной косточкой, он с той же скоростью вывалил из дорожных сумок все содержимое на пол, перебрал, попробовал и посчитал, затем быстро упибал обратно, кинул сумки в руки шипящему от злости Майло и вышел на улицу поискать запропавшего куда-то хона Буллу. Но не успел он обойти двор, как тот пришел сам и вот теперь стоял перед ними, взирая на своего Майло так, словно желал его сожрать, но слишком для этого любил, а потому сдерживался.

Конан сердито сплюнул. Кажется, его обещание вернуться спустя луну не произвело на старика никакого впечатления — видимо, потому, что он просто его не слышал, занятый своими печальными мыслями. Однако долгое молчание он все же прервал, хотя и далеко не самым лучшим образом: прижав руки к груди, он вдруг громко, отчаянно вскрикнул, отчего Майло дернулся всем телом, расширил глаза и с недоумением обратил взгляд на варвара, словно испрашивая совета — что делать? В ответ Конан еще раз сплюнул.

— Пора идти! — бросил он раздраженно, проклиная про себя старческие слабости и собственное терпение. — Ну?

— Постой! — Хон Булла обрел наконец дар речи. — Постой, Конан!

Вздыбив полою длинного платья столб пыли, он метнулся к конюшне и мгновением позже выскочил оттуда в сопровождении конюха, который вел на поводу двух отличных лошадей — каурую и вороную.

— Вот... — тяжело дыша, сказал старик. — Так будет быстрее...

— Конечно, быстрее, — сразу повеселев, согласился варвар. — Я возьму каурую.

Майло зарычал, явно намекая на то, что ему тоже больше по душе каурая, но Конан, наплевав на желание хозяина, уже подошел к лошади, сильно и ласково провел ладонью по шелковой гриве и, не теряя больше и мига, с места запрыгнул в седло.

— А ты чего ждешь? — крикнул он застывшему рядом с отцом Майло. — Ну же? Ну?

Он едва сдерживал себя, чтоб не пустить каурую сейчас же вскачь; неоценимая жажда действия охватила его всего, так, что дрожь волнами пробегала по телу и кровь ударяла в виски.

— Ну! — повелительно рявкнул он, готовый в следующий же миг умчаться к Карпапским горам без спутника, но тут снова подал голос хон Булла.

— Погоди еще чуть, — протягивая руки к киммерийцу, жалобно вымолвил он. — Я не все еще рассказал...

— Тьфу! — Конан остановил гарцующую в нетерпении лошадь. — Что там еще?

— Замок Тарафинелло можно увидеть только на заходе солнца — с виду он похож на яйцо... — торопливо сообщил старик. — Только на заходе — иначе вы заплутаете в лабиринтах развалин!

— Разберемся! — махнул рукой варвар. — Все?

— Нет... Железные идола... Помните, что все они — демоны! Одни мертвые, а другие просто Спящие. Вы должны как-то отличить Спящих и выкинуть их в море, лишь тогда они бессильны против человека... Конан, прячься за Майло, когда встретишь Тарафинелло, а то станешь камнем, как те несчастные, что лежат сейчас в моем подвале... Я буду ждать вас луну, а потом... Милостивый Митра поможет моим детям!

— Все?

— Нет. Вот кольцо Адвенты — подарок колдуны. Ты знаешь, Конан, что с ним делать. И еще — когда будете покидать остров, Спящих надо обязательно втащить на берег — а то море взбунтуется и потопит вас...

— Все?

— Нет... Дай мне поцеловать тебя, сынок...

Конан возмущенно фыркнул, в душе при этом испытывая немалое потрясение — прежде никто, даже отец, не называл его так ласково и уж тем более не желал его поцеловать, а потому искренний порыв хона Буллы не на шутку перепугал его. Но не успел юный варвар отпрянуть в сторону — что вместе с лошадью было довольно трудно сделать, — как старик припал щекой к его колену, потом цепко схватил руку и клюнул ее сухими губами своими.

— Проклятие! — проворчал Конан, отъезжая. — Что за нежности!

Губы его между тем сами собой расползались в улыбке, и он, злясь на себя за это, сурово сдвигал брови и беспрестанно сплевывал на землю, дабы вновь утвердиться в своем обычном состоянии.

Майло воспринял объятия и поцелуи приемного отца как должное, хотя и без особенных эмоций. Зеленые глаза его во время прощания устремлены были в небо, но и там не искали мысли и чувства, а просто смотрели туда, куда в данный момент было удобнее. Освободившись наконец от рук старика, он в два шага подошел к вороной, как киммериец, быстро провел ладонью по ее гриве и так же ловко вскочил в седло.

— Гр-р?.. — на удивление вежливо обратился он к Конану.

— Поехали, — кивнул тот, поворачивая лошадь к воротам.

Вороная Майло всхрапнула, помотала головой и вдруг рванулась с места, направляемая уверенной рукой хозяина, сразу оставив далеко позади промедлившую каурую. Мгновенно позабыв обо всем на свете, варвар гикнул, вонзил пятки в бока лошади и — вскоре он летел уже рядом с Майло, то обгоняя его, то вновь отставая на полшага...

— Пусть Митра не оставит вас, дети... — взволнованно шептал старик себе под нос, глазами провожая обоих всадников. — И я буду с вами...

* * *

К ночи другого дня спутники пересекли череду Карпашских гор в самом узком ее месте, но, хотя впереди уже виднелись огоньки заморийской деревеньки, привал решили все же сделать прямо здесь, в зарослях орешника. Вернее, так решил Конан, резонно опасаясь предъявлять крестьянам странного своего товарища — они наверняка приняли бы его за демона или колдуна, раз только взглянув на искаженное злостью лицо или услышав собачий рык из прекрасных уст. А в общем, с момента отъезда из

хонайи Майло вел себя вполне прилично и даже показал Конану короткую тропу через горы к Заморе, проходившую меж двух длинных голых скал и со стороны совсем неприметную.

Между тем на черном уже небе зажигались серебряные звезды, отбрасывая свет на тускло-желтый диск луны, так что в скором времени и он заблестал во всю мощь, словно подвешенный за край облака светильник с пальмовым маслом. Ветер, до того бывший слабым и безжизненным, к ночи переменил направление и усилился — верхние ветви деревьев и кустов шуршали под его холодным дыханием, наполненным к тому же колючим песком и пылью.

Спешившись, юный варвар велел спутнику набрать сухих веток и разжечь костер, а сам принялся доставать из дорожного мешка своего всю оставшуюся снедь, приготовленную Майло для похода: кувшин пива, две луковицы величиной с кулак, четверть карава хлеба и большой кусок телятины, завернутый в промасленную тряпицу. На дно его мешка запасливый Майло сунул еще горсть подсолнухов — для киммерийца вещь невиданную и неслыханную; он с удивлением повертел в руке эти странные огромные ромашки, понюхал, и, не ведая их предназначения, убрал обратно. Зато что такое телятина, он знал отлично. Разодрав кусок руками, он вцепился зубами в свою половину, рыча от наслаждения не хуже, чем спутник его от злости, и в мгновение ока уничтожил все до крошки. Тогда с тем же рвением он принялся за хлеб и лук. Когда костер наконец запылал в каменном круге, разбрызгивая во все стороны крохотные горячие искры, на тряпке перед Конаном оставалась только часть Майло, которую он к нему и подвинул.

— Гр-р-р?

— Да, все твое, ешь, — махнул рукой киммериец, устраиваясь полулежа на расстеленной мехом вверх кожаной куртке.

Некоторое время в ночной тишине слышен был только треск костра да чавканье и урчанье Майло, чье лицо в бликах пламени казалось варвару еще страшнее: чуть не

каждый миг оно непроизвольно искривлялось все той же злобной гримасой, а меж длинными белесыми ресницами горели красные волчьи огоньки, словно искорки случайно запрыгнули в зелень его глаз, да так и остались там... Закончив трапезу, он схватил кувшин с пивом и живо выхлестал остаток, при этом вылив на себя чуть не с половиною, чем раздражил и без того не слишком веселого спутника.

— Спать ложись,— буркнул варвар, вытряхивая из мешка шерстяное покрывало и швыряя его товарищу.— Только подальше от меня.

Майло кивнул, поднял покрывало и удалился с ним вглубь орешника, шагов за двадцать от варвара и костра. Вне дома он передвигался на удивление неуклюже — ноги его заплетались и подворачивались, будто состояли не из костей и мышц, а из тряпок.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Конан, приподнимаясь на локте.— А если я скажу тебе спать на дереве, ты полезешь? — крикнул он вслед и с интересом стал ждать ответа.

— Гр-р-р! Гр-р-р-р! Гр-р! — немедленно раздалось из кустов гневное рычание Майло, но сам он так и не появился.

Тогда киммериец решил вернуть его к костру иным способом.

— Слушай, приятель,— начал он неспешно и негромко, будто говорил сам с собой.— А что, сестра твоя Адвента и впрямь добра и красива?

Волоча за хвост покрывало, Майло вышел из орешника. Конан еще раз подивился его походке: обладая телом гибким и подвижным, а зрением кошачьим, двигался он как слон — не обходя преграды и круша по пути всю мелочь типа кочек, травы и веток. Так и сейчас: он своротил целый высохший куст, на вершине коего висело старое гнездо, и даже того не заметил. Приблизившись к товарищу на пару локтей, он присел на корточки и приложил руку к щеке, показывая свое восхищение добротой и красотой Адвенты.

— Ы-ы-ы...— судорожно кривя губы, промычал он, доверчиво глядя на киммерийца зелеными глазами, в коих

уже не было красных угольков, а черной полоскою отражалась только тень ветви.

— Нергал тебя разберет, парень,— пробормотал Конан, отводя взгляд.— Сколько живу на свете — таких не видал...

Но Майло, кажется, вовсе не интересовало мнение варвара на его счет. Он хотел говорить об Адвенте.

— Ы-ы-ы! Ы-ы!

— Проклятие! — разозлился Конан.— Да что я знаю о ней? Только то, что твой отец рассказал...

— Ы-ы-ы...— замотал головой Майло.

— Вот именно! Он ее помнит шестилеткой, а сейчас ей сколько? Как мне — двадцать почти! — Варвар помолчал, с нарастающим раздражением слушая сопение спутника рядом и ругая себя за то, что не оставил его спать в орешнике.— Все прошлое — вздор и бред, забудь об этом,— наконец сказал он, снова укладываясь на куртку.— Надо думать, как вытащить девчонку оттуда... Хон Булла что-то толковал о двойнике. Мол, ублюдок Тарафинелло создал такую же Адвенту...

Майло хлопнул себя по колену.

— Родинка на левой коленке? И что? Откуда ты знаешь, что двойник без родинки? Нет, парень, сейчас об этом без толку говорить. Поглядим на месте...

Он умолк, уставившись в тьму небес, как будто выбирал из тысячи звезд одну — ту, которая укажет ему путь и осветит его... Сон не приходил; мысли были просты и ясны и не тревожили сердца, не задевали даже тех тончайших струн души, что настроены воспринимать будущее; в груди юного варвара царил полный покой, как в ночном городе, все ворота коего закрыты железом, а на углу каждой улицы стоит дозорный.

— Ты не спишь еще? — вдруг громко сказал он, всем телом поворачиваясь к спутнику.

Майло не спал. Он смотрел в том же направлении, что и Конан только что: на звезды, беспорядочно наклепанные на черную ткань неба. Но в его взгляде была такая пустота, что в ней даже не отражались белые блестящие точки этих

звезд — когда он опустил голову и варвар смог увидеть мертвые зеленые глаза, он едва не прогнал его от себя вовсе, как поступил бы с нелюдьё. Но потом чутьем своим, всосанным с молоком матери, впитанным из самой земли, понял, что сие есть всего лишь предощущение скорой смерти, каковая и должна была настигнуть товарища его не далее как через половину луны... Нет, хон Булла напрасно верил в милосердие старой карги...

— Ты что-нибудь знаешь о прагиллах? — угрюмо спросил Конан, не жалая смотреть в эти глаза, а потому снова ложась на спину.

— Ы-ы-ы! — утвердительно промычал Майло, холодными пальцами осторожно трогая Конанов локоть — так он просил поглядеть на него.

— Ну? — привстал варвар. — Знаешь, но не можешь сказать? Клянусь Кромом, парень, если не пробовать, так ничего и не получится. Ты...

— В-в-ос... ос-т-ток-х... — выговорил Майло, от усердия едва не вывернув челюсть.

— Живут на востоке, в городе Прагьяндо, — нетерпеливо закончил за него Конан. — Я тоже об этом слышал. А еще что?

— Об-р... о-о...

Увы, как Майло ни старался, больше он ничего не сумел сказать. Варвар разочарованно сплюнул, лег на бок и закрыл глаза.

— Ложись спать, — проворчал он спустя несколько мгновений, не слыша никаких звуков движения товарища. — С той стороны костра...

* * *

После беседы у подножия Карпашеских гор спутникам более не удавалось поговорить: с рассвета и до самой темноты стремили они своих лошадей на восток, останавливаясь только на ночь и только на постоялых дворах — народу там всегда было вдоволь и никто не рассматривал Майло в упор, так что он вполне мог сойти за приличного человека. Тем не менее лишь на шестой день пути они переехали

границу Заморы и Турана, проходившую по хвосту Кезан-кийских гор.

С первых же шагов по туранской земле, еще влажной после недавнего дождя, спутники ощутили величие простора ее, покрытого сплошь зеленым шелковым ковром молодой травы. Посреди бескрайней равнины тянулась широкая ровная дорога, похожая на оборвавшийся и потухший солнечный луч, и по ней-то во весь опор понеслись каурая и вороная, обгоняя скорую ночь и слабый ветер.

Небо только начало темнеть, когда огромная империя явилась им в лице хозяина трактира у дороги. В отличие от худосочных заморийцев сей почтенный муж был румян и толст и всеми подбородками, всеми щеками своими излучал добродушие и гостеприимство. Однако за постой и ужин он — ласково улыбаясь — потребовал не два золотых, как платили путешественники в Заморе, а все пять, чем привел экономного Майло в ярость. Рыча, он кинулся на толстяка, зубами норовя вцепиться в его шею, а цепкими пальцами выдрать черные завитушки с висков. Несчастный пронзительно завизжал, прощаясь с жизнью, ибо странный гость вмиг прокусил первую складку жира и уже ухватил вторую, но тут вмешался варвар. Отшвырнув товарища в сторону, он достал из кошель хона Буллы (уже почти пустого) три золотых и сунул их оторопевшему и слегка побледневшему хозяину, обещая на обратном пути отдать остальное и заранее не собираясь обещание выполнять.

Пока хозяин, шепотом призывая Эрлика и пророка его Тарима хоть краем глаза взглянуть на подобное безобразие и бесчинство, таскал с кухни в зал всяческие яства и вина, путники уселись за стол и принялись обсуждать план дальнейшего пути. Конечно, говорил один Конан, зато Майло очень внимательно слушал. Его зеленые глаза, чуть потемневшие после недавнего покушения на жизнь хозяина, были устремлены прямо в синеву глаз киммерийца, зрачок в зрачок, что раздражало Конана, но вовсе не трогало его товарища. И потом, поглощая горячую, пышущую паром баранину, Майло не отводил взора, словно продолжая вни-

мать речам друга, который давно молчал, как и он, занятый мясом и вином.

Когда за окном всю засверкали звезды, такие же яркие, как и в Коринфии, с трапезой было покончено. Рыгнув, Конан вытер жир с губ и подбородка рукавом куртки, допил вино из кубка и оглядел небольшой зал трактира.

Только сейчас, сытый и спокойный, он заметил, что здесь почти никого не было. Трое слуг в холщовых передниках лениво переругивались между собой, не обращая внимания на посетителей. В неосвещенном углу сидел оборванный старик, седовласый и горбатый — то ли местный нищий, то ли странник, волею судьбы забредший в плодородный и равнодушный сей край. На столе перед ним стояла лишь полупустая бутылка с какой-то вонючей бурдой — варвар издали учуял омерзительный кислый запах — и более ничего. У стены за спиной Майло пили пиво, закусывая его лепешками и сыром, два крестьянина, чьи темные обветренные лица были сумрачны и безучастны; у ног их поскуливал большой белый с черными подпалинами пес, скорее от голода, чем от скуки полизывая грязный затоптанный пол.

Да, праздник нынче был только у них двоих. Конан мельком посмотрел на свой заставленный блюдами и бутылками стол, пожал плечами и перевел взгляд на Майло, чьи острые зеленые глаза шарили по залу с обычной злобой.

— Хей! — негромко окликнул его варвар, опасаясь, что тот сейчас выберет жертву и вновь бросится в бой.

Но Майло не слышал. Кусая ногти, он продолжал обозревать помещение до тех пор, пока широкая ладонь Конана не закрыла ему весь вид. Тогда он вздрогнул, с силой оттолкнул руку варвара от глаз своих, и, набрав полную грудь воздуха, вдруг резко, пронзительно вскрикнул, вложив в этот крик и негодование, и обиду, и вопрос.

— Проклятие! — прорычал киммериец, не ожидавший бунта. — Клянусь Кромом, приятель, как-нибудь мне придется заткнуть тебе рот вот этим!

Он поднял огромный кулак, благоразумно не поднося его слишком близко к Майло, и с мрачной ухмылкой прибавил:

— Попадись ты мне парой лун раньше...

Затем, не обращая более никакого внимания на спутника, он поднялся, сгреб со стола все кости, подошел к псу и высыпал сие королевское угощение прямо перед его носом. Крестьяне замерли на миг с набитыми ртами, тупыми коровьими глазами глядя на варвара; пес же не выразил ни благодарности, ни удивления, ни радости — он только походя, небрежно, лизнул руку дающего и спокойно принялся грызть кости.

— Все верно, парень, — бормотнул Конан, отходя к лестнице, ведущей на второй этаж — там для него и Майло давно были приготовлены лучшие, по утверждению хозяина, комнаты. — Наплюй на всех и живи как живешь...

Варвар зевнул. Глаза его уже слипались, и расслоившиеся носки старых сандалий то и дело задевали края ступеней: после долгой дороги без отдыха и сытной трапезы он хотел сейчас только одного — спать...

...Напрочь забыв про Майло, Конан свернул в короткий темный коридор, толкнул первую попавшуюся дверь, и, сквозь пелену дремы узрев там широкую тахту, с места бухнулся на нее, в последний момент вдруг вспомнив горячие быстрые руки Сигны, ее стон и всхлип...

В следующее мгновение он уже храпел, разом окунувшись в теплый черный туман сна...

* * *

Пробудился Конан в середине ночи от страшного шума, сотрясавшего весь дом. Здесь смешались и визг, и крик, и рев, и вой, и еще что-то — знакомое ему с детства — вроде звериного плача и стога.

Сначала он решил, что сии странные звуки есть продолжение того сна, который только что привиделся ему и был мерзок и страшен, но, едва прислушавшись, разобрал вдруг во всей этой какофонии рычание Майло, забытого им внизу. Тотчас в воображении его возникла скорбная фигура хона Буллы, и черные глаза с невыразимой печалью и укором уставились на юного варвара, не сумевшего уберечь его сына от мучительной смерти...

Взревев, Конан мигом слетел с тахты, при этом немного не рассчитав расстояние и коленом с маху треснувшись об дверь, выскочил в коридор, оттуда на лестницу, а с лестницы, двумя прыжками через все ступени, в общий зал, где глазам его открылось нечто невообразимое.

Хозяин трактира, трое его слуг и прежние посетители, к коим за это время прибавился еще один, сдвинув к стенам все столы и лавки, стояли полукругом и вопили что было сил, потрясая кулаками и подпрыгивая на месте. Охваченные безумным азартом, все они смотрели в центр зала, где в обнимку с огромным черным медведем плясал Майло.

Хмыкнув, киммериец остановился, сунул меч обратно в ножны.

— Давай! Давай!

— Дави его!

— Жми!

Мигом позже Конан понял, что товарищ его вовсе не пляшет, как это могло показаться сначала, а борется со зверем всерьез. Щегольская шелковая рубаша его на спине была разодрана надвое, и из прорехи виднелось окровавленное тело со следами медвежьих когтей; концы длинных белых волос, тоже обгаренные кровью, мотались из стороны в сторону всякий раз, когда человек пытался головой отбить морду зверя, разевающего страшную пасть у его шеи — зубы медведя клацали, не доставая плоть, и он дико ревел, трясая башкою и притоptyвая на месте.

Несмотря на то что бойцы оказались почти одного роста, шансы их были, конечно, неравны. Майло рвался и извивался в могучих лапах зверя, тогда как тот стоял без движения и только сдавливал противника все крепче и крепче. Но в тот момент, когда публика уже открыла рот для разочарованного вздоха, человек вдруг крутнулся вокруг своей оси и выскользнул из тисков медведя как медуза из руки. Отскочив на шаг назад, он, не теряя и мига, тут же снова бросился на врага, да так резко, что едва не сшиб его в ряды зрителей. Разъяренный рев перебил шквал воплей; черной тучей медведь накрыл Майло, лапами захватывая его голову с висков. Конан сплюнул — пора было спасать

приемыша доброго хона Буллы, пока и в самом деле он не погиб мучительной смертью... Но только он подался на пол-локтя вперед, как товарищ его опять спас себя сам, вцепившись в распяленную пасть зверя и пальцами закрутив верхнюю его губу. Заверещав от боли, косолапый выпустил человека и мешком рухнул на пол, на мягкий и широкий свой зад.

Барвар похолодел: он отлично знал, что таков был обманный прием хитрых медведей, коих в Киммерии он имел счастье навидаться. Но Майло — он не мог об этом знать и сейчас наверняка поддастся на уловку зверя, подойдет ближе, уже расслабившись... И на сей раз Конану пришлось убедиться в том, что он недооценил товарища. Только черная туча с места опять метнулась на него, как он подпрыгнул и ногами обхватил мощный торс противника, руками крепко прижав его огромную башку к своей груди.

Зрители, в экстазе визжа, воя и прыгая, не замечали того, что сразу увидел киммериец: Майло старался не завалить зверя, а разодрать его. Уклоняясь от жутких желтых клыков, сам он то и дело норовил впиться зубами в его шею, щеку, лапу... Когда он на мгновение оказался лицом к Конану, тот с отвращением узрел прилипшие к губам его клочки черной шерсти, вымазанные в крови. С другой стороны, рассудил варвар, у Майло не было никакого оружия, у зверя же — и клыки и когти...

Старый знакомый — белый пес — лежал у самых ног киммерийца и равнодушно смотрел на схватку. Иногда, в наиболее волнующие моменты, он поднимал морду и порывал, почему-то попадая в унисон рычанию Майло, но в общем был безучастен, в отличие от своих хозяев: их смурные рожи пылали, выражая попеременно всю гамму низменных чувств (в полном соответствии с душевным воспитанием), а тусклые прежде глаза лихорадочно сверкали, и в них легко читалась мольба кровавого исхода драки — дабы потом было о чем рассказывать в деревне.

То же и остальные зрители. Физиономии их побагровели до цвета томата, а разинутые рты и выпученные глаза показались киммерийцу много отвратительнее злобной гри-

масы Майло. Белый пес был с ним совершенно согласен: на мгновение лишь Конан встретился с ним глазами и с удовлетворенной ухмылкой увидел в них отражение собственных ощущений. Он хотел наклониться и погладить умную псину, но в этот момент вдруг раздался дикий рев публики, нечто вроде звериного утробного рыка, обычно означающего кровавый конец зрелища, и варвар с тревогой перевел взгляд на бойцов.

Майло одерживал победу. Медведь валялся на спине, судорожно дергая задними лапами и тщетно пытаясь сбросить с себя человека. Дикий же приемыш доброго хона восседал на нем верхом, пальцами вцепившись в его пасть, а зубами в шею. Сладострастное рычание товарища заставляло варвара передернуться от некоего гадливого чувства, которое всегда посещало его при виде магов и колдунов — этой нечисти, человеческих отбросов. На долю мига мелькнула в голове его мысль: а не оборотень ли этот самый Майло? Но он тут же забыл о ней, ибо печальные глаза хона Буллы давно уже ответили на сей вопрос...

Смачно сплюнув на пол, Конан вразвалку подошел к бойцам, в глубине души немного жалея о том, что придется прервать столь захватывающий поединок; затем, ногой упершись в мохнатую черную тушу, хрипящую и мелко, отчаянно дрожащую, он ухватил Майло за руку и за волосы, рывком отодрал его от медведя и — швырнул в публику, которая тут же зашлась в негодующем визге.

— Нергалово отродье... — пробурчал Конан, легко вытягивая из общей кучи стол и лавку и усаживаясь. — Хей, хозяин! А ну, волокн сюда вина! Разбудили, собаки...

При первых же звуках его сильного, чуть хрипловатого голоса все смолкли; экстаз растаял в душном воздухе трактира в один лишь миг; слуги кинулись убирать зал, не столько смывая, сколько размазывая по полу звериную и человеческую кровь; хозяин поспешил на кухню за вином, а кровожадные посетители быстро ретировались, уверившись в том, что зрелищ более не предвидится.

Конан отыскал глазами Майло. Забившись в самый темный угол, тот зализывал свои раны длинным розовым

языком и казался вполне удовлетворенным — во всяком случае до сих пор варвар не замечал на его лице такого спокойствия и сосредоточения...

Поверженный противник его, глухо рыча, пытался вернуться набок, измазанной в крови шкурой пачкая только что вымытый вокруг него пол. На мгновение лишь Конан встретился с ним взглядом, но сейчас же отвернулся: смертная тоска была в маленьких глазках зверя, и ясно было, что дух его медленно, но верно отлетал уже на медвежьих Серые Равнины...

Сердце варвара почему-то сжалось. Он плеснул в чашу аргосского, залпом выпил и тут же налил еще.

— Киммериец?

— Ну? — ответил Конан, не поднимая головы.

— Я тоже.

На лавку против варвара бухнулся черноволосый крепкий парень, одетый в грязную, пропахшую потом рвань, прорех в которой было больше, чем самой материи. От правого глаза его к левому уху тянулся глубокий уродливый шрам, пересекая крупный нос и обе щеки, так что лицо казалось сшитым из двух половинок.

— Бодал, — представился он и приветливо выдвинул вперед тяжелую челюсть, и без того выпиравшую как ступенька.

— Из муროхов?

— Ну, — Бодал ловко сцалал бутылку с аргосским, сунул узкое горлышко в рот и зачмокал, довольно щуря светлые голубые глаза.

Повадками своими он напоминал скорее заморийца или шемита, но по виду был точно сыном сурового Крома.

— Пей, киммерийская рожа, — усмехнулся Конан. На дорогах своих он редко встречал соплеменников, а потому даже такому — ободранному и грязному — был рад.

— А ты из канахов? — Вылакав половину, парень с любопытством оглядел резкие черты Конана.

— Ну.

— А одет как кхитайский принц... — невпопад заметил Бодал и скептически покосился на свои лохмотья. — Кля-

нусь Кромом, друг, и я знал лучшие времена... Помню, лет этак десять назад...

— Болтлив не в меру, — строго осадил его Конан и покачал головой — точно так, как это делали старики в Киммерии.

Парень обиженно смолк.

— Попади ты в такую заваруху, — проговорил он мигом позже, — я б на тебя поглядел... — Бодал осторожно коснулся кончиками пальцев шрама на носу. — Ты, канах, молод и...

— Моя молодость — не твоя забота, — отрезал Конан, забирая назад свою бутылку с аргосским. Он хотел было еще добавить пару слов о старинном законе Киммерии, гласящем: «убивай лишь в честном бою», и — для сравнения — о медведе, коего притащил сюда и позволил растерзать забавы ради именно он, этот мурох, но тут вдруг услышал из уст соплеменника слово, заставившее сердце его учащенно забиться, а дыхание на вздох замереть. — Что ты сказал? — Конан поднял на парня синие холодные глаза и, следуя его молчаливой просьбе, переправил бутылку с аргосским опять на его сторону.

— Ублюдок прагилл две луны вытряхивал из меня печень, — повторил Бодал. — Увидел, как я гну железные прутья толщиной в твою руку, канах, и возжелал сделать двойника моего — вроде как для охраны. Но я-то уже догадался к тому времени: он хотел создать целое войско таких. Ха! Три сотни Бодалов, вооруженные до зубов, подходят к воротам...

— Что за прагилл? — снова перебил Конан словоохотливого муроха.

— Почелло Одноглазый из Прагьяндо. Есть такой городишко на востоке, за Кхитаем. Не слышал?

Ни одна черта рубленого лица варвара не дрогнула.

— Там селятся восточные маги, — терпеливо пояснил Бодал. — Их орден враждует и с Черным Кругом, и с Алым Кольцом, и вообще, кажется, со всеми... Прагиллы — оборотни, Нергал их заберут, и людей в таковых обращают... — Он помолчал немного, обдумывая, стоит ли доверять такие

тайны незнакомцу, но все же продолжил: — Для обычного человека сие — медленная смерть. Этот белобрысый, что моего медведя задрал, тоже из обращенных. Кромом клянусь, канах, бедняк встречался с прагиллом и чем-то не понравился ему... Хотя, — Бодал хмыкнул, — попробуй таковой твари понравиться.

Взгляд Конана непроизвольно переместился на Майло, все еще урчащего в своем углу.

— Точно тебе говорю, — тоже обернулся мурох. — Я видал таких в вонючем Прагьяндо. Мне самому повезло: за две луны в темнице я наслушался всяких баек от тех, кто провел там полжизни, и понял, что прагиллы, во-первых, близоруки (ну, то есть плохо видят вдаль), а во-вторых, будучи оборотнями, боятся серебра. Худое зрение — то мне ни к чему, а вот что касается серебра... У меня в ухе давно был запрятан небольшой рубин — я и сменял его на серебряную монетку у парнишки с улицы... — Бодал покачал головой, припоминая, и улыбнулся, отчего лицо его, обезображенное шрамом, перекосилось. — А когда мой одноглазый снова вытащил меня из подвала и начал колдовать, я резанул его по виску ребром монеты... Он отключился, а я и был таков. Но другие... Дай-ка еще вина...

Конан молча подвинул ему вторую бутылку с аргосским, допил вино из своей чаши и встал. Синие глаза его, заблестевшие отчего-то словно искристые льдинки на снегу, потемнели до фиолетового; прямые черные брови сошлись у переносицы.

То, что еще накануне казалось странным и смутным, сейчас прояснилось, а потому от него требовалось одно: действие. Он отлично помнил, что через шесть сотен локтей здешняя дорога расходится надвое, и правый ее луч ведет как раз к реке Капитанке, по берегу которой можно дойти до самого моря Вилайет...

Свистнув Майло, варвар хлопнул по плечу удивленного Бодала, швырнул на стол золотой, справедливо полагая, что соплеменник распорядится им сам, и, взглянув последний раз на издыхающего медведя, вышел из трактира.

— Он всегда на тебе?

Конан ткнул кончиком хлыста в большой серебряный медальон с изображением светлого бога, висевший на груди Майло под рубахой.

— Ы-ы-ы!

Получив такой твердый ответ, киммериец ненадолго задумался. Казалось бы, сие объясняло тот странный случай, когда прагилл Тарафинелло с легкостью обратил в камень здоровых и сильных мужчин, но так и не смог справиться с двенадцатилетним Майло. Но с другой стороны, серебро носили многие — у него самого на указательном пальце левой руки красовался огромный перстень, похищенный у одного шадизарского купца. Значит ли это, что и он неподвластен чарам колдуна? Вряд ли. Орден, враждующий и с Черным Кругом и с Алым Кольцом, не продержался бы и трех дней, если б его адептов можно было уничтожить столь простым способом...

Решив отложить этот вопрос до встречи с ублюдком Тарафинелло, варвар пустил каурюю вскачь и вскоре уже весь отдался лихому пролету по дороге, освещаемой ровным светом луны. Сейчас он не думал ни о чем; голова его была пуста и легка словно гнилой орех, но он по опыту знал, что иной раз отсутствие всякой мысли есть лучшее лекарство от душевных болезней, к каковым он относил и долгие размышления. Что Майло? Что Тарафинелло? «Нет ничего важнее радости жизни, и если уметь наслаждаться ею, то ничто не сможет поколебать душевного равновесия.

Есть небо и земля, есть солнце и луна, а более для счастья человеку ничего от богов не надо — остальное он добудет сам».

Подобные умные мысли киммериец не выдумал, а лишь воспроизвел — да и то не головой, а ощущениями. Ловкач Ши из славного города Шадизара поведал ему их, важно при этом задирая острый подбородок. После выяснилось, что и не он был автором сих философических идей, а некий Блахат — бывший султанапурский мудрец, а ныне

шадизарский нищий, за кружку доброго пива готовый поделиться с любым малой толикой обширных своих знаний.

Конан был не согласен лишь с первой частью, где говорилось о радости жизни. Он лично знал массу способов испортить кому угодно эту самую радость, о чем и заявил тогда Ловкачу Ши, оскорбив его до глубины души. Но в том, что от богов ему ничего, кроме неба, земли, солнца и луны, не надо, он не сомневался и на миг. Вот и теперь, стремительно мчась вдоль берега блистающей под лунным светом Капитанки, он жаждал действия, одного только действия — земля и луна у него уже были.

Конан оглянулся на Майло, который скакал почти вровень с ним. Та безумная скорость, и встречный сильный ветер, и гонка звезд над головой не тронули его душу волной восторга и пресловутой радости жизни. На лице его не отразилось и доли тех чувств, что испытывал варвар. Пожалуй, он вообще ничего не чувствовал, ибо лишь обычная злобная гримаса искажала тонкие черты его, а без нее лицо Майло можно было назвать просто маской, белой, равнодушной и жуткой.

Что может быть хуже бесчувствия? Отвечая сам себе на сей странный вопрос, Конан сплюнул — плевок его сразу улетел далеко назад — и прищипорил каурюю.

К рассвету спутники благополучно достигли моря Вилайет и теперь стояли на берегу его, задумчиво вглядываясь в голубовато-зеленую гладь, на коей уже сверкал первый робкий солнечный луч. Ветер — свежий, пропитанный солью, рыбой и запахами разных стран, утих, лениво шевеля гривы лошадей, чьи копыта вязли в желтом сыроватом песке; ночь быстро светлела; звезды в серой выси гасли одна за другой, и белесые облака медленно плыли над морем, по пути соединяясь в тяжелую мокрую тучу.

Конан стащил с бока каурой дорожный мешок, достал из него хлеб и сыр.

— Ешь!

Майло вмиг проглотил свою долю и снова замер с отрешенным выражением белого красивого лица.

— Зачем ты убил медведя? — спокойно спросил варвар, не глядя на товарища.

— Ы-ы-ы! Ы-ы! — пояснил Майло, рукой бия себя в исполосованную когтями зверя грудь.

— Надо было? Кому?

— Ы-ы-ы! Ы-ы!

— Тебе и отцу? Не понимаю.

Майло упал на колени и начал быстро выводить на песке буквы.

— Нет уж, приятель, — сурово промолвил Конан. — Ты словами скажи, а написать любой дурень сумеет.

Тонкие губы спутника его дрогнули, сияясь улыбнуться, но получилась опять та же гримаса, и киммериец раздраженно сплюнул в песок.

— Об-о-о... — раскрыл рот Майло. — Обх-о-о-о... Гр-р-р...

— Понял только «гр-р», — махнул рукой Конан. — Ладно, пошли за лодкой.

...Короткое время спустя они уже сидели в большой прочной лодке, взятой за десять золотых у здешнего рыбака. Майло, рыча и шипя, попробовал сторговаться за пять, но невозмутимый бородач сказал, что с Острова Железных Идолов на его памяти еще никто не возвращался, и он должен взять именно десять, чтоб потом на них купить новую лодку. На это даже дикий товарищ варвара не смог возразить.

Спутники проплыли не больше полусотни локтей, когда из-за горизонта наконец показался белый край огненного ока Митры. И в тот же момент они увидели остров. Он чернел вдали пока только точкой, но туча висела именно над ней, словно заранее предупреждая людей о будущей буре в этом богами забытом месте.

Размеренно поднимались и опускались весла в сильных руках гребцов; острый нос лодки рассекал темно-голубую воду легко и бесшумно, словно огромная рыба.

Сидя на влажной скамейке рядом с Майло, киммериец заметил вдруг, что светлые волосы на его руках потемнели

и стали вроде как гуще. Он снова вспомнил слова соплеменника Бодала: «Этот белобрысый тоже из обращенных. Кромом клянусь, каных, бедняк встречался с прагиллом и чем-то не понравился ему...» Еще бы он ему понравился... Вцепиться зубами в горло прагиллу и вообще остаться живым возможно только в легенде или байке. А впрочем, гад Тарафинелло придумал для парня наказание пострашнее смерти... Медленно, медленно, в течение без малого тринадцати лет Майло превращался в зверя на глазах отца, и тот ничем не мог ему помочь...

Он честно пытался: лет семь назад опять навестил старую каргу и униженно испросил прощения для неразумного сына своего. К ужасу его, колдунья была удивлена тем, что пророчество ее сбылось. Оказалось, что она вовсе не желала того и сказанное в гневе не считала за настоящее. Хон Булла пробыл у нее два дня. За это время она выяснила место пребывания Адвенты и принадлежность Тарафинелло к ордену прагиллов — восточных колдунов; более старуха ничего не сумела сделать...

— Ы-ы-ы! — радостно осклабился Майло, осторожно касаясь локтем спутника.

— Ну, остров, — проворчал варвар. — И что теперь?

Они и в самом деле приближались к Острову Железных Идолов. Он все еще был точкой, но уже не едва заметной, а жирной, с хорошо видимыми очертаниями. Конан потряхнул черной спутанной гривой, завязанной в конский хвост, и налег на весла. Чуткий Майло незамедлительно последовал его примеру.

...К полудню, когда литые тела обоих гребцов были покрыты потом, а кожа на ладонях стерлась до крови, лодка подошла к самому острову. Закатав штаны, Майло первым соскочил в воду и одним резким сильным рывком вытянул судно на мель. Потом вдвоем они втащили его на каменистый берег, обмотали цепь вокруг вросшего в землю валуна и, прихватив мешки с остатками снеди, пошли вглубь, не забывая осматриваться по сторонам.

Если хотя бы треть всех легенд об Острове Железных Идолов была верна, следовало каждый миг быть настороже.

Напряженно вглядываясь вдаль, Майло вдруг замычал и дернул варвара за рукав, указывая пальцем на скалу, по которой шла красно-серебристая рябь, сверкающая под солнцем, отчего камень казался залитым кровью.

— Тьфу! — раздраженно сплюнул Конан. — Это миаргрит, и ничего больше.

— Ы-ы-ы?

— Руда, — коротко объяснил варвар, продолжая ход.

Между тем они почти поднялись по пологому склону на невысокий холм, откуда через десяток шагов им открылась странная, жутковатая и в то же время завораживающе прекрасная картина. На всем пространстве, что лежало в круге холма, чернели развалины древних дворцов, когда-то великолепных, а ныне жалких, зияющих темными пастями бывших залов. Обломки лестниц торчали с боков, как зубы неведомого чудовища; мрамор их был теперь не бел, а грязно-желт, иссечен ливнями и ветрами, изъеден временем словно гигантским жуком. Посередине круга, куда сквозь дыру в туче падал тонкий и яркий солнечный луч, находился большой квадратный зал, уставленный ровными рядами фигур в доспехах. Конан машинально положил руку на эфес меча, но в тот же миг понял, что сие не было войско, а те самые железные идола-демоны, чьи черные души к ночи выведет из сна Ужас.

Где-то здесь находился и замок прагилла Тарафинелло, невидимый сейчас человеческому глазу. Варвар с сомнением посмотрел на спутника, ибо его он не мог считать пока человеком, но Майло явно видел не более его самого.

— Ы-ы-ы... Ы-ы.

— Сейчас пойдем, — хмуро буркнул Конан, последний раз окидывая взглядом всю картину с высоты.

Даже в светлое время от созерцания этих развалин в душе рождалось неприятное, тягостное чувство. Кажется, кроме них двоих, тут все было мертво — одни камни, снова камни и меж камней тоже камни... Ни птиц, ни животных, а оттого и ни звука, кроме далекого плеска волн моря Вилайет... Конан поглядел на тучу, повисшую прямо над островом, но пока что не делавшую попыток вылить на

него дождь, и начал спускаться. Им предстояла нелегкая работа: как-то отличить мертвых демонов от Спящих, и последних выкинуть в море.

— Ы-ы-ы! — сердито покачал головой Майло, словно услышав мысли киммерийца.

— Дотащим как-нибудь, — ухмыльнулся Конан, сам не особенно уверенный в том, что они успеют за оставшиеся полдня перетаскать Спящих отсюда к морю. К тому же они наверняка были очень тяжелые.

— М-х, — успокоенно мыкнул Майло.

От подножия холма спутники, не замедляя шага, пошли к центру круга, и через сотню локтей достигли огромного квадрата, где на цветной мозаике пола тускло поблескивали железом идола. Они стояли в два ряда по всем четырем сторонам зала, действительно похожие на войско, ожидающее приказа повелителя. Пустые глаза были устремлены вверх, рты — одна лишь узкая прорезь без губ — чуть приоткрыты; ржавчина, местами покрывавшая железные тела, напоминала пятна проказы; на руках у каждого Конан насчитал только по четыре пальца, непременно сжатые в кулак.

Вообще с первого взгляда, да и со второго тоже, идола эти ничуть не казались страшны — в другое время и в другом месте варвар только посмеялся бы над их грозным видом, но — не здесь. Звериное чутье до сих пор никогда не подводило его, а сейчас от напряжения у него свело скулы и колючий холодный ручеек пота потек по позвоночнику. Демоны. Мертвые или Спящие, но это были демоны. Конан кожей чувствовал мрак их черных душ, навечно или пока пребывающих в забвении...

— Ы-ы-ы-ы... — тоскливо замычал вдруг Майло за его спиной. — Ы-о!

От неожиданности вздрогнув, варвар оглянулся.

* * *

Грусть в глазах песнопевца Агинона с раннего утра тревожила сердце юного Тито. Вот и сейчас, вполуха слушая дядин рассказ о северной стране Ландхаагген, он видимо страдал, ерзая в кресле и громко, тяжело вздыхая.

Песнопевец, однако, словно не замечал уловок племянника. Описывая нынешние красоты этого некогда холодного снежного края, он даже позволил себе несколько длинных многозначительных пауз, как бы предлагая юноше насладиться его повествованием, и Тито вынужден был с притворным восхищением качать головой, дабы не обидеть невниманием горячо любимого дядю.

«Из тьмы в день, из снега в цвет, из смерти в жизнь — такова была воля богов, и она истина есть...» Этими словами Агинон завершил наконец свой рассказ и потянулся за чашей с аквилонским вином, что в отсутствие столика стояла прямо на полу у ног песнопевца.

— Мой Титолла, мой Титолла... — со вздохом промолвил он. — Ну, о чем ты хочешь спросить меня? О той звезде, которая видна только осенью? Ее зовут Инихамбия, а путь ее... Путь ее...

Он замолчал вдруг, захваченный какой-то невеселой мыслью; уставив глаза в пустоту, замер так на долгие мгновения.

— Нет, дядя, погоди. — Юноша умоляюще заломил руки. — О звезде я успею расспросить тебя — потом, а теперь... Прошу тебя, разреши мне задержаться дней на пять или даже шесть! Ты сам говорил, что мы еще не занимались Стигией и Черными Королевствами, и...

— Ты поедешь завтра же, — спокойно, но твердо сказал песнопевец. — Время не терпит суеты, а я не терплю нарушать обещания. Я обещал твоему отцу отправить тебя домой не позднее последнего дня этой луны, так что, будь добр, ступай сейчас паковать вещи.

При последних словах голос его все же немного дрогнул, и Тито, уловив это, воспрял духом.

— Мне так хочется побыть с тобой еще, — жалобно сказал он. — Ну почему я должен уезжать? Работы у отца мало — он сам говорил, что моя помощь ему совсем не нужна...

— Ступай паковать вещи, сынок, — повторил Агинон, не глядя на племянника.

Тито медленно встал, сразу нарушив гармонию маленького мира этой комнаты, где вдоль стен груды лежали

дядины рукописи, старинные свитки, манускрипты и книги. Высокая гибкая фигура юноши полностью закрыла от песнопевца и без того вялый свет ночника, отчего седина в волосах его стала серой и слилась с цветом туники. Тито вздохнул, жалея оставлять его сейчас одного, но все-таки двинулся к двери.

— Не забудь забрать свое сочинение о высокой поэзии, милый. Я сделал там кое-какие пометки — дома посмотришь.

— Я не успел спросить у тебя о смысле жизни...

— Ты и сам знаешь ответ на этот вопрос.

— Инихамбия очень красивая звезда, дядя...

— Да, сынок. Ступай.

Юноша потоптался на середине комнаты, не зная, как еще остановить время. Все вопросы, что крутились в его голове постоянно, улетучились без следа, и сказать было решительно нечего. Уже делая следующий шаг, он вспомнил о дядиных записях, кои закончил читать нынче ночью.

— Скажи королю Конану... Скажи, что и я хотел бы быть с ним и с Майло тогда... на Острове Железных Идолов и...

— Не мучь меня, милый. Ступай скорей.

— Я долго не увижу тебя? — спросил Тито, с невыразимой любовью и грустью взирая на дядю, который, кажется, за этот день постарел на несколько лет — так тусклы были его красивые темно-зеленые глаза, так глубоки морщины у глаз и рта, так слаб голос.

— Да...

— Но ты напишешь мне?

— Да...

Понурился Тито, побрел к выходу, но у самой двери опять остановился.

— И все-таки в чем же смысл жизни, дядя?

— В жизни, милый, — ответил песнопевец Агинон и в первый раз за этот вечер тихо рассмеялся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой все участники событий готовы умереть,
но волею Митры некоторые все же остаются
в живых

Существо, которое всего несколько мгновений назад было человеком и звалось Майло, в отчаянии разевало рот, протягивая к варвару длинные руки свои, покрытые густым темным волосом. Грудь, изрезанная когтями медведя, но бывшая все же обыкновенной человеческой, тоже заросла; чистое свежее лицо стало морщинистым, дряблым и вытянулось вперед; ноги искривились, а тонкий стан раздался в ширину не меньше чем на пять ладоней. В общем, то был уже не человек, но еще не совсем зверь.

Конан содрогнулся, когда он сделал к нему шаг.

— Стой там! — приказал он хриплым от потрясения голосом, борясь с желанием немедленно отсечь голову монстру.

Его простая варварская натура не понимала и не принимала таких превращений, но ум — он разобрался во всем сразу: Майло оставалось жить немного, и смерть должна была стать для него избавлением, ибо по изощренной задумке Тарафинелло перед концом своим он оборачивался чудовищем, противным самому себе. Странно, что Конан не подумал о том раньше, — ведь и мурох Бодад предупреждал его...

— Ы-ы-ы! Ы-ы-ы-о! — завопил монстр и вырвал клочок шерсти из груди. — Ы-ы-о-о!!! Ай-ло-о-о! Ай-ло-о-о!..

— Майло? — догадался киммериец. — Ты остался прежним Майло?

— Ы-ы-ы! — затряс головой тот, подтверждая.

— Проклятие! — В бессильной ярости Конан пнул ближайшего идола, оказавшегося неожиданно легким, а потому с грохотом и звоном рухнувшего на пол. Растерянность — чувство незнакомое и чуждое по самой сути своей — затмило ум варвара. Кто может знать теперь, что этот урод сделает в следующий миг, в следующий вздох? Не вопьет ли в щеку спутнику подросток уже клыки? Не вонзят ли когти в глаза?

Ужас, льющийся из зеленых глаз Майло, отвечал: нет. Страшный вид его обещал: да.

— Уйди, — глухо сказал варвар после недолгого раздумья.

— Ы-ы-ы!..

— Уйди!

Злоба так и клокотала в могучей груди Конана, хотя он никак не мог уразуметь, что именно его злит. Не Майло же, который скорее был жертвой ублюдка Тарафинелло, чем действительным монстром...

Сплюнув так смачно, словно выплескивал из себя стук этой злобы, киммериец врезал кулаком в лоб идолу, что стоял рядом с ним и таращил пустые глаза, и — взвыл от резкой боли. Эта железная кукла оказалась совсем не такой легкой, как та, повергнутая им чуть раньше. От удара она даже не шелохнулась, а когда человек снова — уже осторожнее — пихнул ее ладонью, то ощутил вдруг едва заметный ответный толчок, нечто вроде прыжка сердца за ржавым панцирем...

Конечно, у демона не могло быть сердца, но зато было то, что возрождало организм к временной жизни — то есть дух. Он мог дышать, а значит, он не мертвый, а только спящий... Значит...

Вот как отличить Спящего демона!

Способный к быстрой перемене чувств, Конан радостно осклабился и вновь обратил взор на Майло. Тот стоял не двигаясь, не спуская с товарища умоляющих глаз, так что

даже суровая душа юного варвара смягчилась — лишь на миг. Затем он опять нахмурился, отвернулся.

— Ы-ы-ы...

— Заткнись, приятель, — пробурчал Конан. — Кромом клянусь, когда мы найдем Нергалово отродье Тарфанелло, я заставлю его сделать тебя человеком. Но пока — попи-най-ка этих ублюдков. Как я — видишь?

Он толкнул еще одного идола, и тот повалился на пол с тем же грохотом и звоном, что и первый. Следующий оказался тяжелым — живым.

Майло быстро сообразил, что от него требуется, и, проворно побежав по ряду, начал косить демонов направо и налево, действуя при этом не одними руками, а и ногами тоже. Вдвоем они за короткое время отделили Спящих (их было всего восемь), которых затем по одному поволокли к морю, пыхтя от напряжения. Оба — и Конан, и Майло — здоровые и очень сильные, они едва могли оторвать идола от земли за башку, не говоря уж о том, чтобы взвалить его себе на спину. Может быть, сам Ужас окутывал собратьев своих, утяжеляя их до веса каменной колонны, дабы не дать людям дотащить их до моря и выкинуть туда?

Как бы то ни было, но к закату огненного ока Митры — его лучи весь день обходили остров стороной, ибо туча висела как висела — спутники утопили восьмерых Спящих в голубых водах Вилайета. Оставалась одна забота — найти замок Тарафинелло и его самого.

* * *

После того как последний Спящий упокоился на дне моря, спутники омыли теплой водою потные тела свои и сели на вершине холма, откуда хорошо был виден почти весь остров. Сейчас оставалось только ждать: скоро заходящее солнце осветит замок злокозненного прагилла, где вот уже тринадцать лет томится в заточении несчастная Адвента, и тогда-то наступит самая длинная ночь в жизни Майло — ночь, могущая стать концом его, но и началом тоже...

То потрясение, какое испытал Конан при виде оборотня, улеглось в его душе. Сидя на холодной лысой земле, давно

позабывшей и запах и цвет травы, юный варвар мыслил не о нем, не о предстоящей схватке с Тарафинелло, но о дорогах своих, что вели его к богатству и славе часто в обход. Так, наверное, попадал он в истории, похожие на эту: ничего — кроме возможной гибели и потом вечной прогулки по тропам Серых Равнин — не сулящие. Будь у него в запасе время, он вернулся бы в гостеприимную хонаю и взял у хона Буллы золото за спасение его детей, но — времени на такие пустяки у него не имелось вовсе. В конце концов, все золото мира ждет, когда Конан приберет его к рукам, и размениваться на мелочь просто глупо.

Так успокаивал варвар свою расчетливую натуру, не желавшую ни в чем участвовать задаром.

Майло, уже успевший где-то подхватить блох в свою густую шерсть, не думал ни о чем. Выкусывая мерзких насекомых, он тоже поглядывал на древние развалины, меж коих вот-вот должен был проявиться замок прагилла, но не чувствовал при том ни привычной уже злобы, ни страха, ни волнения. Даже встреча с сестрой не могла поколебать абсолютного спокойствия оборотня. К ночи клыки его стали острее — вот это он ощущал отлично — и рот из-за них уже не закрывался плотно; нос превратился в подобие хоботка; суставы рук и ног распухли, но не болели ничуть, а ногти на ногах выросли и загнулись так, что сандалии пришлось скинуть еще в зале идов. Огромный человек, сидящий рядом, с отвращением косился на него, хотя и ничего не говорил. Майло уже плохо помнил, кто это, как его имя, но зато не чуял в нем врага и оттого сидел спокойно — как и положено товарищу и спутнику.

Но вот солнечные лучи сверкнули наконец меж тучей и землей ярко и яростно, напоследок озаряя каждый валун и булыжник, каждый выступ в скале и каждую щель, и перед тем как погаснуть — огромное, верхушкой достигающее тучи, блестящее яйцо белого мрамора, вросшее в камень по самую почти середину.

Хмурясь, Конан смотрел на чудо сие, не понимая только одного: где было это яйцо раньше? Сейчас он ясно видел его стоящим в пяти-семи шагах от зала железных идов,

как раз на пути к морю, по коему и тащили они выявленных Спящих. Как тогда они смогли пройти сквозь такую громаду? Неужели же замок Тарафинелло всего лишь мо-рок, а на деле его не существует вовсе?

Киммериец поднял с земли сухую палку, невесть каким образом оказавшуюся в этом мертвом царстве, и ею подтолкнул сидящего рядом оборотня.

— Хей, парень... Пора.

Майло глухо заурчал, затряс жуткой башкой своей, поднялся. Сейчас он был уже много шире прежнего — и в плечах, и в груди, так что рубаха его лопнула по всем швам, белыми ошметками совсем не прикрывая тела. Волчьи лапы, торчащие из штанин, нетерпеливо скребли землю, ожидая от спутника не шага, но прыжка, а длинные, висящие ниже колен руки мелко дрожали, то ли алкая жертвы, то ли в предчувствии собственной смерти. Монстр передвигался на двух лапах (хотя уже делал попытки встать на все четыре), и чрезвычайно быстро, то подскакивая, то спеша рысью, не забывая облаивать замок своего главного врага Тарафинелло. Скуля, он нарезал круги перед варваром, который шел широко и скоро, но не бежал и бежать не собирался. Оба они уже ощущали в воздухе витающий Ужас, только оборотень не мог и не умел бороться с его волей, что проникала во все поры, впитывалась в мозг, разрушая и затуманивая его, а человек и мог и умел.

Сжав зубы, Конан угрюмо шагал по склону холма, потом по развалинам, тоже окутанным зыбкой, леденящей кровью пеленой, переступая обломки мрамора и камни, к этой огромной глыбе, в наступившей ночи казавшейся всего лишь тенью тучи. Чем ближе подходил он, тем тяжелее становились ноги; он поднимал и передвигал их все так же размеренно и часто, но пот уже выступил на лбу от страшного напряжения — ему казалось, что всякий шаг он отрывает свою ступню вместе со всем островом и волочет его следом за собою к замку прагилла. Ужас, встретивший яростное сопротивление человеческой души, опутал тело, стеснил дыхание, застил глаза. Оборотень, бодро скакавший впереди варвара, явно не ощущал того же — скаля клыки,

между которыми пузырилась слюна, он махал плетью волосатых рук, призывая спутника поторопиться, но, кажется, забыл уже саму цель похода.

Шагах в тридцати от замка Конан остановился. Всполохи света, пробежавшие иной раз по гладкой поверхности яйца, были обычного происхождения — то есть лунное сияние, как и солнечное до того, проходило к острову сквозь ту же дыру в туче, и сие немного успокаивало растревоженное сердце. Лишь сейчас варвар заметил, что весь путь от вершины холма до логова прагилла он не отпускал эфеса верного своего меча, сжимая его так крепко, что пальцы онемели. Усмехнувшись, он вытянул меч из ножен, махнул рукой Майло, веля ему отойти в сторону, и двинулся к замку.

Пока он не видел не то что входа, но и того, что могло бы обозначать вход. Ладонью скользя по холодному мрамору, Конан надеялся нащупать щель, в которую мог бы всунуть острый клинка и отжать дверь, но — ничего, ни единой зазубринки или шероховатости не царапнуло его кожи. Он обошел вокруг яйца дважды, к концу второго прохода чувствуя ярость и изнеможение, и уже собирался мечом подкапывать основание его, как вдруг услышал взвизг Майло.

Возбужденно подпрыгивая на месте, оборотень таращил на спутника зеленые мутные глаза свои и длинным кривым пальцем тыкал в мрамор, будто хотел показать нечто необыкновенное и важное. Конан подошел к нему. И в самом деле, на блестящей поверхности — примерно на уровне плеч варвара — извивалась нарисованная углем ехидна размером с кошку. Глаз ее, вылезший из орбиты, сужался кверху, и этим острым углом явно направлял руку незнамого гостя...

— Кром... — прорычал Конан, чьего огромного роста не хватало на то, чтоб увидеть или нащарить пальцами искомое.

— Ы-ы! — Майло легко коснулся плеча киммерийца желтым кривым когтем. — Ы-ы-о-о...

Объяснив таким образом свой план, оборотень бухнулся на четвереньки между спутником и стеной замка. Ко-

нан с сомнением оглядел его широкую спину, перевитую канатами мускулов, с выпирающими буграми лопаток, ступил на нее сначала одной ногой — Майло даже не дрогнул; затем, сбросив с себя куртку и заплочный мешок, поднял и вторую ногу — Майло даже не дрогнул. Спусти вздох пальцы варвара коснулись холодного шарика, вделанного в стену до половины и похожего на бородавку на теле мраморного чудовища, крепко обхватили его, повернули... В один только миг земля разверзлась под Майло, открылась большая черная яма, и оба товарища провалились во мрак, сырой и зябкий, не успев и вскрикнуть...

* * *

Сколько времени продолжался этот полет, Конан не сумел бы определить. Может быть, день, а может, два — во всяком случае, он помнил точно, что несколько раз засыпал и даже видел сны, в коих грезилось ему прошлое — далекое и близкое, — а также будущее, но оно весьма смутно, за пеленою, сотканной из золотых и серебряных звезд... (Проснувшись, он не мог поручиться, что вообще видел это самое будущее, да и было ли теперь оно для него? Куда летит он во мраке? Где завершит полет? Или сие есть коридор, ведущий к Серым Равнинам?)

Но и такие мысли не трогали сердца юного варвара. Он замерз, потому что ветер дул постоянно, сильно, навстречу ему. В полудреме он подтянул колени к груди, руками обнял себя, и в этой позе летел еще долго, изредка вспоминая о Майло, но сразу отвлекаясь иною думой, призрачной, нелепой, вялой.

Внезапный яркий свет ослепил его, вырвал из вязкого тумана забытья; а вслед за тем — всего-то долей мгновения позже — он с головой ушел под воду, едва не захлебнувшись от неожиданности.

Вряд ли то были Серые Равнины. Эта мысль, пришедшая первой и бывшая вполне здравой, успокоила и даже рассмешила Конана. Конечно, на Серых Равнинах нет рек, озер, морей и наузов (если верно говорили старики в Киммерии), и посему он — жив и очень — очень — голоден.

Пробкой вылетев на поверхность, он завертел головой в поисках берега, узрив желтоватую полоску, видимую пока что размыто из-за пелены в глазах, и поплыл к ней, тревожась за верный свой меч. Его надо было немедленно вытереть насухо, а потом смазать, иначе ржавчина покроет его, как панцирь железного идола... Конан уцепился рукой за мраморный окаем науза (он понял уже, что плавает в наузе), подтянул тело, легкое в воде и тяжелое в воздухе, рывком перевалился на пол. Теперь, не теряя времени на отдых и обсушку, следовало осмотреться и заняться мечом.

— Ы-ы-ы...

Услышал киммериец знакомое мычание, согревшее душу быстрее, нежели тело согрела бы теплая меховая куртка. Обернувшись, он увидел Майло, который его путем вылезал сейчас из воды, скользя когтями передних лап по гладкому мрамору. Выглядел он плачевно: если не считать того, что обращение уже почти завершилось и несчастный был теперь все же зверем, а не человеком, он пробыл под водою немногим дольше варвара, а потому едва дышал, со свистом и хрипением выбрасывая из себя мокроту. Шерсть его намокла и прилипла к телу, отчего бугры мышц сразу выделились; в зеленых глазах, мутных, с растекшейся точкой зрачка, читались ясно обреченность и снова понимание происходящего с ним и вообще; острые уши дрожали, прижимались к голове, торча над затылком как два рожка.

Конан наклонился, ухватил товарища под мышки, с удивлением ощутив его неимоверную тяжесть, и вытянул на мраморный пол. Пока Майло отфыркивался, тер лапами морду, жалобно поскуливая, киммериец оглядел помещение. Был ли это зал замка-яйца Тарафинелло, определить сейчас казалось невозможным. Никаких признаков живого тут не наблюдалось. Совершенно пустой громадный прямоугольник с неким возвышением у противоположной наузу стены освещался снопом искр, горящим под потолком в каждом из четырех углов. Как они там крепились, Конан видеть не мог, так как высотой зал был куда больше всех тех, что приходилось ему видеть прежде: едва ли тройка слонов, вставших друг на друга, достигла бы потолка, даже

если б верхний слон вытянул хобот. Подняв голову, дабы рассмотреть снопы искр, варвар обнаружил огромную черную дыру прямо над наузом — по всей вероятности, они вывалились сейчас именно оттуда.

Ничего пока не понимая, Конан толкнул оборотня концом ножен, веля встать и идти за ним, и направился к возвышению — ему поместилось вдруг какое-то движение за ним.

— Ы-ы-ы-о! — встревоженно сказал Майло, обгоняя товарища. — Ы-ы-о!

— Ну? — Киммериец остановился.

— Ы! Ы! Ы!

— Проклятие! — разозлился Конан. — Почему это ты должен быть впереди?

— Ы! — настаивал монстр. — Ы! Ы! Ы-ы-ы-о-о! Ы-о-о!

С вывороченных губ его на пол капала слюна, желтая и тягучая; когти скребли шерсть на груди; в глазах отражалась фигура киммерийца, многократно уменьшенная, но от этого не менее грозная. Как в зеркало посмотрев на себя в мутную зелень Майловых глаз, Конан махнул рукой, позволяя спутнику идти впереди него. Про себя он решил, что оборотень хочет первым найти ублюдка Тарафинелло и перегрызть ему наконец глотку, и таковое желание счел похвальным и вполне понятным — он и сам предпочитал расправляться с врагами собственной рукою, не привлекая посторонних. Интересно, знает ли прагилл о произведении чар своих, что идет сейчас вперевалку на кривых, поросших густой шерстью лапах по мраморному залу? Помнит ли о нем? Приятно ли ему будет сдохнуть от клыков его?

— А вот и ты, красавчик! — Низкий бархатный голос сразу ответил варвару на первые два вопроса.

* * *

Майло словно стал выше ростом, узрев врага. Спина его выпрямилась, плечи расправились, и он чуть не полностью закрыл от Конана небольшую фигурку прагилла. Слава Кромю, который не забыл беспокойного сына своего: только

киммериец хотел сделать шаг в сторону и хорошенько разглядеть ублюдка, как тут же вспомнил слова хона Булы, велевшего ему прятаться за Майло, чтобы не обратиться в камень подобно бедным наставникам парня. Вот почему он требовал пропустить его вперед... Конан благодарно посмотрел в затылок товарища, покрытый поредевшими и свалывшимися белыми волосами, первый раз хваля себя за то, что не прогнал его тогда, в зале с железными идолами, обнаружив ужасное его превращение... Но все-таки кто он — зверь или человек?

— И кто же ты теперь? Зверь или человек?

Конана передернуло оттого, что ублюдок повторял его мысли вслух.

— Гр-р-р... — ответил Майло, не двигаясь с места.

— Не понимаю, — Тарафинелло с сожалением покачал головой. — Увы! Еще раз — увь! Но я ждал тебя, красавчик. Кольцо принес?

В мгновение варвара прошиб холодный пот, стоило прагиллу напомнить про кольцо. Где оно? Если в его мешке — то он остался у подножия мраморного яйца, а если в мешке Майло — то вот он висит у него на плече... Нет, кажется, все-таки у Майло...

— Думаю, что принес, — не услышав ответа, ублюдок успокоил себя сам. — Ты отдашь мне его, да? Я знаю, ты умный... О-очень умный... Ты не захочешь умирать в муках. Я обещаю тебе смерть приятную и скорую, но только отдай сначала кольцо...

Замерев за спиной Майло, ставшего недвижимо между ним и Тарафинелло, варвар едва не выдал себя язвительным смехом: прагилл явно боялся его товарища, видимо, памятуя о том, как он еще ребенком чуть не перегрыз ему глотку. Недаром не решался просто отобрать кольцо, а пытался выторговать его.

— Что же ты молчишь? Ах да, я и забыл, что ты не умеешь говорить... — Прагилл хихикнул. — А твоя сестрица умеет, и совсем неплохо...

При этих словах Майло, бессмысленным взором сверливший врага, вздрогнул всем телом, как будто вспомнив

об Адвенте, и Конан за его спиной неминуемо был бы раскрыт, если б и он не вздрогнул от того же одновременно с товарищем.

— Хочешь посмотреть на нее? — между тем продолжал издеваться Тарафинелло. — Погоди немного, она сейчас подойдет. А пока послушай: твой дед, отвратительный и гнусный колдуньишко, барон Дамарлик, украл у меня магическую формулу, на основе коей я намеревался создать свой собственный город, похожий на Прагьяндо. Проклятый вор! Он понятия не имел, для чего она нужна! — Низкий ровный голос прагилла зазвенел — он явно нервничал, вспоминая обиду. — С помощью ее он попытался вывести новую породу лошадей!!! О, грязный недоумок... Громкий титул, известное имя, а за всем этим — тупой и невежественный крестьянин, черны! Конечно, из его затей ничего не вышло, а формула — пропала. Навсегда! И я решил отомстить... Я прибыл в Немедию под видом знаменитого туранского астролога, способного предсказать судьбу целого колена на сто лет вперед. Ах, как я был несчастлив, узнав о безвременной гибели мерзкого барона... Да, красавчик, твой дед упал с лошади и разбился, когда тебе едва исполнилось три года. Великолепный план мести сорвался! Но — у меня оставался ты.

Пусть он не знал тебя и знать не желал, но в тебе течет его кровь, дорогой Майло (потому-то мой взгляд и не смог превратить тебя в каменную куклу). Сначала я травил тебя издавека... Ты был капризен и раздражителен, а твой глупый приемный отец приписывал сие недостатку воспитания. Потом... Потом я хотел сделать с тобой еще кое-что, но тут родилась Адвента... Она была нужна мне больше, чем ты. Родинка в форме звезды на левом колене означает для истинного прагилла многое: богатство, славу, власть... А в соединении с кольцом старой карги все возможности увеличиваются вдвое — нет, втрое! Причем совсем не обязательно иметь родинку на своем собственном колене — достаточно постоянное присутствие рядом такого человека...

Я с самого начала повел себя неверно... Для успеха предприятия Адвента должна была полюбить меня. Неваж-

но как — как отца, как супруга, как брата... Ну, поскольку ей было всего-то шесть лет, то значит, как отца... Опять увы! Я слишком напугал ее в тот вечер, когда обратил в камень пятерку твоих учителей и разбил башку тебе самому! К тому же я украл ее! Даже в столь юном возрасте она отлично это поняла... И вот настала пора моего мучения. Она не желала ни говорить со мной, ни смотреть на меня; она не брала от меня гостинцев и подарков, хотя я дарил ей такие вещи, какие глупый хон при всем своем богатстве не смог бы ей купить! Она... Фу! Даже теперь мне трудно говорить о тех тяжелых годах. Да-да, годах! — Тарафинелло не на шутку разволновался.

Конан, у которого уже затекло все тело от неподвижного стояния за спиной оборотня, с любопытством слушал рассказ прагилла, в то же время размышляя, каким образом достать его с этого места. Расстояние между ним и Майло составляло едва ли короткий шаг, но от Майло до ублюдка было никак не меньше тридцати.

— Если б мне надо было просто сломить ее волю! — воскликнул вдруг он после паузы. — Я мог бы показать ей себя истинного, то есть в образе такого же зверя, как ты сейчас (разницу понимаешь? вот-вот, я могу снова стать человеком, а ты — нет!); я мог швырнуть ее в науз, полный омерзительных существ вроде змей и крокодилов; наконец, я мог разорвать на ее глазах тебя, тем более что ты для меня давно мертв! Я мог сломить ее волю! Но — не раб требовался для успеха, а друг...

Тарафинелло опять замолчал, то ли обдумывая что-то, то ли вспоминая былое. Конан не видел его лица, а потому опасался даже вздохнуть во время паузы.

— Кстати, Майло, — словно очнулся прагилл. — Как тебе понравился мой коридор смерти? Я сам придумал его! Ты знаешь, где мы сейчас? Нет, не на Острове Железных Идолов... Ты пролетел всю ночь и весь день, и оказался в моих чертогах, что находятся за морем Запада, прямо против Пустошей Пиктов! Так что я еще сократил твое пребывание в мире сем — тебе осталось дня три, не боле... Надеюсь, ты не боишься смерти? Не надо! Я — не боюсь. Я к ней всегда

готов! Была у меня одна история — опять же с твоим гнусным дедом. В юности я украл у него серебряный медальон с изображением Митры (вот уж глуп был!), а он за это проломил мне голову секирою. Конечно, я умер, но — не навсегда. Потом, когда очнулся, оказалось, что барон забрал обратно свой медальон и уехал, оставив меня истекать кровью... Так что смерть я видел и готов к ней — каждый миг и каждый вздох! Не всякий прагилл таков, а я — таков! — Хвастливый ублюдок засопел, ожидая то ли похвалы, то ли восхищения от оборотня, но, конечно, ничего такого не дождался.

— Ну а теперь... Теперь ты увидишь то, чего так жаждет твоя пока живая душа! Хох!

Прагилл, до этого не повышавший голоса, так крикнул свое «Хох!», что даже каменно-неподвижный Майло вскинул морду и зарычал, а Конан не вытерпел и быстро взглянул из-за его плеча. Да, Тарафинелло был точь-в-точь таков, как и описывал его хон Булла: невысокий и тощий, с черными густыми волосами, с маленькими глазами и ртом и огромным красным носом. Только зубы его, вопреки утверждению старика, были не желты и кривы, а белы и ровны. Он торжественно смотрел вверх, на дыру в потолке, из коей выпали Конан и Майло, и варвар непроизвольно оглянулся, следуя его взору. Не увидев там ничего особенного, он снова повернул голову к затылку Майло.

— Хох,— спокойно повторил прагилл.

И вдруг оборотень задрожал всем телом; из глотки его вырвался стон; он подался на шаг вперед, но опять замер, не переставая отчаянно скулить.

Более не в силах удержаться, Конан осторожно высунулся.

К счастью его, близорукий прагилл, не зная о его присутствии, взирал только на Майло, явно польщенный и удовлетворенный выражением ужаса на его морде. А рядом с ним... Рядом с этим безобразным Тарафинелло варвар увидел девушку, чья красота поразила его в самое сердце. Хотя он никогда не видал ее прежде, он догадался сразу, что то была Адвента. Хрупкое нежное создание, она покор-

но стояла по левую руку прагилла, большие печальные глаза устремив в никуда; черные волосы ее, такие же прямые, как были у Майло, струились по узким плечикам, ниспадая до полу; высокий чистый лоб прорезала видимая даже издали морщина — следствие долгого заточения и одиночества души.

— Хох! — еще раз сказал Тарафинелло, довольно ухмыляясь, и тут взгляд его упал на киммерийца.

* * *

Ни боги, ни демоны, ни чародейское искусство не надеются человека смертоносным взором — иначе все живое на земле давно превратилось бы в камень или в прах. В пергаментях, кои бережно хранят стигийские маги Черного Круга, писано: «Умей глазами своими убить, но помни — каждая жизнь, отнятая тобою так, унесет мгновение жизни твоей... и храни искусство в себе, не деля его попусту с другими...»

Уже второй миг своего взгляда, направленного на дерзкого варвара, Тарафинелло наполнил смертью, но за долю до этого мига Конан метнул в него свой меч, сам полностью спрятавшись за Майло, который, будто сразу поняв происходящее, постарался стать как можно шире. Его явно тянуло к Адвенте, но и товарища он бросить не мог: мысль сия, только промелькнув, согрела сердце Конана...

...Меч вошел в грудь прагилла по самую рукоять, как раз в тот момент, когда смертоносный взгляд его коснулся варвара. Захрипев, Тарафинелло повалился на пол, забрызгав кровью белое платье удивленной, но совсем не испуганной Адвенты. Если б все не было так страшно, то стороннему наблюдателю стало бы смешно: балахон ублюдка при падении задрался, обнажив тощие кривые ноги, а изо рта выскочила челюсть, оказавшаяся не настоящей, а поддельной. Но клинок в его груди — самый что ни на есть настоящий клинок — нес смерть, и сие вряд ли располагало к веселью...

Варвару повезло больше: только рука его, бросавшая меч, окаменела — налилась внезапной страшной тяжестью

и болью и потащила его к полу. С трудом удержавшись на ногах, он, по привычке не задерживая мысль на собственных ранах, двинулся к возвышению, на коем возлегал поверженный Тарафинелло — свой верный меч он не хотел оставлять в груди ублюдка.

— Ы-ы! Ы-ы-о-о! — с протестующим воплем Майло побежал за ним.

Но едва Конан — а в следующий же миг и оборотень — ступил на мраморную ступень, как она треснула и разломилась надвое (видно, прагилл был не большой мастер на выдумки), открыв под собою черную смрадную яму, куда они и рухнули. На сей раз никакого коридора не было — была каменная коробка, пропускавшая воздух через крошечное, не больше птичьей головки, отверстие в стене. Оно же давало узникам и свет. Еды и воды не было вовсе — да и кто мог позаботиться об этом... Разве что Адвента, если, конечно, она знала обо всех каверзах Тарафинелло.

Зато по свету можно было определить время, поскольку он был либо лунный, либо солнечный, и Конан каменной рукой своей делал пометки на полу, хотя и сам не смог бы объяснить, зачем: вряд ли они теперь смогут выбраться отсюда. Майло, по словам ублюдка, осталось не больше трех дней, а киммериец и вовсе терял силы с каждым вздохом. Казалось, камень, что висел на его плече вместо руки, высасывал из него кровь по капле, потому что он становился все тяжелее, а Конан все слабее.

Минул день, наступила ночь. Варвар, изредка забываясь тяжелым сном, все остальное время посвящал планам спасения из каменного плена. Он перебрал в уме десятки способов, но ни один из них не был реальным. На исходе ночи он сказал Майло:

— Я понял, почему ты убил медведя. Один приятель в Шадизаре говорил мне, что оборотень может снова стать человеком, если выпьет звериной крови...

— Ы-ы-ы-ы... — подтвердил тот.

— Только младенец поверит в такую чушь, Майло...

— Ы-ы-о-о-о... Ы-ы... Ы-ы-ы...

— Клянусь Кромом, парень, я бы сам заколол хоть полдюжины медведей, если б ты тогда стал... Тихо! Слышишь?

Майло помотал башкой.

— Мыши здесь, что ли...

Конан приподнялся на локте, внимательно осмотрел пол и стены коробки: ровная гладкая поверхность камня не могла бы укрыть и муравья. Он снова лег, отмахиваясь от легкого прикосновения когтей товарища.

— Ы-ы-ы-о...

— Нет, я слышал, — упрямо сказал варвар. — Мне никогда ничего не кажется!

— Ы-ы-ы! Ы-ы-ы-о!

— Что ты увидишь в эту дыру кроме клочка неба? Проклятие... Вот уж не думал отправиться на Серые Равнины из клетки...

— Ы-о-о-о?

— Как бы я хотел? Да просто — в бою. И чтоб враг был сильный, а не ублюдок вроде Тарафинелло. Меч на меч, кулак на кулак, глаза в глаза. Старики в Киммерии толкуют, мол, только так нужно уходить из мира... Тогда Кром будет с твоей душой и там, на Серых Равнинах. А в общем, я готов и из клетки... Это я уже сам думал: какая разница, как ты уйдешь, если ты не будешь при этом ни скулить, ни просить пощады, а посмотришь смерти в ее черные глаза прямо и спокойно...

— Ы-ы-ы...

— И ты готов так? Я знаю.

Он хотел добавить еще, что рад иметь в товарищах его, Майло, но снова смолк, показывая оборотню ладонь, прижатую к губам.

На этот раз и Майло услышал тихий, почти не отличный от ночной тиши шорох, доносящийся сверху — будто кто-то шаркал там по полу туфлями. Но не успел он высказать свое предположение, как знакомый, хотя и сильно искаженный камнем голос прогрохотал:

— Отдай кольцо!

— Прах и пепел! — пораженно выдохнул варвар. — Тарафинелло!

— Отдай кольцо, говорю!

— А ты отдай мой меч! — рыкнул Конан вверх — ему казалось, что голос слышится оттуда. — Гарпинас! — добавил он издевательски.

Бессмертный прагилл помолчал, видимо, только теперь обнаружив, что смертоносный взгляд его не поразил человека, потом заорал во все горло:

— Твоя железка торчит у меня между ребер, гость! Выйдешь отсюда — возмешь ее сам! Но сначала пусть Майло отдаст кольцо!

— Ы-ы-ы! — протестующе затряс башкой оборотень. — Ы!

— Он отдаст! — перевел киммериец по-своему, намереваясь выйти любым путем, а потом забрать у Тарафинелло и Адвенту, и свой верный меч.

— Обманешь — станешь камнем! — предупредил ублюдок, и сразу после этих слов потолок начал медленно отъезжать в сторону, открывая яркий свет.

Конан дернул Майло за лапу, впервые прикоснувшись к нему со времени зала железных идолов, и сунул ему свою левую руку, быстро шепча:

— Сними с меня этот перстень и заставь его проглотить! И про свой медальон не забудь! Скорее!

Затем он метнулся в самый угол, укрываясь от взгляда прагилла и про себя предлагая благому Митре хоть раз свершить доброе дело и вразумить его товарища сделать все как надо.

Майло зажал его перстень в когтях, порылся в своем мешке и достал золотое кольцо Адвенты.

— Ты где? — поинтересовался Тарафинелло. Голос его уже звучал как прежде и по сравнению с только что издаваемыми воплями казался тихим. — Э! Где ты?

— Гр-р-р... — ответил оборотень, прыгая наверх.

* * *

Если медальон и его перстень не удавят прагилла, им с Майло все-таки придется отправиться на Серые Равнины... Эта мысль не пугала варвара, да и не могла испугать. В тайной надежде, что его сейчас видит Кром, он презри-

тельно сплюнул в квадрат света на полу — света, которого нет в царстве мертвых... Но что будет с Адвентой? Что будет с хоном Буллоу?

Конан представил себе полные тоски и скорби глаза старика, потерявшего в своей жизни все, а теперь еще и сына, и возблагодарил богов за то, что здесь, в плену прагилла, они с Майло скованы одной цепью — а это значит, что он выйдет отсюда только вместе с ним (или не выйдет вовсе), и хону Булле не в чем будет упрекнуть гостя.

Слушая возню наверху, варвар едва сдерживал себя, чтоб вслед за товарищем не выпрыгнуть в зал и... Нет, если Тарафинелло еще в силах, более Конан ничего не успеет — только выпрыгнуть... Он надеялся на Майло, на его силу и ловкость — то единственное, что может освободить их от туманов Серых Равнин...

Мысли в голове киммерийца начали путаться, как будто прагилл и его опутал колдовскими чарами: тягучая дрема вдруг сдавила виски, веки стали тяжелыми, будто у железного идола. Он встал, забыв о том, что Тарафинелло может увидеть его и обратить в камень, и сделал шаг в квадрат света, дабы посмотреть, что творится в зале над его головой.

Тишина, наступившая внезапно, насторожила. Дрема, отступая, унесла с собою его злость, раздражение, бывшие вялыми и для истинного варвара бессмысленными. Он снова стал собою: огромное тело его, сильное и гибкое, метнулось к стене тенью, слилось с ней, как и тень сливается с тьмой, а чуткий слух стал ловить малейшие колебания воздуха. Спустя всего миг он услышал чье-то дыхание там, наверху — тихое, хриплое, тяжелое... Это мог быть Майло, но мог быть и Тарафинелло.

Злость — уже не вялая, а настоящая, разгорячившая кровь в один вздох — взбурлила в груди. Он ухватился здоровой рукой за край стены и, не задерживаясь и на долю мгновения, резко подбросил тело вверх...

...Кто из них был мертв, а кто жив — с первого взгляда понять было нельзя. И Майло, и ублюдок прагилл, оба залитые кровью, лежали на мраморном полу в паре локтей друг от друга и не двигались. Конан с подозрением посмот-

рел на тощее тело Тарафинелло, действительно до сих пор пронзенное мечом, и подошел все-таки к Майло.

* * *

Морщинистая кожа на морде оборотня тряслась всеми складками; клыки, вымазанные в крови, уменьшались и уходили под губы; шерсть исчезала, обнажая чистую белую кожу тела; с треском выпрямлялись кости; колтун на голове распрямлялся, светлел, превращаясь в прежние длинные прямые волосы.

На глазах Конана оборотень снова становился человеком, но это не могло еще успокоить варвара: он отлично знал, что перед смертью оборотни всегда принимают свой первоначальный вид, и посему снова и снова всматривался в изменяющиеся черты товарища, вслушивался в хрип его дыхания (там, в каменной коробке, он слышал именно его дыхание), ладонью проверял на его шее тепло вены.

Вдруг Майло открыл глаза — зеленые и прозрачные, без обычного злобного огонька — и посмотрел на киммерийца.

— Ы-ы-о... — еле слышно прошептал он. — К-кы-н-нан...

— Кром! — Сердце варвара замерло на вздох, а потом снова забилося — быстро и горячо. — Повтори, что ты сказал!

— К-ко-она-н-н... — с усилием произнес Майло и попробовал улыбнуться.

Улыбка вышла жалкая, кривая, но Конан и такой не видал прежде на его устах. С надеждою поглядев на почти что человеческое уже лицо товарища, он полою куртки вытер кровь с его шеи и рук — кожа на них висела лохмотьями — и обернулся на Адвенту.

Девушка стояла у возвышения, кое служило здесь треном, и безучастно взидала на мертвого Тарафинелло, сейчас уже более похожего на зверя, чем на человека. Брата, похоже, она не узнала, потому что на него не обращала внимания вовсе.

— Хей, Адвента! — Низкий сильный голос Конана разнесся по залу и эхом улетел в дыру над наузом. — Ты двойник или настоящая?

Как всякий варвар, он говорил то, что в данный момент думал; Адвента же от его вопроса вздрогнула, подняла брови и с удивлением посмотрела на него.

— Двойник? — Серебристый голосок ее соединился с эхом Конанова рыка. — Что это — двойник?

Словно пробуждаясь от долгого и крепкого сна, девушка хлопала густыми длинными ресницами, и бледные щеки ее постепенно розовели. Вот она с ужасом отшатнулась от трупа прагилла, после смерти покрывшегося черной курчавой шерстью, вот перевела взор на брата, что менялся с каждым мигом, становясь все более человеком, самим собой...

— Майло! — звонко вскрикнула она вдруг, протягивая к нему тонкие руки.

Конан хмыкнул и отвернулся. Женщины всегда превращают простую встречу в балаган... Сейчас наверняка начнет рыдать, причитать, целовать новообращенного братца...

Подойдя к Тарафинелло, который перед смертью весьма предусмотрительно закрыл глаза толстыми веками, варвар выдернул меч из его звериной бугристой груди, выпустив наружу целый фонтанчик темно-фиолетовой его крови. При этом он обнаружил, что и с него спали чары прагилла — правая рука снова была из плоти и крови и снова держала рукоять меча уверенно и крепко. Что ж, иного Конан и не ждал. Наклонившись, он тщательно вытер клинок о балахон Тарафинелло.

— Ты знаешь, как выбраться отсюда? — хмуро спросил он Адвенту, не оборачиваясь.

— Да. Надо опуститься на дно науза — там есть кольцо...

Конан быстро сунул меч в ножны, подошел к Майло и легко поднял его. Глаза юноши были закрыты, но не так, как у мертвого прагилла — сын доброго хона всего лишь спал, измученный не только последними жуткими для него днями, но всей жизнью своей. Судя по умиротворенному выражению его красивого чистого лица, с коего совсем уже исчез налет зверя, душа его впервые, наверное, познала истинный покой, окунувшись в простое, поднялась к высоким небесам, где нет места ни Ужасу, ни мраку...

Осторожно опустив Майло на окаем науза, Конан отцепил от пояса ножны, положил их рядом с товарищем и прыгнул в воду.

Как и говорила Адвента, в мраморное дно действительно было вделано кольцо. Киммериец поостерегся дергать его сейчас, когда брат с сестрой еще в зале. Вынырнув, он дал знак девушке спуститься в науз, а сам стащил туда же Майло, предварительно зацепив ножны за его руку. Даже прохладная вода не разбудила его товарища: веки его не дрогнули, и лишь на бледно-розовых губах промелькнуло нечто вроде улыбки... Конан передал его в объятия Адвенты и снова нырнул ко дну.

* * *

Вода испарилась из науза за несколько мгновений, после чего воздух со всего зала начал стремительно втягиваться в дыру. Со свистом смерч подхватил и людей, втянул их в черную воронку свою, закрутил, понес по коридору смерти — в жизнь.

Этот полет показался варвару много короче первого, хотя на сей раз на руках у него был все еще спящий и совсем не легкий Майло, а за рукав цепко держалась испуганная, но мужественно молчавшая Адвента. Но теперь вязкая дрема, едва проникая в мозг, тут же улетучивалась снова, так что душа жила постоянно, каждый миг, то отдельно от тела, вспархивая куда-то ввысь (и немедленно возвращаясь обратно), то в содружестве с ним. Никогда еще Конан не испытывал подобного. Может быть, он сумел бы даже заплакать, если б вспомнил Мангельду из племени антархов или шемита Иаву Гембеа...

Ныне они бродили в тумане Серых Равнин, а он — он опять жил, и если суровый Кром не будет против — он проживет еще долго, ровно столько, сколько надо для того, чтобы... Нет, не добиться богатства, власти и славы, как он желал всегда, а постичь некий смысл... Он даже не мог определить, смысл чего хотелось ему постичь. Пожалуй, то было не на уровне его настоящих мыслей, а таилось где-то внутри его, может, у сердца, а может, в глубине самой души.

Закончится полет, и Конан забудет об томлениях этих, а пока он летел, наслаждаясь высоким восторгом и свободой, чувствуя себя легким, почти невесомым...

...И опять они свалились в воду. За миг до этого киммериец выронил из затекших рук Майло, и тот упал далеко от него, но рядом с сестрой. Кажется, он наконец проснулся, потому что глаза его ярко блеснули — хотя, возможно, сие лишь показалось Конану, ибо то солнечный луч мог попасть на мокрые длинные ресницы товарища.

Осмотревшись, киммериец увидел, что то, в чем плавали они сейчас, мало напоминало прозрачную чистую воду науза и, по правде говоря, было обыкновенным болотом: с темной зеленовато-коричневой жижой и отвратительным запахом гнили. И в этом-то дерьме сидели они по самую грудь, с каждым следующим вздохом опускаясь все глубже и глубже.

Конан по достоинству оценил очередную шутку Тарафинелло, пожелав ему сгнить в царстве Нергала и желательно под хвостом самого хозяина. Сразу за тем он попытался выкарабкаться из трясины, вцепившейся в его тело сладострастно, но уж очень крепко и мокро. Но только он рванулся из нее, как тут же увяз еще больше. Одна надежда была на то, что он, как и брат с сестрой, находился с края болота, и мог дотянуться до ветки дерева, росшего рядом.

Адвента, держась за плечо Майло, все оглядывалась на варвара, одними глазами прося о помощи. На их стороне деревьев не было совсем, и оба они медленно, но верно утопали.

В отчаянии Конан снова дернулся к берегу, вытянув руку насколько мог, и на этот раз ему удалось ухватить длинную и тонкую, зато гибкую ветку. Осторожно, стараясь не дышать, он начал выползать из болота. Вздох спустя он понял, что это невозможно — ветка отдиралась от ствола вместе с корой, и на ней он мог только продержаться некоторое время на поверхности.

Спасение, которое казалось совсем близко, тоже было обманом. Поняв это, Конан едва не задохнулся от горячей

волны ненависти к таким ублюдкам, как прагилл, — им мало уничтожить человека, они хотят еще сначала убить душу его...

Короткий вскрик в стороне Майло и Адвенты заставил его сердце болезненно сжаться. Он оглянулся и... И не поверил своим глазам.

На берегу, в ужасе заломив руки, стоял хон Булла и переводил взгляд с сына на дочь, потом опять на сына, опять на дочь... Обоих уже засосало до подбородков, так что несчастный отец мог сейчас помочь лишь одному из них — другого за эти долгие мгновения успело бы сожрать проклятое болото...

Конан понимал, что теперь повезло Адвенте (должно же и ей когда-то повезти). Конечно, хон Булла вытащит именно ее, как родную и любимую дочь... Он снова рванулся, не желая оставлять Майло трясине, и снова увяз еще глубже.

А старик в растерянности стоял на коленях перед болотом, теряя время, и все смотрел на сына, на дочь, на сына, на дочь... Оба молчали, оба не просили его ни о чем, а Майло и вовсе отвернулся, устремив взор в небо — голубое, высокое, чистое.

В ярости Конан плюнул в зеленую слизь, облепившую его тело, и, не желая более наблюдать эту картину, повернул голову к своему берегу. Вот и закончилась история оборотня — так, как и должна была, наверное, закончиться... Варвар тряхнул головой, прогоняя видение — чистое светлое лицо парня, первый раз за двадцать с лишком лет сумевшего сказать слово и улыбнуться...

Страшный вопль разорвал сплошную тишину, тревожimu только хрипом утопающих. Вздрыгнув, варвар оглянулся.

— Майло!!! — дико крикнул старик и протянул руку сыну.

* * *

— Она была двойником, — сказал Майло, отпивая туранского красного. — Я понял это, когда Тарафинелло надел ей

на палец кольцо — лицо ее исказилось... как мое всегда раньше... А он захрапел в злости и... И в этот-то момент я и прыгнул на него с твоим перстнем, Конан, и с моим медальоном... Вот и все. А ты, отец, как узнал, где мы?

Хон Булла, за время их отсутствия устроивший под своей грушей уютную беседку с глубокими креслами и круглым низким столом, тяжело вздохнул.

— По твоим несчастным наставникам, мальчик, — с грустью произнес он и подвинул бутылку Конану. — После вашего отъезда я велел вытащить их из подвала и поставить внизу, в общей комнате. Два дня назад все они рассыпались в прах... (о, Митра, какая же страшная гибель!) Я понял, что вредитель Тарафинелло уничтожен, и поспешил вам на помощь. Всю дорогу до моря Вилайет я — по очереди с Бобо, моим слугой — гнал лошадей без остановки, потому и успел.

— Представляю, как вы с Бобо суетились на берегу, торгуя лодку, — засмеялся Майло, наклоняясь и прижимая голову к плечу отца.

Конан, допивая вторую бутылку туранского, вольготно сидел в своем кресле и, разморенный сытной едой и жарким солнцем, жмурил глаза. Беседа отца и сына мало занимала его сейчас — история кончилась, а значит, и его интерес к ней испарился. Он разом припомнил все события, усмехнулся последнему: хон Булла, вытаскивая железного идола из моря, нечаянно уронил его, и тот с грохотом покатился по камням. А когда встревоженный хон подбежал к нему, то увидел, что нос у демона откололся, ибо все его железо проржавело насквозь...

По предложению Майло все Спящие были извлечены из моря и разбиты на мелкие куски. Может быть, теперь мореходы не будут обходить стороной Остров Железных Идолов? Хотя там остался еще Ужас...

— Мне жаль Адвенту, — пробормотал старик, опустив голову.

— То не Адвента, — терпеливо повторил Майло. — Я думаю, что моя сестра давно умерла... Помнишь, Конан, что говорил ублюдок? Она не пожелала полюбить его, а без

этого все его планы оказывались пустым вздором. Она стала не нужна ему...

— Бедная девочка.— Глаза старика наполнились слезами.— Ей дали счастливое имя, но обрекли на страшную жизнь... Я, я во всем виноват.

— Ты ни в чем не виноват.— Майло взял руку отца, поднес ее к губам.— Я очень люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, мальчик...

Конан тяжело вздохнул, отворачиваясь. Не лучше ли сейчас взять бутыл туранского и пойти к Ильяне? Красавица с утра крутится тут, словно случайно попадаясь на глаза варвару...

— Конан! — окликнул его старик с улыбкой.

— Ну?

— Ты спас нас. Только благодаря тебе...

— Клянусь Кромом, достопочтенный,— хмуро перебил его варвар,— твой парень и сам не промах. Тартинелло-то он удавил... Да и я без него стал бы куском камня...

Веки его слипались, рот открывался чаще для зевков, чем для слов. В очередной раз поймав зазывный взор девушки, он прихватил со стола бутыл и встал.

— Конан! — задержал его Майло, тоже поднимаясь.

— Ну?

— Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь...

Варвар задумчиво посмотрел вглубь сада, где рядом с белокурой головкой Ильяны появилась и закрутилась рыжая — дикой кошки Сигны — и решительно кивнул товарищу:

— Понадобится. И прямо сейчас..

ОБСИДИАНОВЫЙ НОЖ

Судя по обволакивающей лицо духоте, было уже поздно. Давно следовало бы проснуться, открыть глаза и рывком принять сидячее положение. Но странное покачивание, поскрипывание, слабые шорохи мешали окончательно вынырнуть, выпутаться из теплых тенет сна. В полудреме Конану казалось, что кто-то укачивает его в огромной люльке, монотонно поскрипывающей, принявшей тело в мягкие объятия. Не хватало только заунывной колыбельной песни. Впрочем, поскрипывания, шорохи, глухие ритмичные удары где-то внизу, под ним — вполне могли сойти за нее.

Наконец волевым толчком Конан заставил себя разогнать дрему и открыл глаза. Несмотря на духоту, явно указывающую на поздний утренний или даже дневной час, зрачки его окунулись в сумрак. Мгновение спустя он сообразил, что это сумрак помещения без единого окна или другого источника света. Несколько разгоняли мрак лишь тонкие солнечные нити над головой, по-видимому бывшие щелями в неплотно пригнанных друг к другу досках. Покачивание не исчезло. К поскрипываниям и шорохам присоединились резкие птичьи крики, напоминавшие горланье вопли голодных чаек. Больше всего это походило на открытое море. Да, именно море! Об этом же говорил и запах, такой знакомый запах: смесь дегтя, соли, рыбьей чешуи и нагретых кедровых досок.

Кром! С какой стати мог он проснуться в открытом море?.. Конан недоуменно дернул головой. Темя его мгновенно заняло от тупой боли, казалось, до этого дремавшей вместе с ним и только теперь проснувшейся. От

внезапно нахлынувшей слабости киммериец снова прикрыл веки.

Ничего-ничего, спокойно, сказал он себе. Надо просто вспомнить все по порядку. Выстроить в стройный ряд все события вчерашнего вечера и ночи. Когда он приведет в порядок сумбурные и отрывистые воспоминания, он поймет, что означает это непредвиденное морское путешествие в душном трюме и отчего у него раскалывается темя.

Итак, вчера вечером Конан с приятелями хорошо отвел душу в одном из кабаков Султанапура по случаю удачного нападения на купеческий караван, шедший с юга, кажется, из самой Вендии. Помнится, выпил он раза в полтора больше, чем обычно, так как настроение было мерзейшее... И кто же его испортил? Ну конечно, Карела Рыжий Ястреб! Предводительница шайки заморянских разбойников, зеленоглазая ведьма, Нергал ее поberi!..

Эта девчонка, которой только-только исполнилось восемнадцать лет, была поистине демоницей, а не дочерью человеческой. Во всяком случае, она проявляла себя такой в отношениях с киммерийцем. Среднего роста, с тонкой талией, крохотными, почти детскими ладонями и ступнями, с округлыми, как у ребенка, щеками, она руководила бандой из тридцати головорезов, прожженных степных волков, не боявшихся ни властей, ни богов, ни самого Нергала. Стоило ей лишь повести глазами, ярко-зелеными, раскосыми, разбегающимися к вискам, с золотой искрой веселой удали, то и дело вспыхивающей в них, как грубые и могучие мужчины бросались выполнять ее приказ, стараясь угадать его прежде, чем она раскроет свои нежные губки и произнесет его вслух. Ее густая рыжая грива, вольно плещущаяся за плечами, когда она неслась впереди своего маленького отряда наперерез медлительному каравану, действовала сильнее, чем призывный рев боевой трубы, чем огонь священных факелов, с которыми бросаются в бой дикие гирканские племена...

К своим восемнадцати годам Конан имел уже немалый опыт в любовных делах. Но ни одна из женщин, встреченных прежде, не вызывала в нем такой бури, такого напря-

жения самых противоречивых чувств. Эта неистовая воительница, полная хрупкой и вызывающей женской прелестью, восхищала, волновала, влекла... и в то же время — доводила до бешенства своим неукротимым и горделивым нравом.

Она обжигала, как молния. Она выскальзывала из рук, как огромная сильная рыба. Конан не мог не чувствовать, что его холодные синие глаза, спокойная отвага, жизненная сила и мощь волнуют сердце Карелы (как, впрочем, и множества других женщин). Порой ему казалось, что, поддавшись страсти к нему, рыжая воительница вот-вот станет ручной, податливой, нежной... Но каждый раз при попытке подчинить ее варвара ждало жестокое разочарование. Похоже, что собственная свобода, великолепное гордое своеволие были ей дороже всех мужчин на свете.

Вот и вчера вечером... Ведь все так хорошо начиналось!

Ни сама Карела, ни большая часть ее шайки не участвовали в нападении на вендийский караван. Эта веселая и быстрая операция была инициативой киммерийца, подбившего присоединиться к себе пятерых самых отчаянных приятелей. Поэтому и добычей вольны были распоряжаться лишь они вшестером. Едва разобравшись с товаром и продав большую его часть по хорошей цене знакомому перекупщику, Конан тут же устремился в лагерь степных братьев, обосновавшихся в пяти лигах от Султанапура в ложбине, хорошо укрытой со всех сторон грядами холмов. Он ехал в самом мирном и добром расположении духа. Он вез увесистый мешок с золотыми — в общую казну шайки, а также подарки лично для Карелы, которые долго и придирчиво выбирал перед этим из яркой и роскошной груды награбленного.

Достаточно уже изучив нрав Рыжего Ястреба, Конан знал, что не следует дарить ей то, от чего приходят в буйный восторг обыкновенные женщины: изысканные, полувоздушные ткани, благовония, золотые и бронзовые безделушки. Конечно, при взгляде на все это в зеленых глазах зажжется огонек восхищения и вожделения — что взять с женщины, даже самой отважной и буйной! — но Карела

сумеет погасить блеск глаз и презрительно отпихнуть носом сапога всю эту благовонную роскошь.

Нет, дарить ей следует только то, что пригодилось бы и женщине, и воину. Не праздные безделушки, но прочную и удобную вещь. С учетом этого после долгих раздумий Конан выбрал плащ нежно-зеленого цвета и перевязь, украшенную изумрудами. Плащ был из той тонкой и плотной ткани, издававшей под пальцами мелодичный скрип, которую выделывают лишь в Вендии и Кхитае, по слухам, разматывая пушистые коконы каких-то гусениц. Изнутри плащ был подбит легким белоснежным мехом и при всей своей утонченной красоте мог служить отличной подстилкой или одеялом, что было не лишним при частых ночевках на голой земле, у вольных костров в степи. Перевязь с изумрудами также могла служить полезному делу, а не быть пустым украшением: ей очень удобно было бы скреплять буйную копну огненных волос, не давая непослушным прядям застилать глаза при бешеной скачке.

Поначалу все шло прекрасно. Карела, с загоревшимися глазами (отчего ее юное лицо стало совсем девчоночьим) набросила на плечи плащ, закрепила на лбу перевязь и прошла, подбочаясь и взмахивая волосами, под открыто восхищенный ропот своих ребят. Блеск изумрудов перекликался с искрящейся зеленью глаз, переливчатый шелк играл, подобно застывшим морским струям, оттеняя яркие рыжие пряди...

— Клянусь Митрой, ты прекрасна, как сама Иштар! — выпалил одноглазый бородач Ордо, верный помощник Карелы и правая ее рука во всех делах.

— Да нет, она заткнет за пояс твою Иштар! — возразил юный офирец Елгу, недавно принятый в шайку и пожиравший свою предводительницу откровенно обожающими глазами. — Никакая Иштар не сравнится с нашей Карелой!..

Конан также решил внести свою простодушную дань восхищения. Но уж лучше бы он промолчал! Тогда, возможно, бурный нрав Карелы не нашел бы повода, чтобы взорваться...

— Ты прекрасна, как дочь ледяного великана Имира! — ляпнул он.

— Это еще кто такая? — удивленно вскинула брови Карела.

— Она живет во льдах Ванахейма, — объяснил киммериец. — Видеть ее мне не доводилось, а из тех, кто ее видел, мало кто остался в живых. Но по слухам — красotka что надо!

— Во льдах Ванахейма? — переспросила воительница. — Значит, это толстая и неуклюжая, как корова, веснушчатая ванирка с белесыми ресницами! К тому же, холодная, как ледышка. Хорошего же ты мнения обо мне, Конан! Сравнить меня с варваркой с Севера!..

Тут Конану опять следовало бы благоразумно промолчать, но он, задетый за живое презрительным тоном, с каким были упомянуты варвары с Севера, запальчиво возразил:

— А почему бы и не сравнить тебя с дочерью Севера?! Не знаю, как в Ванахейме или Асгарде, я там не бывал, но среди киммерийских женщин есть подлинные красавицы, в груди которых бьется сердце снежного барса! Такой была моя мать. Мечом она владела не хуже тебя, Рыжий Ястреб, и красотой вполне могла бы поспорить. И она никогда не кичилась ни тем, ни другим. Ни разу в жизни!

Повисло нехорошее молчание. Румянец отхлынул от щек Карелы, а яркие глаза сузились. Медленно-медленно она расстегнула застежку плаща и стянула со лба перевязь. С тонкой, кривой усмешкой на побледневших губах она протянула киммерийцу его подарки.

— Подари это ледышке с Севера, Конан, — презрительно произнесла она. — Подари той, кто владеет мечом лучше меня. Боюсь только, ты потратишь всю свою жизнь на ее поиски.

Все в той же нехорошей, напрягшейся тишине Конан взял из ее рук плащ и перевязь. Внезапным рывком он подбросил легкую ткань и двумя крестообразными взмахами разрубил дивное творение вендийских ткачей, превратив в бесформенные лоскутья. Ключья белой шерсти закружи-

лись, опадая в воздухе. Изумрудную перевязь он просто швырнул в огонь и, не говоря ни слова, двинулся прочь от костра с растерянными застывшими разбойниками. Пару мгновений спустя он уже погонял своего коня в направлении Султанапура.

Вскоре его нагнал одноглазый Ордо, всегда симпатизировавший буйному киммерийцу и втайне по-доброму завидовавший ему, и поскакал рядом.

— Не обращай внимания, Конан! — воскликнул бородач, настигая коня, чтобы не отстать от угрюмо молчавшего киммерийца.

— Знаешь, как говорят на моей родине, в Офире? — спустя какое-то время снова завел он разговор под drobный перестук копыт. — Задел серп за валун! Встретились две сильные фигуры, и ни один не хочет уступать другому, хоть ты умри!

Конан придержал коня и перевел с галопа на рысь.

— Ну уж, умирать я не собираюсь! — буркнул он. — Бешеная баба! Пусть ее укрощает кто-нибудь другой. С меня хватит!..

— Еще какая бешеная! — согласился Ордо с мечтательным выражением в единственном черном глазу. — Но зачем же ее укрощать?.. Есть кобылицы, которые лучше отбросят копыта, чем дадут объездить себя и надеть на хребет седло.

— Да не собираюсь я ее укрощать, клянусь Кромом! — в сердцах выкрикнул киммериец и снова прищипил коня. — Пусть носится по степи свободной кобылицей и дразнит жеребцов! Это она хочет зачем-то набросить аркан на мою шею и присоединить к табуну, послушно бегающему за ее хвостом. Не выйдет!!!

* * *

Как ни стремился старина Ордо ободрить его и разве-селить в одном из кабачков Султанапура, куда они ввалились, привязав у входа взмыленных коней, настроение киммерийца еще долго находилось ниже предельного уровня. И только обильные возлияния в кругу добрых приятелей

(помимо Ордо попозже подъехали еще двое-трое ребят из команды Карелы) вернули ему прежнее невозмутимо-веселое состояние духа. Помнится, засиделись они допоздна, и хозяину кабачка пришлось выпроваживать их с заискивающими интонациями и подобострастными поклонами и кивками. Последнее, что помнил Конан, это пиратскую песню, которую орал он во всю мочь юных легких, бредя по узким и извилистым, словно овечьи кишки, улочкам портового города... Ноги не слишком хорошо ему повиновались, оттого он крепко обнимал за плечи приятелей, также самозабвенно орущих разудалые слова... Кром! Кого же он обнимал и с кем орал?.. Один из них вроде бы был Елгу, а вот второй...

Как ни напрягал Конан память, все дальнейшее напрочь вылетело из его головы. Только темя затрещало сильнее. Красная физиономия Елгу с распахнутым ртом, в котором не хватало доброй половины зубов, качающаяся у правого его плеча, — последняя картинка вчерашней ночи, которую назойливо подсовывала ему выбившаяся из сил память. Ни корабля, ни порта, ни причин срочного плавания в тесном трюме отыскать она уже не могла.

Конан помотал из стороны в сторону гудящей головой, потянулся и сел. Кажется, не считая боли под черепной крышкой, с ним все в порядке. Руки-ноги целы, ребра не ноют, ни одна царапина не украшает кожу... Пора наконец разобратся, в какой переплет он попал!

Поднявшись на ноги — ему пришлось согнуться, так как потолок был очень низкий, — Конан внимательно оглядел крохотное темное помещение. Несомненно, это был трюм, и трюм на редкость маленькой посуды. Что-то вроде баркаса, с которых султанапурские рыбаки забрасывают свои сети, не отдаляясь слишком далеко от берега. На полу валялся набитый соломой тюфяк внушительных размеров. Рядом — кувшин с пресной водой и половина кукурузной лепешки. Несколько пустых деревянных ящичков, воняющая рыбой мешковина, крупные комья рассыпающейся под пальцами соли... И больше ничего. На всякий случай Конан приподнял тюфяк и пощупал под ним. Кром! Самое нехо-

рошее во всей этой истории было то, что с ним не было меча, с которым киммериец не расставался никогда, ни днем, ни ночью, ни в трезвом, ни в пьяном виде. Кроме кожаных штанов и куртки, на нем не было вообще ничего. Раз нет оружия, значит, он пленник! Пришла пора выяснить: чей?..

Конан загрохотал кулаками в низкий потолок трюма, одновременно являвшийся досками палубы, и заорал:

— Эй! Кто-нибудь!.. Выпустите меня, пока я не разнес всю эту гнилую посудину по досочкам! Клянусь Нергалом!..

Тут же над головой его раздались неторопливые шаги. Что-то заскрежетало, и открылся маленький квадратный люк наверху. Столб утреннего света вместе со свежим воздухом ворвался в затхлое помещение. Конан тут же высунул голову в отверстие и огляделся. Как он и ожидал — со всех сторон, куда ни кинь взгляд, плескались волны. Выцветший и залатанный во многих местах доскут паруса трепетал под ветром. Судя по положению солнца, маленький баркас держал курс на северо-восток.

— Проснулся, киммериец?.. — ласково спросил его присевший у распахнутого люка оборванец средних лет, в котором с некоторым облегчением (свой!) Конан признал Чеймо, одного из тех членов шайки Карелы, с кем он поселился вчера ночью. — Ну что ж, подыши, подыши свежим воздухом. Вот только кричать и грозиться не надо. Хорошо?..

Чеймо появился в команде Карелы совсем недавно. Кажется, он был родом из Хаурана и почтенным разбойничьим ремеслом занялся совсем недавно, большую часть жизни торгуя кожей и разорившись на этом поприще, а затем плавая с контрабандистами. Конан мало имел с ним дела, почти сразу почувствовав инстинктивную неприязнь к смуглому, вечно блестящему от пота хауранцу с уклончивым взглядом черных раскосых глаз и приплюснутым носом.

У него была на редкость неприятная манера говорить очень тихо, почти шепотом, словно у него постоянно болело горло. Свистящее шипение и уклончивые глаза не могли

не наводить на мысли, что в тщедушной той груди теплится какое-то подспудное коварство.

Конан открыл было рот, чтобы как следует ответить Чеймо, но тут позади него раздались шаги и появилась вторая знакомая фигура. Елгу! Щербатый рот его распахнулся в улыбку, словно он не виделся с Конаном много дней и безумно рад встрече.

— Наш киммерийский жеребец наконец-то проснулся! — заорал он, останавливаясь в шаге от люка и широко, поморяцки, расставив ноги. — Ну и горазд он спать! Наверное, видел во сне рыжую Карелу!..

— И не только видел, — поддакнул ему Конан, — но и кое чем занимался с ней! Но если ты не прекратишь скалиться и не выпустишь меня сейчас же из этого вонючего трюма, ты лишишься последнего зуба, клянусь!..

Елгу жизнерадостно расхохотался.

— Помолчи, — поморщился Чеймо, видимо бывший в этой парочке за лидера.

Конан внезапно вспомнил, что именно Чеймо был тем вторым, с которым он орал ночью пиратские песни, меряя заплетающимися ногами кривые улочки Султанапура. Именно его гнусная рожа с блестящими скулами и приплюснутым носом маячила возле левого его плеча, поддерживая могучее тело варвара.

— Я сверну тебе шею, Чеймо! — пообещал ему Конан. — Я скормлю тебя рыбам, если ты тотчас не одумаешься и не прекратишь свои шутки!

— Это не шутки, — гнусно улыбнувшись, прошипел хауранец. — Мы разрешили тебе подышать воздухом, но если ты будешь распускать свой грязный язык и сыпать угрозами, ты снова очутишься в духоте и во тьме. На этот раз уже до самого приплыва.

Конан попробовал было протиснуть в отверстие плечо, но безуспешно. То, что он принял за люк, на самом деле было выпиленным в люке отверстием.

Оно было именно таким, чтобы голова свободно проходила в него, а плечи и все остальное туловище беспомощно застревали. Конан ухватился пальцами за край отверстия

и попробовал расшатать доски, но только занозил себе ладони и пальцы.

— Не трудись, киммериец,— равнодушно посоветовал Чеймо.— Лучше дыши воздухом.

— Иначе получишь доской по голове! — захохотал Елгу, притопнув ногой от избытка молодых сил и для наглядности похлопав по одному из деревянных ящиков, загромождавших палубу.

— Потише, потише с доской! — осадил напарника Чеймо.— Ты и так вчера хорошо приложил его по темени! Я даже испугался, что череп этого жеребца не выдержит, разлетится с треском, и вся наша затея провалится в утробу Нергала!..

Он протянул руку и коснулся макушки киммерийца. Его физиономия озабоченно сморщилась, словно он был доктором, осматривающим раненого пациента.

— Хвала Митре, раны нет, всего лишь хорошая шишка,— пробормотал хауранец и объяснил напарнику, готовому опять залиться глупейшим смехом: — Я же ясно сказал тебе вчера, дубина, или ты не расслышал?.. Он должен быть совершенно целехоньким, без единой царапины или синяка. Уж тем более у него не должно быть сломанных костей и свежих ран.

Если они найдут на его шкуре хоть единый изъяз, они не примут его, и все наши усилия полетят к Нергалу. Мы не получим и ломаного медяка. Поэтому держи подальше свои лапищи от досок, дубинок и всякого такого прочего. Как бы ни пытался тебя разъярить наш киммерийский жеребчик, ты должен быть вежлив и ласков с ним, словно с богатой невестой.

Перспектива разводить нежности с пленным варваром не пришлась Елгу по вкусу, и лицо его скривилось.

— Подумай о том, что мы получим за него, и тебе вновь станет весело,— посоветовал ему старший товарищ.

Елгу послушался, и самодовольная улыбка вновь раздвинула его губы. Правда, он тут же посерьезнел.

— А как же шишка на голове? — спросил он.— Они не будут к ней придираются?..

— Ее не видно под густой гривой. Не думаю, что они будут так уж тщательно его ощупывать,— успокоил его Чеймо.— Я видел, как они принимали чужеземного пленника год назад. Они раздели его догола и осматривали со всех сторон, но щупать не стали.

Во все время этого довольно-таки загадочного диалога Конан прилагал немалые усилия к тому, чтобы освободиться. Он напрягал шею и плечи, пытаясь прогнуть доски вокруг подбородка. Лицо варвара побагровело, жилы на шее вздулись, но мучительные усилия не приводили ни к чему. Лишь со лба побежали прозрачные струи пота.

— Не надорвись, варвар с Севера,— заботливо попросил его Чеймо.

Поняв, что мощь мускулов ничем не может ему помочь, Конан решил сменить тактику.

— Ну хорошо,— сказал он, сдув с верхней губы добежавшие до рта струйки пота.— Вы хотите продать меня в рабство дикарям на гирканском побережье. Хорошо. Но неужели вы думаете, что они отвалят вам много денег? За одного-единственного раба?.. Да вы заработаете в сто раз больше, если я возьму вас с собой в дело, подобное тому, что мы провернули с вендийским караваном позавчера!..

— Мы хотим продать тебя, киммериец,— кивнул Чеймо.— Ты верно догадался. Но, конечно же, не гирканским дикарям,— что нам могут дать жалкие дикари?.. И не в рабство.

— Не в рабство?..— растерялся Конан.— Но тогда кому и зачем?..

— Ты слышал когда-нибудь об острове Заремоо? — спросил хауранец.

Конан наморщил лоб, вспоминая.

— Да... что-то такое слышал. Кажется, это в северной части моря Вилайет. Помню, рассказывали о нем что-то забавное... или страшное? Но вот что именно — хоть убей!

— Возможно, это к лучшему, что ты не помнишь,— заметил Чеймо.— Тогда все, что с тобой произойдет в этом забавном или страшном месте, окажется сюрпризом. Могу заверить лишь в одном: будет не скучно.

Хаурапец поднялся на ноги и неспешно двинулся прочь.

— Нельзя надолго оставлять руль,— бросил он, обернувшись, напарнику.— В этих местах ветер то и дело меняет направление, и сбиться с курса проще простого. Если хочешь, можешь поболтать еще с ним, но только держи себя все время в руках и помни про синяки и царапины.

— Почему на моей шкуре не должно быть ни одной царапины? — спросил Конан у оставшегося в шаге от люка офира, не надеясь, впрочем, на вразумительный ответ.

— А Нергал его знает! — пожал плечами тот.— Я на этом самом Заремоо никогда не был. Это Чеймо там довелось побывать, вот его и расспрашивай! Знаю только, что этот ихний бог должен быть высоким, молодым и мясистым — вот как раз как ты! И без единой царапины. За такого они отвалят нам кучу золота. Такую кучу, какую в шайке Карелы я не заработаю и за пять лет. Понимаешь теперь, отчего мы с Чеймо подхватили тебя вчера под ручки, когда выходили из кабачка? Ты здорово надрался, как будто специально решил нам помочь. Было совсем несложно погладить тебя в темноте дубинкой!

— Сядь! — неожиданно велел ему киммериец.

— Чего-чего?!

— Я говорю: сядь! Мне неудобно разговаривать с тобой. Приходится высоко задира подбородок.

Елгу расхохотался с неприкрытым злорадством. Положительно, он пребывал в самом радужном состоянии духа, и чуть ли не все вокруг вызывало в нем приступы жеребьячьего смеха.

— Ну и задирай его, киммериец! Надеюсь, твоя драгоценная голова от этого не отвалится! Не все же тебе смотреть на всех сверху вниз!..

Конан сверкнул глазами в ярости, но это развеселило смешливого юнца еще больше.

— Тут ты не перед рыжей Карелой, киммерийская дубина! Можешь сколько угодно вращать глазами и скрипеть зубами, меня ты этим не проймешь! Хвала Митре, я не женщина! Сердечко мое не затрепещет при виде бычьих мускулов!..

Киммериец коротко, но крепко выругался и сплюнул. Смерив хохочущего туранца достаточно красноречивым взглядом (хоть и пущенным снизу вверх), он нырнул вниз, в полумрак трюма. Лишь только Конан бросился навзничь на свой тюфяк, отверстие наверху поспешно прихлопнули и задвинули чем-то тяжелым, скорее всего грузеным ящиком. Лишать пленника свежего воздуха и света не было явной необходимости, но, видимо, Елгу хотел показать еще раз, на другом примере, что здесь киммериец не перед Карелой и ничье сердечко не затрепещет...

Упомянув Рыжего Ястреба, офирец выдал себя. Конану сразу же стало ясно, что принять участие в этом подлом предприятии его подвигла ревность. Его неприкрытое обожание Карелы ни для кого не было секретом и давно уже стало в шайке предметом шуток, то грубоватых, то снисходительно-сочувственных. Продав соперника в рабство, он надеется расчистить себе этим путь к сердцу и к телу зеленоглазой воительницы. Безмозглый щенок! Да Карела не захочет даже плюнуть в его сторону....

По крайней мере с туранцем было все ясно. Но вот чем он досадил вкрадчивому и шепчущему пронице с приплюснутым носом?.. Насколько Конан мог заметить, прелести рыжей предводительницы нисколько не интересовали Чеймо. Кажется, ко всем женщинам на свете он проявлял интереса не больше, чем к дорожной пыли, по которой ступал. Понятно, что он рассчитывает заработать, продав молодого и сильного раба, но почему он выбрал для этой цели именно его, Конана?.. Гораздо естественней для него было бы выбрать жертву не из членов собственной шайки. Ведь если слухи о его подлом предательстве дойдут до ребят Карелы, вкрадчивый Чеймо не проживет и дня! Не полный же он идиот в самом деле! Нет, во всем этом была какая-то загадка...

Конан, как всякий трезвомыслящий человек, терпеть не мог ничего загадочного, запутанного и туманного. Неясно, почему именно его... Неясно, в каком качестве он должен вступить на берег таинственного острова Заремоо, и отчего на нем не должно быть ни одной царапины... Может быть,

если расцарапать себе самому щеки, поставить хороший синяк под глазом и вырвать клочок из густой шевелюры, он потеряет для Чеймо с его идиотом-напарником всяческий интерес, и они отпустят его?.. (Как бы не так! — тут же поправил самого себя киммериец. Отпустят-то они отпустят, но только в плещущие со всех сторон волны, на корм рыбкам...)

Если б ему удалось вспомнить что-нибудь более определенное об острове Заремоо, возможно, туман рассеялся бы и загадки разрешились. Что, Нергал его разорви, что он слышал когда-либо об этом клочке земли в северных водах моря Вилайет, к которому неудержимо гонит его плавающую тюрьму ветер?!

Кажется, остров этот населяют туранцы... Но они не родились там, а когда-то в незапамятные времена переселились с материка. Что заставило их сорваться с насиженных мест и обживать бесплодные камни?.. Кажется, они поклонялись какому-то особенному божеству. Не Митре, не Иштар, даже не Сету... Бесплодные камни оказались хранящими в глубине себя руды драгоценных металлов, и со временем маленькая община расцвела, а остров превратился в укрепленную крепость. Слишком хорошо укрепленную! Самые невероятные слухи были связаны с названием «Заремоо», но подтвердить их или опровергнуть было бы затруднительно: чужеземцев не пускали на остров, и все торговые дела велись на чужих территориях либо прямо в открытом море.

Как бы то ни было, скоро все загадки должны разрешиться. При таком хорошем попутном ветре баркас может достигнуть цели уже завтра. Любопытно будет взглянуть на этот таинственный остров... Но, конечно, он должен появиться там не жалким пленником! Кром!.. Во что бы то ни стало нужно что-то придумать... Придурковатый Елгу и хилый, словно земляной червь, Чеймо — неужели он не справится с ними двумя?..

* * *

В самый темный и глухой час ночи маленькое суденышко затряслось от громких ударов кулаками и ногами и

диких воплей: «Эй вы, олухи! Сюда! Скорее!!! Судно дало течь!..»

Конану не пришлось орать и надрываться слишком долго. Вскоре палуба закрипела от тяжелых встревоженных шагов, и выпиленное в люке отверстие распахнулось.

— Что ты орешь?! — Вопреки своей привычке Чеймо не шептал, а ревел, видимо, не на шутку встревожась.

— А то, что в днище пробоина! Ты что, не слышишь, как заливают?! Если вы не поторопитесь, еще до рассвета мы хорошо накормим местных акул!..

— Ничего я не слышу! Да и откуда взяться пробоине?.. Ты, что ли, прогрыз ее от злости?! — В голосе хауранца тревога мешалась с сомнением. — Ну, если это только твоя уловка, грязный варвар, будешь пенять на себя!..

— Буду, буду пенять! Но только не мешкай! — торопил его Конан. — Если не веришь, загляни сюда и убедишься! Я проснулся оттого, что отсырел мой тюфяк, а сейчас вода уже залила мне лодыжки!..

— Эй, Елгу! Живо неси сюда факел! Сейчас проверим, откуда там может течь... Сдается мне, что это течет брехня с языка киммерийца!..

Сжав в руке факел, услужливо зажженный очумелым со сна напарником, Чеймо нагнулся над отверстием, стараясь разглядеть, что творится на дне трюма. Но слабые блики не доставали до днища, расслышать же плеск воды — если он был — мешали вопли киммерийца.

— Нагнись ниже, олух! — орал Конан. — И соображай скорее! Вода дошла мне уже до колен!..

Чеймо вытянул шею, как только мог, начисто позабыв об осторожности. Он увидел совершенно сухие доски, припорошенные соломой, но возмутиться и выругаться уже не успел. Крепкие пальцы киммерийца сошлись у него под подбородком и рванули вниз. Хауранец хотел позвать на помощь напарника, но смог издать лишь хриплый клекот. Впрочем, глядя на судорожно дергающееся, пытающееся высвободить голову тело, Елгу мог догадаться обо всем случившемся. Если, конечно, он не был полным идиотом...

От страха Чеймо выронил факел. Конан дернулся было, чтобы поднять его, но передумал: для этого пришлось бы выпустить тощую шею врага. Пламя быстро перекинулось на тюфяк, набитый соломой...

— Ну и повезло же акулам! — захохотал киммериец. — Им достанется жареное мясо!..

Чеймо еще сильнее задергался. Глаза его выпучились и помутнели, с губ пошла пена.

— Быстро прикажи своему идиоту открыть люк! — велел ему Конан. Сообразив, что не только приказ, но и членораздельное слово в таком состоянии произнести невозможно, он ослабил пальцы на шее врага. — И поскорее! Иначе я откручу тебе голову и буду гасить огонь твоей кровью!..

* * *

К счастью, Елгу не слишком долго возился, отодвигая тяжелые ящики и освобождая крышку люка. Огонь удалось сбить, прежде чем он успел нанести существенные повреждения судну. Перепачканные с ног до головы сажей, усталые и взмокшие, трое разбойников из шайки рыжей Карелы лежали вповалку на палубе, отдыхая и глубоко дыша, чтобы проветрить легкие от въедливого дыма.

Конан как ни в чем не бывало растянулся поперек баркаса, положив руки под голову и прикрыв веки. Со стороны могло бы показаться, что он дремлет, но впечатление было обманчиво. Сквозь ресницы киммериец внимательно наблюдал за своими двумя спутниками. От него не укрылось, что сразу же, едва миновала опасность пожара, Чеймо нацепил на пояс свой меч, а Елгу словно невзначай поигрывал рукоятью длинного ножа. Варвар усмехнулся в душе. Неужели эти два грязных и слабых недоумка рассчитывают, что сумеют загнать его в трюм или каким-то иным образом с ним справиться?.. Да он побросает их за борт голыми руками, как котят!.. Конан только ждал повода, чтобы начать расправу над предателями, и втайне досадовал, что они медлят.

Однако киммериец недооценил хитрость своего противника. Послав Елгу к рулю, Чеймо присел возле распростер-

того тела Конана и зашептал в обычной своей, вкрадчиво-наглой манере:

— Ты победил, киммериец... Твоя выдумка с пробоиной была великолепна! Теперь ты можешь диктовать свои условия, но только прежде послушай меня. Судя по всему, остров Заремоо появится вскоре после рассвета. В любом случае нам необходимо будет высадиться на него, хотя бы ненадолго: во-первых, кончились запасы пресной воды, во-вторых, огонь изрядно испортил днище в трюме, и без ремонта судно и впрямь может дать течь. Выдумка твоя станет явью, и акулы наконец-то плотно пообедают!

— Пообедают, но только вами, — поправил его Конан. — Я не так уж плохо держусь на воде.

— Не сомневаюсь, что ты отлично плаваешь!.. — подобоострастно откликнулся хауранец. — Но в эти края очень редко забредают торговые и рыбацкие суда. Может пройти целая луна, прежде чем тебя кто-нибудь заметит... Ты лучше слушай, что я предлагаю! На остров Заремоо просто так заходить нельзя. Есть одна-единственная причина, по которой их правитель и Великий Жрец Архидалл разрешит ступить ноге чужеземца на их землю: если им привозят молодого и сильного пленника. За такого они отваливают столько золота, сколько этот пленник весит. Врать не стану, я собирался разбогатеть и вести спокойную и сытную жизнь до глубокой старости, продав тебя, Конан. О, я великий глупец! Будь трижды проклята моя убогая голова!..

— Да нет, ты не так уж глуп, — спокойно заметил киммериец. — Глупец попытался бы загнать меня мечами и ножами обратно, в обгорелый трюм. А ты же полагаешься лишь на свой гибкий язык и пытаешься затуманить мне мозги.

— Не затуманить, нет-нет! Дослушай меня, и тебе все станет ясно. Елгу молод и довольно силен. Мы продадим его Великому Жрецу вместо тебя! А полученное золото поделим. Мы поделим его не пополам, Конан, о нет! Я очень виноват перед тобой, поэтому ты возьмешь себе две трети, а я лишь одну треть. Поверь мне, это огромные

деньги! Тебе долго потом не придется заниматься разбоем!..

— А ты не подумал, что, когда ты будешь стоять за рулем, ко мне подойдет Елгу и предложит продать Великому Жрецу тебя? — с усмешкой спросил киммериец.

Чеймо захлебнулся смехом.

— Не предложит! Великий Жрец Архидалл оскорбится, увидев такого, как я, и это может плохо кончиться! Для них очень важно, чтобы пленник был молод и высок, с гладкой кожей и могучими мускулами. От такого, как я, они придут в ярость!..

Отвернувшись от дергающегося в спазмах веселья хауранца, Конан задумался. Пожалуй, не так уж умен и хитер этот проныра. Во всяком случае, в людях он явно ничего не смыслит, если решил, что ради груды золота — пусть даже и в две трети веса крепыша Елгу — киммериец откажется воздать должное подлецу и предателю. Что ж, пусть пребывает пока в блаженном неведении...

— Как я могу верить, что ты не пытаешься надуть меня, если я до сих пор безоружен? — спросил он с иронией. — Пока при мне нет моего меча, я по-прежнему ваш пленник.

— О, прости меня! Как я сразу не сообразил! — пылко воскликнул Чеймо. — Твоего меча, к сожалению, у меня нет. Мы оставили его в Султанапуре, но он в надежном месте, не беспокойся. Я сразу же верну твоё оружие, лишь только мы вернемся назад. Пока же, сделай милость, возьми мой!

Он отцепил от пояса ножны и протянул оружие Конану. Тот вытащил лезвие и придирчиво провел по нему пальцем.

— С моим мечом эта ржавая железка не идет ни в какое сравнение... Но так уж и быть! Что же касается великих жрецов и золота — я еще подумаю...

Елгу, стоявший за штурвалом, не мог слышать их разговора, но передачу меча заметил, отчего физиономия его вытянулась, а взгляд стал злобно-недоумевающим. Улучив удобный момент, Чеймо подошел к напарнику и бросил ему несколько фраз с нарочито небрежным выражением лица.

Киммериец заметил, как Елгу облегченно выдохнул и распахнул губы в улыбке.

«Ладно, ладно! — усмехнулся про себя Конан. — Веди свою двойную игру, змеиный выкормыш! Сдается мне, Великий Жрец Архидалл получит сразу двух пленных, даже если вид одного из них ему не слишком понравится!..»

Даже безоружный, Конан обрел уверенность в своих силах, лишь только вырвался из тесного трюма, а уж сжимая в ладони рукоять меча, он и вовсе готов был встретить неведомую, надвигающуюся из-за горизонта судьбу с самой непринужденной и беспечной улыбкой.

* * *

Как и рассчитывал хауранец, благодаря ровному попутному ветру судно достигло цели своего путешествия вскоре после рассвета.

Медленно надвигающийся таинственный остров Заре-моо издали напоминал одну высокую гору, взметнувшуюся из зеленых морских вод. Рельеф этот был очень странным, если учесть, что все острова моря Вилайет, как правило, были равнинными, либо их украшали голые скалы высотой не более пятидесяти локтей. Гора вздымалась на высоту не менее двухсот локтей, имела правильную форму усеченного конуса и была светло-песочного цвета. Довольно скоро стало ясно, что она имеет искусственное происхождение. Постепенно, по мере сокращения расстояния между баркасом и берегом, вырисовывалось грандиозное и величественное архитектурное сооружение, нагонявшее своими нечеловеческими размерами невольное благоговение.

Больше всего здание-гора напоминало ступенчатую пирамиду, но каждая ступень ее была очень длинной и широкой — не ступень, а целая платформа. О самую первую из них плескались волны, самая последняя убегала к облакам. Центральная часть сооружения напоминала дорогу шириной в двадцать-тридцать локтей, ведущую на плоско срезанную вершину. По левую и правую стороны от нее виднелись какие-то сооружения нормальных размеров — казавшиеся по контрасту совсем крохотными, — зеленели кроны деревьев

и кустов, блестели слюдяные окошки. По-видимому, все жилые дома островитян располагались на ступенях-платформах, и гигантская искусственная гора несла на себе и представляла собой целый город.

Самая нижняя и самая широкая ступень была свободна от домов и построек. Она представляла собой нечто вроде большой четырехугольной площади, непосредственно примыкающей к морю. К тому моменту, как рыбачий баркас причалил к ее мраморному краю, вся площадь была заполнена людьми. По-видимому, прибытие чужаков было большим событием, и на встречу с тремя разбойниками высыпало все население острова.

Двумя ровными шеренгами слева и справа от начала вертикальной дороги выстроились солдаты. Одеты они были так, как обычно одеваются все туранские воины, — в прочные кожаные доспехи, но было и существенное отличие: каждый из них имел при себе очень длинный щит из светлого блестящего металла. Верхним своим концом щит прикрывал нос и подбородок, нижним доставал до ступней. Судя по всему, металл был необыкновенно легким, так как солдаты держали щиты без видимых усилий. Блики солнца отражались в сотне блестящих поверхностей, придавая воинской шеренге праздничный вид.

За спинами солдат виднелись остальные жители: женщины, старики, ребятишки. Насколько мог разглядеть киммериец, по внешнему виду они почти не отличались от обыкновенных туранцев. Разве что все были одеты в причудливую и добротную одежду. Конан не заметил ни одного нищего, ни одного грязного оборванца. На многих женщинах блестели золотые украшения, а одежды их радовали глаз яркостью тканей.

Несмотря на многолюдность, было очень тихо. Даже маленькие дети не пищали и не шумели, чинно вцепившись в юбки своих матерей. Конан, Чеймо и Елгу пришвартовались и выпрыгнули на берег в полном молчании, нарушаемом лишь топотом их ног и звяканьем цепи на носу баркаса. Тишина эта показалась киммерийцу необычным знаком, и он открыл было рот, чтобы нарушить ее,

но Чеймо предостерегающе зашипел и поднял вверх палец.

Ровно посередине между правой и левой шеренгой солдат, спиной к убегающей вверх ступенчатой дороге, стоял высокий человек в ниспадающих одеждах светло-серебристого цвета. В его седых, серебрищихся, как и одежда, волосах блестел обруч, украшенный драгоценными камнями. Судя по цвету волос, ему было не меньше семидесяти лет, но бронзово-смуглая кожа на лице была упругой и почти без морщин. Небольшие, но ярко блестящие черные глаза смотрели с величавым спокойствием. Крупный нос с орлиной горбинкой, тонкие губы и узкие скулы выдавали высокое происхождение. В посадке красивой головы, осанке и взоре читалась очень давняя, возможно доставшаяся по наследству, привычка повелевать.

Чеймо сделал несколько торопливых шагов навстречу величавому старику и низко поклонился ему.

— Приветствую тебя, о Великий Жрец Архидалл! — воскликнул он громко и благоговейно.

Старик ответил на поклон легким движением подбородка.

— Приветствуем и тебя, чужеземец, привезший нам Юного и Вечного Бога!

Конан оглянулся на Елгу, изумленно распахнувшего рот за его спиной. Более придурковатое и жалкое божество трудно себе вообразить! Воистину, эти затворники-островитяне — странный народец...

— Но я вижу вместе с тобой не одного, а двух молодых мужчин, — продолжал Великий Жрец. — Что это значит?

— О, Великий Жрец Архидалл! — Чеймо поклонился еще раз, ниже прежнего. — Помня, что ты был не совсем мной доволен в последний мой приезд, я решил привезти тебе двух. Они оба молоды, сильны и хороши собой. Ты сам выберешь из них Юного и Вечного Бога. Оставшийся же тоже найдет применение. Он сможет работать на тебя, как раб. Он сможет быть принесен в жертву во имя Бога!..

Едва лишь в мозгу Конана сверкнул смысл этого подлого предательства (уже второго!), как рука его выхватила

меч, а ноги рванулись в направлении маячившей перед ним узкой спины хауранца. Кром! Он разрубил мошенника на сорок кусочков!!!

Но Чеймо ожидал этого. Даже не оборачиваясь, он мгновенно скользнул за высокую спину Жреца. На пути Конана тут же выросли живой блистающей стеной солдаты.

— Прочь!!! — заорал киммериец, вздымая меч. — Не мешайте мне расправиться с предателем!

Но солдаты сдвинулись еще плотнее и также обнажили мечи. Конан нанес мощный удар, и лезвие звякнуло о щит. Взметнулся сноп синих искр, и меч сломался, словно был не из стали, а из хрупкого стекла. Проклятие!.. Киммериец в растерянности повертел в руке бесполезный теперь обломок. Конечно, у Чеймо не могло быть добротного меча, но не до такой же степени?! Либо — лезвие ни при чем, и все дело в необычном, светло-блестящем металле, из которого выкованы щиты?..

Воспользовавшись заминкой врага, Чеймо быстро заговорил, обращаясь к Жрецу:

— Этот человек очень силен и очень опасен! Нельзя спускать с него глаз ни на миг. Прикажи своим воинам схватить его! И, умоляю тебя, выбери поскорее Бога, ибо я хочу как можно скорее вернуться назад, в Султанапур!

Жрец отдал негромкое приказание, и его солдаты, отеснив Конана в сторону, взяли его в плотное кольцо. Каждый из них по-прежнему от подбородка до ступней прикрывался щитом, а в руке сжимал обнаженный меч. Нечего было и думать прорваться сквозь этот живой заслон.

Оглянувшись, Конан увидел, что в точно таком же блестящем кольце солдат растерянно озирается Елгу, даже не попытавшийся вытащить из-за пояса свой жалкий нож.

— Ты говоришь: выбери, но разве может быть какой-нибудь выбор между этими двумя? — величественно и неторопливо заговорил Жрец, обращаясь к Чеймо. — Неужели ты сам не видишь разницы? Ты не можешь определить разницу между львом и шакалом? Между орлом и перепелкой?.. Зачем ты привез двух мужчин, если нужен всего один? Не нарушил ли ты свою клятву, чужеземец?

— Нет-нет! — испуганно замотал головой хауранец. — Я не нарушал клятвы! Я никому ничего не рассказывал об острове Заремоо! Я привез тебе двух, потому что... потому что тот, второй, он тоже неплохой воин, совсем неплохой! И он очень хорош собой, если его отмыть хорошенько!.. Он растерялся, увидев твоё войско, но прежде он не был таким трусливым. Он не был шакалом и не был перепелкой, таким он стал от грозного вида твоих воинов. Клянусь Митрой, я хотел как лучше, хотел, чтобы был выбор!..

— Как ты смеешь клясться Митрой? — спокойно, но грозно спросил Жрец. — Как ты смеешь здесь, в этом священном месте, где нисходит на землю Бог единственный, Бог истинный, — называть имя другого, самозванного божества?!

Чеймо затрясся и уменьшился ростом в полтора раза.

— О, прости меня, Великий Жрец! Не знаю, как у меня вырвалось... По привычке... Я хотел поклясться матерью...

Жрец коротко кивнул и отвернулся, словно потеряв к нему интерес. Он приблизился к солдатам, окружавшим Конана. Повинуясь его жесту, один из них, стоящий за спиной киммерийца, тремя точными и резкими взмахами меча разрезал одежду пленника. Остальные солдаты отступили на два шага, расширив свой круг и пропустив в него величественного Архидалла. Жрец медленно обошел кругом совершенно обнаженного, закусившего от унижения губу варвара. Взгляд его был цепок и внимателен.

— У меня не хватает одного зуба! — дерзко бросил ему киммериец, стараясь не выдать, как мучительно для его гордости подобное разглядывание. — Могу показать!

— В этом нет нужды, — бесстрастно ответил Жрец. — Мы вставим тебе зуб из золота.

— А еще у меня крупная шишка на голове! А в пятке правой ноги — заноза!..

Этот выпад Архидалл проигнорировал. По-видимому, оставшись довольным результатом осмотра, Жрец вышел из круга, и солдаты снова сдвинулись.

— Мы принимаем Юного и Вечного Бога, которого ты привез нам, — сказал он, обращаясь к Чеймо, сгоравшему от

нетерпения во все продолжение осмотра.— Сейчас ты получишь обещанную за него награду.

Архидалл прошел несколько шагов к левому краю площади, где находилось сооружение из двух крупных чугунных дисков, соединенных между собой металлическими сочленениями. Когда под нажимом солдат Конан встал на один из дисков (другой тут же поднялся вверх, на высоту двух локтей от земли), он сообразил, что это всего-навсего большие весы, подобные тем, что стоят на рынках, где продают зерно, соль и сахар.

Жрец отдал негромкое повеление, но уже не солдатам, а благоговейно тихой толпе. Одна за другой из нее стали выходить женщины. Они снимали с рук и лодыжек золотые браслеты, стягивали через голову ожерелья из блестящих монет, освобождали от колец пальцы — и все это опускалось на верхнюю чашу весов. Несколько стариков и старух, покопавшись во рту, бросали в общую кучу кто один, кто два зуба... Совсем маленькие девочки вынимали сережки из ушей. Наконец, из шеренги солдат по одному стали выходить мужчины в кожаных доспехах. Одни бросали кольцо, другие — серьгу, третьи — отцепляли пряжку, скреплявшую плащ под подбородком...

Киммериец стоял совершенно спокойно, расставив ноги и скрестив руки на могучей груди. Лишь судорога, то и дело пробегавшая по коже спины, могла показать, насколько унижительно для него стоять обнаженным на виду чужеземной равнодушной толпы и чувствовать себя жеребцом, выставленным на торги. И то, что цена этого жеребца была фантастической, несколько не уменьшало его горечи и его ярости...

Пустой чугунный диск дрогнул и пошел вниз, когда один из воинов бросил массивный перстень, с усилием содрав его со своего мизинца. Радостный вздох прошелестел по толпе.

— Забирай все это золото, чужеземец, и возвращайся назад,— произнес Великий Жрец, указывая дрожащему от радостного возбуждения Чеймо на сверкающую грудь.— Только перед этим повтори ту клятву, которую ты давал в

прошлый раз. Поклянись жизнью тела твоего и спокойствием души твоей, что никому не расскажешь о том, что был здесь. Поклянись, что никому не укажешь ты пути к нашему острову.

— Клянусь! — пылко воскликнул хауранец.— Клянусь жизнью своей души и спокойствием своего тела... то есть наоборот! Клянусь всем, чем хочешь, Великий Жрец! Ни одна душа не узнает! Будь я проклят!

Чеймо бросился к баркасу и тут же вернулся, прихватив два прочных мешка, куда стал торопливо складывать свои сокровища.

— Чтоб оно прожгло тебе руки, это золото! — громко пожелал ему Конан.— Чтоб ты подавился им! Чтоб твой трюм провалился под его тяжестью!

Хауранец даже не обернулся. Все помыслы его были устремлены на то, чтобы как можно скорее загрузить золотом баркас и покинуть остров. Один мешок он уже наполнил и принялся за второй.

От мысли, что враг его вот-вот окажется в открытом море, верхом на немыслимом богатстве, злорадно смеясь над преданными им двумя простаками, у Конана вырвался непроизвольный горестно-яростный рев. Эти звуки заставили Чеймо на миг отвлечься от золота.

— Не стоит так убиваться! — крикнул он, усмехнувшись.— Ведь ты теперь божество! Вечный и Юный Бог! Тебя осыплют и не такими дарами...

Конан чуть было не вцепился подлещу в глотку, но перед ним опять вовремя вырос блестящий живой заслон из солдат. Киммериец перевел дыхание и приказал себе успокоиться. Внезапная мысль осенила его.

— Великий Жрец! — обратился он, повернувшись к величественному старику.— Ты сказал, что в прошлый приезд сюда этот червь в обличье человека в чем-то клялся тебе?..

Архидалл молча кивнул головой.

— Кажется, он клялся, что не расскажет ни одной живой душе о вашем острове?.. — продолжал киммериец с затрепетавшим от надежды на сладостную месть сердцем.

Великий Жрец кивнул, не снисходя до слов.

— Так вот, он нарушил свою клятву! — Конан почувствовал внутреннее сопротивление, выкрикивая эти слова: он не привык расправляться с врагами таким образом, но что делать, если иной возможности у него не было. — Он рассказал о вашем острове и ваших обычаях своему напарнику. Вон ему! — Он кивнул в сторону Елгу, замершему в кольце солдат с самым растерянным и глупейшим выражением лица.

— Это правда? — повернулся Великий Жрец к хауранцу, чьи руки продолжали суетливо укладывать в мешок золотые безделушки, в то время как щеки приобрели сероватый оттенок, а на лбу выступила испарина.

— О, нет! Не верь ему, Великий Жрец! — не прекращая своего занятия, залепетал Чеймо. — Он готов соврать что угодно, лишь бы отомстить мне! Ведь он не знает, что вы оказываете ему величайшую честь и он должен был бы благодарить меня и возносить молитвы за мое здоровье!.. Я никому ничего не рассказывал. Мне пришлось немного схитрить, не спорю, но разве мог бы я без хитрости справиться с ними двумя?..

— Не верь ему, Великий Жрец! — снова подал голос Конан. — Он не собирался везти тебе двух пленников на выбор. Он уготовил эту роль одному мне. А этого придурковатого молодчика он взял себе в помощники, обещав поделить награду поровну. Именно он огрел меня по голове, когда мы возвращались ночью из кабака в Султанапуре! Я был изрядно пьян, иначе ему бы не поздоровилось!

— Он врёт, врёт, врёт! — Чеймо оторвался наконец от золота и выпрямился во весь рост.

— А потом он, видно, решил, что лучше ничего не делить, а все золото взять одному себе! — продолжал Конан, усмехаясь и сверкая жесткими синими глазами. — Как можешь ты, Великий Жрец, верить его клятве? Да он предаст родную мать и родного отца, он наплюет на всех богов в мире, вместе взятых, если ему почудится хотя бы слабый звон золота!..

Великий Жрец кивнул, показывая, что принял к сведению слова киммерийца. Властным движением ладони он

остановил возмущенные вопли Чеймо и, сделав несколько шагов, остановился перед Елгу, окруженным кольцом солдат.

— Это правда, что ты знал о нашем острове, знал, куда и зачем плывешь? — спросил он его. — Это правда, что ты был помощником, а не пленником и что тебе была обещана половина награды?

Голос Архидалла был спокоен и размерен, но Елгу пронзила дрожь. Он открыл было рот, но не сумел издать ни звука и только быстро-быстро закивал головой.

— Не верь ему, Великий Жрец! Он тоже тебя обманет! — снова запричитал Чеймо хриплым от подступающего ужаса голосом. — Они оба лгут тебе, чтобы отомстить мне! Они сговорились!..

— У них не было возможности сговориться, — заметил Жрец. Во взгляде, который он обратил на хауранца, читалась явная гадливость. — Тебе не было нужды привозить сюда двоих мужчин. Конечно же, один из них — твой напарник, которому ты все рассказал. Ты нарушил свою клятву. Если ты уедешь отсюда живым, ты расскажешь еще кому-нибудь, а потом еще и еще. Множество искателей легкой наживы ринутся сюда, к нашему священному острову. Этого допустить нельзя! Ты умрешь, лживый чужеземец с гнилым сердцем. Тебя постигнет та же участь, которую ты предлагал для своего напарника: вы оба будете принесены в жертву.

Чеймо грохнулся на колени и пополз к Жрецу, виляя узким задом.

— Пощади меня! Я нарушил клятву, но только для того, чтобы привезти тебе сильного и могучего Бога! Один я бы ни за что не справился с ним! Пощади меня! Я отплачу за твою милость! Не надо мне золота, только отпустите меня обратно!

Великий Жрец сделал короткий жест рукой, и хауранец оказался в кольце солдат, точно так же, как Конан и Елгу. Три ровные, блестящие живые окружности застыли на площади, тесно сдвинув щиты. Лица у воинов были бесстрастны и непроницаемы, как и у их повелителя.

— Ты заслужил свое золото, потому что привез нам хорошего Бога. Возьми же его, — сказал Архидалл. По его кивку двое солдат высыпали остатки золотых безделушек в мешок и подтащили оба мешка к Чеймо. — Ты насладишься им сполна. Им заполнят твою могилу.

Конан почувствовал к Жрецу невольное уважение. Засыпать золотом могилу труса и предателя только потому, что он формально его заслужил, — красивый жест! Мало кому под силу такое. Киммериец обвел глазами лица солдат и женщин, стараясь определить, не ропшут ли они, что их драгоценности, великодушно брошенные в общую кучу, будут погребены под землей. Но островитяне были спокойны и невозмутимы.

Чеймо глухо всклипывал, не вставая с четверенек. Солдаты подвели к нему Елгу, и из двух кругов образовали один. Незадачливый обожатель Рыжей Карелы, должно быть, не слишком отдавая себе отчет в самой ближайшей своей судьбе, протянув руку и распахнув рот, зачарованно ощупывал мешки с золотом...

* * *

В мраморной ванне, наполненной голубоватой водой, плавали лепестки камелий и лилий. Теплая ароматная вода нежила усталое тело. Не привыкший к такой утонченной роскоши киммериец чувствовал себя, как боевой конь, который вдруг очутился не в своей привычной конюшне, пропахшей навозом и сеном, но в покоях, устланных коврами и обрызганных благовониями.

Две юные девушки в легких светлых одеждах помогали ему мыться и подливали теплую воду. Девушки были хорошенькие и грациозные, но киммерийца смущало благоговейно-строгое выражение их лиц. Они полностью игнорировали его заигрывания, многозначительные взгляды и поощрительные улыбки. На его вопросы они отвечали односложно либо молчали. Они делали свое дело так сосредоточенно и серьезно, словно перед ними был не молодой и довольно-таки пригожий чужеземец, искренне к ним расположенный и лишенный одежд, но убежденный сединой старец.

Закончив процедуру омовения, девушки просушили его кожу мягкой тканью, а затем облачили в белую, ниспадающую до пят мягкими складками одежду. Она была похожа на ту, которую носил Великий Жрец. Только на груди, на уровне сердца, было выткано золотыми нитями изображение солнечного диска с расходящимися во все стороны лучами. Что-то в этом изображении показалось Конану не совсем обычным. Приглядевшись, он увидел, что каждый солнечный луч кончается небольшой ладонью. Пальцы этих ладоней, совсем крохотные, были вытканы с большим искусством. Казалось, они шевелятся, живут, то сжимаясь в кулаки, то расправляясь, маня, угрожая, указывая, помахивая...

Причесав густую гриву киммерийца, девушки умастили ее благовониями, невзирая на буйные его протесты.

— Что я вам, женщина! — возмущался Конан. — Вы, кажется, с кем-то спутали меня, красотки!.. Клянусь Кромом, если вы не прекратите, придется мне показать вам, с кем вы имеете дело!

Впрочем, подчиняться нежным легким пальцам было приятно, и Конан бушевал только для вида. Несомненно, все происходящее с ним было очень странно. Никогда прежде он не слышал, чтобы купленных в рабство умащали розовым маслом и одевали в расшитые золотом ткани. О, Кром! Возможно, все это и не к добру. А может быть?.. Может быть, его собираются сделать местным королем? Может быть, народ здесь вялый, изнеженный и безвольный, и править могут только сильные воины-чужеземцы?.. И короля своего, от избытка почтения и благоговения, называют они Юным и Вечным Богом... Опасения и тревоги — весьма небеспопеченные — перемешивались в его душе со сладостными надеждами, и странная, противоречивая эта смесь возбуждала и томила. Кром! Поскорее бы все выяснилось! Нет ничего хуже, чем плавать в мутных водах загадок и недоумения.

Благоухающего, чистого и сияющего белизной одежд киммерийца Великий Жрец Архидалл встретил почтительным поклоном головы.

— Приветствую тебя, Прекрасный Бог, Юный и Вечный Бог нашего народа! Не откажись теперь подкрепить свои силы пищей и вином! Если позволишь, я разделю с тобой твою трапезу.

Конан не мог не усмехнуться. Величавый старик смотрел теперь на него совсем по-другому: радостное благоговение светилось в глубоких темных глазах. Раб, с которого сорвали одежду на площади, унизив при огромном стечении людей, кого поставили на весы, словно скотину на рынке, превратился в могущественного повелителя! И все это из-за того, что его вымыли и приодели?.. Поскорее бы разделяться со всеми загадками этого проклятого острова!

— Я позволяю тебе разделить со мной трапезу, — величественно кивнул Конан, подавив усмешку. — Надеюсь, она будет достаточно обильна, чтобы насытить мой голод. Эти скоты кормили меня на судне лишь черствыми лепешками!

Киммериец подвергался омовению в просторном и низком мраморном здании, которое возвышалось над площадью на три ступени. Теперь, чтобы дойти до трапезной, они поднялись еще на восемь ступеней гигантской лестницы, уходящей к вершине пирамиды-горы. Воины с блестящими щитами сопровождали его и жреца на расстоянии двух шагов слева и справа.

— Сдается мне, я по-прежнему ваш пленник, а никакой не Бог, — заметил Конан, кивнув в их сторону. — Эти ребята теперь будут сопровождать каждый мой шаг?

— Таков наш обычай, — коротко ответил Жрец. — Юный и Вечный Бог не должен появляться нигде без охраны.

Яства и напитки, расставленные на огромном ковре глубокого малинового цвета, были вполне достойны того, чтобы их вкушало божество. Конан, неприхотливый и привыкший к самой грубой пище, весело перемалывал зубами нежную дичь, рыб, политых умопомрачительными соусами, засахаренные фрукты, не особенно вникая в то, что именно наполняет его рот. Вина он перепробовал все и остановился на самом крепком, опустошив целый кувшин. Великий Жрец, сидевший напротив, с тихой улыбкой наблюдал, как утоляет божество свой богатырский аппетит, пощипывая

длинными пальцами виноград и пригубливая ароматное вино.

Скрытые за парчовыми портьерами музыканты наполняли помещение умиротворенными, вкрадчивыми мелодиями, в такт которым три стройные девушки в полупрозрачных накидках и шароварах танцевали, извиваясь, как длинные водоросли на дне реки.

Насытившийся и хмельной киммериец откинулся спиной на бархатные подушки и, прикрыв отяжелевшие веки, расслабляясь, любовался девушками, прикидывая, с какой из них хотелось бы ему остаться наедине. Все они были достаточно хороши на его вкус, но, пожалуй, слишком серьезны. Совсем как те красотки, что поливали его ароматной водой и причесывали. Блаженное тепло разлилось по всему его телу, он чувствовал почти полное спокойствие, довольство и негу... Почти! Что-то все-таки мешало до конца раствориться в блаженстве. И это «что-то» были фигуры солдат с длинными щитами из светлого металла, дисциплинированно и неслышно замерших вдоль стены и у входных дверей.

— Скажи-ка, Великий Жрец, ты и вправду называл меня Богом вашего народа, или мне послышалось? — обратился он к Архидаллу, встряхнув головой и выходя из пассивной расслабленности.

— О, да! Тебе не послышалось, — откликнулся жрец. — Ты — Вечный и Юный Бог, вернувшийся к своему народу.

— В таком случае, ваш Бог повелевает: пусть эти молодцы с начищенными, как женские браслеты, щитами уберутся отсюда и найдут себе какое-нибудь другое занятие. Я понимаю, что они не имеют против меня ничего плохого и просто охраняют мою божественную особу. Но я уж как-нибудь сумею защитить себя сам! У меня устали глаза от бликов их металла.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой Жрец.

— Но почему?! — вскинулся Конан. — Разве Бог не может повелевать? Тогда в чем же его божественность, и чем он отличается от простого солдата или раба?..

— Бог может повелевать,— ответил Архидалл.— Бог может все. Приказывать, повелевать, насылать на землю грозы и бури, разрушать горы, наказывать нечестивых...

— Вот-вот! Ты же сам говоришь! Бури насылать мне пока что-то не хочется, и нечестивых я пока подожду наказывать, но вот охрана мне мозолит глаза! Пусть убираются прочь! Я приказываю.

Архидалл почтительно склонил голову, но в голосе его прибавилось твердости:

— Бог может повелевать, приказывать, сдвигать горы и потрясать землю, но только после того, как произойдет Великое Воссоединение. До этого он должен подчиняться правилам и ритуалам.

— И когда же произойдет это самое Воссоединение? — поинтересовался киммериец иронически.

— О, очень скоро. Всего через четыре дня. Спустя этот короткий срок, ты сможешь не только обходиться без охраны, но посылать дождь, гасить и зажигать звезды и поражать молниями вызвавших твой гнев.

Конан глубоко вздохнул и помотал головой. Кром!.. Туман загадок не желал рассеиваться, несмотря на все его усилия, но становился гуще. У него возникло сильное желание схватить блюдо с обглоданными костями куропатки и запустить Жрецу в его строго-почтительную физиономию, обрамленную благородными седидами. Конан едва подавил в себе этот порыв.

— Ну хорошо,— сказал он миролюбиво.— А что будет, если божество разгневается прямо сейчас? Молний у меня под рукой сейчас нет, но их вполне могут заменить эти пустые кувшины и грязные блюда. Что, если они обрушатся на твою голову, почтенный Архидалл?..

— В таком случае солдаты будут вынуждены схватить тебя и крепко держать,— с горделивой печалью ответил Жрец.— До самого Великого Воссоединения они будут окружать тебя вплотную и следить не только за каждым твоим шагом, но и за каждым движением пальца.

— А потом? Что будет потом?..— спросил киммериец.

— Потом будет то, чему предназначено быть. Произойдет великая мистерия Воссоединения, и Юный и Вечный Бог будет милостиво и справедливо править нами.

— Что ж, придется подождать Воссоединения,— вздохнул Конан.

Странные и многозначительные слова Жреца не успокоили его тревожных подозрений, но, наоборот, усилили. Но вряд ли можно вывести что-нибудь толком у этого закованного в броню родового и жреческого величия старика. Может быть, у него появится другой собеседник, с кем дело пойдет успешнее?..

— Не прогуляться ли нам? — спросил киммериец с беспечной интонацией.— Мне было бы любопытно как следует осмотреть ваш удивительный город.

— О, да! Мы обязательно осмотрим его,— откликнулся Жрец.— Но только прежде нам предстоит выполнить одну приятную процедуру.

Конан насторожился.

— Это еще какую?! Хватит с меня того, что меня облили вонючей дрянью и нарядили в белый балахон, словно рыночного шута! Никаких процедур я больше терпеть над собой не намерен!

Жрец улыбнулся.

— Я уверен, что эта церемония придется тебе по вкусу. Тем более, что она не займет много времени. Дело в том, что Богу, как и людям, сынам его, не полагается быть одному. Рядом с ним должна находиться Богиня. И не одна, но четыре богини, ибо четыре — священное число, опора и столп мироздания.

— Богиня?..— опешил киммериец.— Четыре богини?..

Он усиленно ворочал мозгами, прикидывая, что лучше: одна или четыре, и не лучше ли отказаться сразу от всех. Впрочем, вряд ли ему удастся хоть от чего-нибудь отказаться здесь! Хитрый и уклончивый Жрец опять забубнит, что он будет повелевать и швыряться молниями после Воссоединения. Пожалуй, четыре лучше, чем одна, ибо число это сулит некоторый выбор.

— Что ж, я согласен! — воскликнул Конан.— Конечно, если богини эти не стары и не уродливы. И если меня не

будут больше переодевать, мыть и обрызгивать благовониями.

— Разве богини могут быть уродливыми? — укоризненно спросил Жрец. — Они прекрасны! Они вполне достойны тебя, достойны своего божественного супруга. Переодеваться и мыться не надо. Процедура будет очень короткой. Красивейшие и достойнейшие дочери моего народа сгорают от нетерпения, ожидая тебя.

Он негромко хлопнул в ладоши, и тут же, раздвинув тяжелые портьеры, из соседних покоев вышли четыре девушки. Все они были одеты одинаково: в длинные, ниспадающие до пят балахоны из легкой ткани. В отличие от Конана, цвет их был не белый, но светло-голубой. На груди у каждой было тоже вышито золотое солнце с лучами-руками, но меньшего размера. Цвет камней и форма украшений были разными, видимо, чтобы богини хоть как-то отличались друг от друга.

Конан внимательно рассмотрел каждую. Все они были типичными дочерьми Турана — сухощавые, смуглые, с очень черными бровями и волосами цвета воронова крыла, с удлиненным разрезом темных глаз. Самой старшей было лет двадцать пять. В волосах ее прозрачными каплями солнечного заката горели розовые рубины. Высокая грудь вздымалась взволнованно, полные яркие губы подрагивали от робости и радостного нетерпения. Девушка рядом с ней казалась совсем ребенком, не больше пятнадцати лет. Тоненькая, как юное деревце, она переступала с ноги на ногу и часто-часто моргала. Мохнатые ресницы трепетали, как маленькие опахала.

Среди ее украшений преобладали бесечно-голубые аквамарины. Третья невеста, украсившая себя жемчугами, чем-то неуловимым напомнила Конану Рыжую Карелу. То ли улыбкой своей — насмешливой и немного дерзкой, то ли разрезом раскосых глаз с прыгающими в них озорными искрами.

Наконец, последняя отличалась несколько тяжеловесной, чрезмерно правильной, словно выверенной по линейке, красотой. Алмазы оттеняли совершенство этой красоты, но

не могли смягчить горделиво-угрюмого выражения лица с поджатыми губами и насупленными бровями.

— Ты был прав, Великий Жрец, все они хороши собой и достойны стать богинями! — заключил Конан, удовлетворившись разглядыванием. — Жаль только, что на них такие же нелепые одеяния, что и на мне. Не могли бы они переодеться во что-нибудь более веселое?

— К сожалению, нет, — ответил Архидалл. — Это священная одежда, и, став богинями, они не могут сменить ее ни на какую другую.

По знаку Жреца Конан поднялся с ковра и остановился напротив четырех девушек. Архидалл соединил его руку с ладонью крайней из них и с торжественным пафосом произнес:

— Юный и Вечный Бог берет в жены прекрасную Сульфиду и нарекает ее своей возлюбленной богиней.

То же самое он проделал с остальными тремя девушками, изменяя лишь имя новобрачной. Процедура и впрямь не отличалась особой сложностью и многословием. Конан мельком подумал, что даже в варварских странах, вроде его родной Киммерии, сочетающиеся браком уделяют этому больше времени и обставляют с большей торжественностью.

— О, вернувшийся Бог! Ты выразил желание осмотреть наш город? — обратился к нему Жрец, покончив с лаконичной церемонией. — Твои жены покажут тебе его. Мне же позволь оставить тебя до завтрашнего утра.

Конан милостивым кивком позволил ему это. Прогуляться по городу в компании четырех девушек, только что очень быстро, безо всяких проволочек, ставших его женами, показалось ему намного предпочтительней, чем слушать величаво-непонятные речи Великого Жреца.

Если б не эскорт солдат, сопровождавших его на расстоянии трех шагов неотлучно, куда бы он ни пошел, настроение киммерийца было бы совсем прекрасным. Девушки угадывали его желания с полуслова-полужеста, они не сводили с его лица восхищенно-преданных глаз и отвечали на все его вопросы почтительно и поспешно. Другое дело, что

порой их ответы еще больше нагоняли туман загадочности, вместо того чтобы его рассеять.

Чаще всех на вопросы отвечала Зейла, та самая девушка, бойкая и насмешливая, что напоминала Карелу. Хотя она была не самой красивой из всех — явно уступала угрюмой Сульфиде и юной Айше, — но Конана влекло к ней больше, чем к остальным, и несомненно, причиной этого было сходство с зеленоглазой предводительницей разбойников. Как-то само собой получилось, что гладковолосая ее головка с жемчужной диадемой очень тонкой работы оказалась возле правого его плеча, и Конан то и дело обнимал девушку и наклонялся к ней, чтобы лучше расслышать ее торопливые пояснения ко всему им увиденному. От внимательных глаз киммерийца не укрылось, что от этих нежностей горделивая Сульфида еще больше помрачнела и сдвинула брови, а пышногрудая Хайола то и дело вздыхала укладкой.

Как поведали Конану, гигантская пирамида-башня строилась несколько столетий, с тех самых пор, как небольшая группа поклоняющихся истинному Богу переселилась на остров с туранского побережья. И она продолжала строиться: год за годом все новые мраморные ступени, каждая следующая уже предыдущей, воздвигались одна над другой. И так будет до тех пор, пока ступень не окажется такой маленькой, что только один человек сможет стоять на ней. Когда это случится, откроются двери на небо, и все жители острова, без исключения, от грудных младенцев до стариков, поднимутся один за другим и переселятся в небесную страну, где никто никогда не болеет и не умирает, где не нужно будет ни работать, ни воевать, ни рожать детей.

Рабов на острове нет. Поэтому строят пирамиду свободные люди, мужчины, но это не слишком утомительно, потому что перемежается иными занятиями: воинской службой, добычей драгоценных металлов, которыми очень богат остров, продажей этих металлов в иных краях, возделыванием садов и огородов и прочими хозяйственными делами. Женщинам работать не полагается. Они воспитывают де-

тей и возносят молитвы Богу. Услышав последнее, Конан не мог не усмехнуться с недоверием:

— Почему же тогда Великий Жрец у вас — мужчина?

— У нас есть и Великая Жрица! — ответила Зейла и, оглянувшись по сторонам, понизила голос: — Но о ней нельзя говорить просто так! И видеть ее нельзя. Благодаря ей Бог никогда не гневается на нас и оберегает от всех врагов. Именно Великая Жрица — конечно, не та, которая у нас сейчас, а ее прапрапрабабушка — когда-то очень давно заставила наш народ погрузиться на корабли и приплыть на этот остров. Она сама указывала путь кораблям. Этот остров — настоящий подарок Бога своему народу: на нем благодатная почва, в которой растет все, что ни посадишь, а в глубине его — стоит только немного потрудиться — металлы, из которых можно выплавить все что угодно, и драгоценные камни, и много чего еще!

— И не скучно этой вашей Жрице все время сидеть взаперти в башне? — спросил Конан. — Любопытно было бы на нее поглядеть!

— Но ты увидишь ее! — воскликнула Зейла, отчего-то шепотом. — И мы, четверо, тоже ее увидим. Ведь без ее участия не может происходить Великое Воссоединение.

— А ну-ка, придержи язык! — резко одернула ее Сульфида. — Ты, кажется, забыла, о чем ты вправе болтать, а о чем нет.

— О чем же это жена не вправе болтать со своим мужем? — с живым интересом оглянулся на нее Конан. — Какие такие тайны могут быть у богинь от своего Бога?

Сульфиде не ответила, еще суровее сдвинув брови, а порозовевшая Зейла ответила выразительным взглядом и вздохнула.

— Сдается мне, вы не слишком-то походите на богинь, — заметил киммериец, приобняв ее крепче и ласково потрепав по плечу. — Слишком осторожные, слишком напуганные. Разве могут богини бояться какую-то Жрицу? Это дело жрецов — трепетать и падать ниц перед богами!

Но от таких его слов Зейла смутилась еще больше и опустила голову, а суровая Сульфида закаменела лицом и

сжала губы. Остальные две девушки тоже всем видом своим выказывали смущение и опаску.

Как ни пытался Конан вывести у них что-нибудь относительно загадочной Жрицы и не менее интригующего обряда Великого Воссоединения, девушки словно воды в рот набрали. Они говорили весьма много и охотно, но о том, что совершенно не занимало киммерийца: где и что произрастает на острове, сколько лет самым древним его старикам, чему обучают они своих детей и сколько раз за всю его историю случались здесь наводнения и землетрясения.

Конан выразил желание взглянуть на таскающих мраморные плиты мужчин, и его обвели вокруг пирамиды, так как строительство велось с задней ее части, не нарушая монументальную красоту фасада. Рабочие показались ему не особенно изнуренными или удрученными своим трудом, тем более что хитроумные блоки и подъемные механизмы сводили их физические усилия к минимуму. Точно такими же, не особенно напрягающимися и усталыми, показались ему те, кто возился на огородах, подновлял стены домов, готовил пищу на глиняных очагах под открытым небом. Ни одной работающей женщины он не заметил: видно, девушки не соврали, женщины здесь предназначались для другого. Не раз ему попадались на глаза застывшие в разных позах фигуры с отрешенными лицами и возведенными к небу глазами, с распущенными волосами, длиной до колен или пят. По-видимому, потребность вознести молитву могла настигнуть женщину где угодно, и та без колебаний тотчас же отдавалась главному своему предназначению...

В целом прогулка получилась бы весьма неплохой, если бы ее не портили существенно два обстоятельства: ни на шаг не отходящая от них шеренга из дюжины солдат, чьи щиты сверкали не слабее полуденного солнца в небе, и упорное нежелание девушек говорить на самые интересные темы. Впрочем, относительно последнего Конан успокаивал себя тем, что девушки, очевидно, боятся друг друга (особенно властную и настороженную Сульфиду), и стоит ему остаться наедине с милой и бойкой на язычок Зейлой, как он сумеет добиться ответов на все волнующие его вопросы.

Вечерняя трапеза была еще более изысканной и обильной, чем дневная. На этот раз Конан пировал в компании не благообразного старика жреца, но в обществе своих хорошеньких жен, чем он был весьма доволен. Невидимые музыканты играли что-то очень томное и сладкое. Правда, танцовщиц в полупрозрачных шароварах не было, но Конану их вполне заменили новообретенные подруги, порозовевшие от вина, черноглазые и смешливые. Каждая из них была хороша по-своему, и даже суровая Сульфида, опустошив половину кувшина, сбросила свой жесткий панцирь и позволяла себе залиvisto хохотать над грубоватыми шутками варвара.

Когда все было выпито и съедено, а уставшие музыканты перестали терзать свои струны и дудки, повисло многозначительное молчание. Четыре пары блестящих взволнованных глаз устремились на киммерийца, и в каждой было недвусмысленное ожидание. Конан не стал их томить, выдерживая долгую паузу.

— Спасибо за компанию, девочки, и спокойной вам ночи! — громко объявил он. — Надеюсь увидеть вас всех завтра утром! А ты, Зейла, останься! Хотелось бы кое о чем с тобой побеседовать...

Шесть глаз тут же погасли. Сульфида вновь посуровела. Юная Айша закусил губы и отвернулась, чтобы не показать своих слез. Зейла порозовела и опустила ресницы. Она изо всех сил старалась натянуть на свое личико маску благообразия, но торжествующая улыбка так и дергала, так и щекотала уголки ее губ.

* * *

Несмотря на насмешливые искры в глазах, озорные ужимки и бойкий язычок, Зейла оказалась девушкой, что свидетельствовало о том, что к женитьбе своего Юного и Вечного Божества здесь относятся вполне серьезно. Невинность этого милого и соблазнительного создания тронула киммерийца. Он почувствовал прилив нежности к маленькой незнакомой девушке из совсем чуждого и непонятного ему мира, прикорнувшей растрепанной головой на его пле-

че, как птица на скальном выступе. Он не мог видеть ее в темноте, голос же ее совсем не напоминал Карелу, но даже то, что сходство с зеленоглазой воительницей рассеялось, не уменьшало нежности и поселившейся в груди теплоты.

Отдохнувшие музыканты снова заиграли что-то — на этот раз за тонкой перегородкой — тихое, умиротворяющее, усыпляющее. Разговаривать совсем не хотелось. Тянуло уплыть в сон, такой же теплый и нежный, как тонкие руки Зейлы. Но Конан не мог разрешить себе успокоиться, пока остались непроясненными существенные моменты его будущей судьбы.

— Скажи-ка мне все-таки, что означает это самое Великое Воссоединение, о котором прожужжал мне все уши Жрец? — спросил он, поворачиваясь набок и высвобождаясь из рук девушки. — Кажется, оно должно произойти через три дня?

— Я не могу говорить об этом. Мне нельзя, — прошептала Зейла, снова потянувшись к нему, как ребенок, которого оторвали от матери.

— Что значит «нельзя»? Разве богине можно запретить хоть что-нибудь? Разве есть что-нибудь на свете, о чем нельзя знать Богу?... Либо же — я никакой не Бог, а ты не богиня, а этот старичок, перед которым вы все трепещете, устроил нечто вроде шутовского представления?..

— О, нет! И никакое это не представление! — воскликнула девушка, кажется, обидевшись за «старичка». — Это величайший ритуал, самый важный! Он совершается каждый год в день первого полнолуния после самого длинного летнего дня. Бог настоящий! И богини тоже.

— Раз в год? — переспросил Конан. — Значит, каждый год вам требуется новое божество, которого вам привозят

возобновлению игр, подобающую первую ночь гораздо больше. Конан лишь помотал головой прикосновений, и возобновлению игр, подобающую первую ночь гораздо больше.

— Нет, ты уж ответь мне. Ну. Куда деваются пленники, новых предателей? Вы приносите их к этой гигантской башни?..

— Нет-нет! Это не жертва. Ему рот пальчиками. — Не какое Воссоединение, а не жертва. говорить. Это таинство. Его великая Жрица, покидая для

— Ну ладно! Не очень-то Кромом! — вздохнул варвар. — за дело берется Великая Жрица. Недаром Чеймо так гнусно убит на острове мне не будет скучно. шой сюрприз! Ну ничего, боги не рали этого подлеца! Надеюсь, правильно распорядиться с его телом и предателем Елгу. А вот что

Конан на какое-то время его нельзя было назвать свежей. ни темнит девчонка, как ни странно. шить нехорошие подозрения, и бесхитростна, чтобы утаить

— Скажи мне еще такую только честно. Богиня ведь своему божественному супругу будь так, что проданному п

— И что случилось с теми, кто пробовал бежать? Воины закалывали их мечами?

— Нет, что ты! Ведь ритуал Великого Воссоединения должен был произойти, несмотря ни на что. Даже если пленник по глупости или по трусости не хочет принять уготованную ему величайшую честь воссоединиться с Богом, это ничего не меняет. Конечно, праздник теряет в своем великолепии, когда Воссоединение происходит со связанным либо напуганным до потери сознания, но все равно совершается то, что должно совершиться. Так было уже много веков, и так будет до тех пор, пока все мы не поднимемся по ступеням башни и не войдем в раскрытые двери неба! — Последние слова она произнесла с гордостью, невольно возвысив голос и приподнявшись с ложа.

Конан почувствовал, что нежную теплоту незаметно вытеснили из его груди досада и горечь. Какая она чужая, эта ласковая и милая девочка! Пусть она прижимается к нему и заглядывает в глаза, пусть она податлива и безудержна в ласках — все равно между ними пропасть, которую ему не перепрыгнуть. Если он задумает бежать отсюда — а он, конечно же, именно это и задумает! — она не станет ему помогать, о нет. Скорее, помчится ловить его, помогая невозмутимым, как статуи, и вышколенным, как охотничьи псы, воинам...

— Что-то я притомился сегодня, — пробормотал он, отворачиваясь от нее к стене и отодвигаясь. — Пора спать. Счастливых снов тебе, маленькая богиня...

— И тебе счастливых снов, — откликнулась она со вздохом, правда почти неслышным.

Пленник с виду казался таким неистовым и могучим, полным юных сил, а вот поди ж ты — первая ночь с молодой женой оказалась такой короткой... Первая и последняя ночь — ведь завтра наступит очередь одной из ее подружек!

Перед тем как окончательно погрузиться в сонное беспамятство, киммериец пробормотал что-то.

— Что ты сказал? — переспросила задремавшая было Зейла.

— Я говорю: никак не могу понять, как может быть такое... Юный и Вечный Бог, каждый год новый, которого закалывают, как теленка... И после этого, как уверял меня ваш старый жрец, он начинает швыряться молниями и повелевать морями...

— Этого никто не может понять, — сонно прошептала девушка. — Даже Великий Жрец, по-моему, этого не понимает. Одна только Великая Жрица...

* * *

Следующие два дня были посвящены утомительным и длинным ритуалам. Юный и Вечный Бог должен был пройти через процедуры омовения, очищения, благословения, благодарения, освящения плодородной почвы и еще один Митра знает чего. Конан хотел было воспротивиться сразу, лишь только после утренней трапезы на него стали напяливать огромный головной убор из ярких птичьих перьев, рыбьих костей и распорок из полированного дерева. Но Великий Жрец при всей почтительности был непреклонен, а бесстрашные воины не оставляли его ни на миг, придвигаясь в решительные моменты почти вплотную.

Вспомнив слова Зейлы, что ритуал должен произойти, несмотря ни на что, даже со связанным или бесчувственным телом пленника, киммериец решил не тратить попусту сил на бессмысленное в данной ситуации сопротивление. Вместо этого он приказал себе подмечать все вокруг, вслушиваться и всматриваться в происходящее, чтобы выработать план побега.

Он покорно облачался в самые немыслимые наряды, поднимал руки вслед за Великим Жрецом, обращаясь лицом к небу, произносил громкие ритуальные заклинания на незнакомом и, по-видимому, очень древнем языке. Все четыре его жены все время находились рядом, одетые и украшенные так же нелепо, и принимали активное участие в обрядах, заклинаниях и песнопениях.

Всю эту тягомотину скрашивали лишь обильные трапезы, еще более роскошные, чем в первый день, да долгие промежутки отдыха на мягких коврах у прохладных фон-

танов в обществе услужливых и любезных четырех красавиц. С каждым новым днем Конан и его свита поднимались еще на несколько десятков ступеней вверх. Чем выше и ближе к небу были обитатели — трапезные, бани, сады, спальни — тем более изысканным становилось их убранство, тем больше драгоценных камней украшало светильники, вазы и кубки, тем более дорогие ткани струились с плеч танцовщиц, музыкантов и прислужников.

На третий день они поднялись уже так высоко, что баркас, в обгорелом трюме которого прибыл сюда киммериец, казался маленькой щепкой, прибившейся к мрамору берега. Да и весь остров с его садами, шахтами, жилыми постройками и гаванью казался не более брошенной на светло-нефритовую гладь моря мохнатой шкуры с пятнами буйной зелени и проплешинами озер...

Все четыре жены проводили с Конаном время неразлучно с утра до позднего вечера, но на оставшуюся часть суток с ним неизменно оставалась одна лишь Зейла.

Во второй вечер, когда наступила знакомая многозначительная пауза, Конан заметил, как девушка, потупившись, хотела было незаметно выскользнуть из покоев. Сульфиды же, напротив, пересела к нему поближе и словно невзначай опустила на плечо ладонь. Конан покосился на нее с неудовольствием. Из них четверых она была самой красивой и статной, но тем не менее нравилась ему меньше всех. Несмотря на ночной разговор, разочаровавший и раздосадовавший его, киммерийца по-прежнему больше всех привлекала насмешливая Зейла. К тому же тревога и лихорадочный поиск способов побега, не оставлявшие его ни на миг, пригасили в нем всякое желание предаваться любовным безумствам. Хорош бы он был, развлекаясь с женщинами на краю жестокой и позорной гибели! Все равно, как если бы быку, ведомому на бойню, вздумалось порезвиться на зеленом лугу с коровой...

Рассудив, что лучше продолжить приручение явно влюбленной и уже сблизившейся с ним девушки, чем начинать все сначала с новой, без всякой надежды на успех, Конан снял с плеча назойливую ладонь (правда, пожав ее при этом,

ласково и поощрительно) и властным жестом остановил готовящуюся скромно улизнуть Зейлу.

— Разве я велел тебе уходить, малышка? — спросил он. — Что же ты за жена, если стремишься сбежать от мужа с наступлением ночи?..

— Но ведь... — Девушка смутилась до слез и покраснела. — Но ведь вчера...

— Вчера все было замечательно, и сегодня я жажду продолжить наши игры и наши беседы!

Сульфиды обратила на избранную счастливицу испепеляющий взгляд, отчего та сжалась, потеряв всю насмешливость и весь задор.

— Ты не понимаешь... — залепетала она. — Ведь у тебя четыре жены, а не одна... Я не могу больше... Нельзя...

— Когда божество слышит слово «нельзя», оно впадает в буйную ярость, — возразил киммериец с выразительной и грозной интонацией. — Я знать не знаю этого слова! Разве ты не жена мне? Разве я не могу остаться наедине с женой, и именно с той, с которой пожелаю, а не которую мне навяжет ритуал или Жрец?!..

Он разозлился не на шутку, и голос его загредел ненаигранно. Сульфиды поспешила подхватить под руки двух своих сестер по несчастью, и они вышли. Конану показалось, что, обернувшись напоследок к Зейле, она прошипела сквозь стиснутые зубы проклятие.

— Проклинай меня, красотка! — посоветовал он ей.

Но его она не удостоила ни жестом, ни взглядом.

Проклятие старшей подружки смутило девушку, но не надолго. Сознание того, что вновь она оказалась любимой женой Юного и Вечного Бога, наполнило ее бесхитростным ликованием, от которого ее милое лукавое личико еще больше похорошело.

Впрочем, счастливую избранницу поджидало разочарование: супруг ее уделил любовным утехам еще меньше времени, чем накануне. Не к ласкам, но к разговорам тянуло его больше всего. Да еще к таким разговорам, темы которых были для нее закрыты строжайшим, воспитанным с детства запретом. Вместо счастливого и бездумного упое-

ния получился тягостный, полный смятения и недомолвок, допрос.

На этот раз Конан решил выведать относительно собственной судьбы девушки, которая, как он имел все основания предполагать, значит для нее больше, чем судьба чужеземного пленника.

— Скажи-ка мне, моя милая, моя преданная Зейла, — начал он, ласково поглаживая ее спутанные волосы и машинально перебирая пальцами невидимые в темноте круглые жемчужины, — что происходит с женами божества после того, как он воссоединяется... где-то там? Что станет с тобой, когда минут обещанные мне жрецом четыре дня?..

— Как что? — удивилась она. — Жена должна быть вместе с мужем. Разве у вас, в вашей северной Киммерии, не так?

— Вместе с мужем? Ты хочешь сказать, что ты тоже... что тебя тоже постигнет участь жертвенного животного?! — Конан едва верил своим ушам, впрочем, по тону девушки чувствовалось, что шутить она не собирается.

— Ну зачем ты так говоришь?! (Киммериец почувствовал, как по худым, обнаженным плечам под его рукой прошла судорога.) Как можешь ты это сравнивать с закланием жертвенного животного?.. Ведь это же величайшее счастье, величайшая честь, которой только может удостоиться женщина нашего народа!..

— А с Сульфидой, Хайолой и Айшей будет то же самое? — спросил Конан, стараясь говорить спокойно, хотя спокойствие это давалось ему с трудом.

— С ними будет то же самое, ведь они тоже жены, как и я. Но только если ты их выберешь в оставшиеся дни. До сих пор ты выбирал одну лишь меня... Но еще есть время.

— Выбрал тебя! О, Кром! Ну это же надо!.. — воскликнул киммериец, не в силах больше сдерживаться. — Если б я знал, чем обернется для тебя этот выбор, я бы, подавив в себе отвращение, остался бы со злойкой Сульфидой. Из вас четверых ее мне меньше всего жалко.

— Ты оскорбляешь меня, киммериец! Разве я чем-нибудь заслужила это?! — В голосе девушки послышались слезы. Она приподнялась с ложа и гордо выпрямилась в темноте. — У тебя еще есть время остаться с Сульфидой! Ты волен выбрать всех четверых, волен трех, двух или только одну, но я не позволю тебе больше говорить о священных вещах в таком тоне! Да-да, не позволю! Если ты не сменишь тон на почтительный или вообще не умолкнешь, я уйду! Уйду, и оставайся тут в одиночестве!

По всему было видно, что девушка разгневалась не на шутку. Ее продолговатые глаза горели во тьме, как у дикой кошки, пальцы сжимались в кулачки и вновь разжимались. Озорной юный ребенок превратился в фурию.

Конану ничего не оставалось, как снова признать свое поражение в попытке добиться взаимопонимания. О, Кром! Видимо, он ничего не смыслит в женщинах. Возможно, пышногрудая и молчаливая Хайола или малютка Айша оказались бы понятливее и с ними удалось бы договориться. Его же угораздило выбрать безмозглую фанатичку (сходство с рыжей Карелой оказалось для него зловещим!), которая с восторгом относится к перспективе быть зарезанной на алтаре, подобно овце. Проклятие! Чтоб ему провалиться в пучины моря, этому острову!..

* * *

Утро третьего дня началось с подготовки к очередному ритуалу. Конана обрядили в высокий головной убор из ярко-алых перьев, плотно скрепленных одно с другим и перевитых бисером. На шею ему повесили массивную цепь из золотых дисков, а в правую руку вложили бронзовый посох с резным набалдашником в виде львиной головы с грозно распахнутой пастью.

— Кажется, сегодня устраивается что-то особенное! Неужели долгожданное соединение? — негромко спросил киммериец у Зейлы, улучив момент, когда она оказалась рядом.

Девушка, как и остальная троица жен, была обряжена пышнее и торжественнее обычного. Голову ее венчали пе-

рья страуса, а черные глаза были подведены углем до середины висков.

— Воссоединение произойдет завтра! — шепотом ответила она. — Это случается на четвертый день, а сегодня только третий! Сегодня будет очистительная жертва.

— И кому же повезет стать жертвой?

— А ты не догадываешься? Кого в день твоего приезда приговорил к смерти Великий Жрец?..

Конан, поглощенный последними событиями, забыл уже и думать о двух предателях, по чьей милости он оказался здесь. Известие, что сегодня он будет присутствовать при их казни (вполне ими заслуженной, разорви их Кром!), наполнило его самыми противоречивыми чувствами.

— Надеюсь, совершать это жертвоприношение придется не мне? — спросил он.

— О, нет. Тебе не полагается совершать никаких жертвоприношений. Это обязанность Великого Жреца.

— Вот и славно! А не мог бы я вообще сбежать от этого зрелища? Заняться чем-либо иным?.. — поинтересовался он с надеждой.

— Ни в коем случае! Великий Жрец не допустит этого. Но почему ты так говоришь? Разве тебе не хочется посмотреть, как будут умирать те, кого ты ненавидишь, кто обманул тебя? — удивилась девушка.

— Я не прочь взглянуть на их смерть, — честно ответил киммериец. — Я даже сам с удовольствием потешил бы свой меч, особенно о шкуру предателя Чеймо. Но не так! Да и смешно было бы мне торжествовать, глядя, как отправляются мои враги в мир Серых Равнин, если завтра меня ожидает то же самое...

Зейла лишь выразительно взглянула на него и глубоко вздохнула, показывая, что спорить с ним и пытаться втолковать истину абсолютно бесполезно.

Конан, его нарядные жены, Великий Жрец, неизменные воины, а также значительная часть народа, пребывающего в приподнято-праздничном настроении, поднялись на несколько десятков ступеней и заполнили небольшую площадь (в несколько раз меньшую, чем в основании пира-

миды). В трех или четырех верхних ступенях были сделаны округлые выемки, так что получилось нечто вроде ниши в верхней трети пирамиды, открытой со стороны фасада и замкнутой сверху и с боков. Посередине ниши находился темный четырехугольный камень в форме стола. Возле него под охраной шестерых воинов с обреченным видом стояли Чеймо и Елгу, видимо приведенные заранее.

Конана провели на возвышение, с которого он мог видеть все происходящее без каких-либо помех. Нежные жены выстроились за его плечами, дыша в затылок.

Великий Жрец, воздев ладони к небу, гортанным голосом произнес длинную молитву. Эхо, рожденное мраморными стенами и низким потолком, придавало ей грозную потустороннюю мощь. Конан не вслушивался, обуреваемый мрачными мыслями. Он уловил только, что Жрец за что-то благодарит Бога и что-то ему обещает, а также заверяет, что любимое божество не будет испытывать ни голода, ни жажды.

Затем в руках у него оказался короткий обоюдоострый бронзовый меч. Двое солдат резким движением швырнули на каменный пол несчастного Чеймо, так что раздался хруст костей, и крепко прижали его плечи.

Конана немало удивило, что хауранец, не отличавшийся, как известно, чрезмерной отвагой, не скулил, умоляя о пощаде, не размазывал по лицу слезы и сопли. Напротив, на губах его застыла улыбка, правда довольно бессмысленная. Такая же глуповато-довольная гримаса приклеилась и к лицу его напарника, терпеливо и недвижно дожидавшегося своей очереди.

— Ты не знаешь, чего они так скалятся? — тихо спросил киммериец, обернувшись к замершей за его плечом любимой жене.

— Они выпили напиток храбрости, — шепотом объяснила Зейла. — Они не соображают, где находятся и что с ними происходит. Им просто хорошо.

— О, это очень любезно с вашей стороны! — язвительно хмыкнул Конан. — Жертвенные животные не мычат и не

пытаются укусить, но лишь пускают розовые пузыри, как врожденные идиоты!

Архидалл приблизился к распластанной жертве и, занеся над головой бронзовый меч, что-то торжественно выкрикнул на незнакомом языке.

Движимый внезапным порывом, неожиданным для самого себя, Конан шагнул вперед и властно простер руку.

— А ну-ка, приостановись, Великий Жрец! Опустит, опусти оружие!

Потрясенный Жрец оглянулся на него и опустил меч. Впрочем, растерянность его была недолгой.

— Ты не можешь нарушать ритуал и приказывать мне! — с достоинством возразил он.

— Я хочу приказывать и буду тебе приказывать! — загремел в ответ киммериец. — Разве не ты называл меня Богом? Не меньше тебя я жажду смерти этих двух подлецов, но я хочу покарать их сам, своими руками. Я сойду с ними в честном поединке на мечах, лишь только кончится действие оупляющего зелья, которым вы опоили их!

— Ты не отдаешь отчет в своих словах, чужеземец! — ответил Жрец. — Да, я называл тебя Богом, Юным и Вечным Богом нашего народа, но я также тебе объяснил, что только после Великого Воссоединения ты обретишь право и способность повелевать и приказывать. Но не раньше того! Этот священный обряд произойдет завтра. Сегодня ты не вправе приказывать мне.

Архидалл вновь повернулся к распятому на камне Чеймо и занес жертвенный меч.

Но Конан не собирался сдаваться так легко.

— Да, я отлично помню твои слова, Великий Жрец! — крикнул он, перекрывая поднявшийся ропот толпы, возмущенной кощунственным нарушением ритуала. — Ты говорил, что я буду наказывать нечестивых, вызывать бури на море и поражать молниями. Так вот, запомни мои слова: завтра же, как только произойдет это самое Воссоединение, я найду страшную грозу на ваш жалкий клочок земли! И первая же молния поразит твою макушку. А если тебе этого окажется мало, я смою ваш островок в море. Он будет

навечно погребен под пенящимися валами. Ты слышишь меня, Жрец?! Если ты не послушаешься меня сейчас, завтра вы все провалитесь в пасть Нергала!..

Архидалл заколебался. Рука его с занесенным мечом вновь опустилась. Мучительное сомнение исказило благородные и строгие черты. Конан чувствовал, что еще миг — и бронзовый меч зазвенит о мрамор под его ногами.

Душевные муки Жреца яснее ясного показали, что он сам верит в тот бред, в котором убеждал киммерийца два дня назад. Верит в это несчастное Воссоединение, верит в то, что Конан каким-то образом сольется с Богом и обретет могущество Бога. Раз он так дрожит за будущее своей седовласой макушки, за благоденствие своего крошечного островка, окруженного морскими валами, значит, угрозы Конана угодили в цель.

Благодаря этому открытию, Конан почувствовал невольную симпатию к растерявшемуся старику. Выходит, он не лжец, но всего-навсего полоумный фанатик, с мозгами, отуманенными курением фимиама. Он готов был уже расхотаться с облегчением, празднуя свою маленькую победу, и сказать старику что-нибудь дружески-утешительное, как внезапно расстановка сил существенно изменилась.

В глубине ниши, в пяти шагах от жертвенного камня, что-то зашевелилось, и мраморная плита отошла в сторону, образовав прямоугольное отверстие, ведущее в недра башни. Высокая фигура, закутанная с ног до головы в белое, застыла в проеме, из которого дохнуло холодом и запахом плесени. В первый момент Конану показалось, что на свет выполз дух мертвеца, погребенного когда-то под плитами мрамора. Но шепот, пронесшийся по толпе: «Великая Жрица!.. Сама Жрица!..» — открыл ему, что сама таинственная обитательница пирамиды, не показывающаяся никому и никогда, соизволила прийти на помощь сконфуженному Архидаллу.

Лицо Великой Жрицы, как и все тело, было скрыто под белой тканью. Она стояла, не двигаясь, не выступая из каменного проема. Ни глаз ее, ни рук, ни волос не было видно. Один только голос. Но какой голос! Нечеловечески

сильный, холодный, как ветер на вершине горы, он словно сковал всех вокруг благоговейным ужасом.

— Делай свое дело, Архидалл! Не слушай пленного чужеземца, который сам не понимает, кому и чем грозит. Исполни свой долг, ибо иначе ты навеки покроешь себя позором!

Краска стыда залила породистое лицо Архидалла, оттенив седину волос. Он стиснул рукоять меча, размахнулся и точным ударом вонзил лезвие в левую сторону груди несчастного хауранца.

Несмотря на юность, Конан успел уже привыкнуть к виду крови и предсмертных судорог. Но на этот раз зрелище оказалось для него непосильным, и он отвернулся.

На том самом месте, где умирал, хрипя, истекая кровью и подергивая конечностями, предатель Чеймо, он видел себя самого, столь же жалкого, униженного, с разверстой грудью и бессмысленной улыбкой на холодеющих губах...

* * *

В последнюю ночь с молодой женой Конан вел себя, как мальчишка. Вспоминая позднее свои слова и поступки, он бледнел от стыда. Но это было так. Зрелище казни двух его врагов (которым он сам давно уже искренне желал смерти) так потрясло его, что он потерял контроль над собой.

— Послушай, девочка моя, глупая маленькая девочка, давай унесем с тобой отсюда ноги вместе! — горячо убеждал он Зейлу, сжимая ее в объятиях, перемежая отрывистые свои слова поцелуями. — Поверь, вдвоем мы справимся с этим! Твое знание местных обычаев и моя сила — этого будет достаточно! Главное, обмануть этих бронзовых болванов за дверью и как-нибудь ускользнуть отсюда... Наверное, мне придется переодеться и закутать чем-нибудь лицо... Сейчас ночь, мы кубарем скатимся с вашей лестницы и доберемся до гавани, а там — в баркас!.. У меня много друзей, Зейла! Ты не пропадешь... Клянусь тебе, я буду поддерживать тебя и помогать, если только мы выберемся отсюда!..

Девушка не отвечала ему, но лишь отворачивала лицо. Все доводы киммерийца разбивались об ее отчужденное

молчание. Наконец, видимо, устав от его уговоров, она не выдержала.

— Если ты не перестанешь говорить эти ужасные слова, я уйду! Мне даже слушать все это нельзя, не то что отвечать тебе. Ты можешь пытаться бежать, если в твоей большой груди крохотное сердечко курицы! Обряд будет совершен над твоим связанным телом, только и всего.

Ее презрительная интонация и особенно слова о «сердечке курицы» возымели на Конана действие, подобное холодному душу. Он словно очнулся.

— Уходи, — коротко и глухо сказал он ей. — В последнюю свою ночь я хочу побыть один.

Зейла молча оделась и выскользнула за дверь. Она не сказала ни слова на прощание, и в этом тоже было презрение.

Выждав немного, Конан также поднялся и вышел следом за ней. Стоило ему показаться в дверном проеме, ведущем в коридор, как дюжина воинов с блестящими щитами, стоявших в две шеренги вдоль стен, повернула в его сторону лица. Ни сна, ни дремоты, ни усталости не было в бесстрастных и жестких черных глазах. Лица охраны были так же свежи и непроницаемы, как их щиты.

Конан молча переводил взгляд с одного на другого. Те отвечали ему таким же молчанием. «Если ринуться вперед неожиданно и резко, можно будет выхватить меч у этого, самого ближайшего... — размышлял киммериец. — Всадить ему в горло... Эти проклятые длинные щиты!.. Он успеет прикрыться... Оглушить по голове лезвием... двух-трех можно вывести из строя, прежде чем набросятся остальные! Да нет, больше! Им ведь нельзя убивать меня... Они будут стремиться скрутить, но не убить...»

Поединок взглядов длился в напряженном молчании. Конан чувствовал, как по спине его волнами пробегает дрожь нетерпения. Нет, вырваться ему отсюда живым невозможно! Но он прикончит двух, трех, пятерых... И остальным поневоле придется всадить в него свои мечи... Живым он им не дастся! Он не позволит скрутить себя и бросить на жертвенный камень, словно телячью тушу... Если уж ему

суждено перебраться в мир Серых Равнин так рано, то уж по крайней мере вид смерти он выберет себе сам! «Сердечко курицы» — так она сказала?! Завтра эта дуручка запоет по-иному! Лишь только узнает...

Конан с трудом подавил в себе порыв броситься с яростным ревом на ближайшего к нему охранника и закончить свою молодую жизнь достойно, буйно и весело, как подобает киммерийскому воину. Его остановило соображение, что возможность погибнуть в схватке будет у него и завтра, она останется с ним до самого последнего момента, до жертвенного камня на вершине башни. Он успеет сокрушить пяток охранников, а может быть — если повезет — и Великого Жреца в придачу (хоть этот старик в чем-то ему симпатичен)! Это будет завтра. И это будет в том случае, если у него не останется ни одной, даже самой крохотной возможности совершить побег.

Развернувшись, так и не произнеся ни звука, Конан вернулся в свои покои. Завтра предстоит напряженный денек, поэтому нужно выспаться. «Сердечко курицы» — сказала она?.. Как бы не так! Люди с сердцами курицы вряд ли смогут заснуть, крепко и безмятежно, накануне собственной своей казни...

* * *

Наутро голова Конана была свежей, не обремененной ни страхами, ни сомнениями. Он готов был встретить свою судьбу, какова бы она ни была, и помериться с ней силами.

Привычные уже ритуалы омовения, очищения и облачения в священные одежды он перенес спокойно, без нетерпения и раздражения. На этот раз его наряд почти не отличался от вчерашнего, лишь на шею вместо цепи из золотых дисков была водружена цепь из незнакомого светлого металла, того же, из которого были отлиты щиты воинов. На лбу и на скулах тонкой кисточкой ему нанесли сложный узор из переплетения малиновых и золотистых линий.

На этот раз рядом с ним не оказалось его четырех жен. Одна лишь Зейла, нарядная, торжественная и разрисованная еще гуще, чем он, встретила его у подножия лестницы,

теперь уже совсем не длинной. Конану не особо хотелось разговаривать с ней, но все же он поинтересовался:

— А где остальные красавицы? Где Айша, Хайола и Сульфиды?..

Зейла покосилась на него холодно и презрительно и ответила, едва разжимая губы:

— Сульфиды не перенесли позора, ее больше нет, Айша и Хайола, должно быть, последуют за ней. Кому хочется нести на себе всю жизнь такое бремя?!

Конан опешил.

— Сульфиды покончила с собой?! Но кто опозорил ее?..

— И ты еще спрашиваешь?!

Взгляд, которым она смерила киммерийца, был полон праведного возмущения! Впрочем, оно не было вполне искренним: горделивая тайная радость, что именно она, и только она, оказалась истинной супругой божества, явственно читалась в нем.

Конан усмехнулся с горечью и покачал головой. (Красные перья на его макушке колыхнулись, как огромное опахало). На этот раз, как и следовало ожидать, Конан со всей своей свитой поднялись до самой вершины башни. Последняя площадка на ней была совсем небольшая, около двадцати локтей в поперечнике. Посередине стоял жертвенник, но меньших размеров, чем внизу, и не из камня, а из блестящего черного обсидиана. Очень острый и узкий нож из того же обсидиана лежал на нем.

Конан огляделся по сторонам. Небо с длинными перистыми облаками, похожими на шлейфы невидимых летающих существ, казалось совсем близким. Стоит ему подняться на цыпочки или подпрыгнуть, и верхушка алых перьев, водруженных ему на темя, зацепится за края белоснежно-прозрачных шлейфов, протащит их за собой...

Синяя морская гладь простиралась далеко-далеко. К северу у горизонта смутно вырисовывались очертания других островов, а на востоке проступало далекое гирканское побережье. Рыбачий баркас из Султанапура, плавучая тюрьма киммерийца, по-прежнему покачивался на волнах далеко внизу и казался меньше игрушечной детской лодочки.

Вдоль всей лестницы, от самого подножия до вершины, протянулись две шеренги солдат, неподвижно застывших, как металлические изваяния, нестерпимо блестящие в лучах восходящего солнца. Самые нижние фигурки казались крохотными каплями расплавленного червонного золота. Женщины, дети, старики и старухи — все население острова — торжественные и нарядные, столпились на нижней площадке для жертвоприношений, там, где накануне были народно лишены жизни Чеймо и Елгу. По-видимому, выше им подниматься было нельзя. Все они запрокидывали голову, стараясь как можно лучше разглядеть все детали будущего ритуала Великого Воссоединения.

Великий Жрец взял из рук одного из воинов хрустальный сосуд с желтоватой жидкостью и протянул его Конану.

— Ты должен выпить это!

Конану вспомнилось бессмысленно-радостное лицо Чеймо с розовой пеной на губах за несколько мгновений до смерти. Вспомнилось придурковатое хихиканье Елгу... Он отрицательно покачал головой и не принял сосуд.

— Ты должен выпить это! — еще настойчивей повторил Жрец. — Ты бестрепетно взошел по великой лестнице, ты не бледен и не чрезмерно красен, твое дыхание спокойно, а руки не дрожат. Ты хладнокровен и мужествен, киммериец, как и полагается божеству. Но все-таки выпей! Ритуал Великого Воссоединения совершается стоя. Воины не будут держать тебя. Чтобы до конца сохранить достоинство, подобающее Юному и Вечному Богу, ты должен укрепить свой дух напитком отваги.

Конан принял из рук Жреца сосуд, но не поднес к губам, а вылил золотистую жидкость себе под ноги.

— Я же сказал тебе, что не буду глотать твое отупляющее питье! — с усмешкой произнес он. — Обещаю, что твоим воинам не придется держать меня. Обещаю не выть, не валиться на колени и не вымаливать у тебя жизнь! Что же тебе еще?.. Или Юный и Вечный Бог должен обязательно улыбаться улыбкой врожденного идиота и пускать розовую пену?!

Архидалл смотрел на него какое-то время, нахмурившись и покусывая тонкие губы. Этот строптивый северный

варвар стремится во всем поступать по-своему! Он ведет себя, как дикий буйвол в храме. Он ломает и рушит все древние, освященные временем каноны! Пожалуй, в следующий раз надо будет проверять привезенных из-за моря пленников не только на наличие увечий и физических недостатков, но и на строптивость...

— Не ешь меня глазами, Жрец! — насмешливо воскликнул варвар. — Начинай скорее свой ритуал, пока солнце не достигло зенита. Я не люблю долго стоять на солнцепеке!

Архидалл, рассудив, что неразумно будет сейчас спорить и доводить дело до открытого конфликта, который грозит еще большим нарушением ритуала, грозит разбить вдребезги его торжественную красоту, миролюбиво кивнул головой.

— Хорошо. В таком случае, я полностью полагаюсь на твое мужество, киммериец. Что касается солнцепека, придется тебе потерпеть. Самая главная часть ритуала должна совершаться при высоком солнце!

Жрец взял из рук своего помощника еще один хрустальный сосуд с напитком отваги и протянул его Зейле. Девушка выпила золотистую отраву без единого слова, быстро и жадно, и облизала губы. Лицо ее сразу же порозовело, глаза заблестели ярко и бессмысленно, а рот приоткрылся с выражением расслабленности и блаженства. Покосившись на нее, Конан не удержался и сплюнул с горечью.

— Тебе стало совсем хорошо, не так ли, моя маленькая красавица? — спросил он.

Зейла повернулась к нему, но ничего не ответила, лишь засмеялась, встряхивая головой с тяжелым убором из перьев и звеня золотыми браслетами.

Великий Жрец вытянул вперед и вверх прямую и длинную, словно стрела, ладонь. По этому знаку загремела музыка. Она была такой неожиданной и громкой, что Конан невольно вздрогнул. Четверо музыкантов, до этого не замеченные им за спинами солдат, выступили вперед. Они дудели в длинные трубы, гудели в морские раковины, ударяли в блестящие медные диски. Пронзительные звуки, казалось, разрывали голубой шелк небес, чтобы разбудить к началу

великой церемонии верховное божество, если то еще не проснулось либо задремало ненароком.

Великий Жрец опустил руку, и музыка смолкла.

— О, Владыка, справедливый и милосердный! — громко произнес Архидалл, протянув ладони прямо к солнцу, почти достигшему уже высшей своей точки на небе. — Пусть свершится Великое Воссоединение! Пусть твой земной сын поднимется к тебе, напитав тебя священной кровью! Пусть он сольется с тобой! Пусть свершится ежегодный поворот колеса твоей сияющей колесницы, устремленной в вечность! Пусть Кровь претворится в Свет! Пусть Сердце поглотится Солнцем!

Конан ожидал, что после этих слов Жрец сожмет в ладони обсидиановое лезвие и приступит к самой существенной и конкретной части ритуала. Он подобрался и бросил украдкой взгляд за спину, соображая, на каком расстоянии от него находится ближайший воин с длинным щитом.

Но Великий Жрец еще не кончил словесную часть церемонии. Он снова вытянул руку, вызвав взрыв пронзительной музыки. Когда дудки, раковины и медные диски смолкли, он продолжал, глубоко и торжественно, вперив, не мигая, глаза в солнечный диск:

— О, Лучезарный Бог! Прими также юную и прекрасную супругу своего сына и свою супругу! Пусть ее кровь и ее сердце вольют в тебя новые силы! Пусть от вашего счастливого союза прольются на землю благодатные дожди! Пусть щедро возрастут на земле плоды — бесчисленные дети любви вашей!

Когда он смолк, Зейла в полном и самозабвенном восторге расхохоталась, обратив лицо вверх и захлопав в ладоши, словно трехлетняя девочка.

Конан опять напряг мышцы, приготовившись к быстрой и решительной схватке, но Архидалл все оттягивал самое главное действо. В третий раз загудели трубы и зазвенела медь. В центре площадки, в двух шагах от жертвенного камня, медленно приподнялась и отошла в сторону мраморная плита. Конан не слишком удивился, когда из темного прямоугольного провала поднялась высокая женщина в

таких же серебрящихся, что и у Жреца, ниспадающих одеждах.

На этот раз лицо Великой Жрицы было открыто, и Конан почувствовал укол разочарования: ничего особенного не было в облике этой таинственной женщины, которую никому не позволялось видеть и которая лишь раз в год покидала свою добровольную мраморную темницу. Кожа ее была очень бледная, с прозеленью, какой бывает стебель травы, выросшей без единого луча солнца. Черные распущенные волосы струились по плечам и спине, достигая коленей. Трудно было определить ее возраст: зеленоватая кожа была гладкой и матовой, в волосах не блестело ни одной седины, но темные, пристальные и немигающие глаза смотрели так, как смотрят много пережившие и уставшие от всего пережитого старухи. Черты лица были суховаты и породисты, как и у Великого Жреца, и у Конана мелькнула мысль, что она, должно быть, является его сестрой или другой близкой родственницей.

Киммериец приготовился, что сейчас Жрица раскроет свой бледный и тонкогубый рот, и раздастся тот ледяной и очень громкий голос, замораживающий кровь в жилах, которым она поразила и победила его накануне. Но Великая Жрица молчала. Она подошла к жертвенному камню и подняла лицо вверх, к пылающему в зените солнцу. Теперь они с Великим Жрецом стояли друг против друга, оба в белом, с запрокинутыми лицами и воздетыми ладонями. Оба они выдерживали яркий солнечный свет не мигая.

— Крохэм шозарай габулд! — произнес Архидалл, на этот раз негромко.

Великая Жрица опустила руки вдоль тела и потупила глаза. Лицо ее побледнело еще больше, губы сжались в тонкую ниточку. Она больше не казалась живым человеком, но — алебастровой статуей с наведенными углем ресницами и бровями.

Конан не сводил с нее глаз, ловя малейшее движение и стараясь не пропустить тот миг, когда нужно будет действовать решительно и стремительно. Но то, что последовало за ледяными мгновениями полного молчания, обескуражило и привело в смятение даже его. Длинные

черные волосы Жрицы стали подниматься вверх. Казалось, невидимые струи воздуха поддувают откуда-то снизу, от ее ступней, и под их напором воронье пряди взмывают вертикально. Еще это напоминало приступ сильного ужаса, сжимающего внутренности смертельного страха, от которого волосы встают дыбом. Впрочем, киммерийцу никогда не доводилось видеть, чтобы вздымались волосы такой длины и густоты...

Несмотря на выпитый ею напиток отваги, Зейла затряслась и тихонько заскулила. С лица ее сбежала блаженно-бессмысленная улыбка, а глаза выступили из орбит. Великий Жрец — хотя и наблюдал это зрелище, должно быть, не в первый раз, — побледнел. Кожа его приняла такой же зеленоватый оттенок, что и у закаменевшей сестры. Он судорожно сглотнул и плотнее сжал губы.

Поднявшиеся дыбом, вытянувшиеся вертикально вверх во всю свою немалую длину черные пряди превратили женщину в существо жуткое и фантастическое. Казалось, кончики ее волос тянутся, как черные водоросли, как длинная обгорелая трава, к лучам зенитного солнца, касаются этих лучей, соединяются, сцепляются с ними...

Она сама напоминала солнце, эта женщина, с белым, круглым, как диск, лицом, обрамленным растрепанными смоляными лучами, — зловещее солнце, неведомое солнце иных, подземных миров.

Великая Жрица медленно подняла веки и вперила в киммерийца немигающие черные глаза, горделиво-властные и безмерно усталые одновременно. Он выдержал ее взгляд. Он даже мельком подумал о чем-то похожем на жалость, что этой немолодой женщине, должно быть, очень сыро, темно и уныло под толщей мраморных плит, откуда она только раз в год ненадолго выползает, грея свои старые кости под полуденным солнцем...

— О, Пресветлый Владыка Мира! — в третий раз задрал подбородок в зенит Великий Жрец. — Пусть свершится Великое и Священное Воссоединение! Прими! Прими! Прими!

Великая Жрица протянула руку к рукояти обсидианового ножа. Но Конан на долю мгновения оказался быстрее.

Выхватив лезвие из-под ее длинных пальцев, он задумался — но всего лишь на миг! — а затем резко подался вперед и, сжав левой рукой пук вздыбленных черных волос над макушкой Жрицы, правой отсек их под корень одним движением.

Если бы киммерийца спросили, отчего ему пришло в голову сделать именно это, он не сумел бы ответить. Как не сумел бы объяснить и прочие свои действия и слова. У него не было времени размышлять и прикидывать.

Подняв над головой свой победный трофей, Конан заорал во всю мочь своих легких, обращаясь к застывшим солдатам и толпе внизу:

— Лучезарный Владыка Мира не желает совершать Великое Воссоединение! Он недоволен своими жрецами! Его тошнит от выжившей из ума старухи! Он повелел мне привести к нему новую Жрицу, которая была бы молода и прекрасна!

Конан совсем не вдумывался в то, о чем говорил, вернее кричал, громко и торжествующе. Его несло потоком бурного вдохновения. Отчего-то он чувствовал, неведомо какими путями, но чувствовал, что слова его абсолютно не важны. Он может нести полную бессмыслицу, но если он будет вещать достаточно громко, в одной руке сжимая пук черных волос и потрясая им из стороны в сторону, а другой указуя на солнечный диск, — то бессмыслица эта заворочит всех вокруг и пригвоздит к месту.

Он мельком оглянулся на Жрицу. С обрезанными на макушке волосами вид ее стал еще более жутким и нереальным. Оставшиеся слева и справа вздыбленные пряди напоминали не то два мохнатых рога надо лбом, не то растрепанные крылья. Демоница, да и только! Летучая нечисть, выползшая на свет из подземных обиталищ Нергала... Она раскрыла рот, но горло ее перехватило от гнева и потрясения, и вместо ледяного звучного голоса послышалось лишь слабое шипение.

Ну, нет, он не будет дожидаться, пока она прокашляется и завопит! Нужно все время говорить, вещать, кричать самому, не давая этой ошипанной демонице возможности

перекрыть его голос своим. Хорошо, что Великий Жрец тоже в шоке, из которого пока не выбрался...

Конан протянул руку Зейле, жестом приказывая ей следовать за ним. Но девушка, одурманенная и вконец ошеломленная, не двинулась с места и только глядела на него в упор, приоткрыв рот. Впрочем, киммериец и не надеялся, что ему удастся ее спасти. Силком же тащить ее с собой у него не было никакой возможности.

Продолжая торжественно вещать, сам не понимая что именно, и трести над головой черной гривой Жрицы, Конан развернулся и стал спускаться по лестнице. Больше всего на свете ему хотелось рвануться вперед и вниз что было сил, считая ступени ошалевшими от безудержного счастья побега пятками... но он знал, что давать волю своим ногам нельзя. Он знал, что Юному и Вечному Богу не подобает мелькать пятками, словно трусливому зайцу. Божество должно спускаться размеренно, излучая вокруг себя величавое спокойствие и достоинство. В бегущую его спину тотчас же вышедшие из зачарованного оцепенения солдаты вонзят мечи и стрелы...

Надо идти спокойно. Спокойно, уверенно и вольно. Надо постоянно вещать, властно и прямо глядя в лица воинов и женщин...

— Великий Владыка Мира покарает ваш остров! Он опустит его в морскую пучину, он разрушит его землетрясением, если вы не смените своих жрецов! Он повелел мне сказать вам все это! Я слышал его голос! Он повелел мне сказать, что гнев его не будет иметь пределов, если новые жрецы будут поклоняться ему по-старому, будут поить его свежей кровью, от которой его давным-давно тошнит!.. Владыка Мира повелел мне отправиться за море, чтобы привезти вам новых жрецов! Я спешу исполнить его повеление! Вашу старую Жрицу он повелел обрить налысо! Спешите же, спешите исполнить повеление Вечного и Юного Бога!..

* * *

Проклятая лестница была очень длинной. Казалось, она тянется от земли до самого неба.

Великий Жрец и Великая Жрица вышли из оцепенения почти сразу же, как наглое и уверенное лицо киммерийца перестало маячить у них перед глазами, а мощный голос — звенеть в ушах. Конана спасло лишь то, что простые люди — воины, их жены, члены их семей — отказывались повиноваться им, так как слова огромного и властного чужеземца, получившего повеления от самого Лучезарного Бога, парализовали их волю и способность трезво соображать.

Некоторые из воинов, выхватив из ножен бронзовые мечи, бросились исполнять приказ Божества относительно Великой Жрицы. Ей удалось спасти остатки своей шевелюры, лишь мгновенно, с неподобающей возрасту прытью шмыгнув в прямоугольный провал в башне. Мраморная плита за ней мгновенно задвинулась, и все усилия полдюжины мужчин, направленные на то, чтобы вновь ее сдвинуть, не привели ни к чему.

Великий Жрец, лишившись поддержки своей повелительницы и соратницы, остался один на один с возбужденной, гудящей, как растревоженный улей, толпой. Все величие слетело с него, белоснежная борода растрепалась, движения ладоней стали суетливыми. Не гордый владыка, но растерянный старик пытался убедить в чем-то взволнованных и шумных своих сограждан...

* * *

Не спеша отвязав от пристани баркас и подняв старый залатанный лоскут паруса, Конан позволил себе обернуться и бросить взгляд на взбудораженный им остров. К сожалению, жертвенная площадка была слишком высоко и далеко от берега, и он не мог рассмотреть отчетливо, что на ней творится. Ни серебристой фигуры Жреца, ни растрепанной демоницы среди беспорядочного мельтешения людских тел разобрать было невозможно.

Одно только было ясно: суматоху он там произвел внушительную...

Конан отвернулся от быстро удаляющегося острова Заре-моо и посмотрел вперед, по направлению своего пути. С ветром ему пока что везло. С погодой тоже. Свежий бриз тол-

кал легкое суденышко на юго-запад. Остается только надеяться, что штиль не захватит его внезапно посередине моря Вилайет, что подпорченный пожаром трюм не прохудится окончательно, что на дне кедровой бочки еще плещутся остатки воды, а в мешке завалилась пара сухих лепешек...

Осознав, что голове его уже давно неудобно и жарко, Конан стянул с макушки высокий и пышный убор из алых перьев неведомой ему птицы. Он повертел в руках, осматривая со всех сторон, громоздкое ритуальное сооружение. Интересно, можно ли будет подарить эту смешную штуковину Кареле?.. Пожалуй, не стоит. Строптивая девчонка только высмеет его с таким подарком. Лучше подарить этот трофей зеленым волнам за бортом!

Одно движение — и ворох красных перьев, перевитых малиновым бисером, закачался на воде. Та же судьба ожидала и длинные жесткие лохмы Жкрицы. Распавшись на тонкие пряди, они шевелились в волнах, словно скопище черных змей.

Если что и может понравиться Рыжему Ястребу, то только нож из обсидиана! Хорошо, что он не обронил его, спускаясь по бесконечной лестнице. Блестящее лезвие, черное, с зеленым отливом, кажется совсем новым, а между тем не одна сотня людских сердец, должно быть, вынута им из распахнутых и истекающих кровью грудных клеток. Горячих, еще трепещущих сердец — во славу Лучезарного Бога!.. Кареле лучше не знать об этом.

Красивая игрушка... И намного острее, чем лезвие из стали, серебра или бронзы. Пожалуй, даже кожаный доспех не устоит перед ним. Толстый пук волос был отхвачен им с такой легкостью, словно то были пожухлые стебли... Пусть только рыжая зеленоглазая ведьма посмеет придраться к чему-нибудь и взбрыкнуть, как в прошлый раз.

Кром свидетель — она пожалеет об этом!...

СОДЕРЖАНИЕ

О. Локнит

ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ

Глава первая	7
Глава вторая	23
Глава третья	39
Глава четвертая	55
Глава пятая	72
Глава шестая	89
Глава седьмая	105
Глава восьмая	122
Глава девятая	138
Глава десятая	155
Глава одиннадцатая	172
Глава двенадцатая	189
Глава тринадцатая	207
Глава четырнадцатая	225
Глава пятнадцатая	245
Глава шестнадцатая	263
Глава семнадцатая	284
Эпилог	303

Д. Мак-Грегор

ПОХИЩЕНИЕ АДВЕНТЫ

Пролог	317
Глава первая	322
Глава вторая	347
Глава третья	374
Глава четвертая	402
Д. Уолмер. Обсидиановый нож	427

Литературно-художественное издание

ОЛАФ ЛОКНИТ
ДУНКАН МАК-ГРЕГОР
ДАНИЕЛ УОЛМЕР

КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Верстка *Елена Посадова*
Технический редактор *Елена Шараева*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.05.97 г.
Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура "Школьная". Печать высокая с ФПФ.
Бумага типографская. Усл. п. л. 26,04. Тираж 18 000 экз.
Заказ № 2135.

Издательство "Северо-Запад". Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО "Харвест". Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.94.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством
диапозитивов.

«САГА О КОНАНЕ»

вышли следующие тома:

1. Конан и четыре стихии.
2. Конан и боги тьмы.
3. Конан и меч колдуна.
4. Конан бросает вызов.
5. Конан и повелители пещер.
6. Конан и песня снегов.
7. Конан и Небесная Секира.
8. Конан на Дороге Королей.
9. Конан принимает бой.
10. Конан и карусель богов.
11. Конан и дар Митры.
12. Конан и Ночные Клинки.
13. Конан и грот Дайомы.
14. Конан и Зеркало Грядущего.
15. Конан и Время Жалящих Стрел.
18. Конан и бич Нергала.
19. Конан и город плененных душ.
20. Конан и Источник Судеб.
21. Конан и Сердце Аримана.
22. Конан и Багровое Око.
23. Конан и призраки прошлого.
24. Конан и воинство мрака.
25. Конан, варвар из Киммерии.
26. Конан и Рыжий Ястреб.
28. Конан и заговор теней.
29. Конан и копье Крома.
30. Конан и врата вечности.
31. Конан и алмазный лабиринт.
32. Конан и расколотый цоко.
33. Конан и чаши бессмертия.
34. Конан и ледяной страж.
35. Конан и торговцы презами.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

продолжает конкурс

на лучший роман
в жанре

ФЭНТЕЗИ
И
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

С победителями будет заключен
долгосрочный контракт
и выплачена премия:

ПЕРВОЕ МЕСТО — 2000 \$

ВТОРОЕ МЕСТО — 1000 \$

ТРЕТЬЕ МЕСТО — 500 \$

**Минимальный объем рукописей
18 авторских листов.**

**Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.**

**Присылайте работы по адресу:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171**

**или по электронной почте:
sevzap@infopro.spb.su**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"SCIENCE FICTION"

ЗАХВАТЫВАЮЩУЮ
КОСМИЧЕСКУЮ
ЭПОПЕЮ

"ЯМАТО"

Гнев небес

•

Звездные
самураи

КЕН
КАИ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы о серии

„САГА О КОНАНЕ„

ПО АДРЕСУ:

197110

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А/Я 171

или по электронной почте:

sevzap @ infopro. spb. su

